

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XV, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ө. И. Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» и ученыхъ трудахъ. Дѣяств. члена А. С. Архангельскаго.	361—435.	ства Археологii. Исторii и Этнографii за 1898 годъ, составленный секретаремъ Общества Н. М. Петровскимъ.	1—15.
Протоколы Общихъ Собраній Общества Археологii, Исторii и Этнографii за 1895—1897 годы.	436—485.	Списокъ членовъ Общества.	16—23.
Приложенія. Отчетъ Обще-		Списокъ должностныхъ лицъ Общества.	24.
		Объявленія.	

1018

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.

1899.

Вышелъ 1 июля.

^Δ
PSCar 384.40 (XV, 4-6),
✓

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологін, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. секретаря Общества *Н. Петровскій*.

О. И. Буслевъ

въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и ученыхъ трудахъ ¹⁾.

Въ своемъ настоящемъ очеркѣ,—который долженъ былъ бы быть прочитанъ здѣсь почти годъ тому назадъ,—я имѣю въ виду еще разъ возобновить передъ вами личность и характеръ ученыхъ трудовъ одного изъ величайшихъ нашихъ научныхъ дѣятелей послѣдняго времени... На ряду съ очень и очень многими другими,—я имѣлъ счастье за послѣднія 15—20 лѣтъ быть лично извѣстнымъ Федору Ивановичу Буслеву,—получать отъ него письма, научныя указанія, совѣты. Своимъ сердечнымъ радушіемъ, всегда неизмѣннымъ и теплымъ участіемъ знаменитый ученый одинаково дарилъ всѣхъ, кого сводила съ нимъ судьба. Для каждаго, обращавшагося къ нему, Федоръ Ивановичъ былъ олицетворенное радушіе, олицетворенная любовь,—и каждаго встрѣчалъ съ полной и горячей готовностью помочь, сдѣлать добро, насколько это отъ него зависѣло... Съ чувствомъ глубокой и безпредѣльной благодарности „вспоминая“ теперь о почившемъ,—не только какъ о великомъ ученомъ, но и какъ о добромъ, любящемъ человѣкѣ,—я хочу воспользоваться для этого отчасти его же собственными „воспоминаніями“, хочу набросать передъ вами

¹⁾ Въ извлеченіи читано въ одномъ изъ общихъ собраній 0—ва археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ.

ту семейную обстановку и „школу“ (принимая послѣднее слово въ широкомъ смыслѣ), которыя выработали намъ знаменитаго нашего ученаго и затѣмъ—сжатымъ очеркомъ научныхъ трудовъ почившаго ученаго, особенно очеркомъ его воззрѣній въ области народной поэзіи—еще разъ напомнить главнѣйшія стороны его ученой дѣятельности. Если послѣдняя введетъ насъ въ самый центръ нашей науки съ 40-хъ гг.,—то первая дадутъ цѣлый рядъ яркихъ картинъ быта и всей той духовной атмосферы, которою дышалъ въ дѣтствѣ и ранней юности будущій знаменитый ученый...

Сынъ маленькаго уѣзднаго чиновника, Ѳ. И—чь родился въ апрѣлѣ 1818 года, въ Керенскѣ, въ захолустномъ уѣздномъ городѣ Пензенской губерніи. Его мать вышла замужъ 14-ти лѣтъ; ей исполнилось лишь 16-ть лѣтъ, когда у нея родился сынъ Ѳедоръ, будущій великій ученый... Ребенку было 5 лѣтъ, когда скончался его отецъ, и мать переселилась въ Пензу. Мать Ѳ. И—ча имѣла маленькія средства, и они вполне обеспечивали ея существованіе; они позволили ей даже купить въ Пензѣ собственный домикъ... Здѣсь, въ Пензѣ, протекли дѣтскіе и самые ранніе юношескіе годы Ѳ. И—ча.

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Ѳ. И. живо рисуетъ передъ нами ту обстановку—и матеріальную и духовную—въ которой онъ жилъ въ Пензѣ съ своей „матушкой“... „Передняя часть дома—разсказываетъ онъ—состояла изъ залы и гостиной, которая для насъ съ матушкой была вмѣстѣ и кабинетомъ, гдѣ мы оба читали какую нибудь книгу или я училъ уроки, а она что нибудь работала. Въ то время бумажныхъ обоевъ еще не было въ употребленіи, и стѣны этой комнаты были покрыты темнолазуревой краской, а бѣлый потолокъ разрисованъ гирляндами и букетами изъ тюльпановъ, розъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ. У стѣны, отдѣляющей гостиную отъ залы, стоялъ диванъ, а передъ нимъ круглый столъ. Надъ диваномъ висѣли

въ рамкахъ подъ стекломъ двѣ небольшія гравюры, одна подъ другой. Верхняя, поменьше, должна была изображать Наполеона I на островѣ св. Елены... Нижняя гравюра была побольше и значительно длиннѣе въ ширину; на ней въ трехъ кругахъ было изображено по портрету: на одной сторонѣ поясной портретъ императора Николая Павловича, на другой — императрицы Александры Θεодоровны, а между ними въ серединѣ — цесаревича наследника Александра Николаевича, лѣтъ семи отъ роду, въ курточкѣ и съ отложнымъ и очень широкимъ полотнянымъ воротничкомъ. Отъ матушки я уже зналъ тогда, что онъ мнѣ ровесникъ, что родился въ томъ же году и въ томъ же мѣсяцѣ, какъ и я, только четырьмя днями моложе меня. „Гляди на него, мой дружокъ (она любила называть меня такъ): онъ будетъ твоимъ царемъ“... Особенно помнится мнѣ угольное окно нашей гостиной. Подолгу сидели мы у него съ матушкой другъ противъ друга. Она повѣряла мнѣ свои заботы и планы, свои надежды и опасенія, свои горькія печали и немногія радости, которыя рѣдко выпадали на ея долю послѣ того, какъ она лишилась моего отца. Эти дружескія бесѣды сливаются въ моихъ воспоминаніяхъ съ широкою панорамой, которая изъ окна передъ нами разстилалась“...

Уже изъ этихъ словъ мы видимъ, какая тѣсная связь сразу установилась между ребенкомъ и его матерью. „Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя чувствовать — замѣчаетъ Ө. И. въ другомъ мѣстѣ своихъ „Воспоминаній“ — мы жили съ ней одною жизнью, совокупно радовались однѣми и тѣми же радостями, горевали въ однѣхъ и тѣхъ же печаляхъ, однообразно проводили день за днемъ въ тѣхъ же привычкахъ“. Мать Ө. И. — ча, повидимому, была замѣчательною женщиной, — объ этомъ мы можемъ судить не только по тѣмъ чувствамъ, вполне естественнымъ, которыя выражаетъ въ ней въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ ея сынъ, но и по ея дѣйствіямъ, о которыхъ онъ рассказываетъ... Какъ мы уже замѣчали, 14-ти лѣтъ она была

уже замужемъ. По словамъ сына, здоровья она была необыкновенно крѣпкаго, „гигантскаго и неизносімаго“, какъ она выражалась сама о себѣ. Съ крѣпкимъ физическимъ здоровьемемъ въ ней соединялась нравственная стойкость и любовь къ людямъ; она любила ухаживать за опасно больными, безъ сна проводить у ихъ изголовья цѣлыя ночи, поворачивать и поднимать ихъ“... Изъ „Воспоминаній“ Ѳ. И-ча мы видимъ, что она отличалась по своему времени значительнымъ образованіемъ,—любила чтеніе, сама читала, заставляла себѣ читать и сына. Въ домѣ имѣлась собственная маленькая бібліотечка, доставшаяся матери Ѳ. И. еще отъ отца, отчасти отъ мужа, которая время отъ времени пополнялась. При значительномъ по своему времени образованіи, мать Ѳ. И. обладала яснымъ, здравымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Ко всему этому присоединялась искренняя религіозность. Въ день Пасхи, послѣ обѣдни, она обыкновенно прежде всего шла въ острогъ христосоваться съ колодниками и одѣлать ихъ кусками булича и пасхи,—причемъ непременно христосовалась со всѣми безъ исключенія, даже съ людьми больными, помѣшанными, „твердо вѣруя и надѣясь, что благовѣстіе о воскресеніи Христа должно и въ этихъ несчастныхъ воскресить остоленѣлыя ихъ мысли и просвѣтитъ помершій разсудокъ“...

Семейная обстановка Ѳ. И—ча рано омрачалась однимъ обстоятельствомъ: вскорѣ по переселеніи въ Пензу, его мать вторично вышла замужъ... По ея собственнымъ словамъ, это былъ „безразсудный“ поступокъ. Второй мужъ не только пьянствовалъ, пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ, но и въ конецъ разорилъ маленькое состояніе жены. „Ничто такъ не скрѣпляетъ дружбу, замѣчаетъ сынъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, какъ страданія вдвоемъ, и въ это скорбное, безнадежное время я сталъ для матушки не только горячо любящимъ сыномъ, но и задушевнымъ, искреннимъ другомъ, съ которымъ она вмѣстѣ страдала и проливала горькія слезы. Несчастіе сильно способствуетъ развитію дѣтей. Будучи только двѣнадцати лѣтъ, я уже чув-

ствовавъ и поступаю, какъ взрослый, когда дѣло касалось моей злополучной матери... Однажды, вспоминаетъ Ө. И.—чь, зимою 1829 или 1830 гг., вотчимъ пропадаю безъ вѣсти недѣли двѣ, если не больше. Въ это время матушка родила мнѣ сестрицу Надю. Дѣвочка была хворенькая; ее надобно было поскорѣе крестить; я былъ ея крестнымъ отцомъ. Къ вечеру она скончалась, а на другой день вмѣстѣ съ моей нянькой мы повезли ее хоронить на кладбищѣ у той церкви Всѣхъ Святыхъ, что виднѣлась изъ окна нашей гостиной. Живо помню, какъ мы съ нянькой проѣзжали далекую снѣжную равнину по ухабистой дорогѣ, старательно придерживая на колѣняхъ маленькій гробикъ, чтобы онъ при ухабѣ какъ нибудь не выскользнулъ изъ нашихъ рукъ“... Вотчимъ умеръ во время свирѣпствовавшей въ Пензѣ въ 1830 году холеры,— за четыре года до окончанія пасынкомъ курса въ гимназіи... Ө. И. живо вспоминаетъ это событіе: „Однажды привезли его къ намъ, зараженнаго холерой.. Онъ едва держался на ногахъ... Цѣлыя трое сутокъ тянулась агонія умирающаго, и матушка ухаживала за нимъ безъ посторонней помощи; никто изъ дворовыхъ не осмѣливался ступить ногою въ зараженные комнаты, и если ей что нужно было вынести или что взять, она выходила на заднюю галерею и подзывала къ себѣ кого нибудь изъ прислуги. Подробностей о томъ, какъ она проводила эти дни и ночи, я отъ нея никогда не слыхалъ, и рѣшительно не могу представить себѣ, какъ доставало ей силъ выносить страшное зрѣлище отвратительныхъ вѣрчъ, обыкновенно сопровождающихъ эту моровую язву, и нестерпимое зловоніе заразительныхъ изверженій. Она покорно и твердо исполняла свой долгъ, и во-время успѣла пригласить священника для напутствованія Святыми Дарами умирающаго, который внушалъ ей теперь только милосердіе и состраданіе“... Семья находилась въ это время уже въ крайней бѣдности; только особая разсудительность и бережливость матери могла спасти отъ совершенной нищеты; тѣмъ не менѣе теперь семья вздохнула свободно...

Школьное учение Θ . И—ча началось рано, сначала в одной частной школѣ для дѣвочекъ, куда по знакомству поспѣшила пристроить его мать, и гдѣ среди дѣтей-дѣвочекъ онъ былъ почетнымъ исключеніемъ. 10-ти лѣтъ мать включила его въ 1-й классъ мѣстной классической гимназіи.

Гимназическій курсъ продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ, съ тремя уроками въ день, по два часа на каждый урокъ, всего шесть часовъ (два урока до обѣда, съ 8-ми часовъ утра до 12-ти, и одинъ послѣ обѣда, съ 2-хъ до 4-хъ). Курсъ этотъ Θ . И. окончилъ 15-ти лѣтъ, въ 1833 году. Такъ какъ въ Университетъ нельзя было поступить раньше 16-ти лѣтъ, то юношѣ пришлось цѣлый годъ пробывать дома, что впрочемъ было для него не бесполезно, давъ ему возможность пополнить „пробѣлы гимназическаго обученія“ ¹⁾.

Пробѣлы были не малые... Θ . И—чь въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ даетъ яркую картину порядковъ, которые господствовали въ то блаженное время въ гимназіяхъ...

„Большую часть времени, рассказываетъ онъ, мы проводили въ гимназіи сами по себѣ, такъ сказать, по методу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководствованія и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же чтонибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія. Между тѣмъ учителя

¹⁾ Успѣхи будущаго ученаго въ гимназіи были средніе. Въ дѣлахъ архива 1-й Пензенской классической гимназіи, въ которой учился Θ . И. Буслаевъ, намъ встрѣтились «Вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ Пензенской гимназіи» за 1828—1829 уч. г.,—и здѣсь, въ графѣ успѣховъ и поведенія ученика 1-го класса Θ е д о р а Б у с л а е в а, находимъ

За ноябрь 1823 года: успѣхи—2, повед. 4.

За декабрь 1823 года: успѣхи 3; повед. 4.

За февраль 1829 года: успѣхи 3; повед. 4.

Въ общей вѣдомости за 1828—1829 г.: успѣхи 3 (переправлено въ 2), повед. 4.

За мартъ 1829 г.: успѣхи 3; повед. 4.

За апрѣль 1829 г.: успѣхи 2; повед. 4. Высшей отмѣткой было тогда 4

ходили взадъ и впередъ по классу и разговаривали между собой, всегда двое: въ нижнемъ этажѣ—учителя перваго и втораго классовъ, а въ верхнемъ—третьяго и четвертаго; внизу обыкновенно избирался для прогуливанія второй классъ, а въ верхнемъ—четвертый... Рѣшительно не понимаю, какъ могло случаться, что директоръ, являясь въ гимназію, ни разу не заставлялъ насъ врасплохъ. Только что появится онъ у насъ передъ окнами, тотчасъ же по классамъ разносится осторожный шопотъ: „Григорій Абрамовичъ! Григорій Абрамовичъ!“ Учителя опрометью спѣшатъ каждый на свое мѣсто, ученики наскоро убираютъ со столовъ всякій свой хламъ и чинно усаживаются, настороживъ глаза и уши. Директоръ, разумѣется, находитъ все въ надлежащемъ порядкѣ, послушаетъ немножко учителя, у кого нибудь заглянетъ въ книгу или въ тетрадку, одного погладитъ по головѣ, а другому для острастки дастъ выговоръ. Тѣмъ дѣло и кончалось. Директоръ уходитъ, и мы, ученики и учителя, опять принимаемся за свое“... Были и исключенія: Ө. И. съ благодарностью вспоминаетъ о двухъ-трехъ своихъ преподавателяхъ, которые слѣдили за дѣломъ, и вообще приносили своимъ ученикамъ пользу... Впрочемъ, дальнѣйшій собственный рассказъ Ө. И. значительно видоизмѣняетъ сейчасъ нарисованную картину. Несмотря на хожденіе большинства учителей „взадъ и впередъ“ безъ дѣла,—ученіе все таки шло своимъ порядкомъ, и ученики кое чему научались. „Двухчасовой урокъ, замѣчаетъ Буслаевъ, давалъ много простора практическимъ упражненіямъ. Въ классахъ французскаго и нѣмецкаго языковъ мы сидѣли больше съ перомъ въ рукѣ, нежели за книгой: то писали подъ диктантъ, то списывали изъ христоматіи, то переводили на русскій языкъ. Учитель латинскаго языка прочитывалъ съ грамматическимъ разборомъ нѣсколько строкъ изъ Корнелія Непота или изъ Саллюстія, и сначала мы переводили на словахъ, а вслѣдъ за тѣмъ тутъ же въ классѣ письменно, и такимъ образомъ вполне облегчалось намъ приготовленіе заданнаго урока. По латыни мы не шли дальше этихъ двухъ писателей. Учителя исторіи и сло-

вности также упражняли насъ постоянно въ практическихъ занятіяхъ. Въ урокахъ Знаменскаго (не помню его имени и отчества) мы успѣли прочесть нѣсколько томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* Карамзина: иногда онъ самъ читалъ, но обыкновенно—ктонибудь изъ учениковъ, а другіе слушали. Въмѣсто исторіи русской словесности, которой впрочемъ тогда вовсе и не существовало въ ученой литературѣ, Евтроповъ читалъ съ нами самъ, или заставлялъ читать когонибудь изъ насъ, произведенія писателей, какъ старинныхъ, напримѣръ, Ломоносова, Державина, Фонвизина, такъ и особенно новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковский, Пушкинъ; очень любили мы и нашъ учитель повѣсти Бестужева (Марлинскаго) за игривость и бойкость слога, испещреннаго цвѣтистыми украшеніями, которыя тогда вовсе не казались намъ вычурными. На гимназической же скамьѣ узнали мы въ первый разъ и Гоголя по его *Вечерамъ на хуторѣ*... Несмотря на хожденіе „взадъ и впередъ“, учителя все же нерѣдко успѣвали сдѣлать такъ, что ученики учили свои уроки въ самой гимназіи, во время самыхъ уроковъ. „Система гимназическаго обученія, замѣчаетъ Ѳ. И.,—согласовалась съ продолжительностью двухъкласснаго урока. Учителю предоставлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе каждаго параграфа въ руководствѣ и заставлялъ учениковъ по нѣскольку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что отъ многократнаго повторенія заданный урокъ былъ уже готовъ къ слѣдующему классу безъ затверживанія его на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ классахъ математики, логики и риторики. Очень хорошо помню, что мнѣ никогда не приходилось дома готовиться къ урокамъ алгебры и геометріи, и я былъ изъ лучшихъ учениковъ“... Особенно помогало чтеніе, которое поощрялось учителями, и среди учениковъ не только была развита любовь къ чтенію, но и любовь къ книжкѣ... „Въ ту пору—вспоминаетъ Ѳ. И.—господствовалъ очень хорошій обычай, вызванный и поддерживаемый условіями времени, который много способствовалъ укрѣпленію насъ въ правописаніи и давалъ обильный

матеріаль для выработки нашей рѣчи и слога. Книги были тогда рѣдкостью; онѣ были на перечесть; книжной лавки въ Пензѣ не находилось, а когда достанешь у когонибудь желаемую книгу, дорожишь ею, какъ диковинкою, и передъ тѣмъ, какъ воротить ее назадъ, непременно для себя сдѣлаешь изъ нея нѣсколько выписокъ, а иногда перепишешь и цѣлую повѣсть или поэму въ стихахъ, не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ мы составляли въ своихъ тетрадкахъ, въ восьмую долю листа, цѣлые сборники. Такимъ образомъ у каждаго изъ насъ была своя рукописная библиотечка“...

Несмотря на всѣ недостатки, гимназія оказывала на своихъ питомцевъ не только образовательное, но и высокое нравственное вліяніе. „И какъ же мы любили свою милую гимназію!“ вспоминаетъ ученый. „Въ „неурочное“ время, то есть, когда не сидѣли мы смиренно на скамьяхъ передъ учителемъ, считали мы ее своею собственностью, которую никто и не думалъ отнимать у насъ, потому что тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Было только всего два служителя изъ солдатъ, по одному на каждый этажъ, но это были свои люди, они намъ мирволили, хорошо разумѣя, въ простотѣ сердца, что „вольному воля“: пускай, дескать, ребята тѣшатся. Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя походы“...

Чтеніе вообще довольно рано стало весьма значительнымъ факторомъ въ образованіи Буслаева. Оно поощрялось не только самой гимназіей, вліяніемъ товарищей, но еще болѣе поощрялось вліяніемъ матери. Мы уже замѣчали, что у Буслаевыхъ дома имѣлась своя небольшая библиотечка, доставшаяся матери частью отъ отца, частью отъ перваго мужа; библиотечка пополнялась изрѣдка новыми изданіями, и вообще не оставалась мертвымъ капиталомъ. И мать и сынъ любили читать. Составъ библиотеки былъ, конечно, самый разнокали-

берный. Здѣсь были и *Сонникъ* и *Книга Соломона* и *Пѣсенникъ*,—рядомъ съ *Уложениемъ* царя Алексѣя Михайловича и *Наказомъ* Екатерины; были книги такія, какъ балагурная повѣсть *Не любо не слушай, а мать не мѣшай*, или трогательный романъ *Англійскій милордъ Георгъ*,—и рядомъ съ нимъ *Потерянный рай* Мильтона, *Четыре времени года* Томсона; здѣсь же были и совсѣмъ современные, совсѣмъ либеральные тогда альманахи *Полярной Звѣзды*... Въ домѣ находились собственно двѣ библіотеки, владѣніе которыми строго разграничивалось: матери и сына. Библіотека сына хранилась лично у него и состояла бѣльшею частью, по заведенному между гимназистами обычаю, въ рукописныхъ копіяхъ съ печатныхъ повѣстей и стихотвореній. Были, впрочемъ, и печатныя брошюры,—произведенія тогдашней дѣшевой лубочной литературы, которая единственно и была доступна карману владѣтеля, денежные средства котораго ограничивались чаще всего только тѣми гривенниками и двугривенными, которые изрѣдка давала ему мать, поощряя въ сынѣ любовь къ книгамъ. Когда владѣтель библіотеки былъ уже въ послѣднихъ классахъ гимназіи, у него явился для библіотеки новый источникъ дохода,—урокъ, который давалъ цѣлыхъ 3 рубля съ полтиной по нынѣшнему въ мѣсяцъ; деньги эти собственно сполна отдавались матери и шли на хозяйство, но каждый разъ, получая деньги, мать давала сыну сдачи по лишнему гривеннику или двугривенному, которые собственно уже и шли на пополненіе библіотеки. Библіотека сына помѣщалась на полкѣ, прилаженной къ стѣнѣ, въ дѣтской. Что касается до библіотеки матери, то ея книги хранились въ длинномъ ящикѣ, вышиною четверти въ двѣ, называвшемся „укладкою“, который всегда стоялъ подъ вродатью... „Вмѣсто полокъ держать домашнюю библіотеку въ сундукѣ нѣкогда было въ обычаѣ не только у насъ, но и на Западѣ, замѣчаетъ по этому поводу Буслаевъ,—какъ привелось мнѣ видѣть въ кабинетѣ нѣкоего ученаго мужа, относящемся къ XVI вѣку, а теперь перенесенномъ сполна изъ какого-то монастыря въ Зальцбургскій историческій музей. Мнѣ припомнилась тогда матушкина укладка“...

Мальчика окружала вообще здоровая умственная атмосфера, въ которой живо чувствовался не только интересъ къ книгѣ, но любовь къ ней, какъ къ предмету весьма важному и существенному... Вліяніе матери сказывалось здѣсь самымъ рѣшительнымъ и благотворнымъ образомъ. „Послѣ Ясона Петровича Евтропова (учителя словесности), матушка была для меня главною воспитательницею и наставницею въ литературѣ, замѣчаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ сынъ. Большую часть поэтическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ мы читали съ нею вмѣстѣ, попеременно: то она, то я. Матушка особенно любила слушать мое чтеніе, сидя рядомъ со мною за рукодѣльемъ. Хотя и увлекалась она сентиментальностями XVIII вѣка, во вкусѣ Ж. Ж. Руссо, Карамзина или кн. Долгорукова, но отдавала рѣшительное предпочтеніе новымъ вѣяніямъ романтизма въ произведеніяхъ Жуковскаго, и многія изъ его балладъ знала наизусть и любила ихъ декламировать. Изъ сентиментальныхъ произведеній самою избранною, самою любимою ея книгою, которой никогда не могла начитаться досыта, было собраніе стихотвореній кн. Долгорукова, подъ чувствительнымъ заглавіемъ: *Бытіе моего сердца*. Изъ позднѣйшей литературы матушка особенно любила Жуковскаго. Кромѣ балладъ, мы читали съ ней *Двадцать спящихъ днѣв*, *Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ*, но съ особеннымъ умиленіемъ до слезъ—*Сельское кладбище* Грея. Такое же умиленное чтеніе предлагалъ намъ Батюшковъ въ своемъ *Умирающемъ Тассѣ*, а Козловъ—въ *Чернецѣ* и въ *Княгинѣ Натальѣ Доморужской*. Обильную поживу для пріятнаго и полезнаго чтенія предлагали намъ выходившіе тогда ежегодно литературные сборники подъ названіемъ альманаховъ, а изъ нихъ особенно *Полярная Звѣзда*. У матушки было два этихъ альманаха. Тотъ и другой я давалъ списывать товарищамъ для ихъ рукописныхъ библіотекъ... Въ этихъ двухъ „Полярныхъ Звѣздахъ“ я находилъ образчики всего лучшаго, что создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ на стра-

ницах именно этих сборников: и стихотворения Пушкина и басни Крылова и, помнится, Жуковского — отрывокъ изъ перевода *Орлеанской дѣвы*, а также и критическія обзорѣнія литературы, кажется, Бестужева, и многое другое. Это была для меня неподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная, и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ для моего нравственнаго совершенствованія "... Вспоминая о разнообразномъ матеріалѣ первоначальнаго чтенія, своего собственнаго и товарищей, авторъ замѣчаетъ между прочимъ: „Почитаю нелишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе, чтобы предупредить недоразумѣніе, которое, можетъ быть, пришло вамъ теперь въ голову: какъ позволялось и допускалось тогда, въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, распространеніе изданій декабристовъ въ читающей публикѣ и даже между гимназистами. Вы еще болѣе удивитесь, когда я скажу вамъ, что въ стѣнахъ самой гимназіи мы читали *Войнаровскаго* и *Думы* Рылѣева и переписывали нѣкоторые изъ нихъ въ тетрадки для своихъ рукописныхъ собраній. При современномъ порядкѣ вещей, въ концѣ XIX ст., конечно, очень трудно, почти невозможно представить себѣ многое изъ того, какъ жило, думалось и чувствовалось въ тѣ старинныя времена и въ обстановкѣ провинціальной глуши, куда я переношу васъ своими воспоминаніями. Тогда никому и въ голову не приходило соединять преступныя дѣянія декабристовъ съ ихъ невинными литературными произведеніями, и еще тѣмъ болѣе съ таинными изданіями ихъ, какъ книжки „Полярной Звѣзды“, въ которыхъ печатали свои новыя произведенія самые благонамѣренныя и безукоризненныя въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ писатели, какъ Жуковскій, Крыловъ и многіе другіе. Скажу вамъ еще вотъ что. Читая и переписывая *Думы* Рылѣева, мы, гимназисты, вовсе и не воображали, что Рылѣевъ — государственный преступникъ, и знать не знали, что онъ былъ казненъ. Напротивъ, онъ казался намъ добрымъ патриотомъ“ ...

Сама же мать подарила въ бібліотечку сына и два величайшихъ произведенія нашей тогдашней литературы, изъ которыхъ одно было запретнымъ: экземпляръ только что начавшаго выходить тогда *Евгенія Онегина*, Пушкина, и рукопись *Горя отъ ума*, Грибоѣдова.

Изъ книгъ, съ которыми раньше всего пришлось ознакомиться Ө. И.—чу, онъ съ особой любовью вспоминаетъ о двухъ, которыя и послѣ „не однажды въ разное время читаль и просматриваль“,—о *Письмовникѣ* Курганова и *Письмахъ русскаго путешественника* Карамзина. „Письмовникъ“ Курганова, замѣчаетъ Ө. И., былъ для меня настоящею энциклопедіею учебнаго, ученаго и литературнаго содержанія, а „Письма русскаго путешественника“—зеркаломъ, въ которомъ отразилась вся европейская цивилизація. Карамзинъ казался мнѣ самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ Россіи, представителемъ той высокой степени развитія, до которой она могла достигнуть въ то время, наставникомъ и руководителемъ каждаго изъ русскихъ, кто пожелалъ бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ. Эту мысль, провѣренную мною на себѣ, когда я былъ еще гимназистомъ пятнадцати и шестнадцати лѣтъ, высказалъ я потомъ съ кафедръ Московскаго университета въ рѣчи на Карамзинскомъ юбилеѣ“...

Осенью 1834 года Буслаевъ сдѣлался студентомъ Московскаго университета по факультету филологическому, или, какъ тогда называли, философскому.

Семейная обстановка и непосредственное вліяніе матери замѣнились теперь вліяніемъ совершенно другой обстановки, другихъ лицъ..

Вполнѣ естественно, что 16-лѣтній мальчишъ, попавши въ совершенно новую для него среду, прежде всего увлекся веселымъ обществомъ, бѣльшею частью такихъ же юношей-мальчишковыхъ, какимъ былъ и самъ... Воспоминанія о веселыхъ дняхъ студенчества были наиболѣе сильными впечатлѣніями новой московской жизни, и рассказамъ о нихъ посвящены самыя первыя страницы „Воспоминаній“ Буслаева. Онъ съ

увлеченіемъ рассказываетъ о себѣ и своихъ товарищахъ-первокурсникахъ,—какими они были завсегдатаями въ ближайшемъ къ университету трактирѣ, по прозванію „Желѣзномъ“, гдѣ у нихъ была даже особая, специальная комната, куда никого другого, кромѣ студентовъ, и не пускали, и куда услужливый трактирный слуга, Арсеній, чувствовавшій почему то особую симпатію къ студентамъ, цѣнившій также и литературу, всегда уже заранѣе приносилъ свѣжія газеты и журналы... Престарѣлый ученый вспоминаетъ, съ какою азартной веселотью проводили здѣсь первокурсники, его товарищи, все свободное отъ лекцій время,—въ шумной товарищеской бесѣдѣ, съ трубкой во рту, за стаканомъ чаю — особенно чаю, причемъ на шестерыхъ обыкновенно бралось не больше двухъ, много три порціи, къ которымъ подбавлялось затѣмъ несчетное количество чайниковъ „випятку“... Кромѣ чаю рѣдко что-либо спрашивалось: посѣтители капиталами особенно не обладали,—развѣ въ праздникъ, или вообще по какому-либо особому торжественному случаю, главнымъ же образомъ когда у кого либо заводились въ карманѣ деньги: въ этомъ случаѣ посѣтители „трактирчика“ позволяли себѣ „кнутуть“,—спросить, напр., вмѣсто обычнаго чаю „дѣлую порцію“ чего либо мясного... Впрочемъ, бывали иногда настоящія пиршества,—о нихъ не безъ удовольствія вспоминаетъ на старости знаменитый ученый... Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ рассказываетъ, какъ иногда, при такихъ „кутежахъ“, компанія, возвращаясь домой, въ университетъ, уже поздно ночью, находила бѣльшее удобство для своихъ ногъ идти не по самой дорогѣ, которая почему то дѣлалась ужасно скользкой, а вдоль нея, по сугробу, и даже гдѣ поглубже, чтобы ноги могли ступать потверже...—какъ иногда при этомъ кому нибудь изъ компаніи приходила вдругъ какая либо необыкновенно гениальная мысль, по крайней мѣрѣ всѣмъ въ это время казавшаяся таковою, которая немедленно приводилась въ исполненіе,—обреvizовать, напр., въ глухую полночь полицейскія караульни, исправно ли будочники сторожатъ при будвахъ, или про-

катиться по улицамъ на извозчикахъ, но не такъ, какъ обыкновенно катаются, а по своему, на свой собственный манеръ, напр., на каждаго извозчика сѣсть лишь по одному человѣку, и притомъ не въ сани, а прямо на лошадь, верхомъ, ухватиться при этомъ за дугу, а извозчика посадить вмѣсто сѣдока,—получалась необычайно оригинальная процессія, сонныя улицы оглашались хохотомъ и криками... Съ точки зрѣнія участниковъ, это значило вспомнить *Льснаго царя* Гете или *Светлану* Жуковскаго... И т. п. Иногда подобныя вещи вончались маленькими неприятностями, но вообще сходили благополучно, благодаря добротѣ и такту „милѣйшаго и добрѣйшаго Платона Степановича“, — тогдашняго инспектора студентовъ въ Московскомъ университетѣ...

Съ необыкновенной любовью и теплотой, хотя мѣстами не безъ юмора, вспоминаетъ Ө. И. о своихъ товарищахъ по номеру (Буслаевъ съ перваго же курса сдѣлался казенновоштиннымъ, и жилъ въ самомъ университетѣ),—съ которыми былъ особенно друженъ, нѣкоторымъ изъ нихъ былъ многимъ обязанъ и въ своемъ развитіи. Какъ живые рисуются передъ нами эти юноши, съ самыми различными характерами и наклонностями! Нѣкоторые были образцами прилежанія,—напр. Коссовичъ, знаменитый впоследствии санскритологъ; нѣкоторые отличались какою-то чарующею мечтательностью, идеальностью, по крайней мѣрѣ такими выступаютъ въ „воспоминаніяхъ“ ихъ товарища,—какъ напр. Класовскій, принадлежавшій, по отзыву Буслаева, къ числу тѣхъ натуръ, которыя „болѣе обречены на то, чтобы волноваться и страдать, а не радоваться и спокойно наслаждаться жизнью“ (впоследствии онъ застрѣлился); нѣкоторые, какъ Новакъ, отличались положительностью,—„были равнодушны къ такъ называемому міру идей; не придавали большой цѣны наукамъ, и съ снисходительнымъ презрѣніемъ относились къ тѣмъ, кто тратитъ время на такіе пустяки“... Иные, наконецъ, были страстными любителями билліарда; такой страстью отличался напр. Еленевъ,—который кромѣ билліарда, кажется, ничего не при-

знавалъ, который, гдѣ бы онъ ни былъ, въ комнатѣ, на улицѣ, въ аудиторіи, даже въ церкви, на всѣ предметы смотрѣлъ „съ билліардной точки зрѣнія“, смотрѣлъ на нихъ, „какъ на шары на зеленомъ полѣ билліарда, прицѣливаясь воображаемымъ кіемъ, какъ лучше бы можно было ударить однимъ предметомъ въ другой“... При такомъ билліардномъ міровоззрѣніи, Еленева особенно соблазняли головы людей, по своей округлости болѣе всего подходящія къ билліардному шару... Съ теплымъ чувствомъ любви, хотя не безъ юмора, вспоминаетъ семидесятилѣтній ученый объ этихъ юношескихъ годахъ своей жизни, объ этихъ любимыхъ товарищахъ,—объ этомъ напр. Коссовичѣ, который до того зачитывался своими греческими и латинскими книгами, что разъ случилась съ нимъ такая исторія: онъ читалъ какого то классика, лежа на студенческомъ клеенчатомъ диванѣ, причемъ чуть не половиной корпуса помѣщался прямо на огромномъ классическомъ фоліантѣ, лежалъ опрокинувшись и вытянувшись во всю длину, выбивая даже что то такое ногами,—отъ этихъ выбиваній диванъ приходилъ въ маленькое сотрясеніе, перемѣщавшее по скользящей клеенкѣ тяжелый фоліантъ постепенно все больше къ краю, а вмѣстѣ съ фоліантомъ все больше къ краю дивана подвигалась и добрая половина туловища Коссовича (диванъ былъ нѣсколько поватъ), пока наконецъ не свалились съ дивана на полъ и фоліантъ и самъ увлекшійся читатель,—Коссовичъ однако почти даже не замѣтилъ этого обстоятельства и, ни на мгновеніе не прерывая чтенія, лишь немного поправился корпусомъ, чтобы удобнѣе было лежать.... Или этотъ случай съ Еленевымъ, упомянутымъ сейчасъ страстнымъ любителемъ билліарда: „Однажды, рассказываетъ Ѳ. И—чь, во время экзамена, въ аудиторіи, я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на передней скамейкѣ; за столомъ сидѣли—экзаменаторъ, его ассистентъ, Голохвастовъ (помощникъ попечителя), четвертымъ—Платонъ Степановичъ Нахимовъ (инспекторъ студентовъ). Еленевъ сидитъ неподвижно, весь выпрямился, а самъ подниметъ обѣ руки къ пра-

вому глазу и опустить, подниметь и опять опустить. Я его спрашиваю: „Что ты дѣлаешь? Глазъ что ли у тебя болитъ?“ А онъ мнѣ совсѣмъ серьезно: „А вотъ я прицѣливаюсь, чтобы Платономъ Степановичемъ положить въ лузу Голохвастова“... И т. д. И т. д. Многимъ изъ этихъ товарищей О. И.—чь былъ обязанъ значительно и въ умственномъ развитіи. Всѣ эти молодые люди были болѣею частью очень способные, нерѣдко очень даровитые, и отъ каждаго изъ нихъ умѣлъ извлечь что нибудь хорошее будущій знаменитый ученый. Особенно многимъ онъ былъ обязанъ Класовскому и Коссовичу. Уже на первомъ-второмъ курсахъ Буслаевъ ведетъ съ Класовскимъ безконечные разговоры по вопросамъ философіи, религіи, морали,—читаетъ въ подлинникѣ *Германію* М-ше Сталь, *Notre Dame de Paris* Гюго, и во французскомъ языкѣ, котораго до того не зналъ, скоро дѣлаетъ такіе успѣхи, что уже на второмъ курсѣ одинъ, безъ помощи Класовскаго, „осиливаетъ“ *Исторію цивилизаціи* Гизо... Коссовичъ, еще студентомъ систематически, въ хронологическомъ порядкѣ, прочитавшій въ подлинникѣ чуть не всѣхъ классиковъ и греческихъ и римскихъ, проводившій за ними буквально всякую свободную минуту, даетъ Буслаеву объясненія затруднительныхъ мѣстъ въ *Виргиліи*, *Гораціи* и т. д. Даже Еленевъ, завзятый любитель билліарда, видѣвшій вездѣ только шары, и тотъ приноситъ пользу Буслаеву, знакомя его съ областью современной иностранной беллетристики, бывшей Буслаеву почти совсѣмъ неизвѣстной... Мы видимъ, эта университетская молодежь, проводившая свободное время за куреніемъ табаку и чаепитіемъ въ своемъ „трактирчикѣ“, любившая иногда тамъ и „кутнуть“ на лишній двугривенный,—въ то же время любила заниматься и дѣломъ, и обладала нерѣдко обширными и серьезными знаніями...

Само собою разумѣется, эти знанія и весь вообще интересъ въ наукѣ, литературѣ, образованію, были результатомъ вліянія университета и всей окружающей атмосферы...

Въ 30—40 гг. Москва была наиболѣе важнымъ, наиболѣе развитымъ умственнымъ центромъ Россіи. Въ области исторической науки здѣсь издавна были лучшія силы; въ 30—40 гг. выступили новые факторы, которые съ особенной силой способствовали умственному оживленію... Время студенчества Буслаева было вообще весьма знаменательнымъ въ исторіи Московскаго университета. Это было переходное время отъ „старой“ науки къ „новой“. Былъ цѣлый рядъ условій—и въ общественной жизни и въ специально-научной—которыя провели эту грань между „старой“ и „новой“ наукой. Особенно важнымъ и рѣшительнымъ фактомъ здѣсь было появленіе въ университетѣ цѣлаго ряда молодыхъ преподавателей,—только что въ этому времени вернувшихся изъ-за границы, вывезшихъ оттуда новые научные приемы и взгляды... Мы не имѣемъ въ виду останавливаться на подробной характеристикѣ этого періода; замѣтимъ лишь, что Буслаевъ въ университетѣ отчасти былъ подъ вліяніемъ еще и прежнихъ, старыхъ профессоровъ Погодина и Шевырева; но свѣжія, новыя вѣянія невольно сказывались и на нихъ. Погодинъ, напр., первый указываетъ Буслаеву на труды Гримма, посылаетъ Буслаева за указаніями и совѣтами къ молодому Рѣдкину, только что вернувшемуся изъ за-границы, и т. д. Впрочемъ, и сами по себѣ, каждый въ своей специальности,—Погодинъ и Шевыревъ были тогда лучшими въ Россіи знатоками своего дѣла. Говоря вообще о значеніи для Буслаева университета, нельзя не замѣтить, что то столкновеніе научныхъ взглядовъ, которое обнаружилось въ это время въ университетѣ, разнообразіе, даже иногда прямая противоположность въ научныхъ направленіяхъ,—едва ли не сказались въ известной степени на воззрѣніяхъ Буслаева, на той нѣкоторой неопредѣленности его общественныхъ симпатій, смѣси въ нихъ „старого“ съ „новымъ“... Позднѣе, при знакомствѣ съ возникшими вскорѣ у насъ двумя крайними направленіями—славянофильствомъ и западничествомъ—

эта неопредѣленность возрѣній, отчасти, пожалуй, и бѣльшая широта ихъ, отсутствіе партійной исключительности,—замѣтно отразились на Буслаевѣ... По собственному его замѣчанію,—онъ самъ не зналъ, „славянофилъ онъ или западникъ“...

Заканчивая эту, слишкомъ бѣглую, характеристику студенческой жизни Буслаева, не можемъ не отмѣтить—помимо вліянія товарищей и профессоровъ—вліянія на молодого студента еще одного фактора, прежняго, продолжавшаго однако могущественно дѣйствовать и теперь, на разстояніи 900 верстъ,—вліянія его матери... Крѣпкая нравственная связь, установившаяся съ первыхъ лѣтъ дѣтства, продолжалась и теперь. Непосредственное вліяніе замѣнилось перепиской. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Буслаевъ приводитъ цѣлый рядъ писемъ въ нему его „матушки“, въ первые два года студенчества,—до ея смерти. Эти письма ярко рисуютъ передъ нами симпатичный образъ матери Θ. И.—ча, ея тревоги при вступленіи его въ университетъ, ея дальнѣйшія безконечныя заботы о немъ,—наглядно представляютъ намъ всю могущественность нравственнаго вліянія матери на сына, а также и ту обстановку, которая и издалека продолжала вліять на молодого студента: разумѣемъ крайнюю бѣдность, въ которой жила его мать... Письма матери Буслаева дышатъ такой теплотой и реальностью,—что не можемъ не привести изъ нихъ нѣсколькихъ отрывковъ. Они лучше всего даютъ понятіе о той духовной атмосферѣ, которая окружала въ ранніе годы нашего ученаго...

„Другъ мой, Оеденька! пишетъ мать черезъ мѣсяць по отъѣздѣ сына въ Москву: Письмо твое меня утѣшило тѣмъ, что ты привыкаешь къ одиночеству на чужбинѣ... Напиши все ко мнѣ: почему нанялъ квартиру и что заплатилъ извозчику, и много ли у тебя осталось денегъ. Хозяйскій чай не пей, а свой всегда пей: это дешевле и лучше. Не мори себя, покупай на завтракъ бѣлый хлѣбъ, ты любишь его; кушай, мы себѣ откажемъ въ лакомствѣ: насъ много, мы и черныи

будемъ ѣсть,—онъ у насъ сдѣлался въ половину дешевле. Ради Бога, не сиди убійственно за своимъ приготовленіемъ въ университету, ты уморишь себя,—да и не одного себя“... Черезъ три дня, по полученіи письма отъ сына: „Первое письмо твое въ дурномъ расположеніи духа писано. Что дѣлать! Имѣй терпѣніе. Это есть первое горе въ твоей жизни,—и ты такъ дурно его выносишь. Молись милосердному Создателю. Мнѣ предчувствіе говорить, что ты будешь счастливъ за бѣдствія мои. Ты мнѣ не сказалъ, былъ ли ты у Иверской Божіей Матери и святыхъ мощей; если не былъ, то пожалуйста сходи и помолись имъ... Напиши, какъ васъ содержатъ, какія кушанья, и кто бѣлье моетъ. Не мори себя; вѣрно, у васъ на квартирѣ только обѣдъ и ужинъ, а ты захочешь еще повушать: покупай. У васъ хорошія сайки и вообще бѣлый хлѣбъ“... Еще черезъ недѣлю: „Ты меня пугаешь своей грустью и страхомъ, что тебя не примутъ въ университетъ. Что дѣлать! Ты не съ тѣмъ ѣхалъ, что имѣлъ твердую надежду, чтобы тебя приняли. Мы и дома съ тобой разсуждали, что это намъ будетъ тяжело, годъ, который ты долженъ быть вольнымъ слушателемъ. Господь милостивъ, Онъ дастъ намъ средства не умереть съ голоду. Не горюй, мой милый! Обними меня, какъ друга и мать. Мнѣ тоже не легко: обстоятельства мои опять худы. Будь всегда хорошъ, мой другъ; утѣшь меня: это одна моя отрада въ этой гибельной для меня жизни“... Наконецъ, по полученіи отъ сына извѣстія о принятіи его въ университетъ: „Обними меня, милый мой студентъ! Поздравляю тебя, мой голубчикъ! Цѣлую тебя! Господи! Какъ мы всѣ обрадовались, что ты принятъ. Я это услышала въ первый разъ на Рождество Богородицы. Мнѣ сказали Яворскаго дѣти (Яворскій съ семействомъ жилъ у нея на квартирѣ: свои комнаты она отдавала по бѣдности въ наемъ),—и я сдѣлалась, какъ безумная: плачу, молюсь, смѣюсь, цѣлую ихъ. Потомъ пришла въ себя и не хотѣла вѣрить до тѣхъ поръ, пока письмо твое мнѣ не скажетъ. И теперь нѣтъ сомнѣнія: мы счастливы, мой другъ... Одно остается мнѣ—молить Господа,

чтобы ты не измѣнился въ своихъ правилахъ, и тогда я счастлива“... Въ октябрѣ того же года: „Денегъ 20 рублей ассигнаціями (ок. 6 рублей на наши деньги) тебѣ посылаю сполна. Пожалуйста, на книги меньше употребляй. Я знаю, что казеннымъ воспитанникамъ не только книги, даже карандаши и бумага даются казенные. А если книги покупать, то знаешь наше состояніе, а на книги надобно много денегъ. Если можно изъ этихъ денегъ что-нибудь употребить на книги, то на самыя необходимыя и недорогія... Вотъ, дружожъ мой, ты узналъ горе и нужду. Въ письмѣ твоемъ говоришь о себѣ: „нѣтъ бѣднѣе меня“. Горько слышать это матери. Куда дѣвалось твое благословеніе бѣдности? Ты меня часто утѣшалъ и говаривалъ, что я не умѣю нести своей участи съ терпѣніемъ. Это потому, что не тебя касались мои горькія обстоятельства“... Спустя мѣсяць: „Письмо твое очень обрадовало, что ты теперь подъ надзоромъ лучшаго родителя, благодѣтеля сиротъ,—нашего милостивѣйшаго монарха. Да продлитъ Господь ему многія лѣта за милости до насъ, сиротъ. Молись за него больше, нежели за меня. Онъ облегчилъ мою участь и далъ тебѣ образованіе“... Нѣсколько дней спустя,—при полученіи извѣстій о безпорядкахъ въ университетѣ: „Я ужасаюсь за тебя. Ради Господа, береги себя и не будь опрометчивъ въ дружеству, а въ московскомъ университетѣ это ужасно: слухи, убійственныя для матерей, имѣющихъ сыновей въ немъ. Тамъ необузданная молодежь не умѣетъ цѣнить благодѣяній нашего милостивѣйшаго, незабвеннаго, благодѣтельнаго монарха. Другъ мой, умоляю тебя ради всѣхъ моихъ бѣдствій: помни милости отца нашего государя, молись за него, а связи съ товарищами ничего не могутъ дать тебѣ хорошаго, кромѣ поселать неблагодарность въ тому, что должно чтить, какъ святыню... Умоляю тебя, не имѣй дружества: оно опасно и кромѣ зла ничего не приноситъ. Убѣгай всего, кромѣ твоихъ занятій, а знакомства съ товарищами меня ужасаютъ. Мнѣ часто приходитъ въ голову, что я тебя потеряла. Пожалѣй, милый мой Оедюша, меня. Я всѣ уже испытала

бѣдствія,—а это меня убьетъ“... Въ январѣ слѣдующаго года; „Голубчикъ мой, ты пишешь, что грустишь о родинѣ и о насъ. Это потому, что мое изнуренное болѣзнью и горестью сердце тоскуетъ и вѣсть даетъ отлетѣлому твоему дѣтскому сердчишку. Да, Оедюша, наше свиданіе неизвѣстно... Проклятая бѣдность! ты всему виною“... Въ іюлѣ того же года: „Другъ милый, ты просишь моего согласія, учиться ли тебѣ на этотъ годъ еще двумъ языкамъ. Ты знаешь мое правило: я не терплю того, чтобы братья за многое и ни въ одномъ не усовершенствоваться. По-моему, лучше совѣтую тебѣ заниматься тѣмъ, что преподають по твоему отдѣленію, и въ томъ усовершенствоваться. Но если ты имѣешь столько желанія и времени, чтобы еще учиться двумъ языкамъ, то лучше англійскому и итальянскому, нежели арабскому и персидскому. Я совѣтую лучше первымъ двумъ, а впрочемъ какъ ты хочешь; ты въ этомъ лучше знаешь, да и то больше моего помнишь, что восточная словесность основательнѣе преподается въ Казанскомъ университетѣ, нежели въ Московскомъ“... И дальше: „Ты помнишь, что черезъ годъ мы будемъ вмѣстѣ, то есть, въ Пензѣ съ тобой. Точно, я всѣ силы употреблю, чтобы это сдѣлать. А какъ бы я хотѣла побывать у тебя, мое сокровище, взглянуть на тебя, поговорить съ тобою, обнять тебя“...

Въ декабрѣ 1835 года мать кажимъ-то образомъ дѣйствительно нашла для себя возможнымъ пріѣхать въ Москву, и цѣлый мѣсяць провела вмѣстѣ съ сыномъ... Это было послѣднее свиданіе... Какъ бы предчувствуя это, мать хотѣла все знать и видѣть своими глазами, гдѣ и какъ живетъ ея сынъ, съ кѣмъ живетъ, какъ проводитъ свой день,—она доходитъ до всѣхъ мелочей, любовно смотритъ на всѣ вещи сына въ его номерѣ, вмѣстѣ съ новыми своими друзьями, молодыми товарищами сына, перебираетъ все въ его ящикахъ и коммодахъ, въ его номерномъ столикѣ,—непремѣнно хочетъ видѣть все собственными глазами. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ О. II—чь подробно рассказываетъ эту трогательную сцѣну,—какъ его номерные товарищи, съ которыми его мать

быстро успѣла познакомиться и обласкать ихъ, и которые уже перестали ее дичиться, сообща съ нею вытаскивали изъ полочекъ и изъ ящиковъ ихъ товарища книги, бумагу, перья, носовые платки и т. п.,—чтобы все это показать ласковой старушкѣ, чтобы во всѣхъ мелочахъ познакомить ее съ обстановкой и занятіями ея сына... Заставши разъ сына за составленіемъ профессорской лекціи,—мать требуетъ, чтобы онъ разсказалъ, о чемъ эта лекція, и сынъ съ жаромъ посвящаетъ мать въ содержаніе лекціи, незамѣтно входитъ въ роль, начинаетъ передавать съ лекціей и самыя приемы, осанку, жесты, даже голосъ профессора.—мать съ восторгомъ смотритъ на сына, любитъся имъ, подъ конецъ не выдерживаетъ, раздражается хохотомъ, обнимаетъ его, цѣлуетъ... „Ей и радостно и ужь очень смѣшно, какъ ея милый сыночекъ ворчитъ изъ себя ученаго мужа и профессора“... Этотъ прїѣздъ матери въ Москву, какъ мы уже замѣтили, былъ послѣднимъ свиданіемъ ея съ сыномъ: лѣтомъ слѣдующаго 1836 года она скончалась, заразившись горячкой отъ одной своей пріятельницы, за которой неуспынно ухаживала... Сынъ прїѣхалъ въ Пензу, но уже не засталъ матери въ живыхъ.

Въ маѣ 1838 года Буслаевъ окончилъ свой университетскій курсъ и назначенъ былъ сверхштатнымъ учителемъ въ одной изъ московскихъ гимназій.

Университетъ былъ оконченъ Буслаевымъ, но не кончился для него школьный періодъ его жизни: послѣ университета Буслаеву суждено было пройти еще другую, болѣе широкую „школу“, окончательно опредѣлившую его послѣдующее ученое направленіе... Школа московскаго университета смѣнилась вскорѣ школой западно-европейской науки. Черезъ годъ по окончаніи курса въ университетѣ, Буслаевъ, благодаря счастливой случайности, на два года уѣзжаетъ за границу, живетъ преимущественно въ Италіи, весь уходя въ изученіе исторіи западнаго искусства,—а по возвращеніи въ Россію, на нѣсколько лѣтъ погружается въ изученіе нѣмецкой лингвистики... Пребываніе въ Италіи навсегда опредѣлило главнѣй-

шія ученія симпатіи Буслаева: уже съ этого времени область искусства, средневѣкового, христіанскаго, дѣлается любимой сферой его ученыхъ изученій. Съ другой стороны, изученіе трудовъ Гримма и Гумбольдта, и вообще нѣмецкой лингвистики, которой Буслаевъ посвящаетъ нѣсколько лѣтъ вернувшись изъ за-границы, опредѣлившее предметъ его ближайшей специальности,—на первыхъ же порахъ имѣло своимъ послѣдствіемъ появленіе у насъ двухъ ученыхъ трудовъ, которые сдѣлали эпоху въ нашей наукѣ. Это были книги: *О преподаваніи отечественнаго языка* (М., 1844) Буслаева и его магистерская диссертация *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ* (М., 1848). Съ появленіемъ этихъ книгъ, періодъ подготовительныхъ изученій—періодъ „школы“ въ ея широкомъ значеніи—для Буслаева окончился: изъ „ученика“ онъ сдѣлался „мастеромъ“...

На этомъ моментѣ мы можемъ закончить рассказъ о частной, личной жизни Буслаева: весь послѣдующій затѣмъ періодъ его біографіи неразрывно сливается съ его работами, біографія Буслаева превращается въ исторію русской историко-филологической науки... Разомъ, одновременно, онъ работаетъ въ самыхъ различныхъ сферахъ этой науки,—въ области русскаго языка, русской народной поэзіи, древнерусской письменности, древнерусскаго искусства, наконецъ, литературы западно-европейской, средневѣковой... Важнѣйшими событіями жизни Буслаева дѣлаются появленія тѣхъ или другихъ его ученыхъ трудовъ,—монографій, статей, изданій и т. д. Начиная съ этого времени, съ конца 40-хъ гг. и до самаго послѣдняго времени, можно сказать, до самой смерти своей, Буслаевъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ и даровитѣйшихъ научныхъ дѣятелей. — говорить о его ученыхъ трудахъ, значить говорить о всемъ ходѣ нашихъ историко-литературныхъ и филологическихъ изученій за послѣдніе 40—50 лѣтъ...

Въ настоящемъ случаѣ, мы конечно вовсе не имѣемъ этой задачи; какъ мы замѣчали, мы позволимъ себѣ сдѣлать

лишь болѣе или менѣе общее обзорѣніе его ученой дѣятельности,—остановившись главнымъ образомъ на его воззрѣніяхъ въ области народной поэзіи. Здѣсь прежде всего и главн. образомъ сосредоточивались его ученые изысканія.

Интересъ къ „народности“, самая идея „народности“—возникають лишь съ половины или даже конца XVIII вѣка. До этого времени на народъ смотрѣли съ особой, псевдо-классической точки зрѣнія,—которая иногда его идеализировала, превращая „добрыхъ поселянъ“ въ очаровательныхъ „пастушковъ“ и „пастушекъ“, мирно наслаждающихся взаимною любовью „на лонѣ природы“, и т. д.,—иногда безъ церемоній называла „подлымъ“, заявляя даже устами своихъ лучшихъ людей, что „низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“...

Первыя стремленія къ народности, къ произведеніямъ народной поэзіи—на Западѣ, а потомъ и у насъ, возникаютъ на почвѣ романтизма, этой широкой, чрезвычайно противорѣчивой и сложной волнѣ западно-европейской мысли конца XVIII—начала XIX вв. Движеніе затрогивало и заключало въ себѣ самыя разнообразныя области и элементы; самой могущественной, самой плодотворной его стороной было пробужденіе интереса къ народности, къ національности, пробужденіе въ обществѣ интереса къ народной жизни, преданіямъ, поэзіи, ко всей народной старинѣ... Ранѣе другихъ литературъ движеніе въ этомъ направленіи обнаруживается у англичанъ, потомъ въ Германіи. Въ 1765 г. въ Англіи выходитъ сборникъ народныхъ пѣсенъ еп. Томаса Перси: *The reliques of ancient english poetry* (Lond., 1765), сборникъ староанглійскихъ и шотландскихъ балладъ; нѣсколькими годами раньше въ печати появилась книжка Макферсона: „Отрывки старинной поэзіи, собранные въ горной Шотландіи и переведенные съ гэльскаго или эрзійскаго языка“ (*Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands and translated*

from the gaelic or erse language. Эдинбургъ, 1760),—собрание пѣсень, принадлежавшихъ „барду Оссіану, сыну Фингала, жившему и пѣвшему свои пѣсни въ III столѣтіи, въ горной Шотландіи“... Это была фальсификація, но почти гениальная, необыкновенно хорошо угадавшая и настроеніе и потребности эпохи. Впечатлѣніе, произведенное изданіями Петри и Макферсона, было необычайное... Съ теоретической стороны, стремленія къ народности были многимъ обязаны Лессингу и особенно Гердеру. Критика Лессинга вообще „дала могущественный толчекъ развитію нѣмецкаго духа; она раскрыла передъ нимъ его собственныя сокровища, зародила въ немъ сознаніе своей силы и достоинства“. Главнѣйшею цѣлью его критики было „отучить нѣмцевъ отъ рабскаго подражанія иностранцамъ и заставить ихъ полюбить свое родное, нѣмецкое“... Что касается Гердера, это былъ вообще наиболѣе могущественный представитель совершавшагося въ нѣмецкой литературѣ Sturm- und Drang-Periode'a. Разнообразныя и многочисленныя сочиненія Гердера имѣли какое то общее возбуждающее значеніе, были полны богатствомъ возбудительной энергіи. Гердеръ говорилъ о возвратѣ къ природѣ, о простотѣ чувствъ, о правахъ на существованіе каждой народности, каждой національности; благодаря ему, стало общимъ достояніемъ понятіе народной и національной поэзіи, — долженствующей быть, доказывавъ оны, основнымъ и господствующимъ элементомъ искусства. Гердеръ однимъ изъ первыхъ обратился и къ непосредственному изученію народной поэзіи: его „Голоса народовъ въ пѣсняхъ“ вышли въ 1778—1779 гг.... Дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Гердера въ Германіи была дѣятельность братьевъ Гриммовъ... Изысканія Гриммовъ, въ связи съ научными трудами такихъ дѣятелей, какъ Бопшъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ—положили основаніе двумъ позднѣйшимъ лингвистическимъ наукамъ: сравнительному языкознанію и сравнительной мифологіи... Здѣсь же были зачатки и „исторіи литературы“, какъ науки...

Идеи Гримма, новые приемы изучения народной старины, сдѣлали эпоху въ европейской историко-филологической наукѣ. Новые взгляды и приемы рѣзкой чертой отдѣлили, въ этой области, и у насъ „старую“ науку отъ „новой“. Главнымъ и наиболее раннимъ представителемъ новаго направленія у насъ явился Буслаевъ.

При поражающемъ разнообразіи ученыхъ трудовъ Буслаева,—всѣ они, во всѣхъ областяхъ, примыкали къ новому направленію изученій, чаще всего полагали у насъ самыя первыя начала такимъ изученіямъ. Во всѣхъ областяхъ, которыхъ онъ касался, вездѣ онъ шелъ первымъ или въ числѣ первыхъ,—вездѣ его труды своимъ научнымъ направленіемъ рѣзко отличались отъ трудовъ предшествовавшихъ, болѣе раннихъ, „старыхъ“ дѣятелей науки.

Въ области народной старины, мѣтѳологіи, народной поэзіи—наши изученія начинаются сравнительно рано, съ конца прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія; но что это были за изученія!.. Исслѣдователи не имѣли у себя въ надлежащей полнотѣ ни матеріала, ни сколько-нибудь научнаго метода, для изученія даже имѣющагося матеріала... Въ 1804 году вышла, напр., книжка нѣкоего Г. Глинки: Древняя религія славянъ (Митава, 1801), и авторъ ея самымъ добродушнымъ образомъ заявляетъ касательно своихъ научныхъ приемовъ: „Описывая произведенія фантазіи и мечтательности,—говорить онъ объ излагаемыхъ имъ народныхъ обычаяхъ и обрядахъ—думаю, что не погрѣшу, если, при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ, буду дополнять собственною подѣ древнюю статью фантазією!“... Это наивное стремленіе „украшать“ при случаѣ памятникъ народнаго творчества „собственною подѣ древнюю статью фантазією“ проявляется у насъ временами и гораздо позже, даже у лучшихъ исслѣдователей... Позднѣйшія изысканія доказали, что даже, напр., пзвѣстный Сахаровъ издаваемые имъ народныя произведенія иногда не стѣснялся украшать „собственною подѣ древнюю статью фантазією“,—подправлялъ слогъ, вставлялъ свои словечки. Другіе иногда фабрико-

вали отъ себя и цѣлыя пѣсни... Всѣ вообще наши изученія въ области народной поэзіи, до самаго конца 40-хъ годовъ, до появленія здѣсь трудовъ Буслаева, носятъ характеръ крайне примитивный. „Теоретическая мысль нашихъ первыхъ собирателей и изслѣдователей была еще очень слаба; взглядъ на предметъ чаще всего поражаетъ отсутствіемъ даже элементарной научности;—приемы самаго собиранія народно-поэтическаго матеріала были еще не выяснены, и подлинное, безыскусственно-народное, нерѣдко еще уступало мѣсто прикрашенному, поддѣльному... Народныя изученія еще не имѣли подъ собой прочной, реальной почвы, принимали иногда характеръ чисто романтическій, фантастическій... Никакой опредѣленной системы народныхъ изученій еще не было; элорія была еще на степени инстинкта, догадки, романтической идеализаціи, изученіе было эмпирическое. Западная, т. е. нѣмецкая, научная этнографія была неизвѣстна, и еще только начиналась“ ...

Любопытны тѣ страницы „Воспоминаній“ Буслаева, гдѣ онъ говоритъ о самой ранней эпохѣ своего знакомства съ Гриммомъ и Гумбольдтомъ,—о томъ, какъ онъ выступилъ на новую дорогу... „Вмѣстѣ съ капитальнымъ изслѣдованіемъ Вильгельма Гамбольдта о сродствѣ и различіи индо-германскихъ языковъ, рассказываетъ онъ, я изучалъ тогда сравнительную грамматику Боппа и умѣлъ уже довольно бойко читать санскритскую грамматику, которой обучилъ меня университетскій товарищъ мой, Коссовичъ,—въ Москвѣ только онъ одинъ и зналъ этотъ языкъ, до возвращенія извѣстнаго санскритолога Петрова изъ-за-границы. Но особенно увлекся я сочиненіями Якова Гримма, и съ пылкой восторженностью молодыхъ силъ читалъ и зачитывался его исторической грамматикой нѣмецкихъ нарѣчій, его „Нѣмецкою Мифологіею“, его „Нѣмецкими юридическими древностями“. Этотъ великій ученый былъ мнѣ вполнѣ по душѣ. Для своихъ неясныхъ, смутныхъ помысловъ, для исцанія оцупью и для загадочныхъ ожиданій, я нашелъ въ его произведеніяхъ настоящее откровеніе. Меня

никогда не удовлетворяла безжизненная буква: я чуялъ въ ней музыкальный звукъ, который отдавался въ сердцѣ, живописалъ воображенію и вразумлялъ своею точною, опредѣленною мыслью въ ея обособленной, конкретной формѣ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ германской старины Гриммъ постоянно пользуется грамматическимъ анализомъ встрѣчающихся ему почти на каждомъ шагѣ различныхъ терминовъ глубокой древности, которые въ настоящее время уже потеряли свое первоначальное значеніе, но оставили по себѣ и въ современномъ языкѣ производныя формы, болѣе или менѣе уклонившіяся отъ своего ранняго первообраза, столько же по этимологическому составу, какъ и по смыслу. Сравнительная грамматика Боппа и изслѣдованія Гримма привели меня къ тому убѣжденію, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатлѣніе и потомъ уже перешло къ условному знаку отвлеченнаго понятія,—какъ монета, которая отъ многолѣтняго оборота, переходя изъ рукъ въ руки, утратила свой чеканный рельефъ и сохранила только номинальный смыслъ цѣнности“... Этимъ путемъ, продолжаетъ ученый,— „я наконецъ открылъ себѣ живленную, потайную связь между двумя такими противоположными областями моихъ научныхъ интересовъ, какъ исторія искусства, съ классическими древностями, и грамматика русскаго языка“... Въ исторіи русскаго языка, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ его слога и стила, Буслаевъ усмотрѣлъ тотъ же историческій процессъ развитія, видоизмѣненій и наслоеній,—какой онъ видѣлъ и въ исторіи искусства. Языкъ въ позднѣйшемъ, современномъ его составѣ представился ему „результатомъ многолѣтней переработки, которая старое мѣняла на новый ладъ, первоначальное и правильное искажала и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своеземное вносила новыя формы изъ иностранныхъ языковъ“,—весь составъ русскаго языка представился „громаднымъ зданіемъ, которое слагалось, передѣлывалось и завершалось разными перестройками въ теченіе тысячелѣтій, въ родѣ, на примѣръ, римскаго собора Маріи Великой (Maria Maggiore), въ кото-

ромъ раннія части восходятъ къ пятому вѣку, а позднѣйшія относятся къ нашему времени. Гуляя по берегамъ Байскаго залива—продолжаетъ Буслаевъ—я любилъ реставрировать въ своемъ воображеніи развалины античныхъ храмовъ и другихъ зданій; теперь съ такимъ же любопытствомъ я реставрировалъ себѣ переименованныя временемъ формы русскаго языка. Современная книжная рѣчь была главнымъ предметомъ моихъ наблюденій. Въ ней видѣлъ я итогъ постепеннаго историческаго развитія русскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и центральный пунктъ, окруженный необозримой массою областныхъ говоровъ. Карамзинъ и Пушкинъ были мнѣ авторитетными руководителями въ моихъ грамматическихъ соображеніяхъ. Первый щедрою рукою бралъ въ свою прозу мѣтвія слова и выраженія изъ старинныхъ документовъ, а второй украшалъ свой стихъ народными формами изъ сказокъ, былинъ и пѣсень. Этотъ великій поэтъ всегда ратовалъ за разумную свободу русскаго рѣчи противъ беспощаднаго деспотизма, противъ условныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предписаній и правилъ грамматики Греча, которая тогда повсемѣстно господствовала. Еще на студенческой скамейкѣ изъ лекцій профессора Шевырева я оцѣнилъ и усвоилъ себѣ это завѣтное убѣжденіе Пушкина“...

Извѣстенъ тотъ переворотъ, который совершился въ историко-филологической наукѣ, благодаря трудамъ Гримма, а также Гумбольдта... Языкъ народа впервые представился, какъ исторически, по извѣстному закону, развившійся организмъ, который въ своихъ современныхъ формахъ и матеріалѣ сохранилъ отраженные на немъ, изъ глубочайшей старины идущіе, слѣды постепеннаго развитія народной культуры,—первичныхъ понятій, быта, мифологіи народа. Лингвистика превратилась въ лингвистическую палеонтологію. Въ языкѣ открыли скрывавшуюся дотолѣ „цѣлую жизнь народовъ, со всѣми богатствами и разнообразными ея отправлениями“. Какъ палеонтологія съ помощію ископаемыхъ костей не только возстановляетъ первичный образъ животнаго, но и самыя его привычки, спо-

собъ движенія, питанія и т. д.,—такъ сравнительное языкознаніе, по немногимъ остаткамъ древнихъ словъ, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія, разборомъ первоначальнаго значенія корней, поставило себѣ цѣлью „оживить жизнь и дѣла народовъ“... Возникшій на новыхъ началахъ методъ лингвистическихъ изслѣдованій прежде всего былъ приложенъ къ области миеологическихъ изученій, и далъ здѣсь начало новой наукѣ—сравнительной миеологіи. Общность происхожденія индо-европейскихъ языковъ, доказанная сравнительнымъ языкознаніемъ,—привела къ убѣжденію, что начала миеическихъ представленій индо-европейскихъ племенъ восходятъ къ отдаленнѣйшей эпохѣ ихъ до-историческаго единства,—что поэтому ближайшая задача научныхъ изслѣдованій должна состоять въ томъ, чтобы извлечь эти общія миеическія начала изъ позднѣйшаго матеріала, потерпѣвшаго на долгомъ жизненномъ поприщѣ различныя крушенія и измѣненія. Этотъ процессъ реставраціи долженъ быть и можетъ быть произведенъ посредствомъ сравнительнаго разбора—1) миеическихъ наименованій и терминовъ и 2) миеическихъ образовъ и представленій, дошедшихъ къ намъ, какъ въ письменныхъ источникахъ, такъ и въ преданіяхъ индо-европейскихъ племенъ. Такимъ путемъ, изъ-подъ слоевъ, напесенныхъ исторію, необходимостями и случайностями долгой жизни, постепенно должны освободиться и выйти на свѣтъ божій прозрачныя первичныя образы наивнаго народнаго міровоззрѣнія и вѣрованія... Указаннымъ путемъ научныхъ изученій, овладѣвъ значеніемъ и формою первичныхъ миеическихъ представленій и вѣрованій, наука идетъ затѣмъ путемъ обратнымъ, и слѣдитъ уже историческія и этнографическія измѣненія этихъ простѣйшихъ элементовъ, т. е. ихъ измѣненій соотвѣтственно съ движеніемъ быта, историческими и природными судьбами различныхъ народностей. Въ этой области сравнительная миеологія входитъ, какъ часть, въ общую исторію культуры народа“... (Котляревскій, Соч., I, 375—376. II, 267—268).

Такова была новая почва лингвистическо-культурныхъ изученій, на которую впервые у насъ выступилъ Буслаевъ. Буслаевъ впервые приложилъ къ изученію славяно-русской мѣологии, и вообще нашей народной старины, приемы сравнительно-историческаго языковѣданія. Двѣ упомянутыя нами его книги: „Объ изученіи отечественнаго языка“ и „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ были первыми опытами примѣненія сравнительнаго языковѣданія и историческаго метода къ русскому и славянскому языкамъ. Особенно важнымъ было послѣднее изслѣдованіе. Въ немъ впервые для русской науки доказывалось,—что „исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа“,—что „въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды мѣологии народной“,—что „древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія языка“,—что „родство языковъ индо-европейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ“, и что „мѣологическія преданія славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средневѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ народовъ“... Это были положенія, непосредственно принадлежавшія еще Гримму; но они доказывались и примѣнялись здѣсь вполне самостоятельно, путемъ самостоятельнаго лингвистическаго изученія предмета, остававшагося до того времени совершенно незатронутымъ — языка древне-славянскаго перевода св. Писанія... Монографія открывала въ славянской культурной жизни, замѣчаетъ акад. Пыпинъ, бытовую картину такой далекой поры, на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука“...

Можно только тогда вполне оцѣнить широту новыхъ научныхъ воззрѣній Буслаева, если сопоставить ихъ съ господствовавшими у насъ—въ обществѣ и въ наукѣ—до того времени воззрѣніями въ этой области. Припомнимъ взгляды на устную народную поэзію Бѣлинскаго и Шевыре-

ва. Позволяемъ себѣ остановиться на этихъ мнѣніяхъ съ нѣкоторыми подробностями.

„Народность—пишетъ Бѣлинскій въ 1841 году— есть альфа и омега эстетики нашего времени... Высочайшая похвала, каковой только можетъ удостоиться поэтъ въ наши дни, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ: „народный поэтъ“. Выраженія: „народная поэма“, „народное произведеніе“ часто употребляются теперь вмѣсто словъ: „превосходное, великое, вѣковое произведеніе“. Волшебное слово, таинственный символъ, священный іероглифъ какой-то глубоко-знаменательной, неизмѣримо-обширной идеи, — „народность“ казѣ будто замѣнила теперь собою и творчество и вдохновеніе и художественность и классицизмъ и романтизмъ, заключила въ одномъ себѣ и эстетику и критику; сдѣлалась теперь высшимъ критериумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенія и прочности всякой поэтической славы. Всѣ требуютъ отъ поэзіи прежде всего народности, а потомъ уже здраваго смысла“... (XII, 441—442). „Всякая поэзія только тогда истинна, когда она народна, т. е. когда отражаетъ въ себѣ личность своего народа“... (XII, 442). Народность въ литературѣ—„отраженіе индивидуальности, характерности народа, выраженіе духа внутренней и внѣшней его жизни, со всѣми ея типическими красками и родимыми пятнами“... Народность сама собой проявляется у писателя: „если личность поэта должна отражаться въ его твореніяхъ, то можетъ ли не отражаться въ нихъ его народность?“... (II, 33). „Если поэтъ владѣтъ истиннымъ талантомъ, онъ не можетъ не быть народнымъ“... (II, 34). „Истинный художникъ народенъ и націоналенъ безъ усилія; онъ чувствуетъ національность прежде всего въ себѣ самомъ и потому невольно налагаетъ ея печать на свои произведенія“... (V, 26). „Народность—великое дѣло и въ политической жизни и въ литературѣ; только, подобно всякому истинному понятію, она сама по себѣ—односторонность, и

является истинною только въ примиреніи съ противоположною ей стороною. Противоположная сторона „народности“ есть „общее“ въ смыслѣ „обще-человѣческаго“. Какъ ни одинъ человѣкъ не долженъ существовать отдѣльно отъ общества, такъ ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣчества“. (V, 30—31). „Есть люди, которые приглашаютъ васъ учиться у черни не только литературѣ, но и нравамъ и обычаямъ, и даже тому, что составляетъ внутреннюю жизнь и свободное убѣжденіе каждаго порядочнаго человѣка“... „Только та литература истинно народна, которая въ то же время, есть литература общечеловѣческая; и только та литература истинно человѣческая, которая въ то же время и народна. Одно безъ другого существовать не должно и не можетъ“... (V, 32). Идея народности въ искусствѣ вытекаетъ прямо изъ процесса обособленія общаго... Если художникъ изображаетъ въ своемъ произведеніи людей, то, во первыхъ, каждый изъ нихъ долженъ быть человѣкомъ, а не призракомъ, долженъ имѣть фізіономію, характеръ, нравъ, свои привычки, словомъ всѣ индивидуальныя признаки, какими каждая личность отличается въ дѣйствительности отъ всякой другой личности. Потому, каждый изъ нихъ долженъ принадлежать къ извѣстной націи и къ извѣстной эпохѣ, потому что человѣкъ, внѣ національности, есть не дѣйствительное существо, а отвлеченное понятіе. Изъ этого ясно видно, что національность въ художественномъ произведеніи есть не заслуга, а только необходимая принадлежность творчества, являющаяся безъ всякаго усилія со стороны поэта. И потому, чѣмъ выше произведеніе въ художественномъ отношеніи, тѣмъ оно и національнѣе, и хвалить великаго художника за національность его творенія— все равно, что хвалить великаго астронома за то, что при вычисленияхъ своихъ онъ не ошибается въ таблицѣ умноженія... Великій талантъ дѣлаетъ поэта національнымъ, а не национальность дѣлаетъ его великимъ поэтомъ“... (V, 47). Что человѣкъ безъ личности, то народъ безъ національности... Чѣмъ человѣкъ личнѣе, тѣмъ способнѣе обращать чужое въ свое,

т. е. налагать на него отпечатокъ своей личности... Просвѣщеніе сближаетъ между собою народы,—но не сглаживаетъ народности, не дѣлаетъ ихъ похожими всѣ одинъ на другой... Несмотря на то, что народы вообще „нещадно заимствуютъ другъ у друга“,—они не вредятъ этимъ своей національности... (XI, 43—44). Стремленія „быть народнымъ“ напрасны: прошедшаго не воротить. Нельзя сдѣлаться Баяномъ Владимира Краснаго Солнышка. „Можно воспроизвести древность, но уже это будетъ древность, воспроизведенная поэтомъ XIX вѣка“... (II, 412). Писатели, замѣтивъ, что европейское образованіе сглаживаетъ нѣсколько черты народности,—обратились преимущественно въ низшимъ классамъ народа... (V, 26). „Ложно-понимаемая народность разлилась огромнымъ болотомъ; тщаніемъ и усердіемъ пишущей братіи низшаго разряда, мужики съ бабами, вучера и вущы брадатые, не только получили право гражданства въ повѣстяхъ и романахъ этихъ господъ, но и сдѣлались ихъ единственными привеллигированными героями. Удачное подражаніе языку черни, слогу площадей и харчевенъ, сдѣлалось признакомъ народности, а народность стала тождественнымъ понятіемъ съ великимъ талантомъ, поэзією и романтизмомъ“... (V, 22). Критикъ называетъ такую народность „простонародностью и площадностью“... (V, 22). „Народныя повѣсти“ пустились „гуторить“ и „баить“ по мужицки, стали говорить „маленько мужицкимъ языкомъ“... (VII, 337). Въ прежнія времена, „въ доброе классическое время“, не воспѣвали въ стихахъ „россійскаго сиводая“ и „вабаковъ“... „Въ наше время такъ наз. романтизмъ освободилъ писавъ отъ здраваго смысла, вкуса, грамматики, логики, порядочнаго тона, даже опрятности и чистоплотности, и всѣ эти господа-сочинители стали выѣзжать, въ своихъ романтически-народныхъ произведеніяхъ, на разбитыхъ носгахъ, фонаряхъ подъ глазами, вилунахъ, лаптяхъ, мужицкихъ рѣчахъ и поговоркахъ, вабакахъ и харчевняхъ“... (VII, 158. 159). „Герой искусства и литературы—человѣкъ, а не баринъ, и тѣмъ болѣе не мужикъ“. (V, 28). „Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка“. (V, 301.)

„Первобытная поэзія народовъ, пишетъ Бѣлинскій, заслуживаетъ особенное вниманіе,—это творчество истинное, бессознательное, безцѣльное, хотя въ то же время и одностороннее, одноцвѣтное. Оно вполнѣ, истинно и живо проявляетъ духъ, характеръ и всю жизнь народа, которые высказываются въ немъ непринужденно и безыскусственно“... (II, 170).

„Поэзія народа—зеркало, въ которомъ отражается его жизнь со всѣми ея характеристическими оттѣнками и родовыми примѣтами; вмѣстѣ съ тѣмъ,—такъ какъ поэзія есть не что иное, какъ мышленіе въ образахъ,—поэзія народа есть и его сознаніе. На какой бы ступени цивилизаціи ни стоялъ народъ, онъ уже имѣетъ свою поэзію“... Народная поэзія—

„выражаетъ собой сознаніе народа, еще не вышедшее изъ пеленъ непосредственнаго, бессознательнаго созерцанія. Въ произведеніяхъ народной поэзіи еще нѣтъ мысли, а есть только темное стремленіе къ мысли, ея предощущеніе, предчувствіе. И потому произведенія народной поэзіи не могутъ возвыситься до художественной формы, въ которую можетъ воплощаться развившееся до идеи созерцаніе“... (XII, 407).

„Міросозерцаніе народа выказывается прежде всего въ его религіозныхъ мнѣяхъ“. Здѣсь поэзія слита съ религіей; жрецъ является и поэтомъ. Эти поэмы—самыя древнѣйшія. „Въ вѣкъ героизма, поэзія начинаетъ отдѣляться отъ религіи и составляетъ особую, болѣе независимую область народнаго сознанія. За героическимъ періодомъ жизни народной слѣдуетъ періодъ гражданской и семейной жизни. На этой точкѣ поэзія дѣлается вполнѣ самостоятельной областью народнаго сознанія, переходитъ въ дѣйствительную жизнь, начинаетъ совпадать съ прозою жизни, изъ поэмы становится романомъ, изъ гимна пѣсню; тогда же возникаетъ и драма, какъ трагедія и комедія... Поэзія изъ естественной или народной дѣлается художественной“... Такой ходъ въ развитіи народной поэзіи однако не всегда бываетъ. Если народъ, переживъ мнѣическій и героическій періоды своей жизни, не пробуждается къ со-

знанію и переходить не въ „гражданственность“, основанную на разумномъ развитіи, а въ „общественность“, основанную на преданіи, и остается въ естественной безсознательности семейнаго быта и патріархальныхъ отношеній,—тогда у него не можетъ быть художественной поэзіи, не можетъ быть ни романа, ни драмы. Эпопею его составляютъ сказка и историческая пѣсня, которой характеръ, по бѣльшей части, опять таки сказочный... Такая поэзія „лучше самой исторіи свидѣтельствуешь о внутреннемъ бытѣ народа, можетъ служить мѣркою его гражданственности, повѣркою его человѣчности, зеркаломъ его духа“,—но она „нѣма и бесполезна для людей чуждой націи, и понятна только для того народа, въ которомъ родилась она, подобно безсвязному лепету младенца, понятному и разумному только для любящей его матери“... (V. 63—64). „Богатая чувствомъ и выраженіемъ, она бѣдна содержаніемъ, чужда элементовъ общаго“... „Племя можетъ имѣть только народныя пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ“ .. (V, 65. 66).

„Мысль младенчествующаго народа всегда болѣе или менѣе темна, неопредѣленна, а потому и не можетъ найти себѣ равновѣснаго выраженія въ формѣ“... Этимъ опредѣляются взаимныя отношенія народной поэзіи и художественной. „Первая есть несвязный дѣтскій лепетъ; вторая—опредѣленное слово мужа. Первая намекаетъ, вторая полагаетъ и утверждаетъ. Художественная поэзія идетъ прямо къ своей цѣли, и таинственное, неизглаголанное выражаетъ въ опредѣленномъ словѣ; естественная поэзія прибѣгаетъ къ иносказанію, къ мѣу, которыхъ смыслъ можетъ провидѣть только посвященный, тогда какъ толпа видитъ одну басню и слѣпо вѣритъ ей, какъ непреложному историческому факту“. Художественная поэзія тѣмъ не менѣе неразрывно связана съ народной,—находится съ ней „въ тѣсномъ сродствѣ, ибо такъ сказать вырастаетъ на ея почвѣ“... (V, 51—52). Хотя произведенія народной поэзіи „запечатлѣны богатствомъ фантазій, силою выраженія, безконечностью чувства, то бѣшено-веселаго,

размашистаго, то грустнаго, заунывнаго, но всегда вѣрнаго, могучаго, которому тѣсно и на улицѣ, и на площади, которое просить для разгула дремучаго лѣса, раздолья Волги-матушки, широкаго поля“ (IV, 380),—„художественная поэзія всегда выше естественной, или собственно народной... Одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзія, вмѣстѣ взятыхъ!... Въ художественной поэзіи заключаются всѣ элементы народной, и сверхъ того есть еще нѣчто такое, чего нѣтъ въ народной поэзіи“... Впрочемъ и народная поэзія имѣетъ свою цѣну: и въ народной поэзіи есть „нѣчто такое, чего не можетъ замѣнить намъ художественная поэзія“... Это дорогое „нѣчто“ есть какъ-бы воспоминаніе о прошломъ, безвозвратно исчезнувшемъ младенществѣ, о прежнемъ нашемъ „единствѣ съ природой“ (V, 35—37). Бѣлинскій не отрицаетъ важности и необходимости для народа „заняться своею народною поэзіею“, „спасти отъ забвенія ея разсыянная сокровища“: но онъ не сочувствуетъ „народному бѣснованію“,—въ собираніи своихъ народныхъ пѣсенъ и въ переводахъ подобныхъ же чужихъ; онъ радуется, что „это народное бѣснованіе уже прошло“, и „теперь имъ одержимы только люди недалекіе“... „Никто не думаетъ теперь отвергать относительнаго достоинства народной поэзіи, но никто уже, кромѣ людей запоздалыхъ, не думаетъ и придавать ей важности, которой она не имѣетъ. Всякій знаетъ теперь, что въ ней есть своя жизнь, свое одушевленіе, естественное, наивное и простодушное; но что все этимъ и оканчивается, ибо она бѣдна мыслию, бѣдна содержаніемъ и художественностью... Исключеніе остается только за одною народною поэзіею въ мірѣ,—поэзіею древне-греческою, которая, будучи народною, есть въ то же время и общечеловѣчская, мировая“... (IX, 102).

Переходя собственно къ русской народной поэзіи, Бѣлинскій не усматриваетъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ „никакого міросоверщанія“,—въ смыслѣ „непосредственнаго разумѣнія общаго, вѣчнаго, непреходящаго“; въ

нихъ лишь „духъ силы, казого то удалства, которому море по колѣно“.. (IV, 210—211). Къ широкимъ научнымъ изученіямъ народной поэзіи, Бѣлинскій относится скептически, и нѣсколько иронизируетъ надъ попытками выводить различные мотивы нашей народной поэзіи „изъ Индіи“ (т. е. изслѣдовать ихъ на почвѣ до-исторіи): по его мнѣнію, „подобные розыски невозможны. Русскій человѣкъ, выслушавъ отъ татарина сказку, пересказывалъ ее потомъ совершенно порусски,—такъ что изъ его усть она выходила запечатлѣнною русскими понятіями, русскими взглядами на вещи, русскими выраженіями“.. (V, 202). Какія бы то ни было сближенія и сопоставленія, уже тогда начавшіяся въ науцѣ,—Бѣлинскій находитъ совершенно напрасными, ничего не достигающими. Уже въ 1844 году онъ полагаетъ, что о народной поэзіи болѣе нечего писать: „что можно было связать объ этомъ предметѣ, уже сказано“... Онъ подсмѣивается надъ Костомаровымъ, что тотъ „издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ“... Книга эта, какъ извѣстно, была весьма замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени,—и такими людьми, какъ Срезневскій, тогда же была оцѣнена по достоинству. По мнѣнію Бѣлинскаго, изъ этой книги „трудно было-бы выжать какое нибудь содержаніе“ (IX, 111—112). По поводу дѣлавшихся тогда у насъ различныхъ сближеній, онъ замѣчаетъ: „Если хотите, тутъ есть что-то похожее на сходство; но все близкое къ своему источнику болѣе или менѣе сходно, и потому славянскія преданія и повѣрья сходны не только съ скандинавскими, но и съ индійскими, и съ египетскими, и съ какими угодно. Всѣ дѣти сходны между собой“... (IV, 107—108).

Впрочемъ иногда Бѣлинскій, едва ли не подъ вліяніемъ возрѣвній Шевырева, пытается отыскать въ русскихъ былинахъ нѣкоторыя историческія или бытовыя черты (ср. V, 100. 101. 108. 109—110. 115. 123. 135. 144. 162. 170—171. 172. 174. 175. 176. 181. 182. 185. 198. 206).

Былины Кириши Данилова, по мнѣнію Бѣлинскаго,—„дѣт-

свѣй лепетъ, часто поэтическій, но часто и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ“... (IV, 296). „Древнія россійскія стихотворенія“— „не сказки собственно, но поэмы въ сказочномъ родѣ. Можетъ быть, первоначально они явились чисто эпическими отрывками, а потомъ уже, измѣняясь со временемъ, получили свой сказочный характеръ; можетъ быть также, что вслѣдствіе варварскаго понятія о вымыслѣ, и съ самаго начала явились они поэмами-сказками, въ которыхъ поэтическій элементъ былъ пересилень прозою народнаго взгляда на поэзію... Русскій человѣкъ почиталъ сказку „пересыпаніемъ изъ пустого въ порожнее“,—онъ не только не гонялся за правдоподобіемъ и естественностью, а еще какъ будто поставлялъ себѣ за непремѣнную обязанность умышленно нарушать и искажать ихъ до безсмыслицы. По его понятію, чѣмъ сказка неправдоподобнѣе и нелѣпнѣе, тѣмъ лучше и занимательнѣе. Это перешло и въ поэмы, которыя преисполнены самыми рѣзкими несообразностями“... (V, 97—98). Искать въ нашихъ сказочныхъ поэмахъ общей мысли—„все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ. Они ничѣмъ не связаны между собою; содержаніе всѣхъ ихъ одинаково, обильно словами, свудно дѣломъ, чуждо мысли.—Поэзія къ прозѣ содержится въ нихъ какъ ложка меду въ бочкѣ дегтю. Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней: каждая изъ нихъ сама по себѣ, не вытекаетъ изъ предыдущей, ни заключаетъ въ себѣ начала послѣдующей“... Въ нашихъ поэмахъ—„нѣтъ общаго событія, нѣтъ одного героя“.. (V, 99). „Не ищите тутъ мѣровъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ, не ищите художественныхъ красотъ поэзіи... Впрочемъ и въ этихъ странныхъ и оригинальныхъ оборотахъ все-таки есть поэтическіе элементы, если не поэзія; въ этихъ дивныхъ и непредѣленныхъ образахъ народной фантазіи все-таки есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли,—даже, если хотите, прибавляетъ Бѣлинскій, есть мысль, только частная, а не общая, народу, а не человѣчеству, принадлежащая“... (V, 107).

Въ былинахъ, или, какъ онъ ихъ называетъ, поэмахъ Кирши Данилова, Бѣлинскій видитъ „на каждомъ шагѣ несообразности“.. Поэма о Добрынѣ Никитичѣ, напр., вся—„какая-то безсвязная болтовня больного похмѣльемъ воображенія... Тутъ нѣтъ не только мысли—даже смысла. У Добрыни нѣтъ ни лица, ни характера; это просто—призракъ. Подобная нелѣпица могла бы имѣть значеніе мифа, если бы отъ ея чудовищныхъ образовъ вѣяло фантастическимъ ужасомъ, но въ русскихъ сказкахъ, какъ и во всей народной русской поэзіи, фантастическаго элемента почти вовсе нѣтъ“... (V, 124—125). „Сказка о Потокѣ—вся сплошь „ничего, изъ котораго ничего и не выжмешь“... (V, 140). Поэма о Волхвѣ Всеславьевичѣ не представляетъ, какъ и многія другія, никакого опредѣленнаго идеала народной фантазіи. Какъ и другія поэмы, „это—что-то, сисящее стать образомъ, и все остающееся символомъ, сѣвозъ произвольную и узорочную ткань котораго брезжится, какъ искра во тьмѣ, призракъ мысли, но никакъ не можетъ разгорѣться въ свѣтлое пламя“... (V, 157). „Вообще идеаль русскаго богатыря—физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями—даже надъ здравымъ смысломъ. Коли ужъ богатырь—ему все возможно, и противъ него ничто не устоитъ... Героизмъ есть первый моментъ пробуждающагося народнаго сознанія жизни; а дикая животная сила, сила желѣзнаго кулака и чугуннаго черепа—первый моментъ народнаго сознанія героизма. Оттого у всѣхъ народовъ богатыри цѣлыхъ быковъ съѣдаютъ, баранами закусываютъ, а бочками-сороковками запиваютъ. Но народъ, въ жизни котораго развивается о б щ е е, идетъ далѣе,—и просвѣтлѣніе животной силы чувствомъ долга, правды и доблести есть второй моментъ его сознанія героизма. Наши народныя пѣснопѣнія остановились на первомъ моментѣ и дальше не пошли. И потому наши богатыри—тѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные. У нихъ нѣтъ никакихъ понятій о доблести и долгѣ, имъ всякая

служба хороша, для нихъ всякая удаля—подвигъ: и цѣлое войско побить, и конемъ потоптать, и единымъ духомъ выпить полтора ведра зеленá вина“.. (V, 157—148). Впрочемъ, какъ уже замѣчено выше, и здѣсь есть уже зачатки поэзи,— „въ этихъ неопредѣленныхъ, дивныхъ и безобразныхъ образахъ есть уже начало духовности, которой недоставало только исторической жизни, чтобъ возвыситься до мысли и возрасти до опредѣленныхъ образовъ, до полныхъ и прозрачныхъ идеаловъ“... Бѣлинскій разумѣетъ здѣсь—„эту отвагу, эту удаля, этотъ широкій разметъ души, которому море по колѣно, для котораго и радость и горе—равно торжество, которое на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ,—этотъ убійственный сарказмъ, эту простодушно язвительную иронию надъ жизнью, надъ собственною и чужою удаляю, надъ собственною и чужою бѣдою, эту способность не торопясь, не задыхаясь, воспользоваться удачею и такъ же точно поплатиться счастьемъ и жизнью, эту несокрушимую мощь и крѣпость духа“,—все это, являющееся „какъ бы исключительнымъ достоинствомъ русской природы“... (V, 158—159).

Гораздо выше цѣла кievскихъ былинъ, или „богатырскихъ сказокъ“, герои которыхъ сосредоточиваются около кн. Владимира, и которыя собственно „чужды всякаго историческаго значенія“ (V, 161),—стоятъ, по мнѣнiю Бѣлинскаго, „поэмы Великаго Новгорода, „этого источника русской народности, откуда вышелъ весь бытъ русской жизни“. Новгородскія былинны Бѣлинскій называетъ „лучшимъ, благоуханнѣйшимъ цвѣтомъ народныхъ поэмъ“... „Новгородскихъ поэмъ немного, всего четыре; но эти четыре, замѣчаетъ Бѣлинскій, стоить всѣхъ, какъ по преимущественно-поэтическому достоинству, такъ и по сущности своего содержанiя. Онѣ—ключъ къ объясненiю всей народной поэзи, равно какъ и къ объясненiю характера быта русскаго. Передъ ними бѣдна вся остальная сказочная поэзи“. (V, 161—162, 162). Въ былинѣ о Васильѣ Буслаевичѣ, напр., по мнѣнiю Бѣлинскаго,—„очень много, по крайней мѣрѣ сравнительно съ преж-

ними, поэзіи и силы въ выраженіи; въ ней есть не только мысль, но и что-то похожее на идею. Эту поэму должно понимать, какъ мнѣическое выраженіе историческаго значенія и гражданственности Новагорода (V, 166). Новгороду Бѣлинскій отводитъ главную роль въ исторіи нашего былиннаго эпоса. Весьма важнымъ было значеніе Новгорода и вообще въ исторіи древней Руси. Новгородъ былъ прототипомъ русской цивилизаціи и вообще формъ общественной и семейной жизни древней Руси. (V, 162). „Новгородъ, замѣчаетъ онъ, вѣроятно, былъ колоніей южной Руси, которая была первоначально и коренною Русью. Колоніи народовъ, находящихся на низкой степени гражданственности, всегда бываютъ цивилизованнѣе своихъ метрополій“... Это важное значеніе Новгорода, впрочемъ, въ общемъ весьма и весьма относительно,—относительна потому важность и новгородскихъ былинъ... „Всякая народная поэзія начинается мнѣями; но и мнѣи могутъ имѣть свою ясность, опредѣленность и, такъ сказать, прозрачность; только для этого необходимо, чтобъ выражаемое ими содержаніе было обще-человѣческое... Новгородская жизнь была какимъ-то зародышемъ чего-то, повидимому, важнаго; но она и осталась зародышемъ чего-то: чуждая движенія и развитія, она кончилась тѣмъ же, чѣмъ и началась—чѣмъ-то; а что-то никогда не можетъ дать опредѣленнаго содержанія для поэзіи и по необходимости должно ограничиться мнѣическими и аллегорическими полубобразами и намеками“... При всей неразвитости своей общественной,—Новгородъ былъ выше Москвы и оказывалъ „важное вліяніе“ на Московское царство. „Торговля родила въ Новѣгородѣ богатство, а богатство породило духъ какого-то самодовольствія, приволья, удачества, отваги, молодечества. Вслѣдствіе этого, въ Новѣгородѣ образовался родъ какой-то странной и оригинальной гражданственности; явилась аристократія богатства, съ особенными формами жизни, своимъ церемоніяломъ, своими общественными нравами и обычаями, своею общественною и семейною нравственностью. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлалось типомъ русскаго

быта. Новгородъ былъ богатъ, силенъ и славенъ на Руси въ то время, когда Русь была бѣдна и бессильна, когда въ ней не было никакой общественности, никакой гражданственности, когда въ ней было не до прохлады, не до роскоши, не до удалства и разгула: ее терзали сперва междоусобія, потомъ татары. Теперь очень понятно, что Новгородъ для тогдашней Руси былъ тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ для Европы. Новгородъ былъ городомъ аристократіи, въ смыслѣ слова, которое много имѣя денегъ, много и тратило ихъ на свои прихоти... Богатство рождаетъ множество нуждъ и прихотей, страсть въ удобству и уваженіе къ приличію,—русскій этикетъ, свадебные и другіе обряды образовались первоначально въ Новгородѣ, и отсюда, вмѣстѣ съ венеціанскими и нѣмецкими товарами, разлились и распространились по всей Руси"... Въ Новгородѣ развилась и народная поэзія: всѣ „поэмы“, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владимирѣ—лишь по внѣшности кіевскія; въ нихъ все новгородское: и изобрѣтеніе и выраженіе и тонъ и колоритъ и замашка и наконецъ эти герои-богатыри изъ купцовъ,—какъ Иванъ гостинный сынъ и другіе. „Василій Буслаевъ явно новгородская поэма—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но сличивши эту поэму со всѣмъ цикломъ богатырскихъ сказокъ временъ Владимира,—нельзя не видѣть, что всѣ они какъ будто-бы сочинены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это показываетъ, что всѣ они дѣйствительно сложены въ Новгородѣ,—и богатырскія сказки о Владимирѣ красно-солнышеѣ были ничѣмъ инымъ, какъ воспоминаніемъ новгородца о своей прежней родинѣ. Измѣнившись и выродившись, изъ земледѣльца или ратника южной Руси ставъ новгородскимъ купчиною, новгородецъ воскресилъ смутныя преданія о первобытной родинѣ по идеалу современнаго ему бытія своей новой и настоящей отчизны. И потому, изъ преданія, онъ взялъ одни имена и нѣкоторые смутные образы,—и Владимиръ красно-солнышею является у него такимъ же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и Дунай-сынъ - Ивановичъ,

берега котораго тоже были нѣкогда его отчизною. Но Дунай и остался въ его пѣсняхъ мифическимъ воспоминаніемъ; а Владимиръ, великій князь кievскій стoльный, превратился, въ поэмѣхъ новгородца, въ какаго то купчину, гостя богатаго, и по рѣчамъ, и по манерамъ, и по складу ума. Оттого же и княгиня Апраксѣвна, равно какъ и всѣ героини Киршевыхъ поэмъ, такъ похожи на купчихъ "... (V, 170—171). „Новгородскій штемпель лежитъ на всемъ русскомъ бытѣ, а слѣдовательно, и на всей русской народной поэзіи,—самъ Владимиръ и всѣ богатыри его говорятъ, дѣйствуютъ и пируютъ какъ то по-новгородски, и какъ будто по-купчески"... (V, 198). Особенно интересными въ сборникѣ Кирши Данилова Бѣлинскій находитъ сказки сатирическія (V, 213). Сатирическимъ сказкамъ Бѣлинскій отводитъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ напр. сейчасъ упоминавшимся „поэмамъ“: по мнѣнію Бѣлинскаго, „эти сказки въ тысячу разъ важнѣе всѣхъ богатырскихъ сказокъ,—потому что въ нихъ ярко отражается народный умъ, народный взглядъ на вещи и народный бытъ. Въ послѣднемъ отношеніи они могутъ считаться драгоценнѣйшими историческими документами"... (V, 217).

Переходимъ къ мнѣніямъ Шевырева, —насколько они излагаются въ первомъ изданіи его „Исторіи русской словесности“ (М., 1846).

Съ особенной подробностью Шевыревъ останавливается на характеристикѣ былинныхъ богатырей: онъ указываетъ ихъ происхожденіе изъ различныхъ мѣстностей русской земли и средоточіе ихъ около Кіева, гдѣ они служатъ уже идеѣ единства Русской земли; отмѣчаетъ съ этой стороны разницу въ богатыряхъ новгородскаго цикла, приврѣпленныхъ исключительно къ Новгороду и нивогда не входящихъ въ циклъ богатырей кievскихъ. Сосредоточиваясь около Владимира, кievскіе богатыри являются однако носителями различныхъ историческихъ эпохъ,—къ ихъ именамъ примыкаютъ различныя эпохи. Главныя, въ которыхъ они дѣйствуютъ—Владимирова, Татарская и эпоха Самозванцевъ, самая послѣдняя.

Господствующая черта богатырей—тѣлесная сила. Русскій народъ олицетворилъ въ нихъ два великихъ подвига, совершеннаго имъ—отраженіе дивныхъ азіатскихъ ордъ и уничтоженіе язычества. Всѣ дѣйствія Владимировыхъ витязей сосредоточиваются около двухъ этихъ подвиговъ; одни—принимаютъ участіе въ обоихъ, другіе ограничиваются однимъ изъ нихъ. „Великое было дѣло отстоять свою землю противъ напора дивныхъ кочевыхъ племенъ Азии, каковы были Обры, Угры, Печенѣги, Половцы, Татары. Кромѣ того, надлежало покорить народы, обитавшіе внутри нашей земли или на ея границахъ. Дикіе восточные звуки, искаженные временемъ и устами народа, часто раздаются въ этихъ пѣсняхъ. Татарское племя играетъ въ нихъ важнѣйшую роль. Странныя имена царей: Сауль Леванидовичъ, Этмануилъ Этмануиловичъ, Афромей Афромеевичъ, Калинъ Калиновичъ, Азвякъ Тавруловичъ, Салтыкъ Ставрुльевичъ—означаютъ насмѣшливые намеки на татарскихъ хановъ. Татарщина олицетворяется иногда въ видѣ Змѣя Горыныща, который дышетъ огнемъ, какъ дышала на насъ пожарами и убійствомъ Татарская Орда,—или въ видѣ Тугарина Змѣевича, сына Большого Змѣя, какъ будто малой Орды Крымской, порожденной большою. Орда смѣшивается съ землею Половецкою. Иногда странное имя намекаетъ будто на историческое имя племени,—наприм., царство Альберское не имѣетъ ли отношенія къ Ольберамъ, упоминаемымъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“?... Безпрерывными столкновеніями съ дикими племенами объясняется и та грубость, которою нерѣдко отличаются наши былинныя богатыри,—и которая часто доходитъ до жестокости. Это—нароствъ отъ дивныхъ племенъ, съ которыми намъ приходилось такъ долго бороться. Насиліе вызывается насиліемъ, произволь произволомъ, грубость грубостью... Но нельзя при этомъ не подчеркнуть и той самоотверженности, которой также отличаются наши богатыри... Второй подвигъ русскаго народа, олицетворенный въ богатыряхъ—борьба съ остатками язычества, черновнижіемъ и вохвованіемъ. Подвиги богатырей не-

рѣдео направлены въ эту сторону. Кіевское Идолище, съ которымъ борется Илія Муромецъ,—язычество. Имя Соловья-разбойника, котораго убиваетъ Илія Муромецъ, указываетъ на какое-то отношеніе соловья къ Соловью Богомилу, который по Іоакимовской лѣтописи является верховнымъ жрецомъ, противникомъ христіанства. Алеша Поповичъ употребляетъ молитву противъ Тугарина Змѣевича. О Добрыѣ Никитичѣ Іоакимовская лѣтопись рассказываетъ, что онъ сокрушилъ идоловъ въ Новѣгородѣ. Этому преданію отвѣчаютъ и пѣсни: онъ прогоняетъ Змѣя Горыныча и казнитъ злую еретицу, волдунью Марину. „Но какъ нѣкоторые изъ нашихъ витазей, сражаясь съ грубыми племенами, заразились отъ нихъ грубостью, или, вынужденные насиліемъ, прибѣгали тоже къ насилію, такъ точно другіе, ведя борьбу съ волхвами, сами заразились волхвованіями и употребляли то же оружіе, противъ котораго сражались“. Такими чертами особенно отличаются былинныя преданія о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Волхвѣ Всеславьевичѣ. По поводу борьбы Потока съ змѣемъ, исследователь замѣчаетъ, что въ былинныхъ преданіяхъ о змѣяхъ—„несомнѣнно ясны остатки индійскихъ преданій“. „Вспомнимъ, замѣчаетъ Шевыревъ, то множество змѣй, какое встрѣчается въ санскритской мифологіи и поэзій, ихъ змѣезавлинателей, о которыхъ рассказываютъ путешественники, и особенно Царя Змѣевъ, тысячеглаваго Сѣша, который играетъ важную роль въ санскритскомъ міростроеніи. Конечно, отъ этого Индійскаго Змѣя ведутъ свой родъ и нашъ Большой Змѣй, дѣйствующій въ этомъ преданіи, и Змѣй Горынычъ, хотя въ нему и примѣшана идея татарщины. Самый уговоръ жены Потока—живому идти съ мертвымъ въ могилу—намекаетъ на остатки индійскаго обычая, но уже измѣненнаго. Видно, что всѣ наши древнія преданія, родственныя съ индійскими, перешли уже въ волхвованіе, въ силу вражію, которая борется съ силою высшею, духовною“. По поводу былинны о Волхвѣ Всеславьевичѣ, исследователь отмѣчаетъ связь этого чародѣя-богатыря съ Всеславомъ, кня-

земь Полоцкимъ, представленнымъ чародѣемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Исслѣдователь останавливается также на упоминаніи въ этой былинѣ объ индійскомъ царствѣ, которое покрываетъ Волхвъ: въ этомъ былинномъ эпизодѣ Шевыревъ видитъ смутное отраженіе народной памяти о томъ, что „Индія—родина чернозніжя и волхвованія“, что „оттуда, изъ этого первоначальнаго родства съ индійскимъ племенемъ, нашъ народъ почерпнулъ свои преданія чернозніжныя. Чудная память его сохранила темное о томъ сознаніе. Волхвъ, представитель богатырской силы въ вудесничествѣ, овладѣвъ всѣми его тайнами, разрушаетъ въ концѣ Индѣйское царство, самую родину волхвованія, и выселяется туда изъ своего отечества. Такъ можетъ—по мнѣнію изслѣдователя—наука осмыслить пѣсенное преданіе о борьбѣ съ царствомъ Индѣйскимъ Волхва Всеславьевича, главнаго олицетворителя той части народа, которая сражалась съ остатками язычества“...

Съ особенной любовью относится народный эпосъ къ главному своему герою, Ильѣ Муромцу. Основная черта этого богатыря—служеніе міру. „Одинъ поэтъ прекрасно назвалъ его витяземъ служебной силы. Въ своемъ самоотверженіи почерпаетъ онъ сознаніе своего достоинства. Гордится въ своихъ родителяхъ тѣмъ только, что и они служатъ міру. Притворяется каликой переходимъ, „незнамымъ“ человѣкомъ; но когда недостойные, пронырливые витязи при дворѣ Владимира хотятъ отнять у него славу побѣды надъ Соловьемъ-разбойникомъ, тогда и въ немъ просыпается личное чувство,—и онъ готовъ положить голову во неправдѣ передъ лицомъ всего народа. Онъ признаетъ въ себѣ личность,—не какъ личность, а какъ необходимое орудіе служенія пользѣ общей. Онъ не выдаетъ ея самъ наружу, а объявляетъ ее лишь тогда, когда хотятъ у него отнять полевный подвигъ и обличить его въ неправдѣ и самохвальствѣ“...

Шевыревъ первымъ изъ нашихъ изслѣдователей обратилъ вниманіе на отдѣлъ духовныхъ стиховъ. Онъ разсматриваетъ ихъ, какъ и былины кіевскаго цѣвля, вмѣстѣ съ памятниками

Х вѣка, съ эпохой принятія христіанства,—такъ какъ въ этомъ главномъ событіи эпохи они „имѣютъ свое начало“.

Многіе изъ нихъ носятъ на себѣ очевидные признаки глубокой древности. Въ свое время Шевыревъ одинъ указалъ съ благодарностью и на изданіе духовныхъ стиховъ, сдѣланное Кирѣвскимъ,—въ тогдашней критикѣ прошедшее совершенно безслѣднымъ.

Рядомъ съ общимъ содержаніемъ духовныхъ стиховъ, христіанскимъ,—Шевыревъ указываетъ въ нихъ „примѣсы языческихъ преданій“. Съ другой стороны, многіе духовные стихи, заимствуя предметы изъ священныхъ преданій, обнаруживаютъ „примѣненіе къ роднымъ событіямъ русской исторіи“... Какъ примѣръ и доказательство этихъ чертъ, отмѣчаемыхъ изслѣдователемъ въ духовныхъ стихахъ,—Шевыревъ останавливается на стихахъ о *Голубиной книгѣ* и о *Страшномъ судѣ*.

„Первый стихъ носитъ на себѣ слѣды глубокой древности. Это родъ поэтической космогоніи народа, которой образы облечены въ мысль христіанскую. Дѣйствіе происходитъ въ Иерусалимѣ. Смѣшаны вмѣстѣ эпохи Давида, Захаріи, Владимира... Пѣсня не знаетъ времени“. Въ присутствіи народа происходитъ бесѣда-состязаніе вопросамъ. Владимиръ предлагаетъ Давиду вопросы о началѣ міра, человека и всего сущаго. „Всѣ прекрасныя, свѣтлыя явленія міра претворяются въ воображеніи русскаго народа въ Христовы символы... Всякое явленіе въ жизни и природѣ относится ко Христу, и отъ Него только заимствуетъ свое первенство и значеніе... Признаніе власти и покорность ей основываются на увѣренности, что она, эта власть—первая хранительница православной вѣры... „Окіанъ-море всѣмъ морямъ мати, потому что изъ него выходила церковь соборная святаго Климента, попа римскаго, и въ той церкви соборной явились книги самаго Христа, царя небеснаго“,— послѣднее отраженіе преданій о св. Кириллѣ, просвѣтителѣ славянъ, давшемъ русскому народу грамоту... Китъ-рыба, Индрикъ-звѣрь, Истрофиль-птица—отголоски преданій языче-

ских". Конец бесѣды посвященъ рѣшенію вопроса о правдѣ и неправдѣ... Пересказывая стихъ о Страшномъ судѣ, Шевыревъ замѣчаетъ, что рисуемая въ стихѣ картина Страшнаго суда „принадлежитъ къ числу народныхъ изображеній. Древность ея несомнѣнна и засвидѣтельствована лѣтописцемъ. Она дѣйствовала на воображеніе Владимира. Имя Руси, до сихъ поръ стоящее ошую, есть обстоятельство замѣчательное, имѣющее отношеніе къ лѣтописному сказанію. Есть нѣкоторое сходство между народною картиною и стихомъ, который насаетъ того же предмета. Вѣроятно, византійская живопись одушевляла отчасти народную фантазію“...

Исслѣдователь такъ формулируетъ свои выводы: „Зачало“ историческихъ и духовныхъ пѣсней русскаго народа—„въ отношеніи къ эпохѣ и къ основной мысли—таится въ X вѣкѣ, во временахъ Владимира I“. Пѣсни рѣзко представляютъ двѣ половины. „Одна изъ нихъ, еще темная, полуязыческая, представляетъ развитіе силъ тѣлесныхъ въ борьбѣ съ дикимъ насиліемъ и съ самымъ язычествомъ; другая, свѣтлая, беретъ образы міра чистаго и духовнаго“... Здѣсь, въ этихъ народныхъ пѣсняхъ—„главныя черты народной фантазіи, какъ она является въ самомъ зачатѣ, еще нетронутая никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Въ первой половинѣ, въ богатырскихъ пѣсняхъ, фантазія представляетъ, съ одной стороны, образы ярко преувеличенные, съ другой естественные снятые съ природы. Дубъ, напримѣръ, часто бываетъ изломанъ стрѣлою въ череня ножевые. Огромный лукъ несутъ десять человекъ. Пьютъ и ѣдятъ витязи не въ мѣру людямъ. Яркіе слѣды родства съ фантазією Востока видны въ этихъ картинахъ... Но есть и другія, напоминающія естественность, дружбу съ природою, фантазіи греческой: приведемъ на память стрѣлянне изъ лука, сходное съ гомерическимъ, чертоги и пиры Владимировы. Можно бы было поставить фантазію нашихъ богатырскихъ пѣсенъ на переходной границѣ отъ Востока къ Греціи. Затѣмъ выдаются еще двѣ яркія черты: рѣзвая, ироническая шутка, по большей части, добродушная,—

и хитрая, всесторонняя оборотливость, особенно замѣтная въ пѣсняхъ вудесническихъ“... Иныя черты фантазіи видимъ въ другой, „свѣтлой половинѣ“ народныхъ пѣсень. Основная черта этихъ пѣсень—„младенческая простота“... Кто-то въ насмѣшку назвалъ ихъ „дѣтскими“; передъ нами дѣйствительно „фантазія младенца,—но одного изъ тѣхъ, о которыхъ сказалъ Спаситель, что имъ открыто будетъ то, что утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ,—фантазія младенца, по глубокимъ взорамъ котораго можно уже заключить, что когда онъ выростетъ силами духа, то простретъ пытливую мысль свою на глубокіе вопросы о мірѣ и человѣкѣ. Это—фантазія народа, который, не отказываясь отъ вопросовъ разума, основу жизни своей утвердить въ вѣрѣ; но, покорный ей же началу, выше всего поставитъ любовь, которая все терпитъ и все прощаетъ. Въ чистыхъ образахъ этой фантазіи таится начало мысли о примиреніи любви и правды, почерпнутое изъ самой глубины христіанства“ (Шевыревъ, Ист. русской словесности. I, Москва, 1846, стр. 235—237. 240—241. 242—248. II, М., 1846, стр. 5—7).

Таковы воззрѣнія въ рассматриваемой области двухъ выдающихся предшественниковъ Буслаева. Это были двѣ различныя точки зрѣнія,—которыя хорошо рисуютъ передъ нами характеръ научныхъ мнѣній до-буслаевскаго періода...

Эстетическая критика Бѣлинскаго въ сущности была лишена исторіи, историческаго принципа изученія, ограничивала эту исторію ближайшимъ временемъ, и имѣла дѣло лишь съ позднѣйшею нашею литературой; до-петровскою письменностью она мало интересовалась....

Эстетическая мѣрка въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній—какъ у насъ, такъ и на Западѣ—была большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ „каталогами писателей“; но исторія литературы, какъ мы ее понимаемъ теперь, возникла не на эстетической почвѣ. Колыбелью „исторіи литературы“ былъ романтизмъ,—здѣсь, на почвѣ романтизма,

принципъ историческаго развитія литературы народа соединился съ принципомъ ея національнаго значенія. Родоначальниками „исторіи литературы“ въ Германіи были братья Шлегели, по стопамъ которыхъ западноевропейскія историко-литературныя изученія (разумѣемъ преимущественно Германію) разомъ пошли въ разныхъ, тѣсно между собою связанныхъ и взаимно дополнявшихъ одно другое, направленіяхъ: братья Гриммы сосредоточились на изученіи первичныхъ, исходныхъ источниковъ устной германской поэзій, народнаго обычая, права,—Лахманнъ на критическомъ изученіи болѣе позднихъ письменныхъ памятниковъ германской литературы, древнихъ текстовъ,—другіе на другихъ спеціальныхъ отдѣлахъ и областяхъ средневѣковой и болѣе поздней литературы... Рядомъ съ спеціальными, пошедшими параллельно, изученіями, тогда же начинаются въ Германіи опыты и болѣе или менѣе систематическаго изложенія добываемаго литературнаго матеріала, опыты „исторіи“ литературы, въ трудахъ прежде всего самихъ Шлегелей, позднѣе Horn'a, Bouterwek'a, Wachler'a и др.,—у которыхъ нерѣдко риторическій паеосъ прикрывалъ недостатокъ основательныхъ знаній и историческаго взгляда“... Въ общемъ тотъ же путь развитія имѣли историко-литературныя изученія и у насъ. Бѣлинскій, какъ представитель эстетической теоріи, общимъ кругомъ своихъ литературныхъ идей, выступилъ у насъ, подобно Лессингу въ Германіи, главнымъ образомъ противъ старыхъ, такъ долго преобладавшихъ и въ обществѣ и въ критикѣ ложноклассическихъ взглядовъ. Въ отношеніи къ такимъ критикамъ, какъ Мерзляковъ, Бѣлинскій былъ нашимъ Лессингомъ... Между тѣмъ въ роли братьевъ Шлегелей выступилъ Шевыревъ. Послѣднему, по замѣчанію одного изъ лучшихъ знатоковъ нашей старей письменности, „принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на историческое изученіе языка и словесности“... Если его „Исторія“ древней русской литературы не свободна отъ сентиментальной идеализаціи древнерусской жизни и развитія, то

не забудемъ, что она была попыткою представить полную картину историческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону одною идеею: но это была идея русской народности... Первый эскизъ исторіи древней словесности—продолжаетъ Тихонравовъ—набросанный съ нескрываемымъ пристрастіемъ къ до-петровской исторіи русской народности, останется исходнымъ пунктомъ, къ которому примкнуть изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго научныхъ началахъ, чуждыя крайнихъ патріотическихъ увлеченій и сантиментальной идеализаціи“... Начинаніе Шевырева, какъ и всякое начинаніе, соединялось съ большими крайностями и увлеченіями,—съ подобными же, какія мы видимъ и у братьевъ Шлегелей; но при всѣхъ увлеченіяхъ, здѣсь было вполне здоровое зерно—стремленіе въ историческомъ развитіи литературы услѣдить исторію развитія народа. Въ этомъ заключалось существенное значеніе труда Шевырева.

Этимъ опредѣлялась важность изысканій Шевырева и въ области народной поэзіи. Шевыревъ былъ здѣсь ближайшимъ предшественникомъ Буслаева, — хотя исходныя точки зрѣнія были еще весьма различны... Но Шевыревъ все же видѣлъ въ нашихъ быліяхъ тѣ или другія историческія черты, ставитъ ихъ на почву исторіи,—пытается въ нѣкоторыхъ изъ нихъ услѣдить мысль народа, его философію, міровоззрѣніе... Это міровоззрѣніе старается открыть и Бѣлинскій; но онъ на область народной поэзіи смотритъ съ точки зрѣнія обще-человѣческой литературы и культуры,—съ общей точки отвлеченной литературной эстетики. Мѣркой ему служитъ эта эстетика, а не историческая жизнь народа, та или другая историческая степень культурнаго развитія, какъ для Шевырева народнаго. Послѣдній, конечно, далеко не всегдого вѣрно сближалъ исторію съ народной поэзіей, далеко не всегда вѣрно улавливалъ основныя черты народнаго міровоззрѣнія,—Шевыревъ здѣсь даже прямо слишкомъ преувеличиваетъ, слишкомъ своеобразно смотритъ на

историческія явленія, съ точки зрѣнія таѣхъ наз. славянофильской, или прямо церковной; но Шевыревъ стоялъ все же ближе въ истинѣ, стоялъ уже на пути, который велъ въ вѣрному рѣшенію вопроса....

Труды Буслаева сразу ставятъ изучаемый матеріалъ на совершенно иную почву. Начала и приемы его изысканій—гриммовскія начала историко-сравнительнаго метода въ изученіи мѣологическаго матеріала, гриммовскій методъ изученія, примѣненный и развитый нашимъ изслѣдователемъ, впрочемъ, вполне самостоятельно и на почвѣ самой широкой эрудиціи.

Труды Буслаева шли здѣсь во главѣ цѣлаго движенія, хотя и медленно, но все же замѣтно обнаруживавшагося около этого времени въ нашей наукѣ.

Научное изученіе памятниковъ нашей старой письменности въ концу 40-хъ гг.—въ тому времени, когда начинаются здѣсь изслѣдованія Буслаева—приняли уже довольно значительное развитіе. Въ 30—40 гг. интересы къ народной старинѣ, и письменной и народно-поэтической, въ нашей наукѣ занимаютъ уже видное мѣсто. Уже съ 20-хъ гг. появляются изслѣдованія и изданія Снегирева (1783—1868); предпринимаются обширныя изученія старины Сахаровымъ (1807—1863), между прочимъ выходятъ его знаменитыя *Сказанія русскаго народа* (т. I, Спб., 1841; т. II, Спб., 1849); одновременно идутъ спеціально-историческія и историко-литературныя изысканія Погодина (1800—1875), Шевырева (1806—1866), заявляются новые взгляды на предметъ К. С. Аксакова (1807—1860), печатаются критическія статьи Надеждина (1804—1856)... Съ конца 30-хъ—нач. 40-хъ гг. наши изученія древней славянорусской письменности вообще разомъ дѣлаютъ большой шагъ впередъ. Въ 1834 году учреждается Археографическая Коммиссія,—немедленно же начинающая рядъ самыхъ капитальныхъ изданій въ области старыхъ письменныхъ памятниковъ,—древнихъ русскихъ лѣтописей, историческихъ и юридическихъ актовъ, грамотъ, памятниковъ древнерусскаго канон-

ническаго права, писемъ русскихъ государей и т. д. и т. д. Около 1846 года возникаетъ Русское Географическое Общество—и собранію этнографическаго матеріала бытового и поэтическаго, разомъ придаются необыкновенно широкіе размѣры. На мѣсто случайныхъ, нерѣдко весьма странно освѣщавшихся собраній, является цѣлая масса свѣжихъ данныхъ, собранныхъ въ разныхъ концахъ Россіи,—при чемъ народный бытъ захватывался не только съ небывалой дотошнѣ широтой, но—что особенно было важно—съ стремленіемъ, при собраніи этнографическаго матеріала, къ самой строгой фактической точности, которой такъ недоставало прежнимъ собраніямъ... Въ концѣ 40-хъ гг. въ нашихъ университетахъ основываются кафедры славянскихъ нарѣчій,—что тотчасъ же повело къ болѣе близкому и непосредственному знакомству нашихъ изслѣдователей съ славянскимъ міромъ. Къ собранному и собиравшемуся русскому этнографическому матеріалу, въ первымъ опытахъ его научнаго освѣщенія, теперь присоединялся новый обширный матеріалъ, выносившійся изъ непосредственнаго знакомства съ исторіей и бытомъ другихъ славянскихъ народовъ и памятниками славянской письменности,—пролившій новый свѣтъ на славянскія древности и въ частности на мифологическую старину. Это начавшееся изученіе славянскаго міра, западнаго и южнаго, особенно много содѣйствовало расширенію и упроченію возникшаго научнаго движенія. Изученіе славянства впервые дало русской этнографіи настоящее научное основаніе, указавши для древнѣйшей поры народности ея общеславянскую основу. „Явилась возможность сравненія языка; сравненія мифовъ, преданій, поэзіи; сравненія бытовыхъ учреждений и обычаевъ и, въ концѣ концовъ, опредѣленія общеславянскихъ свойствъ русской народности и ея исключительныхъ особенностей“... Вмѣстѣ съ этимъ, одновременно, устанавливается болѣе непосредственная связь русскихъ ученыхъ съ западною наукой. Въ университетахъ впервые начина...

практиковаться посылка русских молодых ученых за границу,—и это в свою очередь существеннѣйшимъ образомъ способствовало непосредственному притоку къ намъ свѣжихъ европейскихъ знаній, прямому, непосредственному знакомству съ приемами и взглядами строгой европейской науки... Благодаря всѣмъ указаннымъ условіямъ, а также и нѣкоторымъ другимъ, менѣе важнымъ, съ 40—50 гг. у насъ появляется цѣлый рядъ новыхъ научныхъ дѣятелей, — съ несравненно болѣе широкой программой, основанной на изученіи болѣе широкаго этнографическаго матеріала и непосредственномъ знакомствѣ съ научными взглядами и приемами Запада... По мѣрѣ развитія изученій, матеріаль изучаемаго, объемъ его, быстро разрастался. Дотоле почти неизвѣстный, или очень мало извѣстный, болѣе предчувствуемый изслѣдователемъ,—матеріаль росъ на глазахъ послѣдняго, открывая совершенно неожиданно предъ нимъ нерѣдко цѣлыя обширныя, непочатыя области для изученій. Открытія, особенно на первыхъ порахъ, быстро и неудержимо слѣдовали одни за другими. . Многое подвергалось и немедленному обнародованію. Припомнимъ въ области старой письменности рядъ памятниковъ, помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. россійскихъ*, въ *Архивахъ* Калачова, въ *Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. отцовъ*, *Лѣтописяхъ русской литературы и древности*, Тихонова, въ *Православномъ Собесѣдникѣ* и т. д. Не упоминаемъ о спеціальныхъ академическихъ изданіяхъ,—*Извѣстіяхъ II Отд. Ак. Наукъ и Ученыхъ Запискахъ*, посвященныхъ исключительно разработкѣ вопросовъ русскаго языка и исторіи русской литературы...

Все это давало историко-литературнымъ изученіямъ несравненно болѣе прочную почву, сообщало имъ невозможную до того широту постановки; широта изученій вызывалась отчасти самой массой и разнообразіемъ вновь полученнаго матеріала,—дотоле остававшагося науцѣ совершенно неизвѣстнымъ. Русская наука вдругъ приобретаетъ цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей, съ иной подготовкой, чѣмъ какою владѣли

прежніе дѣятели,—съ новымъ методомъ изученія, съ совершенно новыми научными задачами и цѣлями... Въ отношеніи въ исторіи русской литературы,—самый взглядъ на задачи и цѣли „исторіи литературы“, какъ науки, измѣнились. Между старыми, прежними „исторіями литературы“ и новыми взглядами на постановку историко-литературныхъ изученій прошла рѣзкая грань... Одинъ изъ лучшихъ представителей позднѣйшаго направленія въ области изученія нашей литературы, древней и новой, современникъ, отчасти и ученикъ Ө. И. Буслаева,—давно скончавшійся акад. Тихонравовъ, такъ характеризовалъ новое научное направленіе: „Въ настоящее время—говоритъ онъ въ 1858 г. въ предисловіи къ предпринятому имъ, упомянутому историко-литературному изданію *Летописи русской литер. и древности*,—„исторія литературы заняла уже прочное мѣсто въ ряду наукъ историческихъ. Она перестала быть сборникомъ эстетическихъ разборовъ избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась, и отрекшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле положительнаго изученія всей массы словесныхъ произведеній,—поставивъ себѣ задачу уяснить историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія, развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ. Отдѣльное литературное произведеніе эта наука перестала разсматривать какъ явленіе исключительное, внѣ всякой связи съ другими, перестала прилагать къ нему только чисто эстетическія требованія. Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко-литературныхъ источниковъ и пособій. На первый планъ начали выдвигаться литературныя произведенія, которыя даже не упоминались въ прежнихъ „исторіяхъ“ литературы... Съ другой стороны, стараясь объяснить появленіе и значеніе извѣстнаго литературнаго произведенія въ длинной цѣпи другихъ, исторія ли-

тературы стала дорожить тѣми подробностями, которыя способствуютъ уясненію этого вопроса; отсюда любовь къ полнымъ изданіямъ писателей, къ собранію біографическихъ данныхъ, къ изданію рукописей, рѣдкихъ старопеч. книгъ и т. д. Самое подробное и обстоятельное изученіе народнаго быта по литературнымъ памятникамъ привело изслѣдователей къ необходимости сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея проявленіями. Какъ древніе писцы и старинные типографщики были вмѣстѣ миниатюристами и граверами, такъ и исторія литературы и письменности естественно должна была въ своемъ обширномъ развитіи сблизиться съ исторіей искусства. Одинъ и тотъ же духъ вѣетъ и въ литературѣ и въ искусствѣ, и основательное изученіе литературныхъ идей невозможно внѣ полнаго пониманія всей области художественныхъ интересовъ эпохи; потому блистательная разработка искусства и вообще древности много способствовала объясненію и расширенію исторіи литературы. Успѣхи языковѣдѣнія не остались въ свою очередь безъ вліянія на исторію литературы. Выросшая на основѣ общихъ индоевропейскихъ преданій, народныхъ вѣрованій, языка,—словесность народная можетъ быть вполне понимаема только въ связи съ изученіемъ мѣологии, праздниковъ, повѣрій, обычаевъ и вообще всей обстановки народнаго быта, среди которой она возникаетъ“...

Однимъ изъ первыхъ представителей именно этого новаго научнаго движенія былъ Буслаевъ...

Нѣтъ никакой возможности передать здѣсь, даже въ общихъ чертахъ, всѣ результаты научныхъ изысканій Буслаева въ области славяно-русской мѣологической старины; эти результаты почти цѣликомъ были приняты позднѣйшими изслѣдователями, или служили для нихъ исходными пунктами. Излагаемъ главнѣйшія положенія.

„Слово есть главное и самое естественное орудіе преданія. Къ нему, какъ къ средоточію, сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое,

все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа. Начало поэтическаго творчества теряется въ темной, до-исторической глубинѣ, когда созидался самый языкъ. Происхожденіе языка есть первая, самая рѣшительная и блистательная попытка человѣческаго творчества. Слово—не условный знакъ для выраженія мысли, но художественный образъ, вызванный живѣйшимъ ощущеніемъ, которое въ чловѣкѣ возбудили природа и жизнь. Творчество народной фантазіи непосредственно переходитъ отъ языка къ поэзіи. Религія есть та господствующая сила, которая даетъ наиболѣе рѣшительный толчокъ этому творчеству, и древнѣйшіе религіозные мѣны, сопровождаемые обрядами, стоятъ на пути созиданія языка и поэзіи, объемлющей въ себѣ всѣ духовные интересы народа“...

Въ ту эпоху важнѣйшимъ духовнымъ дѣятелемъ былъ языкъ. Въ образованіи и строеніи его оказывается не личное мышленіе одного чловѣка, а творчество цѣлаго народа... По мѣрѣ образованія, народъ все болѣе и болѣе нарушаетъ нераздѣльное сочетаніе слова съ мыслью, становится выше слова, употребляетъ его только, какъ орудіе для передачи мысли,—и часто придаетъ ему иное значеніе, не столько соответствующее грамматическому его корню, сколько степени своего умственнаго и нравственнаго образованія... Не то было въ до-историческую старину. „Вся область мышленія нашихъ предковъ ограничивалась языкомъ. Онъ былъ не внѣшнимъ только выраженіемъ, а существенною, составною частью той нераздѣльной нравственной дѣятельности цѣлаго народа, въ которой каждое лицо хотя и принимаетъ живое участіе, но не выступаетъ еще изъ сплошной массы цѣлаго народа. Тою же силою, какою творился языкъ, образовались и мѣны народа и его поэзія. Собственное имя города или какогонибудь урочища приводило на память цѣлую сказку, сказка основывалась на преданіи, частью историческомъ, частью ми-

эпическомъ,—мною одѣвался въ поэтическую форму пѣсни, пѣснь раздавалась на общественномъ торжествѣ, на пиру, на свадьбѣ, на похоронахъ... Языкъ такъ сильно проникнуть стариною, что даже отдѣльное рѣченіе могло возбуждать въ фантазіи народа цѣлый рядъ представленій, въ которыхъ онъ облакалъ свои понятія. Потому внѣшняя форма была существенной частію эпической мысли,—съ которой стояла она въ такомъ нераздѣльномъ единствѣ, что даже возникала и образовалась въ одно и тоже время. Составленіе отдѣльнаго слова зависѣло отъ повѣрья, и повѣрье, въ свою очередь, поддерживалось словомъ, которому оно давало первоначальное происхожденіе. Столь очевидной, совершеннѣйшей гармоніи идеи съ формою исторія литературы нигдѣ болѣе указать не можетъ... Для изученія сѣдой народной старины языкъ является особенно надежнымъ источникомъ. Преданія мало по малу вытѣсняются христіанствомъ и образованностію; сказанія, не поддерживаясь общимъ интересомъ, предаются забвенію; вѣрованія, отдѣлившись отъ жизненныхъ вопросовъ, превращаются въ суевѣрія и искажаются. Но сколько бы народъ ни отделился отъ своего первобытнаго состоянія,—пока онъ не утратитъ своего языка, до тѣхъ поръ не погибнетъ въ немъ духовная жизнь его предковъ... Особенно важно въ этомъ отношеніи изученіе областного языка. „Обрядность старобытныхъ обычаевъ и суевѣрій, основанныя на преданіяхъ, такъ живо отражаются въ областномъ языкѣ обиліемъ, точностью и разнообразіемъ выраженій, что безпристрастный наблюдатель невольно видитъ въ немъ отличительныя свойства древнѣйшихъ поэтическихъ сказаній: такъ называемое эпическое чудесное и эпическую обрядность. Областные реченія, касающіяся ворожбы, чародѣйства, болѣзней, служатъ дополненіемъ тѣмъ поэтическимъ отрывкамъ народной словесности, которыя извѣстны подъ именемъ наговоровъ, заговоровъ или причтаній. Рѣченія, касающіяся свадебныхъ обра-

довъ, объясняются свадебными пѣснями. Такова въ народномъ языкѣ тѣсная связь отдѣльнаго слова съ цѣлымъ поэтическимъ произведеніемъ“...

„Въ областномъ словарѣ передъ нами разрозненные члены одного органическаго цѣлаго, остатки той великой поэмы, которая еще во времена незапамятныя, раздробясь на множество мелкихъ эпизодовъ, была первымъ проявленіемъ художественнаго творчества, имѣвшаго предметомъ воссозданіе всей природы и жизни въ идеальныхъ образахъ, облеченныхъ въ звуки“.

Эта тѣснѣйшая связь языка съ эпической поэзію одна достаточно объясняетъ, почему народу ни въ какую пору его жизни, ни при какихъ обстоятельствахъ невозможно безнаказанно отречься ни отъ роднаго языка, ни отъ своей эпической поэзіи,—безъ искаженія своихъ природныхъ духовныхъ чертъ, безъ духовнаго вреда себѣ, безъ тяжкаго противу самого себя преступленія, какъ бы отступничества. Что за народъ отвергающій свою старину?...

Это ближайшее соотношеніе между эпической поэзію и языкомъ, основанное на общемъ стремленіи ихъ къ одной и той же цѣли, именно къ художественному воссозданію природы и жизни по особымъ представленіямъ выходящаго на путь самостоятельной жизни народа,—усматривается во многихъ чертахъ ихъ взаимнаго подобія...

„Основываясь на мифахъ и языческихъ воззрѣніяхъ на природу и жизнь, древнѣйшая самородная поэзія народа во всѣхъ ея описываемыхъ событіяхъ видитъ сверхъ-естественное участіе боговъ. Какъ въ эпическихъ произведеніяхъ, на примѣръ, въ Иліадѣ и Одиссеѣ, въ Эддѣ, въ Финскомъ эпосѣ, бываетъ трудно развязать фантастическій узелъ, въ которомъ перепутаны тончайшія нити народныхъ суевѣрій съ простодушнымъ разсказомъ о дѣйствительно случившемся,—такъ и въ формахъ языка умѣли неразрѣшимо сочетаться воззрѣнія и впечатлѣнія съ старобытными въ-

рованіями, составляющими въ образованіи языка особый родъ эпическаго чудеснаго“.

Какъ самородная эпическая поэзія народа есть произведеніе всей массы народа, получившее начало неизвѣстно когда, слагавшееся и измѣнявшееся въ теченіе многихъ вѣковъ, переходившее изъ рода въ родъ по преданію,—такъ и языкъ есть общее достояніе всего народа, объемлющее въ себѣ дѣятельность многихъ поколѣній... Какъ сказка, какъ преданіе,—языкъ принадлежитъ всѣмъ и каждому, и никто не можетъ сказать, когда и гдѣ былъ созданъ языкъ...

Переходъ отъ отдѣльныхъ реченій и формъ въ языкъ къ созданію полныхъ и законченныхъ поэтическихъ произведеній народа—поэмамъ, духовнымъ стихамъ, сказкамъ—составляютъ особыя посредствующія формы эпическаго творчества, „разрозненные члены эпическаго преданія“, — пословицы, поговорки, заговоры, вѣтвы, загадки, примѣты и т. п. „Всѣ эти разрозненные члены одного сказочнаго преданія, взятые въ совокупности, составляютъ то цѣлое, которое хотя и не высказалось во всей полнотѣ ни въ одной народной поэмѣ, однако всѣми чувствовалось и сознавалось, какъ родное достояніе предковъ. Ни одинъ изъ разрозненныхъ членовъ баснословнаго преданія не живетъ въ народѣ отдѣльно, самъ по себѣ: всѣ они взаимно переходятъ другъ въ друга, связываются крѣпкими узлами повѣрья, сцѣпляются и перемѣшиваются, подчиняясь игривой фантазіи народа, изобразительной и художественной. Иногда загадка переходитъ въ поэму, иногда поэма сокращается въ загадку; пословица рождается изъ сказанія и становится необходимою частью поэммы, хотя и ходитъ въ устахъ народа отдѣльно,—вѣтвя и заговоръ, составляя оторванный членъ преданія, развиваются въ цѣлое сказаніе, или составляютъ обычный пріемъ въ эпическомъ разсказѣ,—даже примѣта, обыкновенно подразумѣваемая, а не

высказываемая, иногда является обильнымъ источникомъ эпическому вымыслу“..

Эпическая самородная поэзія, соответствующая въ каждомъ народѣ первоначальной эпохѣ его жизни, обнимающая всѣ многоразличныя стороны этой жизни,—создается, какъ сказано, совокупною творческою дѣятельностію всего народа; отдѣльныя лица были не поэты, а только пѣвцы и рассказчики. Они умѣли только вѣрнѣе и лучше рассказывать или пѣть то, что было извѣстно всякому. „Если что и прибавлялъ отъ себя пѣвецъ, то единственно потому, что въ немъ по преимуществу дѣйствовалъ тотъ поэтический духъ, которымъ проникнуть былъ весь народъ,—только это убѣжденіе давало ему силу творить, и только такое творчество было по сердцу его слушателямъ. Да и здѣсь изобрѣтеніе сказанія, лицъ и событій не принадлежало поэту-пѣвцу. Преданіе, подобно языку, жило въ сознаніи всѣхъ и каждого; вѣками оно возрастало и обрабатывалось. Отдѣльному лицу, увлеченному въ своей жизни всѣмъ потокомъ преданій и повѣрій, трудно было, подобно новѣйшему художнику, отрѣшиться отъ нихъ въ минуту творчества и воссоздать въ изящной формѣ все то, что было въ нихъ прекраснаго. Въ эпическую эпоху рассказчикъ или пѣвецъ довольствовался немногими прибавленіями только въ подробностяхъ, при описаніи лица или событія, уже давно всѣмъ извѣстныхъ,—онъ былъ свободенъ только въ выборѣ того, что казалось ему важнѣйшимъ въ народномъ сказаніи; но и при свободѣ разсказа онъ былъ неводенъ въ выборѣ словъ и выраженій. Въ самородномъ эпосѣ эпическая обрядность во всей силѣ господствуетъ въ повтореніи извѣстныхъ, обычныхъ выраженій, и сказанное о чемъ нибудь однажды казалось столь удачнымъ, что уже нѣкто не бралъ на себя труда выдумывать новое“...

„Въ эпическій періодъ жизни, народный обычай имѣетъ такую власть надъ отдѣльною личностію, что она не только не можетъ создать пѣсню или сказку, какъ исключительное

выраженіе своей частной жизни, но даже не имѣть надобности выдумывать отъ себя приличное привѣтствіе на пиру, въ знакъ доброжелательства собесѣдникамъ и хозяину: привѣтствія и заздравныя рѣчи искони ходили между народомъ въ установленной обычаемъ формѣ“...

„Эпическій пѣвецъ, хотя и неясно, чувствовалъ влекущую его въ общей толпѣ цѣлаго поколѣнія, ничѣмъ не удержимую—силу преданія и обычая. Онъ былъ неволенъ, какъ въ содержаніи разсказа, идущемъ отъ старины, такъ и въ способѣ выраженія,—употребляя общепринятые, обычные эпическія формы, уподобленія, эпитеты, метафоры и вообще подчиняясь складу и ладу народной рѣчи. Потому самородная эпическая поэзія, въ теченіе столѣтій, представляетъ замѣчательную ровность языка, не нарушаемую личнымъ способомъ выраженія отдѣльныхъ пѣвцовъ и составляющую отличительный характеръ эпического слога“.

Весьма могущественнымъ является въ народной поэзіи нравственное чувство. Оно столь значительно воспитывается эпическою поэзію, что слушателя всегда живѣ увлекаютъ вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы,—какъ и теперь люди простые, также дѣти, не умѣя отдѣлить художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, принимаютъ въ сказкѣ или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовію слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ, съ отвращеніемъ слушаютъ о зломъ...

Одно изъ отличительныхъ свойствъ самородной эпической поэзіи есть безграничная широта объема. Обыкновенно говорятъ, что содержаніемъ эпоса бываетъ цѣлый міръ, все человѣчество. Это вполнѣ справедливо, хотя этого выраженія конечно никто не приметъ въ томъ смыслѣ, будто эпосъ есть поэтическая всеобщая исторія человѣческаго рола и природы... Содержаніе эпоса—поэтически изображенныя событія изъ жизни извѣстныхъ лицъ; но эти лица всегда—представители цѣлыхъ родовъ и поколѣній,—повѣствуя о нихъ,

пѣвецъ увлекаетъ воображеніе слушателей на поприще необозримое, повѣствуя о событіяхъ и дѣлахъ, объемляющихъ цѣлыя поколѣнія... Отчасти даже внѣшняя мѣра соответствуетъ такому широкому объему эпоса. Одна пѣсня сдѣлается съ другой, одинъ разсказъ дополняется другимъ,—поколѣніе послѣдующее добавляетъ сказку поколѣнія отжившаго, и никто не видитъ ни начала, ни конца эпическому цѣлому, которое тянется изъ рода въ родъ, то дробясь на отдѣльныя пѣсни и разсказы, то собираясь въ дружныя массы... Широкий взглядъ на міръ передаетъ пѣвецъ слушателю иногда въ самомъ началѣ своего разсказа. Вотъ почему нѣкоторые древнерусскія стихотворенія начинаются этой прекрасной припѣвкой

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе...

Здѣсь призвано въ помощь все необъятное, чтобы дать эпическому воодушевленію надлежащій просторъ: и широта земная, и глубина океана, и высота поднебесная“...

Если главныя основы эпоса остаются неизмѣнны, все же, по требованіямъ развивающихся поколѣній, или вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, иногда цѣлыя обширныя отдѣлы древнѣйшей народной поэзіи, вмѣстѣ съ древнѣйшими поколѣніями, вымираютъ, оставляя по себѣ только слабыя слѣды... Такъ эпосъ еогоническій смѣнился героическимъ. Сначала тотъ и другой еще живутъ общею жизнію; но потомъ остается только героическій, а потомъ и этотъ послѣдній, все болѣе прерывающія нити, связывавшія его съ народною мифологіею, вступаетъ на поприще историческаго разсказа...

„Тогда въ памяти народа остаются только отрывочныя намеки на утраченное цѣлое, въ видѣ обычныхъ эпическихъ формъ или темныхъ повѣрій, бессознательныхъ

обрядовъ и т. п. архаическихъ устарѣлыхъ формъ, въ образованіи и измѣненіи словъ,—формъ, которыхъ первоначальное значеніе уже непонятно. Они уже стали не иное что, какъ развалины нѣкогда стройнаго цѣлаго зданія,—не иное что, какъ старый и разрозненный матеріалъ, пошедшій на новыя постройки“.

„На этомъ основывается высокое достоинство эпизодовъ народнаго эпоса. Каждый изъ нихъ даетъ слушателю полную возможность ориентироваться, опознаться во всѣхъ подробностяхъ разсказа и въ тѣхъ возрѣніяхъ, которыя въ эпизодѣ сообщаются—, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и стояли въ связи съ другими пѣснями или связями, съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Эпизодическое существованіе эпоса, вполне согласное съ постоянно эпизодическимъ его употребленіемъ въ народѣ, опредѣляетъ историческую его судьбу, его внѣшнее развитіе. Со временемъ одни эпизоды пропадаютъ, другіе возникаютъ вновь, иные подновляются, по требованію новыхъ обстоятельствъ и возрѣній, и, такъ сказать, покрываются новыми наростами,—однако, не смотря на это постоянное видоизмѣненіе составныхъ частей, цѣлое остается невредимо, пока въ народѣ не угасла жизнь эпического творчества...“

Изученіе первобытной эпической поэзіи есть изученіе первоначальнаго періода внутренней жизни народа... Поэзія есть выраженіе народной жизни: изъ этого правила не представляетъ исключенія и эпическая поэзія.

Народный эпосъ, устная безыскусственная поэзія каждаго христіанскаго народа, проходитъ три главныхъ періода: 1) миеологическій, 2) смѣшанный или двоевѣрный, и 3) собственно христіанскій. Въ миеологическомъ процессѣ духовной жизни народа, въ до-историческомъ созиданіи самой миеологии, кроются первыя начала народнаго поэзіи. Выходя изъ этой темной области миеологической, народный эпосъ представляетъ полное, нераздѣльное единство миеологии и поэзіи, на-

роднаго вѣрованія и творческаго воодушевленія. Эпосъ мифологическій полагаетъ первыя основы нравственнымъ убѣжденіямъ народа,—выражая въ существахъ сверхъестественныхъ, въ богахъ и герояхъ, не только религіозные, но и нравственныя идеалы добра и зла. Потому эти идеалы народнаго эпоса—болѣе нежели художественныя образы: это рядъ ступеней народнаго сознанія на пути къ нравственному совершенствованію... Если славянскій мифологическій эпосъ не успѣлъ создать полныхъ, округленныхъ типовъ божествъ, подобно эпосу греческому, скандинавскому или финскому,—тѣмъ не менѣе, онъ и доселѣ живетъ теплою, искреннею вѣрою въ цѣлый рядъ мифическихъ существъ, но существъ мелкихъ, не многозначительныхъ. Это не крупныя, вѣдчавыя личности греческаго Зевса, финскаго Вейнемейнена, скандинавскаго Тора или Одина, съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, развитымъ во множествѣ подвиговъ и походовъ,—но рядъ существъ не самостоятельнаго, не отдѣльнаго бытія: это цѣлыя толпы Виль, Русалокъ, Дивовъ, Полудницъ и т. п. Темныя, краткія намеки на эти и другія славянскія божества мы встрѣчаемъ и въ современныхъ остаткахъ устной народной поэзіи, и въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ,—какъ у насъ, такъ и у другихъ славянскихъ племенъ... Славянскій эпосъ, не сосредоточиваясь на крупныхъ личностяхъ божествъ,—какъ бы раздробляется въ своихъ мифологическихъ интересахъ, преслѣдуя тайныя нити, которыми связываются герои, а иногда и лица историческія, съ цѣлымъ міромъ мелкихъ существъ сверхъестественныхъ... Какъ произведеніе народной фантазіи, сложившееся еще въ эпоху мифическую, и до послѣдняго времени сохранившее на себѣ слѣды этой эпохи,—героическій, или выражаясь сербскимъ терминомъ, юнацкій эпосъ проникнутъ творческимъ вѣрованьемъ въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественныхъ. Весь циклъ древнерусскихъ богатырей убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ...

Въ такъ наз. старшихъ богатыряхъ передъ нами воспоминанія о древнѣйшихъ божествахъ славянорусской мѣологии. Самыя имена нѣкоторыхъ изъ этихъ богатырей, мож. быть, имѣютъ смыслъ мѣологическій, какъ Святогоръ, Волхъ или Вольга, Тугаринъ Змѣевичъ, Дунай, Донъ и др. Значительный слой мѣологическихъ представленій вошелъ и въ цѣлыя былинъ о младшихъ богатыряхъ,—въ самомъ Владимирѣ и въ Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатка древнѣйшей мѣологической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа“...

Въ мѣологическихъ сказаніяхъ многихъ народовъ бываетъ съ бѣльшею или меньшею ясностью обозначенъ одинъ очень важный моментъ въ исторіи народныхъ вѣрованій: это переходъ отъ древнѣйшихъ божествъ къ позднѣйшимъ, переходъ, свидѣтельствующій о дальнѣйшемъ развитіи духовныхъ силъ народа, выражающихся въ мѣологическихъ сказаньяхъ. Это историческое развитіе мѣологическаго процесса, столь очевидное въ мѣологіи греческой,—изъ народовъ позднѣйшихъ въ наибольшей ясности выразилось въ поэтическихъ сказаньяхъ скандинавской Эдды. Оно отразилось и въ русскомъ мѣологическомъ эпосѣ довольно явственно, въ извѣстномъ сказаньѣ о томъ, *Какъ перевелъсѣ витязи на святой Руси.*

Вся жизнь древней Руси была пронизана поэзіею,—всѣ духовные интересы были понимаемы только на основѣ самого искренняго вѣрованья, хотя бы источникъ этого послѣдняго и не всегда былъ христіанскій. Множество примѣтъ, зачатій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и доселѣ живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣлствуютъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго имъ цѣлаго, была не собственно языческаа, и уже вовсе не христіанская, но какая-то смутная, фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами христіанскаго міра соединилось нѣчто дру-

гое, болѣе согласное съ мнѣніями возрѣніями народнаго эпоса... Отличительною чертою этого смутнаго состоянія духа было суевѣрное убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно, въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ болѣе важномъ случаѣ жизни, можетъ внезапно оказать свое необычайное дѣйствіе. Въ періодъ эпической жизни народа это убѣжденіе выразилось въ чудесномъ, какъ основной пружинѣ всего народнаго эпоса...

Народная поэзія, войдя въ древнерусскую литературу, — всего скорѣе и естественнѣе могла слиться съ такъ называемыми отреченными книгами, съ сочиненіями апокрифическими и, въ которыхъ христіанскія понятія и преданія перемѣшаны съ народными мѣтами, съ различными суевѣріями и поэтическими вымыслами. На это сліяніе народной поэзіи съ отреченными книгами указываетъ намъ уже и древняя письменность, помѣщая между этими книгами различныя суевѣрія и игры... И т. д. и т. д.

Научныя разысканія Буслаева въ области памятниковъ народнаго творчества, — русскихъ, славянскихъ и западно-европейскихъ, — при разнообразіи его ученыхъ изслѣдованій, были для него особенно постоянными, частыми. Въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ Буслаевъ постоянно обращается къ изученію мѣтологическихъ элементовъ русской старины, — насколько эти элементы скрываются въ языкѣ, памятникахъ устнаго народнаго творчества, въ сохранившихся остаткахъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, въ разнаго рода народныхъ преданьяхъ и повѣрьяхъ, похоронныхъ причтаніяхъ, сказкахъ, былинахъ, заговорахъ, пословицахъ, духовныхъ стихахъ, наконецъ, въ произведеніяхъ древне-русской письменности. Его изслѣдованія всецѣло стоятъ здѣсь на почвѣ гриммовскаго метода.

Нужно однако замѣтить, что Буслаевъ сумѣлъ удержаться отъ тѣхъ крайностей, до которыхъ очень скоро дошла у насъ сравнительная мѣтологія въ лицѣ такихъ изслѣдователей, какъ Афанасьевъ, Потебня, Орестъ Мил-

леръ и др. Буслаевъ никогда не увлекался, или очень рѣдко, крайностями миеологической эзегезы. Буслаевъ не особенно высоко цѣнитъ миеологию природы — „съ ея безсодержательными объясненіями, которыя она полагала на всевозможныя миеическія и эпическія личности, будь то божество греческаго Олимпа или Добрыня Нивитичъ, Илья Муромецъ, и другіе богатыри нашихъ былинъ“, — видя во всѣхъ этихъ лицахъ „не болѣе какъ разныя явленія и силы природы, свѣтъ или тьму, день или ночь, тепло или холодъ и т. п.“. Буслаевъ отступаетъ отъ тѣхъ лингвистовъ, которые „покупаются такъ далеко вытянуть изъ формъ языка первичныя воззрѣнія на природу, что одною и тою же чертою небеснаго свѣта усиливаются обрисовать и миеологическіе характеры Зевса съ Аполлономъ, и змѣубійцу Зигфрида, и кровосмѣсителя и отцеубійцу Эдипа, и нашего Илью Муромца“... напр. Буслаевъ открыто высказываетъ свое предпочтеніе предъ миеологіей природы теоріи Каспера, его ученію о миеѣ, какъ сочетаніи миеологическаго вѣрованія съ историческимъ преданіемъ. Вообще, рядомъ съ остатками миеологическими, Буслаевъ допускаетъ и другіе элементы въ народной поэтической старинѣ, — географическіе, историко-бытовые, книжныя и т. п. „Тотъ не можетъ себѣ составить точнаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ — замѣчаетъ онъ по одному поводу — кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходитъ до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими, анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлыя эпизоды изъ своей современности“... По взгляду Буслаева, древнія миеическія воззрѣнія въ нашемъ эпосѣ чаще всего являются уже въ позднѣйшемъ, какъ бы преломленномъ видѣ, съ значеніемъ мѣстнымъ, историко-бытовымъ, географическимъ и т. п. Въ послѣдовательномъ развитіи своихъ изы-

сказаній,—этими, болѣе позднимъ элементамъ, онъ даетъ все большее и большее мѣсто.

Буслаевъ особенно часто указываетъ на вліянія книжныя. Онъ особенно часто и съ особенною настойчивостью останавливается на тѣсныхъ связяхъ устной народной поэзіи съ памятниками письменности,—выдвигая въ этомъ случаѣ вопросъ, остававшійся до него совершенно затронутымъ. Онъ впервые напр. пытается уяснить взаимныя отношенія духовныхъ стиховъ къ апокрифамъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій къ лѣтописи и т. д. Въ сферѣ изученія устныхъ произведеній русской народной поэзіи громадной заслугой Буслаева было именно привлеченіе сюда, къ этому изученію, обширнаго круга письменныхъ памятниковъ древней Руси.—тщательное изученіе, въ связи съ произведеніями устно-поэтической нашей старины, памятниковъ древнерусской письменности. Чаще всего здѣсь онъ, какъ и вездѣ, пролагалъ первые пути, являлся непосредственнымъ предшественникомъ современныхъ изслѣдователей..

И вообще въ своихъ позднѣйшихъ изученіяхъ Буслаевъ почти совершенно отказался отъ старыхъ, мифологическихъ толкованій—въ пользу новой, бенфеевской теоріи, явившейся отчасти поправкой, отчасти дальнѣйшимъ развитіемъ старой теоріи Гримма. Широта постановки болѣе новыхъ изученій и блестящіе результаты, здѣсь добытые, не могли не подчинить своему обаянію столь отзывчиваго великаго ученаго. Подъ конецъ Буслаевъ открыто призналъ гриммовскую теорію устарѣвшей... „Такъ называемая гриммовская школа, съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ мифологіи, обычаевъ и сказаній—которые я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ—замѣчаетъ Буслаевъ въ 1887 г., въ предисловіи къ академическому изданію своихъ прежнихъ статей,—должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ... Многие, что признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа, оказалось теперь

случайнымъ заимствованіемъ извнѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія“... (Сборникъ II Отд. А. Н., т. 42. Спб., 1887. Нар. Поэз., пред., стр. III—IV). Мало этого; Буслаевъ не только признавалъ полную возможность объяснять нѣкоторые эпизоды нашего эпоса теоріей заимствованія, съ этой новой точки зрѣнія,—въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ онъ нерѣдко и самъ становится на эту почву... Въ томъ примѣненіи, какое дѣлается изъ теоріи нашими позднѣйшими представителями ея,—многое было уже подготовлено Буслаевымъ. Лучшіе представители этихъ, болѣе позднихъ, научныхъ взглядовъ, вполне признають значительную важность сдѣланнаго здѣсь Буслаевымъ,—и открыто ставятъ свои работы въ преемственную связь съ болѣе ранними работами нашего знаменитаго ученаго (Ср. акад. Веселовскаго, Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и пр., Спб., 1872, стр. IX).

Цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ Буслаева относится къ области изученія древнерусской письменности. Его научныя изысканія здѣсь отчасти, какъ мы видѣли сейчасъ, входили въ область изученія уже памятниковъ устной народной поэзіи, но отчасти имѣли и совершенно самостоятельный характеръ,—и въ этомъ случаѣ примыкали къ трудамъ первыхъ нашихъ изслѣдователей этой области, къ трудамъ Востокова, Калайдовича, Строева, м. Евгенія и др.,—идя гораздо дальше, гораздо шире ставя вопросы историко-литературныхъ изученій...

Одной изъ главныхъ задачъ нашихъ первыхъ изслѣдователей письменной славянорусской старины было—привести въ извѣстность дошедшій наличный матеріалъ, разбросанный въ различныхъ книгохранилищахъ; отсюда—цѣлый рядъ „описаній“ и изданій памятниковъ древнерусской письменности, цѣлый рядъ специальныхъ „описаній“ бібліотекъ и т. д. Къ этому направленію нашихъ первыхъ историко-литературныхъ изученій примыкають два капитальныхъ труда Буслаева: *Палеографическіе и филологическіе матеріалы для*

исторіи письменъ славянскихъ (М., 1855) и знаменитая *Историческая христоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ* (М., 1861)...

По отношенію къ древнерусской письменности, изученія Буслаева—въ связи съ его изученіями памятниковъ народнаго творчества, устной народной поэзіи, особенно часто сосредоточивались въ той области литературы, которая дотолѣ оставалась совершенно неизвѣстной,—въ области произведеній „отреченныхъ“, апокрифическихъ. Это былъ особый, чрезвычайно обширный отдѣлъ нашей старой письменности, чаще всего переводный, но быстро климатизировавшійся,—отдѣлъ, запрещенный церковью, строго преслѣдовавшійся многочисленными „индексами“,—и не смотря на то едва ли бывшій не наиболѣе распространеннымъ въ книжной средѣ,—въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ питавшій своей оригинальной, своеобразной поэзіей и мысль и чувство древнерусскаго грамотника... Вліяніе этой области старой письменности, при всѣхъ запрещеніяхъ, могучимъ потокомъ проникало и въ произведенія нашихъ собственныхъ церковныхъ писателей, и въ произведенія такіа строго церковныя, какъ Прологи, Четь-Мивеніи, многочисленные древнерусскія анонимныя „поученія свв. отецъ“, и въ древнерусское искусство,—не говоримъ уже про область устнаго народнаго творчества. Последнее подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого рода письменности—въ значительной долѣ своей совершенно преобразовывается, выдѣляя изъ себя особый обширный, совершенно новый, отдѣлъ поэзіи—*духовные стихи*... Съ научнымъ изученіемъ этой легендарно-апокрифической письменности, вся картина нашей древней литературы совершенно мѣнялась... Изслѣдованія Буслаева здѣсь тѣсно соприкасались съ начавшимися скоро особенно важными изученіями Тихонова, —но первые пути сюда были указаны Буслаевымъ...

Въ сферѣ древнерусской письменности рано обратила на себя вниманіе изслѣдователей обширная область свѣтскихъ

повѣстей и сказаній. И здѣсь самыми первыми опытами изученій рядомъ съ классическимъ трудомъ Пыпина—были изслѣдованія Буслаева...

Памятники древнерусской письменности Буслаевъ изучалъ въ тѣсной связи съ произведеніями древнерусскаго искусства. Это была любимая сфера его ученыхъ трудовъ, и здѣсь онъ былъ опять не только пролагателемъ первыхъ путей,—но до конца остался и первымъ авторитетомъ. Эта научная область, можно сказать, и возникла у насъ только благодаря трудамъ Буслаева,—долгое время только имъ и держалась. Пока рядомъ съ трудами Буслаева могутъ быть поставлены здѣсь только труды его „ученика“ Н. П. Кондакова,—второму онъ охотно уступилъ дорогу, а подъ конецъ и отдалъ пальму первенства... Монументальные труды Буслаева въ области древнерусскаго искусства для насъ особенно важны,—насколько они открываютъ передъ нами новыя стороны памятниковъ старой русской письменности, новыя взаимныя вліянія и связи того или другого письменнаго произведенія ту или другую черту его литературной исторіи и отношеній. Масса относящихся сюда замѣтокъ, сближеній, цѣлыхъ изслѣдованій разбросана во всѣхъ трудахъ Буслаева,—нерѣдко относясь не только къ памятникамъ литературы древней, но и къ области позднѣйшей...

Нельзя не отмѣтить трудовъ Буслаева и въ области старой западно-европейской литературы,—въ то время, да отчасти и теперь, еще очень мало у насъ извѣстной. Таковы его превосходныя изслѣдованія о Сидѣ, о Роландѣ, о страствующихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, — специальный курсъ, читавшійся Буслаевымъ въ теченіе трехъ лѣтъ, къ сожалѣнію оставшійся почему-то ненапечатаннымъ, о Дантѣ, гдѣ захватывалась почти вся современная и даже болѣе ранняя культура среднихъ вѣковъ, и мн. др.

Уже и изъ этого бѣглого обозрѣнія нельзя не видѣть громаднаго значенія Буслаева въ нашей исторической наукѣ,—за послѣднія 50 лѣтъ, въ ея различныхъ областяхъ...

Въ одномъ мѣстѣ „Воспомнаній“ знаменитый ученый, говоря о новыхъ направленіяхъ въ русской наукѣ, и жалуясь, что по его годамъ ему уже не подѣ силу итти въ уровень съ ними, — скромно замѣчаетъ о себѣ, обращаясь къ своимъ ученикамъ и слушателямъ, которымъ посвящены „Воспомнанія“: „Задаваться этимъ новымъ для меня дѣломъ не хватало уже моихъ силъ. Я предоставилъ его молодому поколѣнію ученыхъ, — между которыми любовался на своихъ учениковъ. Мнѣ стало очевидно, что я начинаю старѣть, что пѣсенка моя спѣта. Однако не воображайте себѣ, что я унывалъ духомъ; напротивъ того, я радовался, что мои ученики опережаютъ меня, со славою ведутъ дѣло, начатое мною: значить, думалъ я, не дурной былъ я учитель, когда умѣлъ взлѣять такихъ учениковъ. Въ этомъ я находилъ себѣ оправданіе и награду своей университетской дѣятельности“ .. Это не вѣрно, — знаменитый старецъ изъ скромности клеветалъ на самого себя... Можно сказать, до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни, несмотря на свои старческіе годы, — Буслаевъ бодро шелъ въ уровень съ своими молодыми, самыми даровитыми учениками!... Только въ 1885 году Буслаевъ окончилъ свой послѣдній монументальный трудъ, — которымъ, можно сказать, съ честью закончилъ и свою ученую дѣятельность, трудъ, надъ которымъ потерялъ глаза, и который, по отзыву одного авторитетнаго западно-европейскаго ученаго, по богатству новыхъ данныхъ, по эрудиціи, по критическому методу и литературному достоинству — „заставляетъ западную науку завидовать русской“...

Мы не находимъ ничего лучшаго, какъ этимъ отзывомъ компетентнаго иностраннаго ученаго закончить свое бѣглое обзорѣніе научной дѣятельности нашего знаменитаго изслѣдователя ¹⁾).

¹⁾ Болѣе или менѣе подробный перечень ученыхъ монографій, статей, замѣтокъ Ө. И. Буслаева собранъ нами въ брошюрѣ: «Ученые труды Н. С. Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894», стр. 69—74.

Протоколы

Общихъ собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

19 марта 1895 года.

Засѣданіе открыто въ актовомъ залѣ Университета въ 1 часть дня г. Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Износковымъ, который, за отсутствіемъ и болѣзнью Н. А. Ойрсова, на основаніи § 35 устава общества принялъ на себя отправленіе обязанностей Предсѣдателя Общества.

Въ засѣданіи, кромя г. Товарища Предсѣдателя И. А. Износкова, дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, присутствовали: члены Совѣта А. И. Александровъ и П. А. Пономаревъ и секретарь Общества Н. Э. Катановъ.

1) Членъ Совѣта П. А. Пономаревъ прочиталъ свой докладъ подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о первыхъ общественныхъ попыткахъ научно-литературной дѣятельности въ Казани». Сначала докладчикъ коснулся литературы предмета, которымъ занимались: Лонгиновъ (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1858 годъ), Н. А. Поповъ (въ томъ же журналѣ за 1859 годъ) и Н. Н. Буличъ (въ книгѣ «Изъ первыхъ лѣтъ Казан. Унив.»). Затѣмъ докладчикъ изложилъ исторію русской культуры въ Казани, въ особенности начальный ея періодъ. Русская культура здѣсь началась вскорѣ по завлеваніи края русскими. Уже съ первыхъ лѣтъ этого событія возникаютъ здѣсь монастыри и при нихъ училища. При Петрѣ Великомъ учреждены школы, преобразованныя послѣ въ семинарія. Въ 1758 г. основана гимназія, въ которой въ числѣ первыхъ учениковъ былъ Державинъ. Въ 1770 г. при гимназіи по почину Веревкина открытъ классъ татарскаго языка. Въ царствованіе Екатерины II умственное движеніе еще больше развилось: стали предприниматься разныя экспедиціи съ научною цѣлью и др. научныя работы. Такъ въ 1788 г. Д. Н. Зинovieвъ издалъ «Топографическое описаніе г. Казани и его уѣзда». Литература того времени выдвинула Державина и др. Къ этому же времени относится и учрежденіе массы народныхъ училищъ низшихъ и среднихъ, служившихъ подготовительными заведеніями къ будущимъ университетамъ. Преподаватели Казан.

главного народного училища и были организаторами первого мѣстнаго литературнаго кружка. Эти лица суть: В. Р. Бобровский, П. И. Протопоповъ, И. И. Чернявскій, Орловъ, Н. С. Арцыбышевъ, Г. П. Каменевъ и С. А. Москотильниковъ, бывшій главою этого кружка. Дѣятельность этого кружка вращалась въ кругу научно-литературныхъ интересовъ. Этотъ кружокъ образовался въ Казани и «Вольный театръ», просуществовавшій до 1796 г. Онъ подготовлялъ также почву для университета, который былъ открытъ въ 1805 году. При университетѣ въ 1806 г. организовался литературный кружокъ, развившійся вскорѣ въ «Казанское общество любителей отечественной словесности»; организаторомъ же этого кружка былъ Ибрагимовъ, даровитый преподаватель гимназіи. Кружокъ этотъ, носившій въ началѣ чисто домашній или школьный характеръ, со времени утвержденія его устава въ 1814 году значительно сталъ расширяться, имѣя цѣлю «споспѣшествованіе распространенію успѣховъ отечественной словесности вообще». Въ 1818 г. Общество имѣло 75 дѣйств. и 25 почетн. членовъ и обмѣнивалось уже изданіями съ Прагою и Вѣною. Сначала оно предполагало заняться археологіею и этнографіею своего края, но этихъ предположеній не осуществило; зато нѣкоторые его члены стали сотрудничать въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ», газетѣ, издававшейся съ 1811 по 1820 годъ Д. Н. Зиновьевымъ. Затѣмъ докладчикъ подробно описалъ дѣятельность вышеназваннаго общества и содержаніе «Казанскихъ извѣстій». Во время чтенія были розданы присутствующимъ экземпляры «Полнаго систематическаго указателя статей мѣстно-областнаго содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» съ 1811 по 1821 г.», составленнаго докладчикомъ въ 1880 г. Эти статьи «Каз. Изв.», по сообщенію докладчика, до сихъ поръ не утратили своего значенія, служа прекраснымъ источникомъ для ознакомленія съ состояніемъ Поволжья и Сибири въ началѣ настоящаго столѣтія. Съ появленія Магницкаго въ Казани въ 1819 г. фізіономія газеты измѣнилась, а въ 1820 г. изданіе ея и вовсе было прекращено. Что же касается «Общества любителей отечественной словесности», члены котораго работали въ «Каз. Изв.», то оно съ перерывами тянулось до 50-хъ годовъ, держась строго научнаго направленія. Затѣмъ это «Общество» распалось на нѣсколько другихъ обществъ по специальностямъ и какъ бы исчезло, переживая періодъ бездѣйствія до настоящаго времени.

2) Затѣмъ г. Товарищъ Предсѣдателя Общества И. А. Износковъ прочиталъ свой докладъ «Матеріалы для историко-археологическаго обзоренія Спасскаго уѣзда Казанской губерніи. II. Районъ болгарскаго города Сувары»*).

3) Секретарь Общества Н. Э. Катановъ доложилъ Собранію подробный отчетъ о дѣятельности Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1894 годъ**).

* Напечатаны въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 1, стр. 10—18.

** Напечатанъ въ приложеніи къ 6-му вып. XII-го тома «Извѣстій», стр. 1—27.

4) Г. Тсварищъ Предсѣдателя, заявивъ, что избраніе въ дѣйствительные члены Общества приватъ-доцента Университета Н. Д. Колотянскаго, за отсутствіемъ законнаго числа голосовъ, на основаніи § 28 устава состояться теперь не можетъ, и посему отлагается до слѣдующаго Собранія, объявилъ засѣданіе закрытымъ (въ 3 часа дня).

20 апрѣля 1895 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 часовъ вечера г. Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Износковымъ, который, за отсутствіемъ Н. А. Ойрсова, на основаніи § 35 устава Общества принялъ на себя отправленіе обязанностей Предсѣдателя Общества.

Въ засѣданіи, кромѣ членовъ Общества и стороннихъ посѣтителей, присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, И. Н. Смирновъ, Э. Г. Мищенко, А. И. Александровъ, П. А. Пономаревъ и секретарь Общества Н. Э. Катановъ.

1) Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ доложилъ Собранію, что живущій въ селѣ Куюки Ланшевскаго у. Казан. губ. отставной капитанъ Д. В. Есиповъ принесъ въ даръ Обществу черезъ члена-сотрудника Общества священника Василя Бетьковскаго 2 жалованныя на помѣстья грамоты царей Петра и Иоанна Алексѣевичей, выданныя 2 братьямъ Казанцамъ Зювинымъ: одна грамота выдана Буяну Федоровичу Зювину 28 января 1685 года (отъ сотворенія міра 7193 г.), а другая Андрею Федоровичу Зювину 19 ноября 1695 года (отъ сотворенія міра 7203 года). **П о с т а н о в л е н о:** благодарить Д. В. Есипова за означенное здѣсь пожертвованіе.

2) Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ доложилъ затѣмъ о другомъ пожертвованіи, которое сдѣлалъ Обществу живущій въ г. Карсунѣ Симбир. губ. Иванъ Николаевичъ Юркинъ. Имъ принесено въ даръ Обществу духовное завѣщаніе 1800 г., написанное коллежскимъ ассессоромъ Антономъ Антоновымъ сыномъ Полубояриновымъ, жителемъ села Никольскаго-Чебоксарки Чистопольскаго уѣзда Казан. губ. **П о с т а н о в л е н о:** благодарить И. Н. Юркина за означенное пожертвованіе.

3) Членъ-сотрудникъ Общества А. П. Павловъ демонстрировалъ передъ собраніемъ 11 большихъ фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ имъ съ рукописнаго Евангелія 1478 года, принадлежащаго Казанскому Кафедральному Собору, и сообщилъ собранію, что эти 11 снимковъ онъ приноситъ въ даръ Обществу. **П о с т а н о в л е н о:** благодарить А. П. Павлова за означенное здѣсь пожертвованіе.

4) Дѣйствительный членъ Общества А. И. Александровъ доложилъ собранію свой рефератъ «Нѣкоторыя палеографическія и языковыя особенности рукописнаго Евангелія 1478 года, принадлежащаго Казанскому Кафедральному Собору». Въ этомъ сообщеніи А. И. Александровъ, указавъ на

значеніе палеографіи при изученіи и распознаваніи древнихъ письменныхъ памятниковъ, вкратцѣ изложилъ какъ ходъ ея развитія, такъ и раздѣленіе ея по характеру письма на «уставъ», «полууставъ», «скоропись» и «вязь». Уставомъ называется древнѣйшее (до XIV в.) крупное и отчетливое письмо, въ которомъ каждая буква стояла отдѣльно, безъ всякой связи съ ближайшими буквами; начальныя буквы и заглавія книгъ разрисовывались красками, а иногда даже узорами въ видѣ цвѣтовъ, птицъ, звѣрей и т. п., и покрывались позолотой. Другое письмо, круглѣе и мельче устава, хотя и довольно близкое къ нему по очертанію буквъ, называется полууставомъ. Имъ писали преимущественно въ XV и XVI столѣтіяхъ. Наконецъ, съ XVII в. въ силу сильно развившейся потребности въ дѣловой перпискѣ, начинается преобладать скоропись, представляющая неправильное, даже некрасивое очертаніе буквъ, съ разными завитками и хвостами. А необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ умѣстить много словъ на небольшомъ пространствѣ съ самыхъ первыхъ временъ письменности породила особый способъ письма—вязь, когда, при искусномъ сплетеніи и сопоставленіи буквъ, нѣсколько буквъ соединялись въ одну общую фигуру, немногими начертаніями писалось многое и изъ буквъ составлялся очень причудливый и красивый узоръ. Начальную букву первой строки и даже всю строку обыкновенно въ старину писали красными чернилами, киноварью. Отсюда получилось и самое названіе «красной» строки, а также и слово «рубрика» (rubrica—буква краснаго цвѣта). Изъ знаковъ препинанія ставили въ старое время только точки и то не всегда съ нашей точки зрѣнія въ надлежащемъ мѣстѣ. Запятая, двоеточіе и др. знаки явились уже съ XIV в.. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ точки ставились въ серединѣ буквъ, послѣ которыхъ онѣ стоятъ, а не при подосвѣ ихъ, какъ у насъ. Въ концѣ грамотъ и въ книгахъ писалась не одна точка, а нѣсколько, съ разными чертами и крестиками. Обозначенія переносовъ въ концѣ строкъ не было. Затѣмъ докладчикъ подробно описалъ, какъ и кто занимался въ древнее время перепискою книгъ, для чего писались книги и куда и какъ онѣ жертвовались, какія дѣлались на книгахъ записи и приписки, что служило матеріаломъ для графленія и письма, на какой бумагѣ писались книги и пр. Далѣе докладчикъ обстоятельно указалъ задачи палеографіи и особенности правописанія древнихъ грамотъ и перешелъ къ описанію евангелія Казанскаго Кафедральнаго Собора. Это евангеліе написано въ 1478 году, на лощеной бумагѣ, въ малый листъ. Изъ приписки къ евангелію видно, что оно написано въ Твери, но неизвѣстно, кѣмъ оно списано. Оно писано все однимъ мелкимъ уставомъ, представляющимъ переходъ къ полууставу. Содержитъ всего 322 листика, изъ которыхъ 318 заняты текстомъ, а на 4 имѣются изображенія евангелистовъ: на 8—Матѳея, на 91—Марка, на 146—Луки и на 234—Іоанна. Эти изображенія писаны равными красками и украшены золотомъ. Рисунки не вполне правильны въ смыслѣ перспективы и пропорциональности частей фигуры, но они очень старательно и хорошо выполнены. Вся книга писана въ одинъ столбецъ, по 20 строкъ на страницѣ. Затѣмъ докладчикъ описалъ до мельчайшихъ подробностей евангеліе, сохранившееся довольно хорошо, за исключеніемъ нѣсколько потертыхъ

238 листовъ. Особенности графики этого памятника сходны съ тѣми русскими, которые относятся къ XV вѣку. Это евангеліе, написанное тверитяниномъ, носить въ себѣ особенности сербскаго происхожденія. По мнѣнію докладчика это евангеліе привезено въ Казань святителемъ Варсонофіемъ, бывшимъ съ 1555 года архимандритомъ Каванскаго Спасскаго монастыря, а потомъ епископомъ Тверскимъ (1567—1570), и затѣмъ снова возвратившимся въ Казань, въ Спасскій монастырь, на покой. Послѣ доклада А. И. Александрова присутствовавшимъ были показаны членомъ-сотрудникомъ Общества А. П. Павловымъ 11 фотографич. снимковъ: копии съ изображеній 4 евангелистовъ, копии съ виньетокъ и зачалъ 4 евангелій, 2 копии со страницъ середины евангелія и 1 копія конца евангелія.

5) Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества И. Н. Смирновъ прочиталъ присланную изъ г. Саратова статью Ф. В. Духовникова «Плотина въ балкѣ рѣчки Увековка» (дополнительныя данныя объ Укекѣ). Приведя сначала лингвистическія соображенія автора о происхожденіи словъ «Увекъ» и «Укскъ», докладчикъ перешелъ къ чтенію описанія плотины въ р. Увековка, сдѣланной, по мнѣнію автора, во времена монголо-татарскія, съ цѣлью орошенія полей, засѣваемыхъ хлѣбомъ. Авторъ статьи доказываетъ это соображеніе тѣмъ, что монголы и татары, пришедшіе сюда, къ Увеку, изъ Средней Азіи, перенесли съ собою и способы орошенія полей. Затѣмъ докладчикъ сообщилъ о найденныхъ авторомъ статьи слѣдахъ древнихъ монголо-татарскихъ, ямахъ, кирпичахъ, каналахъ, плотинѣ и пр. По поводу соображеній Ф. В. Духовникова объ Укекѣ дѣйств. членъ П. А. Пономаревъ сообщилъ, что онъ прекрасно знаетъ Укекѣ и его окрестности, такъ какъ былъ тамъ болѣе 20 разъ, и что тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ оросительныхъ каналовъ, но что плотина, найденная Духовниковымъ, устроена была древними жителями не съ оросительными цѣлями, а съ цѣлью огражденія селенія отъ горныхъ обваловъ, которые въ Саратовѣ составляютъ обыкновенное явленіе, зависящее отъ геологическаго строенія почвы. Дѣйств. членъ Н. А. Толмачевъ сообщилъ, что онъ въ Увекѣ былъ часа два, осматривалъ тамъ древности и привезъ оттуда вещи и кирпичъ съ фундамента древняго зданія, и что, если привезенныя изъ Увека вещи найдутся, онъ съ удовольствіемъ можетъ пожертвовать ихъ Обществу.

6) Дѣйств. членъ П. А. Пономаревъ доложилъ собранію свое сообщеніе «О типическихъ признакахъ городищъ Казанской губ.» Въ этомъ сообщеніи докладчикъ провелъ ту мысль, что по черепкамъ глиняной посуды, которые можно найти въ каждомъ городищѣ (большинство городищъ распаханы), можно такъ же вѣрно судить о большей или меньшей степени культурности обитателей того или другаго городища, какъ и по наружнымъ признакамъ городища. Въ зазданіи, бывшемъ 19 февраля, докладчикъ упоминалъ о 2 типахъ городищъ Казан. губ.: съ воротами и безъ воротъ, и по нимъ нашелъ возможность опредѣлять степень культурности ихъ обитателей, такъ и теперь, онъ дѣлаетъ это опредѣленіе культурности по посудѣ, которая является для этого самымъ устойчивымъ признакомъ городища. Городища съ воротами, характеризующія культуру земледѣльческую и коммерческую, содержатъ въ себѣ посуду прочную,

имѣющую плоское дно, сдѣланную изъ глины совершенно чистой, хорошо промѣшанной. Въ такихъ городищахъ встрѣчаются монеты. Городища этого типа можно назвать булгаро-татарскимъ. На другихъ городищахъ, городищахъ безъ вѣстовъ, характеризующихъ культуру звѣроловную, попадается посуда съ овальнымъ дномъ, сдѣланная изъ рѣчного ила и имѣющая днище не плоское. Такое дно можетъ легко держаться въ пескѣ. Въ изломѣ этой посуды глина не чистая. Въ городищахъ съ такою посудой попадаютъ вещи костяныя. Въ городищахъ третьяго типа находятся предметы желѣзнаго вѣка, близкаго къ намъ: желѣзныя стрѣлки, наконечники, ножички и т. п. мелкія вещи. Посуда городищъ этого типа имѣетъ горизонтальную поверхность днища, плоскую; посуда этихъ городищъ дѣлана изъ нечистой глины; иногда внизу около дна имѣетъ отверстіе, какъ сосудъ квасной. Послѣ доклада своего П. А. Пономаревъ показалъ присутствующимъ обломки посуды, найденные на городищахъ всѣхъ 3 типовъ.

7) Дѣйств. членъ П. А. Пономаревъ прочиталъ свой докладъ «Казанскій губернаторъ И. А. Толстой и сенаторская ревизія 1819 года». Этотъ докладъ составляетъ продолженіе доклада, сдѣланнаго П. А. Пономаревымъ въ засѣданіи 19 февраля с. г. Нѣкоторые официальные документы, которые имѣются теперь у докладчика, дали ему возможность представить личность губернатора Толстого и его дѣятельность въ иномъ свѣтѣ, нежели у Н. П. Загоскина, который 2 года тому назадъ въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ» охарактеризовалъ съ дурной стороны какъ личность Толстого, такъ и всю его дѣятельность. Къ совершенно противоположнымъ выводамъ пришелъ П. А. Пономаревъ. Какъ выясняютъ документы, газета «Казанскія Извѣстія» и бумаги, принадлежащія докладчику, Толстой, захваченный сенаторскою ревизіей врасплохъ, не могъ даже ничего представить въ свос оправданіе на обвиненія, предъявленныя къ нему ревизорами. Ревизія, состоявшая изъ тайн. сов. С. С. Кушниковъ и графа П. Л. Санти, дѣйствовала подъ постороннимъ вліяніемъ, подъ вліяніемъ именно враговъ Толстого, дѣйствовала неправильно и пристрастно. Все дѣло было возбуждено по доносу нѣкоего Киселсва, бывшаго въ то время предводителемъ казанскаго дворянства. Ревизія оказывалась крайне неблагоприятной для Толстого: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, не могъ вынести тяжелой нравственной пытки и умеръ, въ общемъ пострадавъ незинно. Въ сообщеніи П. А. Пономарева ярко и обстоятельно обрисована какъ дѣятельность цѣлыхъ учреждений, такъ и отдѣльныхъ лицъ, при чемъ особенно выдѣляется типъ кляузника, крючкотворца и шантажиста того времени, отставнаго канцеляриста Иванова, который главнымъ образомъ и содѣйствовалъ гибели Толстого. Вскорѣ послѣ смерти Толстого учреждена была въ Казани особая «Временная коммиссія» для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ по слѣдствіямъ, произведеннымъ сенаторами. Въ 1822 г. въ Казань былъ отправленъ новый сенаторъ Соимоновъ, на правахъ генераль-губернатора, для возстановленія нормальнаго порядка въ губерніи. «Временная коммиссія» тогда же была закрыта, а дѣла ея переданы въ Казанскую Уголовную Палату, такъ какъ высшимъ правительствомъ «Временная Дворянская Коммиссія» признана была тенденціозной и совершенно непригодной. П. А. Пономаревъ

закончилъ свой докладъ словами, что открытіе въ С.-Петербургскихъ архивахъ новыхъ данныхъ по дѣлу сенаторской ревизіи разъяснило бы еще что нибудь въ этомъ дѣлѣ. Дѣйств. членъ Н. А. Голмачевъ сообщилъ, что у одного изъ букинистовъ онъ купилъ книжку по поводу раздоровъ между губернаторомъ Толстымъ и предводителемъ дворянства Киселевымъ и что, если эта книжка найдется у него между бумагами, то онъ сочтетъ за удовольствіе отдать эту книжку Обществу.

8) Дѣйств. членъ Н. Э. Катановъ прочиталъ свой докладъ «Нѣсколько данныхъ о пословицахъ китайскихъ киргизъ-казаковъ», извлеченныхъ имъ изъ своего дневника путешествія по Восточному Туркестану и Дзунгаріи, совершеннаго въ 1890—1892 годахъ по порученію Академіи Наукъ и Географическаго Общества. Посвятивъ нѣсколько минутъ обзору народной тюркской литературы, докладчикъ перешелъ къ пословицамъ китайскихъ киргизъ-казаковъ вѣдомства Дурбульджинскаго хсбей-амбана. Изъ этихъ пословицъ большая часть сходна съ пословицами турецкими, русскими и др. народовъ. Изъ пословицъ наиболее распространены тѣ, въ которыхъ говорится о бѣдномъ и богатомъ человѣкѣ, о судѣ и рабѣ, о худомъ и хорошемъ человѣкѣ, о вѣрности собаки и измѣнчивости женщины и др. Между пословицами китайскихъ киргизъ-казаковъ, исповѣдующихъ исламъ ханефитскаго ученія, нѣтъ ни одной, благопріятной для женщины: она вездѣ ставится хуже собаки. По мнѣнію докладчика, это объясняется вліяніемъ ислама.

9) Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ объяснилъ собранію, что этнографъ священникъ Тимофей Семеновъ, состоявшій членомъ-сотрудникомъ Общества съ 3 апр. 1889 года, историкъ Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, состоящій въ Московскомъ университетѣ профессоромъ русской исторіи, и приватъ-доцентъ Казанскаго университета по кафедрѣ римскаго права Николай Діомидовичъ Колотинскій, предложенный еще 19 марта с. г., должны считаться избранными въ дѣйствительные члены Общества. Постановлено: изготавить 3 диплома и послать ихъ избраннымъ лицамъ.

10) Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ сообщилъ собранію, что казначей Общества А. Т. Соловьевъ письмомъ отъ 10 марта с. г. за № 295 проситъ Общество избрать вмѣсто него новаго казначея, такъ какъ по общію дѣлу онъ не въ состояніи болѣе быть казначеемъ Общества. Общее собраніе единогласно постановило просить и просило присутствовавшего въ засѣданіи дѣйств. члена Н. И. Андерсона принять на себя отправленіе обязанностей казначея Общества и члена Совѣта. Н. И. Андерсонъ тутъ же, въ засѣданіи, изъявилъ согласіе быть казначеемъ Общества. Постановлено: благодарить А. Т. Соловьева за долговременное отправленіе обязанностей казначея Общества и выразить ему сожалѣніе по поводу отказа его, а Н. И. Андерсону написать увѣдомленіе о томъ, что онъ избранъ Общимъ собраніемъ въ казначей Общества, и просить его принять отъ А. Т. Соловьева, въ присутствіи секретаря Общества Н. Э. Катанова, всѣ %—ныя бумаги, капиталъ и документа кассы.

11) Дѣйств. членъ Н. Н. Галкинъ-Врасскій черезъ секретаря Общества Н. Э. Катанова и дѣйств. члена А. В. Васильева сообщилъ собранію, что въ

ближайшемъ засѣданіи Общества онъ желалъ бы демонстрировать передъ собраніемъ фотографическіе снимки японцевъ.

12) Дѣйств. члены Н. К. Горталовъ и А. И. Александровъ предложили въ дѣйствит. члены Общества: 1) преподавателя Каван. і гимназіи историка Сергѣя Адриановича Богатырева и 2) препод. Алатырской прогимназіи историка Сергѣя Семеновича Красовскаго. Дѣйствит. члены Н. Ѳ. Катановъ и Н. И. Андерсонъ предложили въ дѣйствит. члены Общества проф. духов. академіи Е. А. Малова. Постановлено: избрать предложенныхъ лицъ въ дѣйств. члены на ближайшемъ засѣданіи.

Затѣмъ въ $\frac{1}{4}$ XI ч. н. засѣданіе было закрыто.

21 сентября 1895 года.

Засѣданіе было открыто въ $7\frac{1}{4}$ часовъ вечера предсѣдателемъ Общества Н. А. Ойрсовымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: товарищъ предсѣдателя И. А. Иваносковъ члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, Ѳ. Г. Мищенко, П. А. Пономаревъ, канцеляр Общества Н. И. Андерсонъ и секретарь Общества Н. Ѳ. Катановъ, кромѣ того дѣйствительные члены, члены-сотрудники и сторонніе посѣтители.

1) Засѣданіе открыто рѣчью д. чл. Н. Ѳ. Катанова, посвященной памяти скончавшагося 12 іюля с. г. почетнаго члена Общества и члена Археологической Коммиссіи П. И. Саввантова, извѣстнаго своими многочисленными, равнообразными и цѣнными трудами по русской археологіи, исторіи и этнографіи. Покойный, уроженецъ Вологды, началъ свою учено-литературную дѣятельность въ 1837 г. и извѣстенъ какъ изслѣдователь народнаго быта и словесности сѣверо-восточной Россіи. Капитальнымъ трудомъ его считается: «Описание старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и коннаго прибора». Этотъ цѣнный трудъ является настольной справочной книгой для всѣхъ, занимающихся изученіемъ русской бытовой старины московскаго періода. П. И. Саввантовъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, а съ 14 февраля 1888 года почетнымъ членомъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Статьи покойнаго Саввантова появлялись въ разныхъ журналахъ и газетахъ и всадѣ заслуживаютъ вниманія, какъ по богатству и интересу содержанія, такъ и по тщательности ученой обработки. Присутствующіе, по приглашенію Предсѣдателя Общества, почтили память покойнаго почетнаго члена Общества вставаніемъ.

2) Секретарь Общества Н. Ѳ. Катановъ доложилъ собранію списокъ лицъ, предлагаемыхъ въ дѣйствительные члены Общества: профессора Казанской Духовной Академіи Евимія Александровича Малова, предлагаемаго Н. Ѳ. Катановымъ, Н. И. Андерсономъ, А. И. Александровымъ и П. А. Пономаревымъ, преподавателя Императорской Казанской I гимназіи Сергѣя Адриановича Богатырева и преподавателя Алатырской прогимназіи Сергѣя Семеновича Красовскаго, предлагаемыхъ А. И. Александровымъ и Н. К. Горталовымъ. Секретарь Общества заявилъ, что упомянутыя 3 лица уже были предложены къ избранію въ предыдущее Общее собраніе, состоявшееся 20 апрѣля с. г.

П о с т а н о в л е н о: предложенных 3 лицъ на основаніи § 28 устава Общества считать избранными.

3) Секретарь Общества Н. Э. Катановъ доложилъ Собранію, что умерли: почетный членъ П. И. Савваитовъ, избранный 14 февр. 1888 г., д. чл. Н. Н. Буличъ, членъ-основатель, † 24 мая с. г., Э. Э. Чекалиня, избранный 29 декабря 1882 года; въ теченіе многихъ лѣтъ не доставляя о себѣ свѣдѣній: члены-сотрудники: священникъ Н. А. Любимовъ, избранный 8 марта 1880 г., учитель Г. В. Васильевъ, избранный 10 мая 1887 года, и А. Н. Радаковъ, избранный 28 сент. 1879 г. П о с т а н о в л е н о: перечисленныхъ здѣсь лицъ (Савваитова, Булича, Чекалина, Любимова, Васильева и Радакова) исключить изъ списка членовъ.

4) Секретарь Общества Н. Э. Катановъ доложилъ Собранію, что за послѣдніе 4 мѣсяца с. г. поступили въ Общество слѣдующія пожертвованія: а) отъ священника Н. А. Архангельскаго 2 посылки съ разными предметами древности (камни разной формы, 3 старыхъ ключа, чувашскій ковшикъ, челюсть животнаго и пр.), найденными въ Ядринскомъ уѣздѣ Каванской губерніи, и 2 описанія этихъ вещей, отъ 29 іюня и 25 іюля с. г.; б) отъ д. чл. В. К. Магницкаго—печатный экз. циркуляра Министерства Финансовъ по Департаменту Государственныхъ Имуществъ, отъ 10 февр. 1820 г. за № 252 «о ежегодномъ свидѣтельствѣ цѣлости Государственныхъ Имуществъ и границъ оныхъ», извлеченный изъ архива Шуматовскаго волостного правленія; в) отъ Минусинскаго музея—20 фотограф. снимковъ съ находящихся въ немъ предметовъ древности: 6 исполненныхъ Д. А. Клеменцомъ, 10—А. В. Адриановымъ, 1—проф. Аспелинымъ и 3—по заказу музея; г) отъ Военнаго Губернатора Тургайской области—1 экз. изданной Тургайскимъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ книги «Скотоводство въ Тургайской области»; д) отъ Олонскаго Губернскаго Статистическаго Комитета—35 книгъ, изданныхъ имъ въ разное время по археологіи, исторіи, этнографіи, статистикѣ и др. наукамъ; е) отъ Самарскаго публичнаго музея—1 книга «Описаніе древностей, найденныхъ въ Самар. краѣ и собранныхъ въ музеѣ» и фотогр. снимки къ этому описанію; ж) отъ Императорской Археологической Комиссіи—7 серебряныхъ ушныхъ подвѣсокъ, найденныхъ вмѣстѣ съ монетами XVIII в. въ дер. Отарь Чебоксар. у.; з) отъ Императорской Археологической Комиссіи—2 пары серебряныхъ серегъ, найденныхъ близъ деревни Дондинской Понинкой волости Глазовскаго у.; и) отъ Императорской Археологической Комиссіи—серебряный слитокъ, найденный въ 1893 году близъ деревни Бабинской Глазовскаго у.; i) отъ Императорской Археологической Комиссіи—98 вещей, найденныхъ въ 1893 году на мѣстѣ города Суvara Г. Ахмаровымъ; к) отъ Императорской Археологической Комиссіи—148 №№ предметовъ древности, приобретенныхъ Ф. В. Духовниковымъ въ 1893 году въ развалинахъ г. Увека; л) отъ Д. Н. Анучина—его сочиненіе «Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанція черепокъ въ древнія времена въ Россіи. Москва, 1895»; м) отъ поч. чл. Общества Л. Х. Штида—его статья «Aus der Russischen Literatur. Der IX. Russische archäologische Congress in Wilna 1893» изъ журнала «Archiv für Anthropologie»; н) отъ учителя Тобольской гимназіи А. А. Терновскаго—его книга «Къ библиографіи Сибири за 1893 г. Тобольскъ, 1895»;

о) отъ Н. Н. Харузина—его книга «Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. Съ 6 табл. рисунковъ. Москва, 1895». П о с т а н о в л е н о: жертвователей уведомить о полученіи и благодарить.

5) Д. чл. И. А. Износковъ прочиталъ свой докладъ «О находкахъ и стоянкахъ каменнаго вѣка въ Казанскомъ уѣз.»*). По поводу замѣчанія докладчика, что всѣ найденные имъ и его братомъ предметы древности со слѣдами обдѣлки указываютъ на слѣды первобытныхъ поселеній и отчасти характеризуютъ бытъ первобытнаго народа нынѣшняго Казанскаго у., д. чл. П. А. Пономаревъ сказалъ, что по однимъ случайно найденнымъ предметамъ судить о бытѣ трудно и что для составленія хорошей картины народнаго быта нужно производить систематическія раскопки, чтобы найти могилу со всей домашней обстановкой.

6) Д. чл. П. А. Пономаревъ прочиталъ свой докладъ: «Женщины Камско-волжскаго края (памяти А. В. Потаниной). I. Женщины болгарской эпохи». Докладъ распадается на двѣ части: въ первой части докладчикъ охарактеризовалъ научно-литературную дѣятельность Александры Викторовны Потаниной, жены извѣстнаго этнографа, члена-сотрудника Общества, Г. Н. Потанина, а во второй части референтъ въ яркихъ краскахъ описалъ положеніе древней болгарской женщины. А. В. Потанина умерла въ Китаѣ во время путешествія со своимъ мужемъ. Своими этнографическими очерками покойная знакомила русское общество съ китайцами, монголами и сибирскими инородцами. Что касается нашего края, то покойная, какъ нижегородка, была связана съ нимъ не только научными интересами, но и своимъ рожденіемъ, образованіемъ и дѣятельностью на педагогическомъ поприщѣ. Всѣ эти обстоятельства и навели докладчика на мысль принять на себя починъ въ характеристикѣ болѣе или менѣе крупныхъ типовъ изъ среды женщинъ Камско-Волжскаго края. Во второй части докладчикъ охарактеризовалъ дѣятельность древнихъ болгарскихъ дамъ: Туй-бикъ, дочери Айдаръ—хана; дочери Абдулла-хана; вдовы Джадашъ и дѣвчаны Шагиръ-бану. Докладчикъ для характеристики этихъ дамъ пользовался лѣтописью *تواريخ بولغاریه* Хусамъ-эд-дина б. Шерефъ-эддина, книгою *داستان افسانای تیمور* лѣтописью *بیان داستان* и сочиненіемъ араба Ибнъ-Фадлана, посѣтившаго г. Болгаръ въ 922 г. По сообщенію докладчика, женщина у болгаръ не занимала такого приниженаго положенія, какъ у нѣкоторыхъ мусульманскихъ народовъ, а пользовалась уваженіемъ и почетомъ; царица всегда присутствовала при аудіенціяхъ и сидѣла о бокъ съ царемъ, ей воздавались равныя почести. Женская честь у болгаръ охранялась очень строго и оскорбителя женской чести казнили жестокою смертью — его распинали за руки и за ноги на четырехъ шестахъ и разрубали пополамъ, вдоль тѣла. Существованіе такого закона доказываетъ, что болгары къ своей женщинѣ относились съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ нынѣшніе мусульмане къ своей; вообще болгарская женщина не была рабой, а пользовалась извѣстной самостоятельностью и принимала дѣятельное участіе въ общественной и государственной жизни. Такое положеніе женщины у болгаръ можно объяснить самымъ характеромъ этого народа. По приглашенію г. Предсѣдателя

*) Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 3, стр. 225—228.

присутствующіе почтили память безвременно скончавшейся ученой женщины А. В. Потаниной вставаніемъ. Н. А. Фирсовъ объяснилъ, что болгары были конгломератомъ разныхъ народностей (финскихъ, тюркскихъ, еврейскихъ и др.), и что поэтому не мудрено, что въ болгарскомъ царствѣ были такія мудрыя женщины, какъ Шагирь-бану и др. Д. чл. Е. А. Маловъ высказалъ мнѣніе, что до ислама въ болгар. царствѣ существовалъ іудизмъ, по крайней мѣрѣ у большей части населенія. Затѣмъ Е. А. Маловъ привелъ рядъ словъ, какъ напр. «сақлабъ», «булгаръ» и много другихъ, и доказалъ, что эти слова не татарскія, а еврейскія, и означаютъ: первое—«язычникъ» (сақлебъ) и второе—«переселенцы». Д. чл. Н. Э. Катановъ подтвердилъ, что такихъ словъ дѣйствительно нѣтъ ни въ одномъ тюркскомъ нарѣчій. Тѣмъ, что многія еврейскія слова есть и въ приволжскихъ финскихъ нарѣчійхъ, можно объяснить, что Болгары въ болѣе древніе вѣка заключали въ себѣ и еврейскій элементъ, а что у евреевъ были мудрыя и энергичныя женщины, подобныя тѣмъ четырнадцати которыхъ описалъ П. А. Пономаревъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Д. чл. Н. И. Андерсонъ замѣтилъ, что, если первые насельники болгарской земли и не были евреями, то, по крайней мѣрѣ, послѣ было евреевъ въ Болгарахъ не мало, и что эти евреи могли придти изъ Хазарской земли, если только еврейскія слова не были заимствованы путемъ сношеній.

7) Предсѣдатель Общества объявилъ собранію, что чл.-сотр. Г. Ахмаровъ по служебнымъ обстоятельствамъ прибыть къ засѣданію не можетъ и что докладъ его «О поѣздкѣ 1894 и 1895 годовъ въ Тетюшскій и Спассскій уѣзъ. Казанской губ. съ археологическою и этнографическою цѣлью» будетъ прочитанъ секретаремъ Общества Н. Э. Катановымъ. На поѣздку въ 2 уѣзда Казанской губерніи Г. Ахмарову было ассигновано изъ болгарскаго фонда 30 руб. на разѣзды и 20 руб. на покупку предметовъ древности. Несмотря на такія скудныя средства, поѣздка Г. Ахмарова оказалась весьма успѣшною. Вещей болгарской эпохи на Волгѣ собрано 52; изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, кои найдены на мѣстѣ древняго города Суvara, мѣстонахожденіе котораго впервые открыто Ахмаровымъ. Кромѣ этихъ предметовъ древности Г. Ахмаровъ представилъ рукописный отчетъ (въ 74 стр. in 2°) о поѣздкѣ; въ этомъ отчетѣ заключаются свѣдѣнія письменныя и устныя о Болгарскомъ царствѣ: отъ основанія до паденія его. Изъ отдѣльныхъ главъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія: объ основаніи болгарскихъ городовъ, о принятіи болгарами ислама, о нашествіи Тимура на болгарскія владѣнія, о передвиженіи болгаръ въ предѣлы нынѣшней Казан. губ., обзорѣніе татарскихъ рукописей, касающихся исторіи Болгаръ, и научная оцѣнка ихъ, обзорѣніе болгаро-татарскихъ городищъ и татарскихъ преданій объ нихъ, описаніе древнихъ кладбищъ, вѣданій и могильныхъ камней. Г. Ахмаровымъ осмотрѣно и описано въ Спасс. у. 7 городищъ, а въ Тетюшскомъ 9. Могильныхъ камней съ арабскими надписями осмотрѣно и описано Г. Ахмаровымъ 6 въ Спасс. и 4 въ Тетюш. у. Пользуясь печатными и рукописными сочиненіями о Болгар. царствѣ, авторъ относится къ нимъ критически; такъ, онъ восстанавливаетъ правильное чтеніе многихъ татарскихъ названій, попавшихъ въ печатныя русскія и мусульманскія сочиненія въ искаженной транскрипціи. Нерѣдко авторъ исправляетъ и даты. Хотя авторъ и допускаетъ иногда ошибки, напр. въ перечисленіи именъ

чингизидовъ, но это—не его вина, а вина тѣхъ татарскихъ книгъ, которыми онъ пользовался; эти ошибки, которыхъ впрочемъ мало, легко исправить во время печатанія при помощи монгольскихъ лѣтописей. Н. Э. Катановъ закончилъ свою рѣчь словами, что Г. Ахмаровъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ выполнилъ порученіе Общества. Вещи, вывезенныя Ахмаровымъ, демонстрированы передъ публикой и затѣмъ переданы всѣ съ прочими коллекціями вещей и фотографич. снимковъ, о которыхъ доложено сегодня Обществу собранію, члену Совѣта Общества, завѣдующему музеемъ, А. А. Штукенбергу. **П о с т а н о в л е н о:** Г. Ахмарова благодарить за успѣшное выполненіе порученія Общества, а отчетъ дать для просмотра и исправленія д. чл. П. А. Пономареву, Е. А. Малову и Н. Э. Катанову.

8) Д. чл. П. А. Пономаревъ прочиталъ свой докладъ «Отчетъ объ археологическихъ изысканіяхъ, произведенныхъ лѣтомъ 1895 года въ Лаишевскомъ уѣздѣ, на р. Камѣ»^{*}). Всѣ вывезенные изъ описанной въ докладѣ поѣдки предметы древности принесены экскурсантами. П. А. Пономаревымъ, В. Л. Борисовымъ и Б. П. Фелоновымъ въ даръ Обществу и демонстрированы докладчикомъ передъ публикой, а затѣмъ переданы тутъ же члену Совѣта, завѣдующему музеемъ Общества, А. А. Штукенбергу. **П о с т а н о в л е н о:** П. А. Пономарева, В. Л. Борисова и Б. П. Фелонина благодарить за успѣшное выполненіе порученія Общества и за пожертвованныя ими Обществу вещи.

9) Предсѣдатель Общества Н. А. Фирсовъ объявилъ собранію, что за отсутствіемъ чл.-сотр. Общества Т. А. Иваницкаго докладъ егс: «Почитаніе святыхъ у казанскихъ и кавказскихъ мусульманъ»^{**}) будетъ прочитанъ секретаремъ Общества Н. Э. Катановымъ. По поводу этого доклада д. чл. Е. А. Маловъ замѣтилъ, что мусульмане считаютъ святыми всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, патріарховъ, судей и царей, но что авторъ не опредѣлилъ ясно, въ чемъ же собственно состоитъ почитаніе внутреннее, и что нѣкоторыя стороны внутренняго почитанія оставлены у автора безъ описанія. Д. чл. П. А. Пономаревъ сообщилъ, что во время своихъ экскурсій онъ нерѣдко встрѣчалъ арабскія надписи на могилахъ мусульманскихъ святыхъ, упомянутыхъ у г. Иваницкаго, и что трогать ихъ не позволяли мусульмане. Е. А. Маловъ добавилъ, что надъ покойниками мусульмане читаютъ молитвы изъ Корана, чего у г. Иваницкаго не сказано. П. А. Пономаревъ добавилъ, что татары ни за какія деньги не продаютъ вещей (шапки, палки, пояса и пр.), принадлежавшихъ святымъ, особенно болгарскимъ. А. А. Штукенбергъ высказалъ мнѣніе, что, можетъ быть, почитаніе святыхъ у мусульманъ явилось у народа еще до принятія ислама. **П о с т а н о в л е н о:** статью Т. А. Иваницкаго напечатать въ «Извѣстіяхъ», поручивъ просмотръ и исправленіе ея дѣйствительнымъ членамъ Е. А. Малову, Н. Э. Катанову и М. А. Машанову.

Въ 10¹/₄ часовъ вечера г. Предсѣдатель Общества объявилъ засѣданіе закрытымъ.

^{*}) Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 3, стр. 222—225.

^{**}) Напечатано въ журналѣ «Дѣятель», 1896 г., № 1, стр. 25—32.

27 октября 1895 года.

Засѣданіе открыто г. Предсѣдателемъ Общества Н. А. Эйрсовымъ. Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ Общества А. Н. Островскій, Предсѣдатель Общества Н. А. Эйрсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Ианосковъ, секретарь Общества Н. Э. Катановъ; также дѣйствительные члены, члены-сотрудники и гости (всего въ засѣданіи присутствовало 26 человекъ).

I. Секретарь Общества доложилъ собранію, что въ Общество поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ д. чл. В. А. Мошкова 6 листовъ образцовъ ткацкой работы гагаузовъ Бендерскаго и Измаильскаго уѣздовъ Бессарабской губ. (всего 43 образца) и 1 гагаузскій коврикъ; 2) отъ Императорской Археологической Коммисіи въ С.-Петербургѣ при отношеніи отъ 2 октября с. г. за № 1526 поломанный серебряный шейный обручъ, вѣсомъ 39 золотниковъ, найденный въ 1894 году въ Кестымской волости Глазовскаго у. Вятской губерніи, 3) отъ ветеринарнаго врача Василя Петровича Рожкова 7 наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ имъ на берегу рч. Бердянки Буртинской волости Актюбинскаго у. Тург. обл. лѣтомъ 1894 года на поверхности земли; 4) отъ Императорской Археологической Коммисіи въ С.-Петербургѣ при отношеніи отъ 11 октября с. г. за № 1573-мъ 325 серебряныхъ лжучидскихъ монетъ (1427—1479 гг.), найденныхъ Гиляветдиномъ Галиакберовымъ (علاج التین علی اکسروب), крестьяниномъ дер. Большой Шияши Олуязъ Мамадышскаго у. Казан. губ.; 5) отъ д. чл. В. К. Магницкаго печатный экземпляръ циркуляра Министерства Финансовъ, по Департаменту Государственныхъ Имуществъ, отъ 10 февр. 1820 года за № 252 «о ежегодномъ свидѣтельствѣ цѣлости Государственныхъ Имуществъ и границъ оныхъ», за подписью графа Д. Гурьева (извлеченъ изъ архива Шуматовскаго волостнаго правленія). Постановлено: всѣ означенныя здѣсь и демонстрированныя въ засѣданіи вещи передать члену Совѣта А. А. Шугенбергу, «циркуляръ Министерства Финансовъ» передать члену Совѣта А. И. Александрову, а жертвователей благодарить.

II. Секретарь Общества доложилъ собранію, что въ Общество поступили слѣдующія вещи, фотографическіе снимки и книги: 1) отъ чл.-сотр. священника о. Н. Архангельскаго при письмѣ отъ 25 іюля с. г. на имя дѣйств. члена В. К. Магницкаго нѣсколько камней странной формы, 3 старыхъ ключа, чувашскій «алдырь» (ковшикъ), желѣзный топорикъ, желѣзный замокъ, желѣзное копьё и челюсть какого то животнаго; 2) отъ д. чл. В. К. Магницкаго 2 фотографическихъ снимка, изъ которыхъ на одномъ изображенъ татаринъ съ женой, а на другомъ 2 мешерячки (всѣ Казан. губ.); 3) отъ директора Румянцевскаго музея въ Москвѣ В. А. Дашкова IV выпускъ «Систематическаго описанія коллекцій Дашковскаго Этнографическаго музея»; 4) отъ военно-ученаго комитета Главнаго Штаба при отношеніяхъ отъ 20 мая с. г. за № 25748 и отъ 17 іюля с. г. за № 33.334-мъ выпуски II—IX (8 томовъ) «Сборника военно-историческихъ матеріаловъ»; 5) отъ издателя иллюстрированнаго француз. журнала «Mélusine», издаваемого въ Парижѣ E. Rolland'омъ, 6 выпусковъ за 1894 и 4 выпуска за 1895 годъ; 6) отъ дѣйствительнаго

члена И. Н. Смирнова 30 экз. его историко-этнографического сочинения «Мордва» на 60 руб.; 7) отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества книга подъ заглавіемъ: «Труды русской полярной станціи на устьѣ Лены Часть I. Астрономическія и магнитныя наблюденія, обработаны В. Е. Фусомъ, Ф. Ф. Миллеромъ и Н. Д. Юргенсомъ, изданы подъ редакціей А. А. Тилло. С.-Петербургъ, 1895»; 8) отъ чл.-сотр. А. В. Никитскаго книга подъ заглавіемъ: «Святой Евангелъ Матѳеѣй ранъ, Маркъ ранъ, Лукъ ранъ Иоаннъ ранъ да чувашъ чыльгѣ синѣ сывырва хоны. Хованъ холары архерей пыгаганъ чергю-таврашсамба Хованды Университѣтъ рапечатлаине 1820 Сюда-далыкра Христось сіо рѣтна-ранъ. Тора ваконъ книгѣвана Номайладаганъ Сичзамъ окъяба». Постановлено: вещи и фотографическіе снимки передать члену Совѣта А. А. Штукенбергу, а книги члену Совѣта И. Н. Смирнову.

III. Секретарь Общества Н. Ѳ. Катановъ доложилъ Собранію, что правленіе комитета Тобольскаго Губернскаго Музея прислало въ Общество 4 выпуска (I—IV) своего «Ежегодника», по 10 экз. каждый, и проситъ Общество принять эти 40 книгъ на комиссію съ уступкою 20% съ номинальной стоимости. Постановлено: возвратитъ 40 книгъ «Ежегодника» Тобольскому Губернскому Музею и проситъ не присылать «Ежегодника» на комиссію.

IV. Секретарь Общества Н. Ѳ. Катановъ доложилъ собранію, что въ Общество поступили для напечатанія слѣдующія статьи: 1) д. чл. В. К. Магницкаго о находкахъ свѣщ. Н. А. Архангельскаго; 2) А. И. Михайловскаго переводъ статьи Ф. Макса Мюллера «Christianity and Mahomedanism», помѣщенной въ англ. журналѣ «The nineteenth Century» за 1894 годъ; 3) д. чл. И. В. Аничкова «Киргизская былина о герсяхъ Ирѣ-наварѣ и Бикетѣ»; 4) д. чл. И. В. Аничкова «Биографія киргива Кавалинскаго у. рода Алимъ-бій Умбетъ Муллагаліева»; 5) И. И. Иванова «Степныя воспоминанія»; 6) И. Н. Юркина «Духовное завѣщаніе 1800 г. коллежскаго ассесора Антона, Антонова сына, Полубояринова»; 7) д. чл. Абдулжаума Насырова «Домашній бытъ татаръ—мусульманъ»; 8) д. чл. В. А. Мошкова «Мелодіи пѣсенъ Астраханскихъ и Оренбургскихъ ногайцевъ»; 9) В. М. Терехина «Ефаевскій могильникъ»; 10) чл.-сотр. свѣщ. Василя Бетьковскаго «Духовное завѣщаніе жены Г. Р. Державина»; 11) И. Н. Юркина «Выпись, данная Свѣжскаго уѣду ясашнымъ татарамъ д. Иркеевы, Стенке Тюмякину, д. Чарапанову, Тохтарке Утяганову, д. Тоябы Сюрмячке Табаеву с товарищи техъ вышписанныхъ деревень съ татары впредь для владенья ясашныхъ ихъ земель въ 1700 г.». Постановлено: передать означенныя 11 статей: И. Н. Юркина—д. чл. Е. А. Мадову, В. Бетьковскаго—д. чл. П. А. Пономареву, В. М. Терехина—д. чл. П. А. Пономареву, В. А. Мошкова, А. К. Насырова, И. И. Иванова и И. В. Аничкова—д. чл. Н. Ѳ. Катанову, И. Н. Юркина (духов. завѣщ.)—д. чл. И. А. Износкову.

V. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ прочиталъ статью дѣйств. члена В. К. Магницкаго «Нѣсколько данныхъ о мишаряхъ и селеніяхъ ихъ въ Каванской и Симбирской губерніяхъ (вниманію руководителей первой всеобщей переписью населенія Россійской имперіи)»¹⁾. Предсѣдатель Обще-

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 4, стр. 245—257.

ства Н. А. Фирсовъ замѣтилъ: русское правительство уже съ XVIII вѣка заботилось о мишаряхъ. Мишари переселялись изъ Каванскаго края въ Оренбургскій и уцѣляли въ Каванской и Оренбургской губерніяхъ, хотя отчасти утратили прежнія особенности. Происхожденіе мишарей, турки они или финны, неизвѣстно; поэтому на Обществѣ лежитъ нравственная обяванность разъяснить, кто именно по своему происхожденію мишари. Исслѣдовать происхожденіе мишарей тѣмъ легче, что среди членовъ Общества есть лица, основательно знакомыя съ татарскими и финскими нарѣчіями. Постановлено: въ ближайшемъ будущемъ снарядить въ мишарскія селенія особую экспедицію для исслѣдованія языка мишарей.

VI. Секретарь Общества Н. О. Катановъ прочиталъ извлеченіе изъ отчета Гайнуудина Ахмарова: «Исторія Болгарскаго царства до времени нашествія Тимура». Въ началѣ статьи Г. Ахмаровъ говоритъ о происхожденіи слова «Болгаръ» и замѣчаетъ, что достовѣрныхъ источниковъ ни о происхожденіи болгаръ, ни о происхожденіи каванскихъ татаръ нѣтъ. Затѣмъ Г. Ахмаровъ перечисляетъ татарскія народныя преданія объ основаніи Болгаръ Александромъ Великимъ и говоритъ, что эти преданія едва ли заслуживаютъ вниманія, ибо мусульмане, вовведя Александра Великаго въ степень святого, приписываютъ ему основаніе не одной сотни городовъ. Потомъ Г. Ахмаровъ подробно цитируетъ и критически разбираетъ устные и письменныя свѣдѣнія татаръ о принятіи болгарами ислама. Многіе ученые думаютъ, что исламъ въ Болгарскомъ царствѣ распространился въ X вѣкѣ по Р. Хр., тогда какъ первые проповѣдники этой религіи явились въ Болгары еще въ VII вѣкѣ, именно: сподвижники Мухаммеда *عبد الرحمان بن زبير* (Абдурахманъ сынъ Зубейра), *زبير بن جعدة* (Зубейръ сынъ Джеды) и *طلحة بن عثمان* (Талха сынъ Османа). Г. Ахмаровъ говоритъ, что исламъ проникъ на Волгу не путемъ оружія, какъ это было въ Аравіи, Сиріи и Египтѣ, а совершенно спокойно. Въ концѣ статьи Г. Ахмаровъ говоритъ о (цѣлебномъ) значеніи вѣника села Болгаръ—Успенскаго въ настоящее время. Дочь Айдаръ-хана, Болгарскаго царя, Туй-бикѣ была исцѣлена отъ паралича тѣмъ, что была выпарена въ банѣ вѣникомъ, который чудеснымъ образомъ сдѣланъ изъ посоха выше навванными 3 сподвижниками Мухаммеда.

VII. Д. чл. Н. О. Катановъ прочиталъ свой докладъ отзывъ о книгѣ академика В. В. Раллова «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1895»¹⁾. Докладчикъ сообщилъ сначала исторію исслѣдованій сибирскихъ рунъ, которыя одни ученые считали семитическими (Töttermann), другіе славянскими (Флоринскій), третьи финскими (Heikel, Donner, Aspelin), а потомъ перешелъ къ описанію алфавита сибир. рунъ. Руны эти принадлежали тюркскому племени Дүлга, жившему въ верховьяхъ рр. Енисея и Орхона. Алфавитъ ихъ состоялъ изъ 38 знаковъ, изъ которыхъ 4 гласные, а остальные 34 согласные. Ключъ къ чтенію надписей найденъ проф. В. Томсономъ, имя котораго небезизвѣстно русскимъ историкамъ, а самыя надписи прочитаны академикомъ В. В. Ралловымъ, дѣйствительнымъ членомъ Общества. Надписи

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибир. Отдѣла Император. Рус. Геогр. Общ.», т. XXVI, вып. 4—5, стр. 241—246.

относятся всё къ VII—VIII вѣкамъ по Р. Хр. и заключаютъ въ себѣ повелѣнія туркскому народу (тѣрк) жить въ ладу съ сосѣдями, изъ которыхъ одинъ, именно китайцы, называется «тапкачъ», т. е. знаменитый, порядочный. Нѣкоторыя надписи заключаютъ въ себѣ похвалу дѣяніямъ хановъ и бековъ, надъ могилами которыхъ онѣ находятся. Памятники всё высѣчены на камняхъ. Докладчикъ заявилъ, что одинъ изъ китайскихъ писателей VII в. по Р. Хр. упоминаетъ о «ху-шу» (варварская грамота), которую писали въ Восточномъ и Западномъ Туркестанахъ сверху внизъ колоннами, идущими справа налево; такъ какъ описаніе это вполне приложимо къ дѣлгасскому письму, то можно думать, что наше письмо есть именно то, о которомъ говоритъ китаецъ (Сюань-цанъ). Въ заключеніе докладчикъ демонстрировалъ передъ публикой памятники древнихъ туркскихъ писемъ: дѣлгасскаго и уйгурскаго, изящно изданные финно-угорскимъ Обществомъ и Императорской Академіей Наукъ въ С.-Петербургѣ, и вкратцѣ изложилъ исторію туркскихъ алфавитовъ, которыхъ всего было 7: дѣлгасскій, уйгурскій, арабскій, армянскій, греческій, еврейскій и руминскій.

VIII. Секретарь Общества Н. Ѳ Катановъ доложилъ собранію, что Правленіе Императорскаго Каванскаго Университета отношеніемъ отъ 22 сентября с. г. за № 1657-мъ предоставляет во всегдашнее и полное распоряженіе Общества двѣ (2) комнаты на антресоляхъ главнаго корпуса Университета съ западной стороны, комнаты, освободившіяся за перемѣщеніемъ архива Университета въ новое библиотечное зданіе, съ оставленіемъ за Обществомъ прежняго помѣщенія въ Кастельевскомъ домѣ. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

Въ 10 часовъ ночи Предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ объявилъ засѣданіе закрытымъ.

28 ноября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ вечера Предсѣдателемъ Общества Н. А. Ѳирсовымъ. Въ засѣданіи присутствовали: г. Попечитель Каванскаго Учебнаго Округа В. А. Поповъ, Предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, секретарь Общества Н. Ѳ. Катановъ, дѣйствительные члены и члены-сотрудники.

I. Секретарь Общества доложилъ собранію о новыхъ пожертвованіяхъ поступившихъ въ Общество: 1) урядникъ села Три-Озера Спасскаго у. Каванской губ. В. С. Ивановъ прислалъ 5 экз. своей статьи—«Нѣсколько словъ къ описанію села Болгарь—Успенскаго», напечатанной 14 октября с. г. въ № 827 «Каванскаго Телеграфа»; 2) чл.-сотр. Р. А. Нелидова принесла въ даръ Обществу 3 книги автобіографіи Изв. Изв. Протопопова и его записокъ о студентахъ Университета; 3) чл.-сотр. А. В. Никитскій принесъ въ даръ Обществу 1 книгу Четверо-евангелія 1820 г. на чувашскомъ языкѣ; 4) д. чл. А. Т. Соловьевъ принесъ въ даръ Обществу 1 металлическую копию съ монеты

Владимира Всеволодовича Мономаха, 1 подлинную монету 1705 года съ именемъ царя Петра Алексѣевича и 1 подлинную (надчеканенную монету) XVIII вѣка; 5) чл.-сотр. И. Н. Юркинъ прислалъ въ даръ Обществу книгу: «Владѣнная выпись съ суднаго дѣла 1672—1674, данная чувашамъ деревень Бурдундуковъ и Чабыръ-горы Симбирскаго уѣзда. Издана (по документу, доставленному И. Н. Юркинымъ) подъ ред. В. В. Майкова. С. Пестербургъ, 1894»; 6) чл.-сотр. И. Н. Юркинъ прислалъ въ даръ Обществу 18 статей, напечатанныхъ за 1893—1895 гг. въ неофиц. отдѣлѣ «Симбир. Губерн. Вѣдом.» И. Н. Юркинымъ, І. Пяткинымъ, Н. М. Охотниковымъ, П. Макарецевымъ и В. К. Магницкимъ по археологіи, истории и этнографіи; 7) чл.-сотр. А. В. Никитскій принесъ въ даръ Обществу 24 большихъ фотограф. снимка съ церковныхъ древностей Астрахани; 8) С. И. Порфирьевъ прислалъ въ даръ Обществу 5 экз. статьи Г. С. Саблукова—«Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства»; 9) А. В. Смоленскій прислалъ въ даръ Обществу 7 экз. своей статьи: «Чувашскія примѣты о погодѣ и вліяніи ея на ховяйство»; 10) д. ст. сов. Николай Александр. Аристовъ прислалъ въ даръ Обществу свою книгу: «Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой Орды и кара-киргизовъ. СПб. 1895»; 11) чл.-сотр. А. О. Гейкель прислалъ въ даръ Обществу свою статью: «Explorations ethnologiques», помѣщенную въ «Travaux géographiques exécutés en Finlande». Постановлено: жертвователей благодарить, а книги и статьи передать И. Н. Смирнову и фотограф. снимки А. А. Штукенбергу.

II. Секретарь Общества доложилъ Собранію, что въ Общество поступили для печатанія въ «Извѣстіяхъ» слѣдующія статьи: 1) В. С. Иванова—«Описание городищъ Спасскаго уѣзда Казан. губ.»; 2) И. И. Иванова—6 тетрадей «Степныхъ воспоминаній»; 3) Н. Э. Катанова—«Описание нумизматической коллекціи И. А. Износкова»; 4) В. А. Мошкова—«Мелодіи пѣсенъ Астраханскихъ и Оренбургскихъ Ногайцевъ»; 5) М. А. Готвальдъ—«Повѣдка на Ала-дагъ» и 6) Мухаммедъ-джана Сыздыкова—«Нѣсколько словъ объ одной рукописи, принадлежащей Общ. Арх., Ист. и Этн. и озаглавленной «Башкирскія пѣсни». Постановлено: передать статьи въ Совѣтъ Общества.

III. Предсѣдатель Общества объявилъ собранію, что избраніе г. Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа К. П. Яновскаго въ почетные члены Общества, за неприбытіемъ въ засѣданіе законнаго числа избирательныхъ голосовъ, состояться не можетъ.

IV. Д. чл. Е. А. Маловъ сдѣлалъ докладъ—«Нѣсколько словъ къ исторіи Малоюнгинскаго монастыря». Докладчикъ замѣтилъ, что К. С. Рябинскій, писавшій объ этомъ монастырѣ, не воспользовался многими свѣдѣніями, которыя были помѣщены свящ. М. Кроковскимъ въ «Казан. Губ. Вѣд.» за 1849 г. №№ 33—34 и за 1851 г. № 9, и ничего не сказалъ о миссіонерской дѣятельности монастыря. Затѣмъ докладчикъ на основаніи архивныхъ данныхъ и свѣдѣній, собранныхъ имъ лично, описалъ жизнь Малоюнгинскаго монастыря, начиная съ его основанія въ 1625 году при великомъ князѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и кончая 1764 годомъ. Отъ этого упраздненнаго монастыря осталась одна церковь, самая древняя въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ,

сооруженная въ 1707 году. Это—село Малая Юнга, приходъ котораго составляютъ 4 деревни: Болониха, Сосновка, Красногорка, Гаврениха, съ 385 душами мужескаго пола. Потомъ докладчикъ перечислилъ подробно всѣхъ настоятелей монастыря, коснулся ихъ дѣятельности и описалъ печальное событіе, случившееся въ монастырѣ: это—умершвеніе архимандрита за его суровый нравъ. На основаніи архивныхъ данныхъ докладчикъ описалъ всѣ уголья монастыря, заключавшіяся въ земляхъ, деревняхъ, крестьянахъ и мельницахъ. Изъ дѣяностей Малоюнгинскаго монастыря докладчикомъ между прочимъ упомянуты: 1) Евангеліе первое, тисненное 1677 г. при царѣ Ѳеодорѣ съ благословенія патріарха Іоакима; 2) Евангеліе второе 1712 года; 3) Апостолъ 1691 года; 4) Служебникъ 1705 года; 5) Миней Общая; 6) 12 кн. миней мѣсячныхъ; 7) 2 напрестольныхъ креста, изъ которыхъ 1—1711 года. Докладчикъ сообщилъ подробно какъ надписи на этихъ предметахъ, такъ и содержаніе синодика монастыря. Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ, что настоятели монастыря, кромѣ управленія монастыремъ и его крестьянами, землями и угольями, помогали и казанскимъ архипастырямъ въ дѣлѣ управленія церковными дѣлами, надзора за духовенствомъ и крещенія инородцевъ. И. А. Износковъ дополнилъ, что, бывши въ 60-ыхъ годахъ тамъ, гдѣ находится Ильинская пустынь и Спасскій монастырь на Малой Юнгѣ, онъ описалъ эту мѣстность, и замѣтилъ, что монастырь дѣйствительно былъ миссіонерскимъ пунктомъ и что нѣкоторыя церкви Козьмодемьянскаго уѣзда построены подъ вліяніемъ миссіонеровъ Спасскаго монастыря. Теперь, по замѣчанію И. А. Износкова, тамъ расколъ, и тѣмъ не менѣе замѣчается стремленіе къ монашеской жизни. Крестьяне деревень близъ монастыря, благодаря стариннымъ монастырскимъ грамотамъ, хлопотали о прибавкѣ земель, хотя безуспѣшно. Постановлено: просить докладчика, Е. А. Малова, собрать всѣ свѣдѣнія о Малоюнгинскомъ монастырѣ въ систему и напечатать въ «Извѣстіяхъ».

V. Секретарь Общества доложилъ Собранію, что А. А. Диваевъ при письмѣ изъ г. Ташкента отъ 2 ноября с. г. прислалъ для напечатанія въ «Извѣстіяхъ» снимки съ араб., перс. и татар. надписей, находящихся подъ куполомъ мечети Хезретъ-Султана Ходжи Ахмеда Ясави, умершаго въ 1166 г. въ Туркестанѣ. Эти надписи списаны по просьбѣ г. Диваева Туркестан. казіемъ Лютфулла-ходжой Атахаджа-казіевымъ въ 1894 г., но по-русски не переведены. Постановлено: просить Н. Ѳ. Катанова перевести эти надписи и доложить ихъ содержаніе Общему Собранію.

VI. Секретарь Общества Н. Ѳ. Катановъ прочиталъ статью чл.-сотр. М. А. Готвальда—«Поѣздка на Аладагъ»¹⁾.

VII. Чл.-сотр. Р. А. Нелидова доложила—«Нѣсколько словъ къ автобіографіи И. И. Протопопова». Между бумагами, оставшимися послѣ покойнаго мужа ея, Н. К. Нелидова, сохранилась автобіографія двоюроднаго дѣда ея по женской линіи И. И. Протопопова, родившагося въ 1780 году и умер-

¹⁾ Напечатано въ журналѣ «Дѣятель», 1896 г., № 2, стр. 80—84.

шаго въ 1863 году. Фамилію свою Протопоповъ получилъ оттого, что пра-дѣдъ его былъ протопопъ. Сначала И. И. былъ учителемъ рисованія въ I гимназій, съ 1825 по 1833 г. былъ помощникомъ инсп. студ. Казанскаго Унив. Рукопись свою И. И. началъ писать въ 1846 г., когда ему было уже 66 лѣтъ отъ роду, и прервалъ ихъ въ 1863 году. Изъ рукописи И. И. Протопопова докладчица сдѣлала нѣкоторыя выдержки, касающіяся описанія внѣшняго вида Казани въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія и пребыванія въ ней Императора Павла I, имѣвшаго связь съ событіями изъ жизни Ив. Ив. По окончаніи своего доклада, Р. А. Нелидова принесла въ даръ Обществу 3 книги автобіографіи и записокъ Ив. Ив. Протопопова. Д. чл. Н. А. Толмачевъ замѣтилъ, что при печатаніи автобіографіи Протопопова слѣдуетъ указать подробно всю литературу, касающуюся этого казанскаго дѣятеля, и даже газетную, напр. статьи, помѣщенные въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» и др. газетахъ. Постановлено: Р. А. Нелидову за ея пожертвованіе благодарить, а замѣчаніе Н. А. Толмачева принять къ свѣдѣнію.

VIII. Секретарь Общества Н. Θ. Катановъ прочиталъ статью чл.-сотр. Г. Ахмарова—«Разборъ татарскихъ сказаній о нашествіи Тимура на болгарскіе города». Авторъ говоритъ, что Тимуръ, какъ мусульманинъ, пошелъ войною на мусульманскіе города по исключительной причинѣ: татарскія преданія говорятъ, что болгары предавались разврату, ереси, пьянству, лихоимству и не признавали *الله*—соборнаго моленія, за что Богъ и наслалъ на нихъ наказаніе въ образѣ Тимура. Последнимъ болгарскимъ царемъ былъ *عبدالله خان*—Абдулла-ханъ, имѣвшій 2 смновей: Алимъ-бека и Алтанъ-бека. Тимуромъ былъ разоренъ городъ Сѣдѣмъ (*سدوم*), мѣстонахожденіе котораго неизвѣстно. Изложивъ послѣднія событія болгарской исторіи, авторъ высказываетъ сомнѣніе, былъ ли Тимуръ самъ въ Болгарѣ, или нѣтъ. Н. Θ. Катановъ сказалъ, что къ татарскимъ рукописямъ, которыя повѣствуютъ о Тимурѣ, слѣдуетъ относиться критически, такъ какъ онѣ часто наполняются баснями, анахронизмами и выдумками ложныхъ датъ; такъ, напр., въ одной рукописи говорится, что Тамерланъ взялъ Болгаръ въ 700 г. гиджры, что соотвѣтствуетъ нашему 1301 году, тогда какъ Тамерланъ родился 36 годами позже этого событія.

IX. Н. И. Ашмаринъ прочиталъ свой докладъ—«Мусульманскія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ (по уйгурской книгѣ Рубгузи XIV вѣка)». Для своего доклада авторъ пользовался казанскимъ изданіемъ 1890 года, въ которомъ объ Александрѣ Македонскомъ говорится на стр. 425—436. Прежде всего авторъ сообщилъ, что книга «Кысасульямбія» (разказы о пророкахъ) кончена писаніемъ въ 710 г. гиджры=1310 г. нашей эры, написана въ честь Насир-эд-дина Токбуги судьей селенія Рибать-Огуви Насиръ-эд-диномъ, сыномъ Бурханъ-эд-дина. Докладчикъ замѣтилъ, что показанная въ началѣ дата 809 г. г.=1410 г. нашей эры ошибочна и что болѣе подходящая дата стоитъ въ концѣ книги: 710 г. г.=1310 г., гдѣ сказано, что этотъ (1310) годъ—годъ собаки; по китайско-монгол. счисленію этотъ годъ дѣйствительно годъ собаки. Затѣмъ докладчикъ сообщилъ нѣсколько словъ о томъ, что «Зулькарнейнъ»—«двурогій»—назывались и др. лица въ восточной исторіи, кромѣ Але-

ксандра Македонскаго. Далѣ авторъ сообщилъ все, что есть у Рубгуви: Искандеръ зналъ всѣ пути и дороги, ходилъ по всей вселенной, построилъ много городовъ и завоевалъ всѣ земли отъ горы Кафъ до горы Кафъ, т. е. съ востока до запада, не удалось ему только напиться живой воды, которая досталась Хчвру, т. е. пророку Или. Искандеръ узналъ, благодаря своимъ путешествіямъ, очень многое, напр.: солище, закатываясь, погружается въ тинистый кипучій источникъ; отъ восхода солнца до захода 500 лѣтъ пути; мертвецы въ загробномъ мірѣ ѣдятъ камни; падучая болѣзнь ходитъ по землѣ въ образѣ видѣнія, котораго нельзя поймать; Искандеръ построилъ мѣдную и желѣзную стѣну противъ Яджуджъ и Малжуджъ (Тога и Магога), которые имѣютъ длинныя до земли уши, питаются животными и змѣями и придутъ на землю въ день воскресенія мертвыхъ; видѣлъ дьявола, который летаетъ въ образѣ птицы; видѣлъ ангела Асрафила, одна нога котораго была на востокѣ, а другая на западѣ. Искандеръ похороненъ въ золотомъ гробѣ въ Александріи. Въ заключеніе своего сообщенія авторъ показавъ Собранію рисунокъ 7-ерной стѣны, возведенной Александромъ, по уйгурскому преданію, вокругъ — *قسطنطينيه* «Константинополя».

Х. М. Сыздыковъ прочиталъ свой докладъ—«Нѣсколько словъ о фотографическомъ снимкѣ съ рукописи начала XIX в., принадлежавшей Владиміру Ивановичу Далю»¹⁾. Постановлено: выразить г. Сыздыкову благодарность отъ имени Общества за описаніе и разборъ фотографическаго снимка съ киргизской рукописи, пожертвованнаго Обществу д. чл. В. А. Мошковымъ.

Въ 10¹/₂ часовъ вечера г. Предсѣдатель Общества объявилъ собраніе закрытымъ.

25 января 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 7¹/₄ часовъ вечера въ профессорскомъ залѣ Уни-верситета г. Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Износковымъ, который за болѣзнь Н. А. Эйрсова принялъ на себя отправленіе обязанностей Предсѣдателя Общества.

Въ засѣданіи присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, Э. Г. Мищенко, И. Н. Смирновъ-П. А. Пономаревъ, А. И. Александровъ, кавначей Общества Н. И. Андерсонъ и секретарь Общества Н. Э. Катановъ, также: дѣйствительные члены, члены-сотрудники и гости.

І. Секретарь Общества доложилъ Собранію о новыхъ коллекціяхъ вещей, фотографическихъ снимковъ и статей, поступившихъ въ даръ Обще-

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 5, стр. 354—363, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ объ одной киргизской рукописи, снимокъ съ которой принадлежитъ Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи».

ству: 1.) д чл. А. Т. Соловьевъ пожертвовалъ 1 экз. листа гербовой бумаги со штемпелемъ: «двуглавый орелъ» и вокругъ надпись—«1807 года. Цѣна 30 копѣекъ листъ» и съ водяными знаками—«гербовая бумага, двуглавый орелъ, 1807 года, цѣна 30 копѣекъ»; 2) Императорская Археологическая Коммиссія при отношеніи отъ 18 декабря 1895 года за № 2017-мъ прислала въ даръ Обществу 427 старинныхъ серебряныхъ джучидскихъ монетъ, общій вѣсъ которыхъ 1 фун. 53 зол. 72 доли, монетъ, найденныхъ крестьянами дер. Верхней Алькѣевой Спасскаго уѣзда; 3) чл.-сотр. К. Т. Софоновъ принесть въ даръ Обществу 11 большихъ фотограф. снимковъ 1893, 1894 и 1895 годовъ: а) съ иконостаса Успенской церкви въ слободѣ Кукаркѣ Яранск. у. Вятск. губ.; б) съ иконостаса Троицкаго собора въ слободѣ Кукаркѣ Яран. у. Вятск. губ.; в) съ Троицкаго собора въ той же слободѣ, основаннаго въ 1818 году и освященнаго вновь въ 1893 г.; г) съ иконостаса Успенской церкви въ той же слободѣ; д) съ Успен. ц. въ той же слободѣ; е.) съ Макарьев. монастыря въ г. Свѣжскѣ Казан. губ.; ж) съ рѣзного изображенія «Спасителя въ темницѣ» въ Троиц. ц. г. Царевококшайска Казан. г.; в) съ придѣла Кирилла Бѣловерскаго въ Успен. ц. села Болгарь Спасскаго у. Казан. губ.; и) съ иконостаса зимней Троиц. ц. въ г. Царевококшайскѣ; і) съ Троиц. ц. Свѣж. женскаго монастыря, основанной 1552 г. и к) съ евангелія серебр. (вѣсу 3 пуда), печатаннаго въ 1759 г., потира, вѣданицы и лжищъ, пожертвованныхъ въ 1793 г. купцомъ Пчелинымъ въ Вознесен. ц. г. Царевококшайска. Постановлено: всѣхъ троицъ жертвователей благодарить.

II. Секретарь Общества доложилъ, что Императорскому Русскому Географическому Обществу къ 21 янв. с. г. поднесенъ отъ имени Общества адресъ, сочиненный по порученію Совѣта Общества отъ 11 января с. г. д. чл. проф. И. Н. Смирновымъ. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

III. Секретарь Общества доложилъ собранію, что по постановленію Совѣта Общества для музея куплены слѣдующіе предметы древности: 1) старый бердышъ за 7 рублей 29 сент. и 2 окт. 1895 года и 2) 72 монеты (серебрян. 14 и мѣдн. 58) стъ живущаго въ г. Аулие-ата Сыръ-дарьин. обл. Бориса Петровича Преображенскаго (при письмѣ отъ 21 октяб. 1895 г.) за 15 рублей; эти купленные отъ г. Преображенскаго монеты суть: а) 11 большихъ мѣдныхъ араб. куфическихъ монетъ, б) 9 малыхъ мѣдныхъ араб. куфич. монетъ, в) 6 серебрян. большихъ разныхъ мусульман. монетъ, г) 1 кашгарская китайско-татар. серебрян. монета въ 5 мискалей (1 рубль) царствованія Гуавъ-скій 1311 мусул. года=1893 года, д) 5 мѣдныхъ мусульман. монетъ, чеканенныхъ въ Коканѣ (**خوقند فوقند**), е) 1 мѣдная татарская монета съ именемъ турец. султана Абдуль-авиъ-хана (царств. 1861—1876), чеканенная въ Кашгарѣ 1291=1874 года; ж) 1 серебр. кит.-татар. монета въ 5 фынъ (10 коп.), чеканенная въ г. Яркендѣ, в) 1 изъ желтой мѣди китайская монета съ именемъ Цзя-цина (царств. 1796—1828), стоимостью въ $\frac{1}{8}$ коп., называемая «ярмакъ» **يارماق**, и) 1 изъ желтой мѣди китайская монета неизвѣстнаго времени въ $\frac{1}{8}$ коп., і) 2 греч. мѣдныя монеты неизвѣстн. вре-

мени, к) 1 рус. малая «денга» 1740 г. Анны Иоанновны, л) 1 большая мѣдная русская монета «5 копѣекъ» 1806 года Александра I, м) 1 рус. серебр. монета «гривенникъ» 1747 года Елизаветы Петровны, н) 1 рус. серебр. монета «рубль» 1736 года Анны Иоанновны, о) 1 рус. серебр. монета «рубль» 1743 года Елизаветы Петровны, п) 1 рус. серебр. монета «полуполтянникъ» 1748 года Елизаветы Петровны; р) 1 рус. серебр. «рубль» (безъ года) Павла Петровича, с) 1 рус. серебр. монета «гривенникъ» 1770 г. Екатерины II и т) 26 равныхъ мѣдныхъ маленькихъ мусульман. монетъ: тонкихъ 23 и толстыхъ 3. Постановлено: уплаченные за вышеозначенные предметы древности 22 рубля отнести на счетъ болгарскаго и общественнаго фонда уплату утвердить.

IV. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Ивносковъ доложилъ собранію, что д. чл. Д. И. Образцовъ письмомъ отъ 7 янв. с г. увѣдомилъ Предсѣдателя Общества, что въ виду предстоящаго отъѣзда изъ г. Казани онъ слагаетъ съ себя званіе члена Общества. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Секретарь Общества доложилъ собранію, что въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія принесенныя въ даръ Обществу печатныя произведенія: а) при письмѣ Ф. В. Виноградова отъ 1 декабря 1895 г. за № 619-мъ литографированный календарь времени Императрицы Елизаветы Петровны, б) отъ чл.-сотр. Т. А. Иванецкаго—2 экз. его статьи «Почитаніе святыхъ въ мухаммеданствѣ вообще и у кавказскихъ и казанскихъ мусульманъ въ частности», читанной въ общемъ собраніи 21 сент. 1895 года и напечатанной въ № 1 журнала «Дѣятель» за 1896 годъ, в) отъ чл.-сотр. М. А. Готвальдъ—2 экз. ея статьи «Поѣздка на Ала-дагъ и курдская свадьба», читанной въ общемъ собраніи 28 нояб. 1895 года и напечатанной въ № 2 журнала «Дѣятель» за 1896 годъ; г) Императорская Археологическая Коммиссія при отношеніи отъ 18 декабря 95 г. прислала въ даръ Обществу №№ 16, 17 и 18 «Матеріаловъ по археологій Россіи» и 1 экз. «Отчета за 1893 годъ», д) директоръ Москов. Публичнаго и Румянцев. Музеевъ, д. т. с. В. А. Дашковъ при отношеніи отъ 13 декаб. 1895 г. за № 678 прислалъ въ даръ Обществу «Отчетъ за 1892—1894 года», е) д. чл. В. К. Магницкій прислалъ печатный «Указъ изъ Казанской Кавенной Палаты Шуматовскому волостному правленію отъ 8 окт. 1820 г.» и ж) факультетъ восточныхъ языковъ Императ. С.-Петербургскаго Университета прислалъ въ даръ Обществу 1 экз. книги «Восточныя замѣтки», сборника статей и изслѣдованій профессоровъ факультета, написанныхъ въ честь 100-лѣтняго существованія (1795—1895) Ecole des langues vivantes въ Парижѣ. Постановлено: благодарить всѣхъ жертвователей, а книги передать И. Н. Смирнову для внесенія въ каталогъ бібліотеки Общества

VI. Секретарь Общества доложилъ собранію, что для напечатанія въ «Извѣстіяхъ» поступили слѣдующія статьи: д. чл. В. К. Магницкаго а) «Городъ Кувмодемьянскъ и его уѣздъ по I народной переписи 1718—1732 гг.», и б) «Волости и деревни Чебоксар. у. по другому фоліанту I народной переписи», в) отъ чл.-сотр. Н. А. Архангельскаго—«Курганы въ Туруновскомъ и Мало-шатминскомъ приходахъ Ядрин. у.» г) отъ студента Ветерин. Института (киргиза) М. Сыздыкова—«Нѣсколько словъ объ одной рукописи, принадлежащей Общ. Арх., Ист. и Этн.», д) отъ чл.-сотр. И. Н. Юркина—«Золотой

ключъ для исторіи бывшаго Волжско-Камскаго Булгарскаго царства», е) отъ урядника В. С. Иванова—«О городищахъ Спасскаго у. Каванской губ.», ж) отъ д. чл. В. К. Магницкаго—«Городище Пиндере-сырчъ и курганы въ Ядрин. и Курмыш. уѣздахъ», в) отъ д. чл. А. К. Насырова—«Памятники татарскаго народнаго творчества. Загадки, пѣсни и пословицы». Постановлено: означенныя вѣсь 8 статей передать на разсмотрѣніе Совѣта Общества.

VII. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Ивановскъ доложилъ Собранію, что съ осени 1895 года по настоящее число привнаны, по постановленію Совѣта Общества, членами-сотрудниками слѣдующія лица: а) священникъ Н. А. Архангельскій (8 сент. 1895 года), б) Марія Александровна Готвальдъ (15 нояб. 1895 г.), в) Абубекръ Ахмедъ-джановичъ Диваевъ (11 января 1896 г.), г) Иванъ Николаевичъ Юркинъ (15 нояб. 1895 г.) и д) Викторъ Порфирьевичъ Троицкій (8 сент. 1895 г.). Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VIII. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Ивановскъ предложилъ къ избранію въ почетные члены Общества г. Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, тайнаго совѣтника Кирилла Петровича Яновскаго, который постоянно присматриваетъ въ даръ Обществу свои изданія, касающіяся мѣстностей и племенъ Кавказа, и сочувственно относится къ научнымъ трудамъ Общества. Постановлено: избрать единогласно К. П. Яновскаго почетнымъ членомъ Общества и послать ему на сіе званіе дипломъ.

IX. Секретарь Общества доложилъ Собранію, что Совѣтъ Общества отправилъ въ г. Екатеринбургъ къ 29 декабря 1895 года похвалительный адресъ Уральскому Обществу Любителей Естествознанія по поводу 25-лѣтія его дѣятельности и что означенное Общество отношеніемъ отъ 17 января с. г. за № 98-мъ благодаритъ за поднесеніе адреса. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

X. Секретарь Общества доложилъ собранію о 2 пожертвованіяхъ: 1) д. чл. А. Т. Соловьева—2 подлинныя мѣдныя монеты и 1 металлич. копія монеты (подлинныя XVIII и копія XII в.) и 2) д. чл. В. К. Магницкаго—мѣдный жетонъ съ гербомъ на одной сторонѣ, 3 коронами на другой и съ буквами С. Р. С. Постановлено: обоимъ жертвователямъ благодарить.

XI. Членъ Совѣта А. А. Штукенбергъ сдѣлалъ докладъ «О земледѣльческихъ орудіяхъ древняго Болгара» и демонстрировалъ самыя орудія.

По поводу этого доклада д. чл. П. А. Пономаревъ замѣтилъ, что, по свидѣтельству араб. писателей *ابن فضلان* (Ибнъ-Фадлана), *مقبسى* (Мукаддаси) и *ابن دسنه* (Ибнъ-Дастъ), у болгаръ процвѣтали и земледѣліе, и скотоводство. Тамъ, гдѣ, по словамъ этихъ путешественниковъ, была пшеница, теперь растутъ лишь рожь; суздальскіе люди приходили въ Болгаръ за пшеницею. Скотоводство въ Камско-Волжской Болгаріи было сильно развито, и подавать платили ковыми, лошадиными и скотскими шкурами. Болгары, понимавшіе толкъ въ черномемѣ, занимались земледѣліемъ усердно тамъ, гдѣ теперь черномемъ. У болгаръ былъ обычай удобрять поля навозомъ, который шлолъ также на заполненіе неровностей. При своихъ раскопкахъ г. Пономаревъ замѣчалъ, что слой чернозема иногда тонокъ, иногда глубокъ. Болгары въ своихъ селеніяхъ не оставляли навоза, а вывозили его въ поля для

удобрения. Орудій земледѣльческихъ, по словамъ г. Пономарева, сохранилось мало потому, что они эксплуатируются крестьянами, которые передѣлываютъ ихъ, ибо качество болгарскаго желѣза гораздо выше качества нмѣшняго русскаго. Въ этихъ же мѣстахъ, гдѣ находились земледѣльческія орудія, попадаются также принадлежности конской сбруи и рогатки, употреблявшіяся для раненія непріятельскихъ лошадей: эти рогатки разбрасывались по полямъ, и лошади не могли двигаться впередъ. Г. Пономаревъ замѣтилъ, что до появленія болгаръ населеніе края было лишь звѣроловное и рыболовное; съ мнѣніемъ г. Пономарева А. А. Штукенбергъ не согласился и сказалъ, что земледѣліе въ Волжско-Камскомъ краѣ существовало и раньше прихода болгаръ въ этотъ край. И. Н. Смирновъ добавилъ, что для сужденія о болгарскихъ земледѣльческихъ орудіяхъ и о томъ, были ли болгары знакомы съ земледѣліемъ раньше, или нѣтъ, нужно собрать свѣдѣнія по лингвистической археологіи. И. А. Ивановскій замѣтилъ, что въ Каванской губ. есть земледѣльческія орудія, называющіяся сабанами (صبان). В. Н. Витевскій добавилъ, что обработку земли сабаномъ теперь онъ встрѣчалъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ Самар. губ., гдѣ сабаномъ работаютъ на 2—4 волахъ или лошадяхъ. Собраніе единогласно благодарило А. А. Штукенберга за его интересный докладъ ¹⁾.

XII. И. А. Ивановскій прочиталъ статью В. К. Магницкаго—«Городъ Ковьомедьянскъ по первой народной переписи 1718—1722 г.» ¹⁾.

XIII. Д. чл. Е. А. Маловъ прочиталъ свою статью—«О кончинѣ міра по воззрѣніямъ мусульманъ» ¹⁾.

XIV. Секретарь Общества Н. Э. Катановъ доложилъ собранію статью члена-сотрудника Гайнуллина Ахмарова—«Разборъ татарскихъ сочиненій о Болгарскомъ царствѣ», составляющую извлеченіе изъ его отчета о поѣздкѣ съ археологическою цѣлью въ Спасскій и Тетюшскій уѣзды Каванской губ., въ 1893—1894 годахъ. Авторъ подробно говоритъ объ анахронизмахъ татарскихъ сочиненій и, сопоставляя показанія ихъ о распространеніи ислама въ Болгарскомъ царствѣ съ показаніями арабскихъ сочиненій, приходитъ къ тому заключенію, что арабскія сочиненія въ этомъ вопросѣ совершенно ненадежны, такъ какъ показанія ихъ относятся лишь къ X в., когда исламъ пустилъ уже глубоко корни, и что татарскія сочиненія лучше. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что городъ Болгаръ былъ разрушенъ не среднеазиатскимъ завоевателемъ Тимуромъ, жившимъ въ 1337—1405 годахъ, а Пуладъ-Тимуромъ въ 1361 году.

Затѣмъ Товарищъ Предсѣдателя объявилъ собраніе въ 10^{3/4} часовъ вечера закрытымъ.

¹⁾ Напечатанъ въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Каванскаго Университета», 1896 г., № 6—7, стр. 211—220.

²⁾ Напечатано въ «Иввѣстіяхъ», т. XIII, вып. 5, стр. 428—443.

³⁾ Напечатано въ «Иввѣстіяхъ», т. XIV, вып. 1, стр. 1—96.

22 февраля 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Износковымъ, который за болѣвнью Н. А. Эирсова принялъ на себя отправленіе обязанностей Предсѣдателя Общества.

Въ засѣданіи, кромѣ членовъ Общества и гостей, присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: Э. Г. Мищенко и А. И. Александровъ и секретарь Общества Н. Э. Катановъ.

I. Секретарь Общества Н. Э. Катановъ доложилъ собранію, что въ Общество поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества—а) томъ IX «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», б) выпуски III и IV тома VII «Записокъ И. Р. А. О.» и с) атласъ къ путешествію Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспійскаго моря; 2) отъ д. чл. В. К. Магницкаго—«Указъ изъ Казанской Казенной Палаты Шуматовскому волостному правленію отъ 8 октября 1820 г. объ ежегодномъ производствѣ весною осмотра землямъ казенныхъ крестьянъ, казенныхъ поселянъ и оброчнымъ статьямъ»; 3) отъ д. чл. Н. Э. Катанова—10 экз. его статьи «Преданія тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ», напечатанной въ V выпускѣ «Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея»; 4) отъ С. И. Порфирьева—1 экз. статьи Г. С. Саблукова «Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства»; 5) отъ свящ. Д. Ф. Филимонова—монета неизвѣстнаго времени (на 1 сторонѣ: буквы R. C. S. и 3 короны, на другой сторонѣ: гербъ и подобіе цифръ—1638); 6) отъ чл.-сопр. К. Т. Софонова—4 печатныя книги: а) печатный календарь 1807 г., 12°, 144 стр. безъ началныхъ, б) новѣйшая и полная русская азбука, изд. П. Н. Шерапова, безъ года, 69 стр. in 12°, с) азбука славянская, 12°, 60 стр. безъ года, д) печатный «Синописисъ» (Лѣтописецъ) Иннокентія Гивеля, 2-е или 3-е изданіе, 224 стр. in 8° (начинается съ 13 страницы), съ подписью «Валета писецъ камисара Василія Зимьнинскова», печат. не въ Малороссіи; 7) отъ чл.-сопр. К. Т. Софонова—рукопись in 2° «Лѣтописецъ Московскаго царства» XVIII вѣка; 8) отъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества при отношеніи отъ 22 янв. с. г. за № 36—Протоколы и Отчетъ за 1894 годъ и Протоколы за 1895 г. Постановлено: жертвователей благодарить.

II. Секретарь Общества Н. Э. Катановъ доложилъ собранію, что для напечатанія въ «Извѣстіяхъ» поступили слѣдующія статьи: 1) отъ С. И. Порфирьева—«Монеты Золотой Орды», статья Г. С. Саблукова, 2) отъ чл.-сопр. И. Н. Юркина—«Золотой ключъ для исторіи бывшаго Волжско-Камскаго Булгарскаго царства», 3) отъ П. Н. Ахмерова—«Описаніе печати и надписей въ мечети Ахмеда Ясави (خواجہ احمد یسوی)», 4) отъ д. чл. В. К. Магницкаго—«Волости и деревни Чебоксарскаго уѣзда по другому фоліанту I народной переписи», 5) отъ д. чл. Н. Н. Пантусова—«Таранчинскія пѣсни, съ напѣвами»; 6) отъ д. чл. Е. Э. Будде—«Объ одной челобитной 1685 года». Постановлено согласно отаву редакціи «Извѣстій»: всѣ статьи напечатать, причемъ статью И. Н. Юркина, какъ научно не вполне обоснованную, напечатать лишь въ извлеченіи.

III. Дѣйствительные члены: И. А. Износковъ, А. И. Александровъ, Ѳ. Г. Мищенко и Н. Ѳ. Катановъ предложили къ избранію въ дѣйствительные члены Общества магистра философіи Гельсингфорскаго Университета Ивари Валленіуса, какъ могущаго быть полезнымъ Обществу своими изслѣдованіями быта и языка угро-финскихъ племенъ. Постановлено: баллотировать г. Валленіуса въ ближайшемъ общемъ собраніи въ дѣйствительные члены Общества.

IV. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ доложилъ собранію, что Уральское Общество Любителей Естествознанія письмомъ отъ 17 января с. г. за № 98-мъ благодарить за поздравленіе съ исполнившимся 29 декабря 1895 года XXV-лѣтіемъ его дѣятельности. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Д. чл. Е. Ѳ. Будде прочиталъ свой докладъ: «Объ одной челобитной 1685 года» ¹⁾. Постановлено: докладъ Е. Ѳ. Будде напечатать.

VI. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ прочиталъ статью чл.-сотр. И. Н. Юркина—«Золотой ключъ для исторіи бывшаго Волжско-Камскаго Булгарскаго царства». И. Н. Юркинъ приводитъ массу словъ, фразъ и легендъ, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ, что какъ жители Булгарскаго царства, такъ и жители Казанскаго, по своему происхожденію были чуваши, которые, утвердившись на мѣстѣ, покорили другіе народы, какъ напр. татаръ, черемись, мордву и пр. Затѣмъ г. Юркинъ говоритъ, что чувашскими названіями слѣдуетъ считать названія слѣдующихъ мѣстностей, озеръ, зданій и предметовъ: мѣстности «Ага-базаръ», «Безымяннаго озера», гор. Казани, баши Сумбеки, бронзовыхъ издѣлій и пр. Дѣйств. членъ В. Н. Витевскій высказалъ мнѣніе, что ст. Юркина, въ виду оригинальности его выводовъ, слѣдовало бы съ подобающими примѣчаніями напечатать въ «Извѣстіяхъ», но большая часть членовъ высказалась за то, что ст. Юркина должна быть напечатана не цѣликомъ, а непремѣнно въ извлеченіи, въ которое должны войти всѣ чувашскія легенды, пословицы и преданія, находящіяся у автора, причемъ статья должна быть озаглавлена, соответственно содержанію, иначе. Постановлено: напечатать ст. И. Н. Юркина въ извлеченіи.

VII. Секретарь Общества доложилъ собранію, что Англо-Русское Литературное Общество (Anglo-Russian Literary Society) письмомъ отъ 7 февраля с. г. предлагаетъ вступить въ постоянный обмѣнъ изданіями и, препровождая свои «Proceedings» за ноябрь и декабрь 1895 года и январь 1896 года, просить ознакомить съ ихъ содержаніемъ и другихъ жителей города Казани, которые знаютъ англійскій языкъ и цѣнятъ труды Общества. Постановлено: вступить въ обмѣнъ.

VIII. Секретаремъ Общества прочитанъ и остальными членами Общества (Н. А. Өирсовымъ, И. А. Износковымъ, А. А. Штукенбергомъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. И. Александровымъ, Н. И. Андерсономъ, Е. А. Маловымъ и Н. Ѳ. Катановымъ) подписанъ дипломъ К. П. Яновскому, на званіе почетнаго

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 4, стр. 258—272.

члена. Постановлено: отослать дипломъ по назначенію, оставивъ его копию при дѣлахъ Совѣта Общества и Общаго Собранія.

IX. Д. чл. Н. Э. Катановъ демонстрировалъ и описалъ 2 шаманскіе бубна минусинскихъ татаръ Енисейской губерніи. Наружная часть бубна обтянута конскою кожею, которая вся испещрена разными рисунками. Тремя чертами, изображающими земные слои, внѣшняя часть бубна дѣлится на 2 части: верхняя часть—поверхность земли и небесная сфера, нижняя—подземное царство съ его страшными обитателями. Въ верхней части рисуется радуга и звѣзды, причемъ 2 большія звѣзды означаютъ солнце и луну. Такія же 2 звѣзды рисуются и въ нижней части бубна, т. е. въ подземномъ царствѣ, такъ какъ и тамъ есть свое солнце и луна, которыя свѣтятъ шаману, когда онъ долженъ ѣхать къ Эрликъ-хану, т. е. властителю подземнаго царства. Съ концовъ радуги спускаются 2 широкія лѣстницы, по которымъ шаманъ взбирается на небо и спускается на землю. Отправляется онъ туда для того, чтобы подслушать, что читается въ большой книгѣ Творецъ (Чаячы), особенно, когда чтеніе касается больного, котораго шаманъ долженъ излѣчить. Передъ большою бѣлою юртой (на небѣ), въ которой на мягкой подушкѣ сидитъ Богъ и читаетъ по большой книгѣ, растутъ 2 березы съ золотыми листьями; къ этимъ березамъ шаманъ по прѣпадѣ на небо привязываетъ свою лошадь (лошадью служить тотъ же бубень). Тутъ же нарисовано нѣсколько конныхъ—это помощники шамана, которые оберегаютъ его отъ враговъ. Внизу рисуется лягушка, змѣя или ящерица—это духи, которые изображаютъ слугъ водяного черта и которые помогаютъ шаману; тутъ же рисуются 7 бѣлыхъ русалокъ и 7 черныхъ. Эти дѣвы дѣлаютъ всякія неприятели роду человѣческому. Близъ русалокъ рисуется медвѣдь.—Внутренняя сторона бубна снабжена вертикально стоящей ручкой, на которой съ обѣихъ сторонъ идутъ гребни,—это—горы, черезъ которыя приходится шаману перелетать при путешествіяхъ. Поперекъ верхней части рукоятки идетъ желѣзная палка, называемая тетивой лука; шаманъ, поставивъ бубень въ горизонтальное положеніе, можетъ тогда изобразить, что стрѣляетъ изъ лука. Къ поперечинѣ привѣшиваются колокольчики, погремушки и бубенчики, которыми шаманъ отпугиваетъ нечистыхъ духовъ отъ больного. Къ борту прикрѣпляется со стороны рукоятки 4—6 желѣзныхъ крючковъ, изображающихъ сабли, которыми шаманъ отбивается отъ нечистыхъ духовъ; иногда къ поперечинѣ привѣшиваются когти вѣщихъ птицъ, на которыхъ шаманъ перелетаетъ въ подземное царство Эрликъ-хана. Разноцвѣтныя ленточки, привязанныя къ поперечинѣ, навязываются на домашнихъ животныхъ и служатъ тогда вмѣсто амулетовъ, оберегая животное отъ нечистаго духа. Докладчикъ затѣмъ описалъ и обряды, исполняемые шаманами въ юртахъ татаръ: подаваніе шаману воды, трубки съ табакомъ и пр. Вообще же все сообщеніе докладчика дало наглядное представленіе о той степени наивности и некультурности, въ которой еще и до сихъ поръ пребываетъ этотъ полудикій, хотя и принявшій христіанство, народъ.

X. С. М. Матвѣевъ прочиталъ свой докладъ—«Свадебные обычай и обряды крещенныхъ татаръ Уфимской губерніи». Постановлено: докладъ

С. М. Матвѣева напечатать съ редакціонными примѣчаніями въ «Извѣстіяхъ»¹⁾.

Засимъ въ 11^{1/2} часовъ ночи г. Товарищъ Предсѣдателя объявилъ засѣданіе закрытымъ.

17 марта 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Износковымъ, который за болѣзнью и отсутствіемъ Н. А. Эирсова принялъ на себя отправленіе обязанностей Предсѣдателя Общества.

Въ засѣданіи присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, И. Н. Смирновъ, Э. Г. Мищенко П. А. Пономаревъ и А. И. Александровъ, казначей Общества Н. И. Андерсонъ и секретарь Общества Н. Э. Катановъ, также: дѣйств. члены, члены сотрудники и гости.

I. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ объявилъ собранію, что за неприбытіемъ законнаго числа избирательныхъ голосовъ, ни избраніе въ дѣйств. члены академика барона В. Р. Розена и финнолога И. А. Валленіуса, ни чтеніе «Отчета о дѣятельности Общества за истекшій 1895 годъ», ни избраніе новыхъ должностныхъ лицъ Общества сейчасъ произведены быть не могутъ.

II. Д. чл. Э. Г. Мищенко сдѣлалъ докладъ: «Этнографія Россіи у Геродота»²⁾.

III. Д. чл. А. И. Александровъ сдѣлалъ докладъ: «Рѣчи студентовъ Казанскаго Университета, сказанныя при прощаніи съ М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа, 22 апрѣля 1845 года»³⁾.

Засимъ въ 10 часовъ вечера засѣданіе объявлено закрытымъ.

12 апрѣля 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Износковымъ, который за болѣзнью Н. А. Эирсова принялъ на себя отправленіе обязанностей Предсѣдателя Общества.

Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ Общества А. Н. Островскій, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, Э. Г. Мищенко, И. Н. Смирновъ, П. А. Пономаревъ и А. И. Александровъ, казначей Общества Н. И. Андерсонъ и секретарь Общества Н. Э. Катановъ. Кромѣ поименованныхъ здѣсь 9 лицъ, присутствовали дѣйствительные члены: Н. Э. Юшковъ, Н. Н. Галкинъ-Врасскій, Э. Д. Пельцамъ.

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 5, стр. 317—353.

²⁾ Напечатано въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1896 г., № 5, Отдѣлъ классической филологіи, стр. 69—89.

³⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XIII, вып. 4, стр. 273—282.

П. И. Кротовъ, Е. А. Маловъ, Д. А. Корсаковъ, И. И. Ворченко, Л. I. Сиклеръ и Э. Э. Энгель (9 человекъ), члены-сотрудники и гости.

I. Товарищъ Предсѣдателя объявилъ собранію, что предлагаются уже во 2-ой разъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: извѣстный арабистъ, академикъ и профессоръ баронъ В. Р. Розснъ и изслѣдователь угро-финскихъ нарѣчій магистръ философіи И. А. Валленіусъ, пожелавшіе участвовать въ трудахъ Общества. Постановлено: признать В. Р. Розсна и И. А. Валленіуса дѣйствительными членами безъ баллотировки.

П. Д. чл. И. А. Износковъ и А. И. Александровъ предложили къ избранію въ дѣйствительные члены Общества бывшего секретаря Петровскаго Археологическаго Общества (въ г. Астрахани), Ермія Васильевича Воздвиженскаго, живущаго въ г. Казани. Къ предложенію И. А. Износкова и А. И. Александрова присоединилъ свое предложеніе и И. Н. Смирновъ. Постановлено: баллотировать Е. В. Воздвиженскаго въ дѣйств. члены въ одномъ изъ слѣдующихъ собраній.

III. Присутствующіе 18 дѣйствительныхъ членовъ приступили къ избранію должностныхъ лицъ Общества: Предсѣдателя Общества, Товарища Предсѣдателя, 5 членовъ Совѣта, секретаря Общества, казначея Общества и 3 членовъ ревизіонной комиссіи. Передъ выборами д. чл. И. А. Износковъ заявилъ собранію, что Н. А. Эирсовъ передалъ ему свой голосъ, такъ что онъ имѣетъ два голоса: отъ себя и Н. А. Эирсова, а дѣйствит. членъ Н. Э. Катановъ подалъ заявленіе такого рода: «Такъ какъ 2-лѣтній срокъ моего секретарства уже кончился, а нести далѣе обязанности секретаря мнѣ нѣтъ никакой физической возможности по причинѣ множества другихъ неотложныхъ дѣлъ, то честь имѣю почтительнѣйше просить избрать новаго секретаря». Результаты баллотирования, совершеннаго 19 голосами, выразились въ слѣдующемъ: 1) въ Предсѣдателя: Н. А. Эирсовъ—6 голосовъ, Э. Г. Мищенко—7 гол.; 2) въ Товарищи Предсѣдателя: И. А. Износковъ—11 гол., И. Н. Смирновъ—6 гол.; 3) въ члены Совѣта: И. Н. Смирновъ—10 гол., А. И. Александровъ—11 гол., П. А. Пономаревъ—18 гол., А. А. Штукенбергъ—13 гол., Э. Г. Мищенко—6 гол., Е. А. Маловъ—14 гол., Д. А. Корсаковъ—7 гол., Н. Э. Катановъ—4 гол., А. Н. Островскій—8 гол. и И. А. Износковъ—4 гол.; 4) въ секретари Общества: Н. Э. Катановъ—8 гол., Н. Н. Эирсовъ—2 гол., А. И. Александровъ—4 гол. и И. И. Ворченко—2 гол.; 5) въ казначея Общества: Н. И. Андерсонъ—14 гол., А. Т. Соловьевъ—3 гол., Н. Э. Катановъ—2 гол. и 6) въ члены ревизіонной комиссіи: И. И. Ворченко—9 гол., П. В. Траубенбергъ—13 гол., П. И. Кротовъ—2 гол., А. Т. Соловьевъ—2 гол., А. Н. Островскій—3 гол., Э. Д. Пельцамъ—2 гол., Н. Э. Юшковъ—3 гол., Э. Э. Энгель—6 гол., Н. А. Толмачевъ—3 гол. и Д. А. Корсаковъ—3 гол. Д. чл. Н. Н. Галкинъ-Врасскій оставилъ залъ засѣданія по болѣзни, и по уходѣ его объявлено И. А. Износковымъ, что, какъ получившіе большинство избирательныхъ голосовъ, должны быть признаны избранными: въ Товарищи Предсѣдателя И. А. Износковъ (11 голосовъ); въ члены Совѣта: И. Н. Смирновъ (10 голосовъ), А. И. Александровъ (11 голосовъ), П. А. Пономаревъ (18 голосовъ), А. А. Штукенбергъ (13 голосовъ) и Е. А. Маловъ (14 голосовъ); въ казначея Общества Н. И. Андерсонъ (14 го-

лосовъ) и въ члены ревизионной комиссiи П. В. Траубенбергъ (13 голосовъ). Послѣ этого приступлено къ баллотированiю лицъ, получившихъ больше голосовъ, чѣмъ другiя, въ Предсѣдатели Общества, секретари и двухъ членовъ ревизионной комиссiи. Результаты баллотировки выразились въ слѣдующемъ: Предсѣдателемъ Общества оказался избраннымъ профессоръ Ѳ. Г. Мищенко, получившій 13 голосовъ избирательныхъ (противъ 5 неизб.); Н. А. Ѳирсовъ получилъ на должность Предсѣдателя 8 избир. противъ 10 неизб. голосовъ; секретаремъ Общества единогласно избранъ Н. Ѳ. Катановъ; въ члены ревизионной комиссiи избраны: И. И. Ворченко, получившій 15 гол. избир. (противъ 3 неизбир.), и Э. Э. Энгель, получившій 18 голосовъ избирательныхъ. Затѣмъ вновь избранный Предсѣдатель Общества Ѳ. Г. Мищенко, занявъ предсѣдательское мѣсто, объявилъ собранiю, что: 1) Предсѣдателемъ Общества избранъ Ѳ. Г. Мищенко; 2) Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Ианосковъ; 3) членами Совѣта: И. Н. Смирновъ, А. И. Александровъ, П. А. Пономаревъ, А. А. Штукенбергъ и Е. А. Маловъ; 4) секретаремъ Общества Н. Ѳ. Катановъ; 5) казначеемъ Общества Н. И. Андерсонъ; 6) членами ревизионной комиссiи: П. В. Траубенбергъ, И. И. Ворченко и Э. Э. Энгель. Постановлено: принять къ свѣдѣнiю.

IV. Предсѣдатель Общества Ѳ. Г. Мищенко произнесъ краткую рѣчь, въ которой благодарилъ собранiе за избранiе, и выразилъ желанiе оправдать довѣрiе Общества, оказавшаго ему такую высокую честь.

V. Дѣйствительные члены А. А. Штукенбергъ, Д. А. Корсаковъ и Н. Ѳ. Катановъ предложили въ почетные члены Общества бывшего много лѣтъ Предсѣдателемъ Общества Н. А. Ѳирсова, труды котораго на пользу Общества не безызвѣстны присутствующимъ. Постановлено: признать Н. А. Ѳирсова почетнымъ членомъ Общества безъ баллотировки.

VI. Секретарь Общества Н. Ѳ. Катановъ сказалъ нѣсколько словъ объ умершемъ 19 марта с. г. въ г. Твери чл.-сотр. Общества А. К. Жизневскомъ, извѣстномъ археологѣ, слѣдующаго содержанiя:

«19 марта с. г. въ Твери скончался нашъ членъ-сотрудникъ, извѣстный археологъ и директоръ-основатель Тверского Историческаго Музея, управляющій тверскою казенною палатою, тайный совѣтникъ Августъ Казимировичъ Жизневскiй. Покойный—старѣйшiй питомецъ Московскаго Университета, окончившiй курсъ въ 1841 году по отдѣленiю естественныхъ наукъ, принадлежалъ къ числу мѣстныхъ старожиловъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей тверской старины. Его многочисленныя описанiя предметовъ древности, какъ то: иконъ, монетъ, рукописей, изразцовъ и памятниковъ каменнаго вѣка, находившихся въ Тверскомъ Музеѣ, были описаны въ журналѣ Московскаго Археологическаго Общества, называемомъ «Древности». Отдѣльно же вышли слѣдующiе его труды: «Древнiй архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антонiева монастыря. Москва, 1879» (98 стр.) и «Описанiе Тверскаго Музея. Москва, 1888» (242+XVIII стр.). За свои археологическiя и историческiя изслѣдованiя покойный Августъ Казимировичъ Жизневскiй былъ 2 ноября 1873 года избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и 19 марта 1890 года членомъ-сотрудникомъ нашего Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи. Кромѣ того

онъ состоялъ: почетнымъ членомъ Археологическаго Института, почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ, непременнымъ членомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и председателемъ Тверской Ученой Архивной Коммисіи. За свои многочисленныя труды на пользу Твери онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ этого города».

По выслушаніи рѣчи Н. Э. Катанова Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко пригласилъ почтить память усопшаго члена-сотрудника Общества А. К. Жизневскаго вставаніемъ, что и было исполнено.

VII. Д. чл. Н. Э. Катановъ прочиталъ свой докладъ: «Споръ рая съ адомъ по сказаніямъ туркестанскихъ мусульманъ»¹⁾.

Предсѣдатель Общества объявилъ собранію, что остальные доклады за недостаткомъ времени будутъ прочитаны въ одномъ изъ слѣдующихъ общихъ собраній.

Засимъ въ 9^{3/4} часовъ вечера Г. Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко объявилъ собранію, что 24 апрѣля сего года въ 8 часовъ вечера назначено экстренное публичное засѣданіе Общества, посвященное памяти Карла Теоодоровича Фукса, общественнаго дѣятеля Казани, любителя-археолога и этнографа и бывшаго ректора университета; послѣ этого въ 10 часовъ вечера засѣданіе объявлено закрытымъ.

24 апрѣля 1896 года.

Экстренное общее собраніе Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, посвященное 50-лѣтней памяти (со дня смерти) Карла Теоодоровича Фукса, открыто Г. Предсѣдателемъ Общества Э. Г. Мищенко въ 8 часовъ вечера.

Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко, Товарищ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, П. А. Пономаревъ, Е. А. Маловъ, А. И. Александровъ, канцелярша Общества Н. И. Андерсонъ и посѣтители: г. Ректоръ Университета К. В. Ворошиловъ, Е. В. Адамюкъ, М. Я. Капустинъ, В. В. Лотинъ, Л. Ф. Воеводскій, Г. И. Крелленбергъ, Е. В. Воздвиженскій и др., также дѣйствительные члены Общества: Д. А. Корсаковъ, Н. Н. Галкинъ-Врасскій, Н. А. Толмачевъ, Н. В. Сорокинъ, Т. С. Семеновъ, В. Д. Корсакова и др.

I. Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко представилъ общую характеристику дѣятельности проф. К. Э. Фукса въ новооткрытомъ Каванскомъ Университетѣ.

II. Д. чл. Д. А. Корсаковъ произнесъ рѣчь «О К. Э. Фуксѣ, общественномъ дѣятелѣ Казани и Камско-Волжскаго края»²⁾.

¹⁾ Напечатано въ газетѣ «Каванскій Телеграфъ», въ № 993, отъ 19 апрѣля 1896 года.

²⁾ Напечатано въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ» 1896 г., № 102.

Ш. Д. чл. П. А. Пономаревъ произнесъ рѣчь «Пріемы научныхъ изслѣдованій К. Э. Фукса въ связи съ начальными временами изученія Камско-Волжскаго края».

Засѣданіе закрыто въ 9½ часовъ вечера.

27 октября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 6¼ часовъ вечера Предсѣдателемъ Общества Э. Г. Мищенко.

Въ засѣданіи, кромѣ посѣтителей, членовъ-сотрудниковъ и дѣйств. членовъ, присутствовали: г. Ректоръ Университета К. В. Ворошиловъ, Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко, члены Совѣта: П. А. Пономаревъ, А. И. Александровъ, Е. А. Маловъ и секретарь Общества Н. Э. Катановъ.

I. Предсѣдатель сказалъ нѣсколько словъ о почетномъ членѣ Общества баронѣ Э. А. Бюлерѣ, умершемъ въ Москвѣ 10 мая с. г., 76 лѣтъ отъ роду. Баронъ Э. А. Бюлеръ, избранный въ почетные члены Общества 14 февр. 1888 года, состоялъ директоромъ москов. главн. архива министерства иностр. дѣлъ. Онъ писалъ статьи: «Ламаизмъ и шаманство», «Кочующіе и осѣдло живущіе въ Астрах. губ. инородцы» и мн. др., которыя помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: «Рус. Вѣстн.», «Рус. Архивъ», «Рус. Старинъ», «Древ. и Новой Россіи», «Сборникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.», «Отечеств. Запискахъ» и др. Кромѣ того онъ сообщилъ много матеріаловъ для исторіи рус. литературы, писемъ и неиздан. произведеній Гоголя, Пушкина, Полевого, Греча, Ив. С. Аксакова и пр. Наконецъ, онъ достаточно потрудились надъ изданіемъ различныхъ матеріаловъ въ качествѣ директора коммисіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при москов. главн. архивѣ министерства иностр. дѣлъ. По приглашенію г. Предсѣдателя собраніе почтило память покойнаго почетнаго члена Общества дѣйств. тайн. сов. барона Э. А. Бюлера вставаніемъ.

II. Послѣ этого Предсѣдатель Общества прочиталъ «Краткій отчетъ о командировкѣ на X археолог. съѣздъ въ Ригѣ». Археологическій съѣздъ въ Ригѣ былъ открытъ 1-го и закончилъ свои занятія 15 августа. Обширная программа съѣзда, большое число его участниковъ, значительное количество сдѣланныхъ на немъ сообщеній, сочувствіе общества и властей Прибалтійскаго края, съ которымъ они отнеслись къ работамъ съѣзда—все это можетъ показать, если не касаться даже научнаго достоинства и результатовъ отдѣльныхъ сообщеній, что съѣздъ выполнилъ свои задачи съ большимъ успѣхомъ. Успѣхъ Рижскаго съѣзда былъ обезпеченъ несомнѣннымъ ростомъ научныхъ силъ внутри Россіи, а также интересомъ къ задачамъ съѣзда въ мѣстномъ обществѣ культурнѣйшей изъ нашихъ окраинъ. Въ первомъ съѣздѣ, Московскомъ, было всѣхъ участниковъ 130, во второмъ, Петербургскомъ, 170, въ предпоследнемъ, Виленскомъ, 505, число же членовъ Рижскаго съѣзда дошло до 627. Ученыхъ привлекло въ Ригу желаніе познакомиться ближе со стариннымъ городомъ, пережившимъ длинную, превратную исторію и храня-

земь въ себѣ и многочисленныя памятники старины и уваженіе къ своему прошлому. Ученныя общества Прибалтійскаго края, помимо личнаго своего участія въ работахъ съѣзда, съумѣли привлечь даже и массу населенія—латышское и эстонское крестьянство, что особенно выгодно отразилось на латышской этнограф. выставкѣ. Во время съѣзда члены его посѣщали музеи, осматривали древности г. Риги, совершали экскурсіи, причемъ одна экскурсія была посвящена осмотру и раскопкѣ кургановъ. Между прочимъ, надо замѣтить, что послѣдній археол. съѣздъ не остался безъ вліянія, что можно заключить, напр., изъ образованія новаго ученаго общества въ Прибалтійскомъ краѣ—именно въ г. Перновѣ Лифлянд. губ. Что касается латыш. выставки, то, какъ особенность ея, можно отмѣтить VIII отдѣлъ ея (всѣхъ отдѣловъ было 18), посвященный латыш. коопераціямъ (въ Лифляндіи 372 общества и въ Курляндіи 201); эта наклонность къ коопераціямъ сильно содѣйствуетъ сохраненію латышской народности и достиженію тѣхъ культурныхъ успѣховъ, которые мы видимъ тамъ въ настоящее время. Членъ Совѣта П. А. Пономаревъ, указавъ на важность собиранія памятниковъ древности въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, сказалъ, что ввиду этого собиранія памятниковъ древности было бы полезнымъ открыть филиалныя отдѣленія Общества. Затѣмъ собраніе единогласно благодарило Э. Г. Мищенко за успѣшное выполнение порученія Общества на съѣздѣ въ Ригѣ.

III. Секретарь доложилъ о новыхъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ Общество: а) отъ г. казанскаго полицеймейстера при отношеніи отъ 13 марта с. г. за № 1006-мъ медаль, найден. при ремонтѣ д. Кутына на Московской улицѣ,—съ надписью «В. Князь Святополкъ Михайлъ Изяславичъ» и на др. сторонѣ «Приванъ по доброй волѣ изъ Нова Города на великое княженіе Кіевское 1093 г. владѣль 20 лѣтъ, преставися мирно (13)»; б) отъ урядн. В. С. Иванова при письмѣ отъ 5 іюня с. г. 2 бол. и 2 мал. серебр. араб. монеты и 7 мѣдн. рус. монетъ 1727—1801 гг.; в) отъ д. чл. И. А. Износкова 24 пачки разныхъ дѣлъ, вырѣз. изъ газетъ и книгъ по археологіи, исторіи и этнографіи Казан. края; г) отъ Казан. Губерн. Присутствія при отношеніи отъ 8 авг. с. г. за № 3726-мъ 18 дѣлъ и книгъ Анатыш. волостного правленія; д) отъ урядника В. С. Иванова при письмѣ отъ 6 сент. с. г. мѣдн. кельтъ, найден. въ іюлѣ 1893 года въ имѣніи казан. купца М. З. Апанасва; е) отъ старшаго запаснаго лѣсничаго М. А. Хрисогонова при письмѣ отъ 19 окт. с. г. медаль, найденная въ Васильевскомъ бору при копаниі фундамента, съ именемъ тверскаго князя Ярослава Ярославовича (1262 г.); ж) отъ д. чл. В. К. Магницкаго 4 серебр. золотоорд. и 3 рус. мѣдн. монеты, желѣз. ножъ и 3 тесьмы; з) отъ чл.-сотр. И. Н. Юркина—4 серебр. золотоордын. монеты и и) отъ чл.-сотр. Т. С. Яковлева при письмѣ отъ 27 окт. с. г. 20 экз. его брошюры «Село Астраханка. Очеркъ изъ исторіи мѣстнаго края. Кав. 1893». Постановлено: жертвователей благодарить.

IV. Предсѣдатель доложилъ письмомъ Предсѣд. Физико-Математ. Общ. А. В. Васильева отъ 3 сент. с. г. о томъ, не представляется ли въ настоящее время желательною и возможною организація публичныхъ систематическихъ курсовъ по главнымъ отдѣламъ университетскаго преподаванія. Постановлено: передать обсужденіе вопроса о публичныхъ курсахъ въ Совѣтъ Общества.

V. Председатель Общества заявил собранію, что д. чл. И. А. Износковъ, А. И. Александровъ и И. Н. Смирновъ предлагаютъ въ дѣйствительные члены Е. В. Воздвиженскаго, бывшаго секретаря Петров. Общ. изслѣдователей Астраханскаго края. Постановлено: признать Е. В. Воздвиженскаго дѣйств. членомъ Общества и выдать ему дипломъ.

VI. Председатель Общества доложилъ собранію, что лѣтомъ онъ и А. А. Штукенбергъ посѣтили Болгары и, найдя трещину въ стѣнѣ Черной Палаты, скрѣпили ее желѣзомъ и что весь ремонтъ обошелся въ 122 рубля 75 коп., которые уже всѣ сполна изъ болгарскаго фонда уплачены. Постановлено: принять къ свѣдѣнію и расходъ утвердить.

VII. Секретарь Общества доложилъ еще объ одномъ пожертвованіи, именно о пожертвованіи Обществу д. чл. Д. А. Корсаковымъ писаннаго на полотнѣ маслян. красками креста ¹⁾. Постановлено: Д. А. Корсакова благодарить за означенное пожертвованіе.

VIII. Секретарь Общества прочелъ докладъ дѣйств. чл. Общ. В. К. Магницкаго: «Два городища въ Ядрин. у. Казан. губ.» ²⁾.

Д. чл. П. А. Пономаревъ указалъ на нѣкоторую неполноту въ описаніи городищъ, осмотрѣнныхъ г. Магницкимъ, что, по его мнѣнію, зависитъ отъ незнанія научныхъ приемовъ и правилъ, которыми слѣдуетъ руководиться при производствѣ изслѣдованій, и рекомендовалъ Обществу составить таковыя правила и разослать ихъ членамъ Общества.

IX. Затѣмъ секретарь Общества прочиталъ сообщеніе чл.-сотр. И. Н. Юркина «Чувашскія національныя пляски». Н. Э. Катановъ дополнилъ статью г. Юркина нѣкоторыми библиографическими свѣдѣніями о пляскахъ ³⁾.

Засимъ въ 9 час. вѣч. Председатель объявилъ собраніе закрытымъ.

29 ноября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 7 часовъ вечера Председателемъ Общества Э. Г. Мищенко.

Въ засѣданіи присутствовали: Председатель Общества Э. Г. Мищенко, Товарищъ Председателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: Е. А. Маловъ, А. И. Александровъ и А. А. Штукенбергъ, секретарь Н. Э. Катановъ и гости.

I. Председатель извѣстилъ присутствовавшихъ о потерѣ, которую понесло Общество въ лицѣ скончавшихся дѣйств. членовъ А. В. Толстого и К. Б. Гавенвинкеля. Д. чл. Д. А. Корсаковъ, какъ болѣе знавшій личность покойнаго К. Б. Гавенвинкеля, описалъ его учено-литературную дѣятельность

¹⁾ Описаніе этого креста помѣщено Н. Э. Катановымъ въ «Извѣстіяхъ», т. XIV, вып. 1, стр. 125—127.

²⁾ Напечатано тамъ же, стр. 101—108.

³⁾ Сообщеніе И. Н. Юркина вмѣстѣ съ примѣчаніями Н. Э. Катанова напечатано тамъ же, стр. 97—100.

К. Б. Газенвинкель посвятилъ свои ученые труды главнымъ образомъ изслѣдованію Сибири въ этногр. и историч. отношеніяхъ. Первымъ его трудомъ было изслѣдованіе вопроса о несуществующемъ нынѣ сибир. городѣ Манга-вель, извѣстномъ прежде, какъ средоточіе по сбору ясака съ мѣстныхъ инородцевъ. Несмотря на то, что труды К. Б. Газенвинкеля носятъ узко спеціальнѣйшій характеръ и касаются частныхъ вопросовъ,—они представляютъ для ученыхъ большой интересъ. По приглашенію г. Предсѣдателя присутствовавшіе почтили память покойныхъ вставаніемъ.

II. Затѣмъ единогласно были избраны дѣйств. членами Общества: приватъ-доцентъ Унив. по кафедрѣ всеобщей исторіи Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ и казанскій купецъ Сулейманъ Мухаммедъ-джановичъ Аитовъ.

III. Секретарь доложилъ собранію о новыхъ пожертвованіяхъ и приобрѣтеніяхъ: а) чл.-сотр. М. А. Готвальдъ пожертвовала 3 мѣдныя персид. монеты, найден. въ развалинахъ Кара-Кала Эрив. г. Сурмалин. у.; б) дѣйств. чл. А. А. Штукенбергъ купилъ лѣтомъ с. г. 58 монетъ (56 серебр. и 2 мѣдн.) Золотой Орды и Болгар. царства въ с. Болгарахъ—Успенскомъ; в) чл.-сотр. К. Т. Софоновъ пожертвовалъ 5 фотогр. снимковъ съ деревни и городищъ близъ г. Елабуги Вят. г. (снимки сдѣланы 1 іюля с. г.). Постановлено: жертвователей благодарить.

IV. Предсѣдатель доложилъ Собранію, что по порученію Совѣта Общества отъ 17 ноября с. г. онъ составилъ адресъ Императорскому Русскому Археологическому Обществу по поводу исполняющагося 15 декабря с. г. 50-лѣтія его существованія. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Секретарь Общества доложилъ собранію, что кромѣ перечисленныхъ выше поступили еще другія пожертвованія: а) д. чл. Е. Э. Булде пожертвовалъ столбцы Симбирской челобитной 1685 года по дѣлу о бѣглыхъ крестьянахъ; б) д. чл. В. В. Качановскій прислалъ II—VIII и X книги издаваемого имъ журнала «Вѣстникъ Славянства»; в) Е. Т. Смирновъ прислалъ сборникъ «Средняя Азія» и журналъ «Среднеазиатскій Вѣстникъ» за мартъ—октябрь с. г.; г) д. чл. III.—Г. И. Ахмеровъ пожертвовалъ 1 экз. своей статьи «Синтаксич. разборъ глагола въ казан.—татар. нарѣччіи. Кав. 1895»; д) чл.-сотр. Т. С. Яковлевъ пожертвовалъ 20 экз. своей статьи «Село Астраханка. Кав. 1893»; е) чл.-сотр. А. А. Диваевъ пожертвовалъ 1 экз. своей статьи *جوڭناو* «Причитанія» (кирг. текстъ и переводъ), отд. оттискъ изъ «Туркестан. Вѣдом.» за 1896 годъ. Постановлено: всѣхъ жертвователей благодарить.

VI. Д. чл. Д. В. Айналовъ прочелъ очеркъ своего археологическаго путешествія на Аеонъ лѣтомъ с. г. ¹⁾

¹⁾ Напечатанъ въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Каванскаго Университета», 1897 г., № 1, стр. 51—58.

VII. Д. чл. Н. Э. Катановъ прочелъ 3 сказки (карагасскую, казанско-татарскую и черемисскую) о мужикѣ, который обманулъ чорта ¹⁾. Въ преніяхъ принимали участіе дѣйств. члены: Д. А. Корсаковъ, Д. В. Айналовъ, А. В. Васильевъ и Э. Г. Мищенко, причемъ послѣдній изложилъ нѣсколько народныхъ малороссійскихъ сказокъ о чортѣ.

VIII. Д. чл. Е. А. Маловъ сдѣлалъ сообщеніе о татарскихъ талисманахъ. Сказавъ о томъ, что обыкновенно пишется въ татарскихъ амулетахъ, объ ихъ формѣ (3-угольной и 4-угольной) и способѣ и мѣстѣ ношенія, референтъ, основываясь на текстѣ и способѣ его написанія, дѣлаетъ заключеніе, что этотъ суевѣрный обычай заимствованъ мусульманами у иудеевъ, имѣвшихъ и при Мухаммедѣ, и послѣ него соприкосновеніе съ иудеями въ Аравіи. Противъ этого мнѣнія возражали дѣйств. члены Д. В. Айналовъ, А. В. Васильевъ и Д. А. Корсаковъ, которые находили, что ношеніе, а главнымъ образомъ употребленіе малопонятныхъ письменъ въ амулетахъ (такъ наз. криптографія) беретъ начало изъ болѣе глубокой древности, такъ какъ оно было извѣстно вавлонянамъ, египтянамъ, древнимъ римлянамъ и пр..

IX. Докладъ д. чл. Н. А. Толмачева «О языческихъ именахъ чувашъ» по болѣзни референта былъ отложенъ до слѣдующаго собранія.

Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ ночи.

20 декабря 1896 года.

Засѣданіе открыто г. Предсѣдателемъ Общества Э. Г. Мищенко въ 7^{1/2} часовъ вечера.

Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко, члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, А. И. Александровъ и П. А. Пономаревъ, секретарь Общества Н. Э. Катановъ и кассачей Н. И. Андерсонъ, также дѣйств. члены, члены-сотрудники и гости.

I. Предсѣдатель Общества доложилъ собранію, что д. чл. Э. Г. Мищенко, А. А. Штукенбергъ и П. А. Пономаревъ предлагаютъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества Владимира Леонидовича Борисова. **П о с т а н о в л е н о:** избраніе проавести въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи.

II. Секретарь Общества доложилъ о слѣдующихъ вновь поступившихъ пожертвованіяхъ: 1) отъ д. чл. В. К. Магницкаго—2 документа 1717 и 1721 гг. на гербовыхъ листахъ, рукопис. молитвенникъ и русская «денгъ» 1747 года; 2) отъ д. чл. барона В. Р. Ровена—5 фунтовъ разныхъ бумагъ и писемъ, доставшихся ему отъ Θεодосія Θεодоровича Веселаго, управлявшаго въ 1857—8

¹⁾ Карагасская сказка помѣщена Н. Э. Катановымъ на стр. 162 II-го вып. XVII-го т. «Записокъ И. Р. Т. О. по отдѣленію этнографіи», казанско-татарская—въ книгѣ Г. Балинта «Kazáni-tatár nyelvtanulmányok, I Füzet, Budapest 1875», стр. 50—52, а черемисская—въ «Извѣстіяхъ», т. XIV, вып. 1, стр. 116—125.

годахъ Казанскимъ Учебнымъ Округомъ. По заявленію г. Предсѣдателя эти документы будутъ весьма полезны при составленіи исторіи Казанскаго Университета. Секретарь заявилъ, что онъ помѣстилъ списокъ этихъ документовъ въ § 7 протокола засѣданія Совѣта отъ 13 декабря с. г.; 3) отъ д. чл. В. А. Мошкова образцы ткацкой работы, собранные имъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и смежныхъ съ ними. Постановлено: жертвователей благодарить, а пожертвованія передать въ музей Общества.

III. Секретарь Общества доложилъ собранію, что Императорское Московское Археологическое Общество отношеніемъ отъ 27 нояб. с. г. за № 1817-мъ проситъ прислать къ 4 января 1897 г. депутатовъ въ Предварительный Комитетъ по устройству въ 1899 году XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Постановлено: назначить депутатами Общества д. чл. Э. Г. Мищенко и Д. В. Айналова.

IV. Предсѣдатель Общества прочиталъ слѣдующее письменное заявленіе секретаря Общества отъ 29 ноября с. г.: «Ввиду полнѣйшей невозможности нести трудныя обязанности секретаря Общества и въ теченіе третьяго года, т. е. 1897, имѣю честь довести до свѣдѣнія Общества, что я могу быть секретаремъ лишь до 1 января 1897 года, а посему покорнѣйше прошу избрать новаго секретаря». Постановлено: благодарить Н. Э. Катанова за его дѣятельность на пользу Общества и избрать новаго секретаря въ первомъ засѣданіи 1897 года.

V. Д. чл. А. А. Штукенбергъ доложилъ «О мѣдныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ предѣлахъ восточныхъ губерній». Докладчикъ прежде всего замѣтилъ, что мѣдныя орудія были находимы въ южной части Вятской губ., приволжской части Каванской, прикамской части Уфимской и въ Самарской губ. и что большая часть этихъ орудій встрѣчалась иволированно. Изъ отдѣльныхъ предметовъ у насъ были находимы напр. кельты и топоры (последніе состояли изъ мѣднаго наконечника, насаживавшагося на дерево). Топоры эти одни присущи нашей окраинѣ, другіе имѣютъ общеевропейскій типъ. Топоры съ ушкомъ сбоку—общеевропейскаго типа; если ушко не сбоку а центральное, то такіе топоры—очень рѣдки въ Европѣ. Кельты бываютъ также двухъ видовъ: или вмѣсто ушка они имѣютъ отверстіе, или вмѣсто ушка имѣютъ выступы (последняго типа кельты—очень рѣдки въ Европѣ). Нѣкоторые кельты встрѣчаются съ рисунками и украшеніями. Докладчикъ коснулся также Маклашевскихъ могилъ, относящихся ко времени каменнаго вѣка, ибо находимыя въ нихъ вещи встрѣчаются въ могилахъ каменнаго вѣка всей Европы. Эти Маклашевскія могилы находятся въ имѣніи Лихачева, въ Спас. у. Каван. губ. Въ нихъ вмѣстѣ со скелетомъ были находимы головныя украшенія, наконечники и кольца. Докладчикъ просилъ собраніе обратиться къ Императорской Археологической Коммиссіи съ просьбою объ ассигнованіи денегъ на раскопки Маклашев. могилъ и др. мѣстъ Спас. у. Каван. губ., или, въ случаѣ отказа Коммиссіи, въ другія учрежденія. Докладчикъ демонстрировалъ публикѣ какъ топоры, такъ и кельты. Нѣкоторые топоры были плоскіе. Демонстрированы также кайлы мѣдныя Каван. и Оренб. губ. со втулками: половиною и полною. Нѣкоторыя кайлы, по словамъ докладчика, были находимы въ

старыхъ рудникахъ на Алтаѣ и въ Оренбург. губ. Докладчикъ показывалъ также мѣдные серпы, которыхъ въ Э. Европѣ нѣтъ: ни во Франціи, ни въ Германіи. Такіе серпы встрѣчались въ Мензелин. у. Уфим. губ., Самар. и Вятской губ. Затѣмъ было показано орудіе, напоминающее частью топоръ, частью кайло и играющее роль мотыки. Вѣщи, встрѣчающіяся въ В. Россіи, хотя и отличаются безконечнымъ разнообразіемъ, но всѣ одного типа. Потомъ были демонстрированы наконечники копій: одни европейскіе, другіе своеобразные. Наконечники стрѣлъ, встрѣчающіяся довольно часто въ Каван. и Вятской губб., были плоскіе. Было показано также одно орудіе неопредѣленнаго характера, въ родѣ стамески, затѣмъ показанъ бердышъ, встрѣчавшійся въ Скандинавіи и найденный въ нашемъ районѣ. Были затѣмъ демонстрированы мѣдные удила, встрѣчающіяся въ Тетюш. у. и др. мѣстахъ Европы. Въ заключеніе докладчикъ сказывалъ, что, если раскопать Магдлашевскія могилы, то въ нихъ найдется не мало предметовъ каменнаго и бронзоваго періода. **П о с т а н о в л е н о.** ходатайствовать о средствахъ (передъ Императорской Археологической Коммиссіей) на изслѣдованіе Магдлашевскихъ могилъ. Членъ Совѣта П. А. Пономаревъ, указавъ на необходимость раскопки Магдлашевскихъ могилъ, добавилъ, что вопросъ объ этой раскопкѣ уже поднимался; что у этихъ могилъ работала во время студенчества проф. Н. П. Ляхчевъ: что раскопка могилъ обѣщаетъ богатый матеріалъ.

VI. В. Л. Борисовъ сдѣлалъ докладъ объ одной мусульманской надписи на могильномъ камнѣ близъ деревни Куземетевой Каван. у. Дата этого камня похожа на 1271-й годъ гижры (1874 г. отъ Р. Хр) мѣс. Зуль-хидже **محرم آبی ۹ نیمی یومندہ** | ۲۷ | **نیمی یلمہ ماه ذوالحجه** (9 числа Мухаррема—мѣсяца). Такъ какъ въ этомъ селеніи татаръ нѣтъ уже давно, то надо думать, что эта дата | ۲۷ | должна быть читана ۹۷ | (971—1563). Въ заключеніе докладчикъ, описавъ подробно и памятникъ, и мѣстность, гдѣ онъ находился, сказывалъ, что вблизи его есть оврагъ, который, обваливаясь все болѣе и болѣе, угрожаетъ и памятнику. **П о с т а н о в л е н о:** просить г. Борисова раскопать у камня землю.

VII. Предсѣдатель Э. Г. Мищенко доложилъ объ одной римской медали, найденной въ Оренбургской губерніи, и демонстрировалъ публикѣ самую медаль. Это—бронзовая медаль времени Императора Траяна (116 г. по Р. Хр.). На лицевой сторонѣ: профиль Траяна въ лавровомъ вѣнкѣ и въ военномъ плащѣ (paludamentum). Кругомъ надпись: **Imp. Caes. Divi Tra(jani). Parth. e (f) divi Nervae.... Aug.** На оборотной сторонѣ: фортуна съ рулемъ въ правой рукѣ и съ рогомъ изобилія въ лѣвой. Кругомъ надпись: **Pont. Max. Tr Pot. cos. Vnivv: Fort(un)a red(dita). S(enatus) c(onsultu).** Медаль эта найдена на 3-саженной глубинѣ въ то время, когда обрушилась стѣна лѣтомъ въ Каргалинскомъ рудникѣ, въ 60 верстахъ отъ Оренбурга. Въ заключеніе докладчикъ заявилъ, что эту монету И. А. Ивановскій даритъ Обществу. **П о с т а н о в л е н о:** благодарить жертвователя.

VIII. Членъ Совѣта П. А. Пономаревъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ: «По вопросу о женскомъ образованіи въ Кавани въ началѣ XIX столѣтія». Этотъ докладъ былъ вызванъ рѣчью, произнесенною 30 іюня 1818 года на публичномъ собраніи въ Императорской Каванской Гимназіи магистромъ и старшимъ учителемъ высшаго класса Дормидонтомъ Петровичемъ Самсоновымъ. Рѣчь Самсонова была оваглавлена «О любви къ отечеству». Докладчикъ указалъ подробно на состояніе образованія въ началѣ XIX вѣка среди студентовъ и женщинъ и затѣмъ перешелъ къ ревизированію рѣчи Д. П. Самсонова. Основа прогресса народа, по словамъ Самсонова, состоитъ въ образованіи и просвѣщеніи; каждый гражданинъ долженъ трудиться, чтобы быть полезнымъ народу. Между членами тогдашняго Общества Любителей Отечественннй Словесности нѣтъ въ спискѣ ни одного женскаго имени, что, по мнѣнію докладчика, свидѣтельствуетъ, что образованіе и даже грамотность среди женщинъ того времени были мало распространены. Докладъ свой П. А. Пономаревъ закончилъ словами, что рѣчь Д. П. Самсонова «О любви къ отечеству» онъ даритъ Обществу. **П о с т а н о в л е н о:** благодарить жертвователя.

IX. Секретарь Общества доложилъ Собранію, что чл.-сотр. Общества **Ө. І. Суринъ** пожертвовалъ Обществу 2 свои изданія: 1) Поѣздки къ бывшимъ Волжскимъ столицамъ къ развалинамъ бл. г. Царева и села Селитреного. Исторія Кипчакской или Золотой Орды и Монгольскаго ига въ Россіи. Кавань, 1896. 2) По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Поѣздки по Каванской губерніи и къ Болгарскимъ развалинамъ. Кавань, 1896. **П о с т а н о в л е н о:** благодарить жертвователя.

Заснанъ засѣданіе въ 10 часовъ вечера было объявлено г. Предсѣдателемъ закрытымъ

31 января 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера въ профессорскомъ залѣ Университета г. Предсѣдателемъ Общества **Ө. Г. Мищенко**мъ.

Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Общества **Ө. Г. Мищенко**, Товарищъ Предсѣдателя **И. А. Ивносковъ**, члены Совѣта: **А. А. Штукенбергъ**, **Е. А. Маловъ**, **А. И. Александровъ**, кавначей Общества **Н. И. Андерсонъ**, секретарь Общества **Н. Ө. Катановъ**, дѣйствительные члены: **Д. И. Нагуевскій**, **Д. В. Айналовъ**, **Е. Ө. Будде**, **Э. Э. Энгель**, **Э. Д. Гриммъ**, **Н. Д. Колотинскій**, **Н. А. Толмачевъ** и члены-сотрудники: **С. М. Смирновъ**, **М. Е. Евсевьевъ** и **Ө. І. Суринъ**.

I. Секретарь доложилъ о новыхъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ Общество: 1) отъ д. чл. **И. А. Ивноскова**—2 обривца траурныхъ приглашеній на похороны: русскій 1896 года и франц. того же года; 2) отъ **Н. Ө. Акѣмова** изъ г. Варшавы—2 книги: а) иллюстриров. «Адресъ-календарь г. Вар-

шавы на 1897 г.» и б) «Куявы, историко-этногр. очеркъ. В. 1895»; 3) отъ члена-сотр. Э. О. Сурина—2 его книги: а) «Поѣздки по Каван. губ. и къ болгар. раввалинамъ. К. 1896. Ц. 1 руб.» и б) «Исторія Кипчакской или Золотой Орды и монгол. ига въ Россіи. К. 1896. Ц. 75 коп.»; 4) отъ чл.-сотр. А. А. Диваева—его сочиненія: а) «Этнографическіе матеріалы. Ташкентъ, 1896» и б) «Нѣсколько словъ о могилахъ св. Хорхутъ-ата. Спб. 1896»; 5) отъ Société Neuchateloise de Géographie—томъ VIII «Bulletin» за 1894 и 1895 годы; 6) отъ чл.-сотр. Н. П. Остроумова—«Сборникъ протоколовъ и сообщений, читанныхъ въ Туркестанскомъ кружкѣ любителей археологіи съ 11 декаб. 1895 г. по 11 декаб. 1896 г.»; 7) отъ Suomalaisen Kirjallisuuden Seura въ г. Гельсингфорсъ—26 томовъ равныхъ его изданій: а) Palmén, Oeuvre demi-séculaire de 1831 à 1881. 1882. 1 кн.; б) Vasenius, La littérature finnoise et suppléments. 1878, 1880 и 1892. 3 кн.; в) Grotenfelt, Katalog der Bibliothek. 1894. 1 кн.; г) Kalevala I и II. 1894 и 1895. 2 кн.; д) Schvindt, Finnische Ornamente. 1895. 1 кн.; е) Aspelin, Suom.—ugrii. muinostutkinnon alkeita. 1875. 1 кн.; ж) Kansatieteellisiä kertomuksia. I—III (1893) и IV (1896). 4 кн.; з) Мейтман, Русско-финскій словарь. 1895. 1 кн. и и) Suomi, kolmas jakso I—XII. 1888—1895. 12 книгъ. **П о с т а н о в л е н о:** жертвователей благодарить.

II. Секретарь Общества, онъ же и редакторъ «Ивъстій», Н. Э. Катановъ доложилъ собранію, что въ редакцію «Ивъстій» поступили слѣдующія статьи: 1) кавалин. купца И. И. Иванова—5 тетрадей его «Воспоминаній о киргизскихъ степяхъ»; 2) чл.-сотр. свящ. Н. А. Архангельскаго—а) «О Свѣтломъ оверѣ въ приходѣ с. М. Шатымъ Ядрин. у.» и б) «Копія съ ревизской скакки XVIII столѣтія, хранящейся въ архивѣ Богоявлен. ц. с. Большой Шатымы»; 3) чл.-сотр. А. А. Диваева—а) «О происхожденіи влхъ духовъ, по вѣрованіямъ киргизовъ Смыръ-дарьин. обл.» и б) «Древнекиргизскіе похоронные обычаи»; 4) Н. И. Засѣдателяева—«Археологія въ Туркестанѣ»; 5) д. чл. Н. А. Толмачева—«О христіанскихъ, мусульманскихъ и языческихъ именахъ чувашъ»; 6) д. чл. В. К. Магницкаго—а) «Помѣшниковы дворовые люди и крестьяня Чебоксар. у. по 2-й народной переписи 1742—1748 гг.», б) «Г. Чебоксаръ по 2-й народной переписи 1742—1748 гг.» и в) «Къ исторіи врачеванія въ Кавани въ 1830—34 гг.»; 7) В. М. Терехина—«Историческіе матеріалы XVIII вѣка объ инородцахъ Певненскаго края»; 8) чл.-сотр. И. Н. Юркина—а) «Архивъ графа Гурьева» и б) «Словарь татарско-чувашскій»; 9) д. чл. А. К. Насрова—а) «Бытъ татаръ мусульманъ и остатки языческихъ вѣрованій» и б) «Видѣніе одной татарки-мусульманки» (татар. текстъ и рус. переводъ); 10) чл.-сотр. Г. Э. Ахмарова—«Объ одной арабско-татарской надписи XIV в. на надгробномъ камнѣ» (текстъ и рус. переводъ). **П о с т а н о в л е н о:** передать означенныя здѣсь статьи въ редакціонный комитетъ.

III. Секретарь Общества доложилъ собранію, что Императорская Археологическая Комиссія прислала въ даръ Обществу слѣдующіе предметы древности: а) при отношеніи отъ 9 декаб. 1896 г. за № 2052 вещи Пьяноборскаго и Атамановскаго могильниковъ, б) при отношеніи отъ 9 дек. 1896 г. за № 2060 три серебр. браслета и серебряное кольцо, найден. въ 1895 г. близъ слободы Екатерининской Чистопол. у., в) при отнош. отъ 10 декаб. за № 2076 два серебряные монетные слитка изъ числа найден. въ 1895 г.

бливъ слободы Петропавловской Чистопол. у., г) при отнош. отъ 19 декаб. за № 2137 обломки мѣднаго зеркала, 10 мѣдныхъ и 2 желѣзн. наконечника стрѣлъ, найден. въ 1895 г. въ курганѣ въ 12 верстахъ отъ с. Водвиженскаго Оренбург. у., д) при отнош. отъ 19 декаб. за № 2138 три серебр. обложка шейной гривны и серебр. серьга, найден. въ 1895 г. бливъ дер. 2-й Арчиловки Спас. у. Каван. губ. и е) при отношеніи отъ 19 декаб. 1896 г. за № 2140 три мѣдныя ажурныя пуговицы, найден. въ 1895 г. въ Большомъ Мару около Болдырев. поселка Бородин. станицы Уральской обл. **П о с т а н о в л е н о:** благодарить Императорскую Археологич. Комиссію за означенныя здѣсь пожертвованія.

IV. Предсѣдатель Общества, указавъ на важность устройства публичныхъ лекцій и курсовъ по предметамъ Археологія, Исторія и Этнографія, просилъ собраніе разрѣшить ходатайствованіе о допавненіи устава Общества пунктомъ о публичныхъ лекціяхъ и курсахъ. Послѣ общаго мнѣнія между присутствовавшими членами, **п о с т а н о в л е н о:** равостать членамъ Общества циркулярныя письма съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто либо принять участіе въ чтеніи лекцій, которыя во время поста настоящаго года могутъ носить отрывочный характеръ, а съ осени—въ формѣ правильныхъ систематическихъ курсовъ; въ курсъ лекцій и курсовъ могутъ войти всеобщая и русская исторія, этнографія, географія, явковѣдніе и др. науки по специальности Общества.

V. Затѣмъ единогласно признаны членами Общества (дѣйствительными): В. Л. Борисовъ и профессоръ Университета Н. А. Засѣцкій. **П о с т а н о в л е н о:** изготовить означеннымъ 2 лицамъ дипломы на званіе дѣйствительнаго члена Общества.

VI. Д. чл. Ѳ. Г. Мищенко и Н. Ѳ. Катановъ предложили къ избранію въ дѣйствительные члены Общества А. М. Симонова. **П о с т а н о в л е н о:** баллотировать г. Симонова въ ближайшемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества.

VII. Затѣмъ собраніе, въ количествѣ 14 дѣйствительныхъ членовъ, приступило къ избранію новаго секретаря Общества, взаимъ откававшася Н. Ѳ. Катанова. Большинствомъ 12 голосовъ избранъ Э. Д. Гриммъ, а меньшинствомъ: Н. Д. Колотинскій (1 голосъ) и Д. В. Айналовъ (1 голосъ). **П о с т а н о в л е н о:** признать Э. Д. Гримма секретаремъ Общества.

VIII. Предсѣдатель Общества Ѳ. Г. Мищенко доложилъ о засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета XI Археологическаго Създа¹⁾, куда онъ былъ командированъ Обществомъ вмѣстѣ съ д. чл. Д. В. Айналовымъ. По окончаніи своего доклада г. Предсѣдатель замѣтилъ, что Обществу слѣдовало бы принять участіе въ XI арх. създѣ докладами по востоковѣднію, такъ какъ ихъ бывало до сихъ поръ совсѣмъ мало. **П о с т а н о в л е н о:** просить принять участіе въ XI ар. с. докладами по востоковѣднію членовъ Общества—ориенталистовъ.

¹⁾ Напечатано въ «Ивѣстіяхъ», т. XIV, вып. 2, стр. 221—222.

IX. Д. чл. Н. О. Катановъ прочелъ сообщеніе чл.-сотр. А. А. Диваева «О происхожденіи злыхъ духовъ по вѣрованіямъ киргизовъ Сыръ-дарьин. обл.». Постановлено: печатать эту статью съ примѣчаніями о злыхъ духахъ другихъ народовъ ¹⁾.

X. Д. чл. А. И. Александровъ прочиталъ сообщеніе В. М. Терехина «Историческіе матеріалы XVIII вѣка объ инородцахъ Пензенскаго края». Постановлено: напечатать статью В. М. Терехина, по сличеніи приводимой въ ней копій съ грамоты съ оригиналомъ ²⁾.

XI. Дѣйствительный членъ О. Г. Мищенко прочиталъ сообщеніе члена-сотрудника А. А. Диваева «Древне-киргизскіе похоронные обычаи». Чл.-сотр. С. М. Смирновъ выразилъ желаніе, чтобы статья А. А. Диваева была напечатана непременно съ сравненіемъ обычаевъ др. племенъ, уже описанныхъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ среднеазиатскихъ изданіяхъ. Д. чл. О. Г. Мищенко сказалъ, что примѣчанія къ статьѣ не вездѣ убѣдительны. Постановлено: статью г. Диваева напечатать съ необходимыми примѣчаніями ³⁾.

Затѣмъ въ 10 часовъ вечера г. Предсѣдатель Общества объявилъ засѣданіе закрытымъ.

25 апрѣля 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. Предсѣдателемъ Общества О. Г. Мищенко.

Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Общества О. Г. Мищенко, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Ивносковъ, члены Совѣта: Е. А. Маловъ, А. И. Александровъ и и. д. секретаря Общества д. чл. Н. О. Катановъ, также другіе дѣйств. члены, члены-сотрудники и сторонніе посѣтители.

I. Д. чл. О. Г. Мищенко, Н. О. Катановъ и Е. А. Маловъ предложили къ избранію въ дѣйств. члены Общества двоихъ: Н. Г. Малицкаго, преподав. Туркестанской Учительской Семинаріи (въ г. Ташкентѣ Сыръ-дарьин. обл.), и 2) архимандрита Никанора, ректора Томской Духовной Семинаріи. Постановлено: въ первое же осеннее общее собраніе избрать обоихъ въ дѣйствительные члены Общества.

II. И. д. секретаря Общества Н. О. Катановъ доложилъ, что въ Общество поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ завѣдующаго ветеринарною частью Тургайской области А. И. Добросмыслова при отношеніяхъ его отъ 18 марта за № 1992 и 4 апрѣля за № 2449 двѣ его брошюры: «Гранзитное передвиженіе промышленнаго скота и животныхъ продуктовъ черезъ

¹⁾ Напечатано въ «Ивѣстіяхъ», т. XIV, вып. 2, стр. 226—233.

²⁾ Напечатано въ «Ивѣстіяхъ», т. XIV, вып. 2, стр. 195—202.

³⁾ Напечатано въ «Ивѣстіяхъ», т. XIV, вып. 2, стр. 181—187.

Тургайскую область съ 1891 по 1895 г.» и «Ветеринарный надзоръ въ Тургайской области»; 2) отъ чл.-сотр. А. А. Диваева—его статья «Киргивскіе афоризмы», помѣщенная въ № 34 газ. «Украина» за 1897 годъ; 3) отъ чл.-сотр. И. А. Шлякова—«Отчетъ комиссіи по административно-хозяйственному управленію Ростовскимъ кремлемъ за 1894—1895 годъ. Ярославль. 1896», извѣ неофф. ч. «Ярослав. Губ. Вѣд.»; 4) отъ Уральскаго Областнаго Статистическаго Комитета—«Памятная книжка и адресъ-календарь Уральской области на 1897 г.», при отношеніи отъ 24 февр. за № 143; 5) отъ д. чл. И. А. Ивноскова—229 печатныхъ книгъ, связки вырѣзокъ изъ періодич. изданій и рукописи XVII—XIX вѣковъ. **П о с т а н о в л е н о:** жертвователей благодарить.

III. И. д. секретаря Общества Н. Э. Катановъ доложилъ, что священникъ Свято-Троицкой церкви с. Девлевркина Бугульмин. у. Самарск. епархіи о. А. Ивановъ письмомъ отъ 13 февр. с. г. за № 43 проситъ послать ему статью «Чувашскій праздникъ Синья и полевое моленіе о дождѣ и урожаѣ Учукъ» напечатать въ «Извѣстіяхъ», его самого избрать членомъ-сотрудникомъ и высылать ему «Извѣстія» вмѣстѣ отгисковъ статей, которыя онъ будетъ присылать. **П о с т а н о в л е н о:** удовлетворить означенную просьбу.

IV. И. д. секретаря Общества Н. Э. Катановъ доложилъ, что Совѣтъ Общества командировалъ окончившаго курсъ по истор.-филолог. факультету Алексѣя Яковлев. Катетова срокомъ съ 20 мая по 20 октяб. с. г. для изслѣдованія языковъ караимскаго и литовскаго въ Виленскую и Ковенскую губерніи и распорядился о выдачѣ г. Катетову удостовѣрительнаго свидѣтельства для развѣдовъ. **П о с т а н о в л е н о:** принять къ свѣдѣнію.

V. И. д. секретаря Общества Н. Э. Катановъ доложилъ, что для печатанія въ «Извѣстіяхъ» во 2 выпускѣ XIV тома поступили слѣдующія статьи: 1) А. А. Дмитриева—«Забитый трудъ Икосова о Строгановыхъ и Ермакѣ»; 2) д. чл. Е. Э. Будде—«О происхожденіи населенія Вятской губ.»; 3) д. чл. И. В. Аничкова—«Поѣздка на киргивскія поминки»; 4) д. чл. Н. Э. Катанова—«Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Миусунскій окр. Енис. губ. лѣтомъ 1896 года»; 5) д. чл. Э. Г. Миценко—«Отчетъ о занятіяхъ предварительнаго комитета XI археологическаго съѣзда»; 6) В. М. Терехина—«Историческія свѣдѣнія объ инородцахъ Пензенской губ.»; 7) д. чл. В. К. Магницкаго—«Городъ Чебоксары по I народ. переписи и продолженіе къ этой статьѣ»; 8) Н. Г. Маллицкаго—«Киргивская легенда объ Акъ-тюбе», переводъ статьи, помѣщенной въ «Туркестан. Тувем. Газетѣ»; 9) д. чл. Э. Д. Гримма—«Отчетъ о дѣятельности и состояніи Общества Арх., Ист. и Этн. за 1896 годъ»; 10) свящ. А. Иванова—«Чувашскій праздникъ Синья»; 11) чл.-сотр. А. А. Диваева—«О происхожденіи албасты, джинновъ и дивовъ»; 12) чл.-сотр. А. А. Диваева—«Киргивскіе погребальныя обряды» и 13) чл.-сотр. И. Н. Юркина—«Архивъ графа Гурьева». **П о с т а н о в л е н о:** принять къ свѣдѣнію.

VI. Д. чл. И. А. Ивносковъ принесть въ даръ Обществу въ дополненіе къ прежде пожертвованнымъ спискамъ еще 3 списка: 1) Имена некрещенныхъ черемисъ—въ деревнѣ Ивишурга Царевкокшайскаго уѣзда Себеусадской во-

лости, въ деревнѣ Большіе Карамасы около Марданкинъ (Чедроля) Царевококшайскаго уѣзда Сотнурской волости; 2) Имена некрещенныхъ учениковъ Кукмаринской школы Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи; 3) Имена черемись-явичниковъ въ деревнѣ Шорабашѣ (Шишоръ тожъ) Мамсинской волости Каванскаго уѣзда (всѣ эти списки составлены И. А. Иваносковымъ и самими черемисами въ мартѣ 1897 года). **П о с т а н о в л е н о:** жертвователя благодарить.

VII. Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко заявилъ собранію, что съ послѣдняго годового общаго собранія, бывшаго 18 марта с. г., начнется печатаніе мелкимъ шрифтомъ протоколовъ всѣхъ общихъ собраній въ объемѣ 3—4 печатныхъ листовъ въ годъ, такъ какъ это печатаніе, хотя и предусмотрено уставомъ Общества, не производилось съ 1892 года. **П о с т а н о в л е н о:** принять къ свѣдѣнію.

VIII. Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко заявилъ собранію, что онъ вмѣстѣ съ д. чл. Общества И. И. Ворченкомъ занимался въ прошломъ году приведеніемъ въ порядокъ библіотеки Общества и нашелъ необходимымъ просить Общество—назначить къ нему теперь въ помощники д. чл. Н. Э. Катанова. **П о с т а н о в л е н о:** просить г. Катанова помогать Э. Г. Мищенко въ приведеніи библіотеки въ порядокъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ утверждёнъ настоящій библіотекаръ Общества.

IX. Предсѣдатель Общества доложилъ собранію, что г. ректоръ Императорскаго Казанскаго Университета отношеніемъ отъ 5 апрѣля с. г. за № 752-мъ пишетъ слѣдующее: «Господину Предсѣдателю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа предложеніемъ отъ 2 сего апрѣля за № 2910 сообщилъ мнѣ о слѣдующемъ: «Въ представленіи отъ 7 марта за № 2227 мною было сообщено въ Министерство Народнаго Просвѣщенія ходатайство Вашего Превосходительства объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ дѣйствующаго устава Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, состоящаго при Казанскомъ Университетѣ. При разсмотрѣніи означеннаго ходатайства въ Министерствѣ замѣчено, что уставъ помянутаго Общества утверждёнъ еще въ 1878 году и въ немъ не имѣется такихъ постановленій, которыя въ настоящее время обязательно вносятся въ каждый вновь утверждаемый уставъ ученыхъ обществъ, какъ напр. о сохраненіи капиталовъ, о ликвидаціи дѣлъ и т. п.. Въ виду сего Министерство полагаетъ, что предварительно утвержденія тѣхъ измѣненій устава, о которыхъ ходатайствуетъ Общество, полезно было бы пересмотрѣть и переработать уставъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи примѣнительно къ вновь утверждаемымъ уставамъ ученыхъ обществъ», о чемъ за Министра Народнаго Просвѣщенія Г. Товарищъ Министра предложеніемъ отъ 21 минувшаго марта за № 7451 меня увѣдомилъ. О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству для зависящихъ распоряженій, въ отвѣтъ на представленія отъ 14 и 19 февраля сего года за №№ 384 и 420». Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, на представленія Ваши отъ 8 и 18 февраля. Ректоръ Университета К. Ворошиловъ. Секретарь Совѣта М. Соловьевъ».

Къ сему г. Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко добавилъ, что Совѣтъ Общества поручилъ Н. Э. Катанову и ему, г. Мищенко, пересмотрѣть и переработать уставъ Общества примѣнительно къ уставамъ другихъ ученыхъ обществъ и что г. Катановъ и онъ, г. Мищенко, уже исполнили порученіе Совѣта и проектъ измѣненія устава при семъ представляется на утвержденіе общаго собранія. Д. чл. Общества Н. А. Толмачевъ заявилъ, что прежде, чѣмъ разсматривать и утверждать общему собранію проектъ измѣненія устава Общества, было бы полезно проциркулировать его между всѣми членами Общества и выслушать ихъ замѣненія въ одномъ изъ общихъ собраній. Д. чл. И. А. Износковъ, Н. Э. Катановъ и И. И. Ворченко замѣтила, что циркулировать проектъ измѣненія устава Общества нѣтъ никакой надобности, такъ какъ объ этомъ проектѣ доводилось до свѣдѣнія членовъ путемъ извѣщенія въ газетахъ. Э. Г. Мищенко, Предсѣдатель Общества, и д. чл. Н. Э. Катановъ доложили собранію, что уставъ Общества равсмотрѣнъ ими во всѣхъ подробностяхъ, измѣненъ и дополненъ примѣнительно къ уставамъ Императорскихъ Археологическихъ Обществъ, Импер. Рус. Геогр. Общ., Физико-математ. Общ. въ Кавани и др. По выслушаніи прочитаннаго и. д. секретаря Общества Н. Э. Катановымъ новаго устава Общества, состояшаго въ представленномъ сегодня проектѣ изъ 69 §§, Общее Собраніе единогласно постановило: §§ 1, 34, 35, 40, 41, 42, 46, 63, 64, 67 и 68 нѣсколько измѣнить, а §§ 39, 55, 58, 59 и 65 исключить совсѣмъ, утвердить уставъ и поручить г. Предсѣдателю Э. Г. Мищенко представить новый уставъ Общества на утвержденіе ¹⁾.

X. Дѣйствительный членъ Общества Е. Э. Будде прочиталъ свой докладъ, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о народности русскаго населенія въ нынѣшней Вятской губерніи». Собраніе, выслушавъ этотъ докладъ, единогласно постановило: докладъ г. Будде напечатать во 2-мъ выпускѣ XIV тома «Извѣстій» ²⁾.

XI. Дѣйствительный членъ Общества И. А. Износковъ сдѣлалъ докладъ о результатахъ поѣздки къ черемисамъ и татарамъ Вятской и Казанской губерній въ мартѣ 1897 года; въ своемъ докладѣ, основанномъ на личныхъ наблюденіяхъ и спискахъ собственныхъ именъ инородцевъ, авторъ подробно коснулся вліянія татаръ и русскихъ, сказавшагося какъ въ нареченіи именъ, такъ и бытѣ.

XII. Докладъ Н. И. Андерсона «Отчетъ о Хархеологическомъ сѣздѣ въ Ригѣ», за отсутствіемъ самого автора, сдѣланъ не былъ, почему и отложенъ до слѣдующаго общаго собранія.

XIII. Докладъ Н. Э. Катанова «Новости татарской литературы за послѣдніе 2 года (1896 и 1897)» за позднимъ временемъ также не былъ сдѣланъ и также отложенъ до слѣдующаго Общаго Собранія.

¹⁾ Выработанный Обществомъ проектъ новаго устава былъ утвержденъ г. Министеромъ Народнаго Просвѣщенія 10 октября 1897 г. и отпечатанъ отдѣльною брошюрою въ 1898 г..

²⁾ Напечатано въ указанномъ выпускѣ, стр. 188—194.

Заси́мъ въ 11 часовъ ночи г. Предсѣдатель Общества объявилъ засѣданіе закрытымъ.

28 сентября 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. Предсѣдателемъ Общества **Ө. Г. Мищенко**мъ.

Въ засѣданіи присутствовали: Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа **В. А. Поповъ**, Г. Ректоръ Университета **К. В. Ворошиловъ**, Г. Инспекторъ студентовъ Казанскаго Университета **П. Н. Адіасъвичъ**, Г. Предсѣдатель Общества **Ө. Г. Мищенко**, члены Совѣта: **А. А. Штукенбергъ**, **Е. А. Маловъ**, кавначей Общества **Н. И. Андерсонъ**, и. д. секретаря Общества **Н. Ө. Катановъ**, также: дѣйствительные члены, члены—сотрудники и посѣтителѣ (всего человекъ до 80).

I. Предсѣдатель Общества **Ө. Г. Мищенко** доложилъ о смерти: почетнаго члена Общества **Өеодора Ивановича Буслаева**, д. чл. **Іосифа Өеодоровича Готвальда** и чл.-сотр. художника **Рейнгольма**, и предложилъ собранію почтить память умершихъ членовъ вславаніемъ, что и было исполнено.

II. Предсѣдатель Общества **Ө. Г. Мищенко** въ нѣсколькихъ словахъ коснулся ученой дѣятельности **Ө. И. Буслаева**, какъ лингвиста.

III. Предсѣдатель Общества **Ө. Г. Мищенко** доложилъ собранію, что докладъ **А. С. Архангельскаго «Ө. И. Буслаевъ въ его «Воспоминаніяхъ» и ученыхъ трудахъ»**, за отъѣдомъ самого докладчика сдѣланъ быть не можетъ.

IV. Д. чл. **Е. Ө. Будде** сдѣлалъ докладъ «**О заслугахъ Ө. И. Буслаева, какъ ученаго лингвиста и преподавателя**»¹⁾.

V. Д. чл. **Д. В. Айналовъ** сдѣлалъ докладъ «**Значеніе Буслаева въ наукѣ исторіи искусства**»²⁾.

Въ 9 часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

28 ноября 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. Предсѣдателемъ Общества **Ө. Г. Мищенко**мъ.

Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Общества **Ө. Г. Мищенко**, Товарищъ Предсѣдателя **И. А. Износковъ**, члены Совѣта: **А. И. Александровъ**, **Е. А. Маловъ** и (временный) **Н. Ө. Катановъ**, секретарь Общества **Э. Д. Гриммъ**, дѣйствительные члены: **И. И. Ворченко**, **Н. К. Горталовъ**, **В. Н. Ви-**

¹⁾ Напечатано въ «Ивѣстіяхъ», т. XIV, вып. 4, стр. 406—428.

²⁾ Напечатано тамъ же, стр. 393—405.

тевскій, Э. Э. Энгель, Э. Д. Пельцамъ, А. М. Сямоновъ, члены-сотрудники: А. В. Никитскій, П. К. Вагинъ и гости.

I. Секретарь Общества доложилъ собранію о пожертвованіяхъ: г. Завьялова (рукопись П. И. Рычкова «Извѣстіе о началѣ и о состояніи Оренбург. Коммисіи», 107 листовъ 4^о) и д. чл. В. К. Магницкаго (ревив. сказки начала XVIII в., топоръ и ножъ) и изданіяхъ, поступившихъ въ обмѣнъ.

II. Предсѣдатель Общества доложилъ отношеніе Императорской Археологической Коммисіи о томъ, что ассигнованіе А. А. Штукенбергу денегъ на раскопки въ Перм. губ. будетъ имѣться въ виду при обсужденіи и составленіи смѣты на 1898 годъ.

III. Секретарь Общества представилъ собранію бронзовую медаль, отчеканенную въ память 50-лѣтія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ.

IV. Секретарь Общества доложилъ о новыхъ статьяхъ, поступившихъ въ редакцію «Извѣстій» для печатанія: Владія «О вмѣяхъ», Будде Е. Э. и Айналова Д. В. «О почетномъ членѣ Общ. Э. И. Буслаевѣ» и Юркина И. Н. «Архивъ графа Гурьева».

V. Предсѣдатель Общества предложилъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: Н. М. Петровскаго, молодого слависта, и Е. А. Боброва, профессора философіи. Постановлено: признать этихъ лицъ, какъ уже достаточно извѣстныхъ Обществу своими учеными трудами, дѣйствительными членами безъ баллотировки.

VI. Д. чл. А. И. Александровъ, Э. Д. Гриммъ, Н. Э. Катановъ и Н. К. Горгаловъ предложили къ избранію въ дѣйствительные члены Общества преподавателя Каванской гимназіи Д. В. Васильева. Постановлено: избрать означенное лицо въ ближайшемъ общемъ собраніи.

VII. Предсѣдатель Общества объявилъ собранію, что за выходомъ П. А. Пономарева изъ состава Совѣта его мѣсто займетъ сейчасъ же ближайшій кандидатъ Д. А. Корсаковъ. Постановлено: увѣдомить объ этомъ Д. А. Корсакова.

VIII. Предсѣдатель Общества доложилъ собранію, что, вслѣдствіе отказа Э. Д. Гримма отъ обязанностей секретаря Общества и редактора «Извѣстій», долженъ быть избранъ новый секретарь и редакторъ. Посредствомъ подачи записокъ оказался единогласно избраннымъ д. чл. Н. М. Петровскій. Постановлено: просить г. Петровскаго принять отъ г. Гримма всѣ дѣла и вступить въ отправленіе обязанностей секретаря Общества и редактора «Извѣстій».

IX. Д. чл. В. Н. Витевскій прочиталъ свой докладъ «П. И. Рычковъ—первый корреспондентъ Академіи Наукъ» (по поводу его рукописи, принесенной въ даръ Обществу г. Завьяловымъ). Въ пространномъ рефератѣ г. Витевскій охарактеризовалъ П. И. Рычкова, какъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ личностей середины XVIII в., почти всю свою жизнь посвятившую изученію и службѣ Оренбургскому краю. Рычковъ первый ознакомилъ и наше правительство, и Академію Наукъ, которою потомъ за свои научные труды былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ, съ этимъ дикимъ, населеннымъ инород-

цами и почти неизвѣстнымъ тогда, краемъ. Изъ трудовъ Рычкова можно отмѣтить: «Исторію Оренбургскую», «Опытъ Казанской Исторіи», «Топографію Оренбургскаго края», «Введеніе къ Астраханской топографіи» и др. Часть этихъ трудовъ, какъ не утерявшая своего значенія и въ наше время, была недавно вновь издана. Нѣкоторыя изъ его сочиненій были переведены на нѣмец. яв. и обратили на себя вниманіе иностранцевъ, напр. Шлецера, Палласа и др. Въ началѣ своей дѣятельности Рычковъ пользовался покровительствомъ извѣстнаго устройства Оренбург. края, И. И. Неплюева, но затѣмъ назначенный на мѣсто послѣдняго губернаторъ сталъ гнѣснить его. Къ счастью своему Рычковъ нашелъ въ это время сильныхъ и вліятельныхъ покровителей, въ лицѣ графа Панина и академика-историка Г. Ф. Миллера, поддерживавшихъ Рычкова и всѣми возможными средствами поощрявшихъ его плодотворную научно-литературную дѣятельность. Во время Пугачев. бунта пугачевцами былъ убитъ сынъ Рычкова и сожжено его село Спасское (въ Бугульмин. у. современной Самар. губ.). Въ заключеніе референтъ, указавъ на важность пожертвованной Обществу г. Завьяловымъ рукописи П. И. Рычкова, скавалъ, что хорошо было бы напечатать эту рукопись въ приложеніяхъ къ «Ивѣстіямъ», причемъ коррективное и редактивное ея могъ бы онъ, г. Витевскій, принять на себя. Затѣмъ референтъ демонстрировалъ всѣ труды Рычкова, изданные въ XVIII и XIX вв.. **П о с т а н о в л е н о:** рукописи Рычкова напечатать въ приложеніяхъ къ «Ивѣстіямъ» подъ ред. В. Н. Витевского, а за пожертвованіе благодарить г. Завьялова.

X. Д. чл. И. А. Износковъ прочиталъ сообщеніе А. Михайлова «Правданованіе дня св. Фрола и Лавра у пермяковъ въ деревнѣ Кочахъ Чердынскаго уѣзда Пермской губ.» **П о с т а н о в л е н о:** статью Михайлова напечатать въ «Ивѣстіяхъ»*).

XI. Я. П. Дуброва сдѣлалъ докладъ «Объ экономическомъ положеніи Ставропольскихъ калмыковъ.» Такъ какъ референтъ за позднимъ временемъ прервалъ свое сообщеніе, то **п о с т а н о в л е н о:** благодарить Я. П. Дуброву за его интересное сообщеніе и просить его продолжить рефератъ въ слѣдующемъ засѣданіи.

XII. Затѣмъ Предсѣдатель Общества заявилъ, что за позднимъ временемъ докладъ д. чл. Н. Э. Катанова «Мусульманскія версіи христіанской легенды о семи отрокахъ, иже во Ефесѣ» сдѣланъ теперь быть не можетъ и потому откладывается до слѣдующаго засѣданія.

Въ 10 ¹/₂ часовъ ночи г. Предсѣдатель Общества объявилъ засѣданіе закрытымъ.

*) Напечатано въ 4 вып., XIV-го тома, стр. 441—444.

20 декабря 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 7¼ час. вчерашняго г. Предсѣдателемъ Общества Э. Г. Мищенкомъ. Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Общества Э. Г. Мищенко, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, дѣйствительные члены: С. М. Аитовъ, А. И. Александровъ, Н. И. Андерсонъ, И. И. Ворчешко, Н. Э. Катановъ, Э. Д. Пельцамъ, Н. А. Толмачевъ, Э. Э. Энгель, членъ-сотрудникъ С. М. Смирновъ, секретарь Н. М. Петровскій и сторонніе посѣтители.

Слушали:

I. Отношеніе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 19 ноября 1897 года, за № 400, съ предложеніемъ объ изданіи—въ цѣломъ составѣ или одной какой либо части—матеріаловъ, собранныхъ Якутской экспедиціей, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Опредѣлили—принять къ свѣдѣнію.

II. Отношеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 19 декабря 1897 года, за № 10478, съ извѣщеніемъ о назначеніи Обществу правительственнаго пособія въ размѣрѣ 600 руб. въ годъ, на пять лѣтъ, начиная съ 1-го января 1898 года. Опредѣлили, согласно предложенію г. Предсѣдателя: выразить глубокую признательность г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа за просвѣщенное содѣйствіе и предстательство при возбужденіи ходатайства предъ правительствомъ о пособіи Обществу.

III. Докладъ секретаря о поступившихъ въ бібліотеку Общества новыхъ изданій Императорской Археологической Коммисіи и въ музей—мѣдной монеты 1837 года, двухъ-копѣчнаго достоинства, отъ д. чл. В. К. Магницкаго. Опредѣлили: благодарить.

IV. Предложеніе г. Предсѣдателя объ избраніи въ дѣйств. членъ Общества преподавателя Императорской Казанской I гимназіи Д. В. Васильева. Опредѣлили: считать г. Васильева избраннымъ единогласно, безъ баллотировки, и выдать ему установленный дипломъ на званіе дѣйств. члена.

V. Заявленіе г. Предсѣдателя о новыхъ лицахъ, предлагаемыхъ къ избранію въ дѣйств. члены: Э. Т. Васильевъ, А. А. Диваевъ и А. И. Якобія. Опредѣлили: баллотировать въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

VI. Заявленіе г. А. И. Якобія о плитахъ съ надписями, найденныхъ въ с. Алатъ, при разрушеніи старинной церкви.

VII. Сообщеніе г. Якобія о поѣздкѣ его къ остоякамъ. По окончаніи чтенія г. Якобія, вызвавшего единодушные аплодисменты, г. Предсѣдатель предложилъ выразить г. референту признательность за его интересный докладъ, что и было исполнено въ засѣданіи.

VIII. Сообщеніе г. Я. П. Дуброва «Объ экономическомъ положеніи калмыковъ Ставропольской губ.» (продолженіе доклада, читаннаго въ предшествующемъ Общемъ Собраніи). По окончаніи чтенія, И. А. Износковымъ и Э. Г. Мищенкомъ было сдѣлано нѣсколько замѣчаній, на которыя г. Дуброва отвѣчалъ дальнѣйшими разъясненіями нѣкоторыхъ мѣстъ своего доклада.

IX. Сообщение д. чл. Н. Э. Катанова: «Мусульманскія версіи христіанской легенды о семи отрокахъ, иже во Ефесѣ.»

Прочія сообщенія, о которыхъ было объявлено въ программѣ засѣданія, были отложены, за позднимъ временемъ, до ближайшаго Общаго Собранія.

Въ 10 ³/₄ часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ

ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

за 1898 годъ,

составленный секретаремъ Общества Н. Петровскимъ и
доложенный имъ Общему Собранию 18 марта 1899 г.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ
18 марта 1899 года.

Секретарь Общества Н. Петровскій.

ОТЧЕТЪ

Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

за 1898 годъ.

Согласно постановленію Общаго Собранія 23 февраля сего 1899 года, имѣю честь представить благосклонному вниманію присутствующихъ отчетъ о дѣятельности Общества за промежутокъ времени съ 18 марта 1898 по 1 января 1899 года.

I. Составъ Общества. Къ 18 марта 1898 года Общество имѣло всего 186 членовъ: 14 почетныхъ (11 въ Россіи и 3 за границей), 4 члена-соревнователя (3 въ Казани и 1 иногородній), 106 дѣйствительныхъ (58 городскихъ и 48 иногороднихъ) и 62 члена-сотрудника (21 городскихъ и 41 иногороднихъ). Въ періодъ времени съ 18 марта 1898 по 1 января 1899 г. вновь избраны: а) почетный членъ—бывшій профессоръ Каванской Духовной Академіи, Петръ Васильевичъ Знаменскій (19 апрѣля); б) 7 дѣйствительныхъ членовъ, изъ коихъ 4 городскихъ: α) приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго Университета Михаилъ Ивановичъ Догель (19 апрѣля), β) доцентъ Каванской Духовной Академіи Иванъ Михайловичъ Покровскій (18 сентября), γ) преподаватель Родіоновскаго Института Сергѣй Ивановичъ Порфирьевъ (26 ноября) и δ) профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, протоіерей Александръ Васильевичъ Смирновъ и 3 иногороднихъ: α) инспекторъ школъ Тургайской области Александръ Евфимовичъ Алекторовъ (18 сентября—Күстанай, Тургайской области), β) совѣтникъ Тургайскаго Областного Правленія, Александръ Васильевичъ Васильевъ (26 ноября—Оренбургъ) и γ) помощникъ начальника Чимкентскаго уѣзда, Нилъ Сергѣевичъ Лыкошинъ (18 сентября—Чимкентъ, Сыръ-дарьинской области) и в) 1 городской членъ-сотрудникъ—завѣдующій типографіей Императорскаго Каванскаго Университета, Андрей Поликарповичъ Аришинъ (16 апрѣля). За тотъ же промежутокъ времени Общество понесло тяжкія утраты въ лицѣ скончавшихся: члена-соревнователя Анны Авксентьевны Кекиной († 30 декабря), двоихъ городскихъ дѣйствительныхъ членовъ—Якова Павловича Дубровы и Георгія Карловича Штера († 18 мая) и одного иногородняго—Николая Ѳомича Красносельцева († 11 сентября). Къ 1 января 1899 года Общество имѣло всего 191 члена—15 почетныхъ (12 въ Россіи и

3 за границей), 3 членов-соревнователей (2 городских и 1 иногородний), 110 действительных членов (60 городских и 50 иногородних) и 63 члена-сотрудника (22 городских и 41 иногородний)¹⁾.

II. Составъ Совѣта. Годичное собраніе Общества 18 марта 1898 года избрало нижеслѣдующихъ должностныхъ лицъ: предсѣдатель—Н. Ѳ. Катановъ; товарищъ предсѣдателя—И. Н. Смирновъ; члены Совѣта: А. И. Александровъ, А. С. Архангельскій, Э. Д. Гриммъ, П. А. Пономаревъ и А. А. Штукенбергъ; секретарь Н. М. Петровскій; кавначей И. И. Ворченко; библиотечарь Д. В. Айналовъ; члены ревизіонной комиссіи—Н. А. Толмачевъ, П. В. Траубенбергъ и Э. Э. Энгель. Въ засѣданіи совѣта Общества 26 марта 1898 г. были избраны: директоромъ музея Общества А. А. Штукенбергъ, хранителемъ рукописнаго отдѣла библиотеки Общества—А. И. Александровъ, хранителемъ предметовъ церковной археологіи—Д. В. Айналовъ, членами редакціонной комиссіи, находящейся подъ предсѣдательствомъ секретаря Общества—Н. Ѳ. Катановъ, И. Н. Смирновъ и А. А. Штукенбергъ. Изъ перечисленныхъ выше лицъ отказались отъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей Д. В. Айналовъ—по обилію дѣла и И. И. Ворченко—вслѣдствіе переѣзда въ другой городъ; на ихъ мѣсто были избраны: библиотечаремъ Общества С. И. Порфирьевъ (26 ноября), а кавначесмъ—Д. В. Васильевъ (26 ноября).

III. Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состояли: въ Кавани книжные магазины П. А. Дубровиной и бр. Башмаковыхъ; въ Петербургѣ К. Л. Риккеръ; въ Москвѣ—магазинъ «Новаго Времени» и въ Ташкентѣ—центральная книжная торговля подъ фирмою «Букинистъ», съ уступкой имъ 30% стоимости со всѣхъ изданій Общества и IV археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кавани въ 1877 году.

IV. Дѣятельность Общества. Среди различныхъ предпріятій Общества въ промежутокъ времени отъ 18 марта 1898 по 1 января 1899 года необходимо отмѣтить учрежденіе при совѣтѣ Общества, по предложенію члена Совѣта П. А. Пономарева, нѣсколько дополненному членомъ Совѣта А. С. Архангельскимъ, пяти секцій, имѣющихъ цѣлью подготовленіе рефератовъ для общихъ собраній: археологической, исторической, исторіи литературы, церковной археологіи и этнографической. Обь организованіи этихъ секцій и избраніи предсѣдателей ихъ (археологической—А. А. Штукенбергъ, исторической—Э. Д. Гриммъ, исторіи литературы—А. С. Архангельскій, церковной археологіи—Д. В. Айналовъ и этнографической—И. Н. Смирновъ) было доложено общему собранію 19 апрѣля; тогда же произведена была запись желающихъ сдѣлаться членами той или другой секціи, но о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ этихъ секцій свѣдѣній не имѣется. Лѣтомъ минувшаго 1898 года членами Общества было произведено нѣсколько научныхъ экскурсій; свѣдѣнія объ ассигнованныхъ на это суммахъ имѣются въ денежномъ

¹⁾ Прилагаемый при семъ списокъ членовъ Общества не соответствуетъ указаннымъ цифрамъ, такъ какъ въ немъ отмѣчены перемѣны въ составѣ Общества, происшедшія послѣ 1 января сего года.

отчетъ Общества, куда они внесены изъ прихода-расходной книги по собственноручнымъ распискамъ получавшихъ деньги; что же касается отчета о произведенныхъ раскопкахъ, Общество до сихъ поръ его не получало ни отъ кого, кромѣ А. А. Штукенберга, заявившаго о передачѣ имъ права на производство раскопокъ вблизи деревни Пьянковой г. председателю Пермской Ученой Архивной Коммисіи Н. Н. Новокрешенныхъ, который впоследствии и доставилъ отчетъ о произведенной раскопкѣ¹⁾. За время съ 18 марта 1898 г. по 1 января 1899 г. Общество имѣло 7 засѣданій Совѣта и 6 Общихъ Собраній. На Общихъ Собраніяхъ были читаны слѣдующіе доклады и сообщенія:

А) дѣйствительныхъ членовъ: А. С. Архангельскаго: «*Э. И. Буслаевъ въ его «Воспоминаніяхъ» и ученыхъ трудахъ»* (18 сентября); В. Л. Борисова: а) «*Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи, Капитона Милковича»* (19 апрѣля), б) «*Къ исторіи Ивановскаго монастыря въ г. Кавани»* (18 сентября) и в) «*Городъ Лаишевъ въ XVI—XVII вв.»* (18 декабря); А. В. Васильева «*О X-мъ ствѣдѣ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, въ 1898 году»* (26 ноября); А. А. Диваева: «*Киргизскія причитанія по покойникѣ»* (19 апрѣля); Н. Э. Катанова: «*Отчетъ о поѣздкѣ въ Уфимскую губернію лѣтомъ 1898 года»* (27 октября); Н. Н. Пантусова: а) «*Киргизская версія христіанскаго сказанія о семи отрокахъ, иже во Ефесѣ»* (18 декабря) и б) «*Археологическая поѣздка въ Семирѣченскую область»* (18 декабря); П. А. Пономарева: «*Димитрій Николаевичъ Зиновьевъ, первый редакторъ «Казанскихъ Извѣстій»* (19 апрѣля); А. А. Штукенберга «*О слѣдахъ каменнаго вѣка въ Оренбургской губерніи* (26 ноября) и Н. Н. Эирсова: «*Черты изъ исторіи торговой и промышленной жпзни Поволжья (съ древнѣйшихъ временъ до осмотра края Императрицей Екатериной II)*» (18 марта), и

Б) посторонняго лица—Д. А. Кочнева: «*Очерки юридическаго быта якутовъ»* (18 сентября, 27 октября, 26 ноября и 18 декабря).

За тотъ же промежутокъ времени Общество ядало три книжки своего органа, четвертыи, пятый и шестой выпуски XIV-го тома «*Извѣстій»*, гдѣ, кромѣ библиографическихъ замѣтокъ, хроники, отчета за 1897 годъ и различныхъ матеріаловъ археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ, помѣщены слѣдующія статьи:

А) дѣйствительныхъ членовъ: Д. В. Айналова: «*Значеніе Э. И. Буслаева въ наукѣ исторіи искусствъ»*; В. Л. Борисова: «*«Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи» Капитона Милковича»*; Е. Э. Будде: «*О заслугахъ Э. И. Буслаева, какъ ученаго лингвиста и преподавателя»*; Н. Э. Катанова: «*Новыя пріобрѣтенія музея Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи»*; Н. Н. Пантусова: «*Таранчинскія пѣсни и загадки»* и Н. Н. Эирсова: «*Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной*

¹⁾ Позднѣйшее примѣчаніе. Въ засѣданіи Совѣта 2 апрѣля 1899 г. П. А. Пономаревъ заявилъ о своемъ желаніи въ ближайшемъ обществѣ собраній сдѣлать сообщеніе о раскопкѣ имъ Большаго Маклашевскаго могильника.

жизни Поволжья (съ древнѣйшихъ временъ до осмотра этого края Императрицей Екатериной II)»,

Б) члена-сотрудника Н. П. Остроумова: Стихи въ честь мѣсяца Рамавана» и

В) постороннихъ лицъ: о. І. Барсова: «Бывшій Николаевскій дѣвичій монастырь въ г. Чебоксарахъ» (съ примѣчаніями дѣйств. члена о. Е. А. Малова); Д. М. Львова: «Легенда о происхожденіи табака» и В. М. Терехина: «Прибавленіе къ статьѣ «Историческіе матеріалы въ отношеніи инородцевъ Пензенскаго края конца XVII ст.».

У. Библиотека и музей Общества за отчетный періодъ обогатились значительнымъ количествомъ книгъ, рукописей, древностей, монетъ и пр.; кромѣ приобрѣтенныхъ покупкою или обмѣномъ книгъ, монетъ и т. п., слѣдуетъ съ благодарностью упомянуть о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ какъ учреждениями, такъ и частными лицами; книги присылались въ библиотеку Общества: Королевскимъ Университетомъ въ Христианіи (Норвегія), Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ музеямъ, Главнымъ Штабомъ Военнаго Министерства, Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіей, Ed Piette, J. de la Porterie, А. Е. Алекторовымъ, В. Л. Борисовымъ, И. А. Вахромѣевымъ, П. В. Знаменскимъ, Н. Э. Катановымъ, Н. С. Лыкошинымъ, о. Е. А. Маловымъ, П. М. Меліоранскимъ, И. М. Покровскимъ, А. А. Спицынымъ, А. А. Титовымъ, П. Н. Тихановымъ, Ю. К. Трусманомъ и А. А. Штукенбергомъ; рукопись поступила отъ В. К. Магницкаго; нѣсколько документовъ было доставлено Н. Н. Пантусовымъ и П. П. Перцовымъ; древности были пожертвованы: о. Н. А. Архангельскимъ, М. А. Готвальдъ, В. К. Магницкимъ, Н. Г. Малицкимъ и Н. М. Тереховымъ; монеты были получены отъ о. Н. А. Архангельскаго, М. А. Готвальдъ, В. К. Магницкаго и А. Т. Соловьева; жетонъ поступилъ отъ И. А. Износкова; портреты и фотографіи были доставлены А. П. Аришинымъ, Н. В. Беклемишевымъ, Н. Н. Пантусовымъ, К. Т. Сафоновымъ и А. Т. Соловьевымъ.

VI. За отчетный періодъ Общество высылало свои изданія за границу въ 33 пункта и въ Россіи въ 111 мѣстъ. Кромѣ того, «Извѣстія» высылались бесплатно всѣмъ почетнымъ членамъ и членамъ-соревнователямъ, а также дѣйствительнымъ членамъ, уплатившимъ годичный взносъ, и сотрудникамъ журнала. Въ обмѣнъ «Извѣстія» высылались въ нижеслѣдующіе пункты:

А. ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Англія.

Лондонъ. The Anglo-Russian Literary Society («Proceedings»).

Франція.

Парижъ. 1) Société de Linguistique («Bulletins») и Mémoires de la Société de Linguistique).

— 2) Société d'Anthropologie de Paris (журналъ «L'Anthropologie», «Bulletins»).

- 3) Ред. журнала «Mélusine, recueil de mythologie, littérature populaire, traditions et usages».
- 4) Association pour l'enseignement des sciences anthropologiques («La Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie»).
- 5) Ред. журнала «La tradition».
- 6) Ред. журнала «Revue des traditions populaires».

Германія.

- Берлинъ.** Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte («Zeitschrift für Ethnologie»).
- Брауншвейгъ.** Ред. журнала «Globus, illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde, herausgegeben von Richard Andree».
- Кёнигсбергъ.** Die Physikalisch—Oekonomische Gesellschaft («Schriften»).
- Мюнхенъ.** Ред. журнала «Hochschul—Nachrichten, Monats-Uebersicht über das Hochschulwesen des In- und Auslandes, Separat—Abdruck aus der «Academischen Revue», herausgegeben von Dr. Paul von Salvisberg».

Швейцарія.

- Невшатель.** La Société Neuchateloise de Géographie («Bulletins»).

Австро-Венгрія.

- Будапештъ.** 1) Ред. журнала «Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn. Illustrierte Monatsschrift für die Völkerkunde Ungarns und der damit in ethnographischen Beziehungen stehenden Länder».
- 2) Ред. журнала «Ethnographia».
 - 3) Magyar Tudományos Akadémia («Almanach», «Rapport», «Archaeologiai Közlemények», «Archaeologiai ertesito»).
- Вѣна.** Die Anthropologische Gesellschaft («Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien»).
- Загребъ.** Hrvatsko Arheologičko Društvo («Vjestnik»).
- Книнъ.** Hrvatsko Starinarsko Društvo («Starohrvatska Prosvjeta»)
- Львовъ.** 1) Ред. журнала «Kwartalnik historyczny, organ towarzystwa historycznego, założony przez Xawerego Liskego pod redakcyą Aleksandra Semkowicza»
- 2) Наукове Товариство імени Шевченка («Етнографічний Збірник» и «Записки»).
- Любляна.** Ред. журнала «Ljubljanski Zvon».
- Прага.** 1) Ред. журнала «Česky Lid».
- 2) Ред. журнала «Časopis Musea Království Českého».
 - 3) Ред. журнала «Věstník slovanských starožitností».
 - 4) Národopisné Museum Československé v Praze («Věstník Musea» и «Sbornik Národopisný»).
- Сплѣтъ.** Ред. журнала «Bullettino di archeologia e storia dalmata».

Нидерланды.

Лейденъ. Ред. журнала «Internationales Archiv für Ethnographie».

Норвегія.

Христіанія. Королевскій Университетъ («Aarsberetning»).

Болгарія.

Софія. Министерство Народнаго Просвѣщенія («Сборникъ за народни умовторения, наука и книжнина»).

Турція.

Константинополь. Русскій Археологическій Институтъ.

Швеція.

Стогольмъ. Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademien («Antiquarisk Tidskrift for Sverige», «Månadsblad»).

Упсала. Landsmålsförening i Uppsala, Helsingfors ock Lund («Nyare Bidrag till kännedom om de svenska landsmålen»).

Австралія.

Сидней (Sydney). Австралійско-Азіатское Антропологическое Общество («The Australasian Anthropological Journal», «Science of Man and Australasian Anthropological Journal»).

Б. ВЪ РОССІИ.

Астрахань. 1) Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края («Отчетъ» и «Труды»).

— 2) Ред. «Епархіальн. Вѣдомостей», выход. 1 и 16 чисель.

Барнаулъ. Общество любителей изслѣдованія Алтая («Отчетъ» и «Сборникъ»).

Варшава. 1) Императорскій Университетъ («Варшавскія Университетскія Ивѣстія»).

— 2) Ред. журнала «Wisła, miesięcznik geograficzno-ethnograficzny z licznemi ilustracjami», выход. 1 разъ въ мѣсяць

Владивостокъ. Общество изученія Амурскаго края, филиальное Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Географич. Общества («Отчетъ» и «Записки»).

Владимиръ. Владимирская Губернская ученая Архивная Коммиссія.

Воронежъ. Губернскій Статистич. Комитетъ («Памятная книжка»).

Вѣрный. 1) Ред. «Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣдомостей», выход. по субботамъ.

2) Семирѣченскій Областной Статистическій Комитетъ.

- Вятка.** 1) Губерн. Статистич. Комитетъ («Календарь Вятскаго края»).
— 2) Земское Статистическое Бюро при Губернской Земской Управѣ («Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи» и «Матеріалы для описанія промысловъ Вятск. губ.»).
— 3) Ред. «Вятскихъ Губерн. Вѣдомостей», выход. по средамъ и субботамъ.
- Гельсингфорсъ.** 1) Финно-Угор. Общество («Journal de la Société Finno-Ougrienne» и «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne»).
— 2) Финляндское Археологическое Общество («Finska Fornminnesföreningens Tidskrift», «Suomen-Museo» и Finskt Museum»).
— 3) Финское Литературное Общество («Suomi, kolmas jakso», «Kansatieteellisiä kertomuksia»).
- Екатеринбургъ.** Уральское Общество Любителей Естествознанія («Записки»).
- Иркутскъ.** 1) Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорск. Русск. Геогр. Общества («Ивѣстія»).
— 2) Ред. газеты «Восточное Обозрѣніе», выход. по воскресен., средамъ и пятницамъ.
— 3) Ред. «Иркут. Губерн. Вѣдом.», выход. по средамъ.
- Казань.** 1) Императорскій Университетъ («Ученыя Записки», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ).
— 2) Духовная Академія («Православный Собесѣдникъ», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ).
— 3) Ред. «Ивѣстій по Казанской епархіи» (выход. 2 раза въ мѣсяцъ).
— 4) Общество Трезвости (журналъ «Дѣятель», выходящій 1 разъ въ мѣсяцъ).
— 5) Городская Публичная Библіотека.
— 6) Переводческая Комиссія при Братствѣ Святого Гурія («Отчетъ», «Буквари», «Первоначальные учебники» и книги Св. Писанія на равныхъ инородческихъ языкахъ).
- Калуга.** Губернскій Статистическій Комитетъ («Памятная Книжка»).
- Кіевъ.** 1) Императорскій Университетъ («Университетскія Ивѣстія»).
— 2) Историч. Общество Нестора-Лѣтописца при Университетѣ Св. Владиміра («Чтенія въ И. О. Н.-Л.»).
— 3) Комиссія для рабора древнихъ актовъ, состоящая при Управленіи Кіевского, Волынскаго и Подольскаго Генераль-Губернатора («Архивъ Юго-Западной Россіи»).
— 4) Ред. журн. «Кіевская Старина», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ.
- Кострома.** 1) Архивная Комиссія («Протоколы»).
— 2) Губерн. Статистич. Комитетъ
- Минусинскъ.** Публичный мѣстный Музей («Отчетъ»).
- Митава.** Курляндскій Губернскій Статистическій Комитетъ.
- Москва.** 1) Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи («Ивѣстія», «Этнограф. Обозрѣніе», «Труды Антроп. Отд.» и «Землевѣдѣніе»).

- 2) Императ. Археологич. Общество («Древности»).
 - 3) Ред. журнала «Православный Благовѣстникъ», выход. 2 раза въ мѣсяцъ.
 - 4) Архивъ Министерства Юстиціи («Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Мин. Юст.»).
 - 5) Император. Историч. Музей («Отчетъ»).
 - 6) Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія.
- Нижній-Новгородъ. 1) Губерн. Архивная Коммиссія («Дѣйствія»).
- 2) Ред. «Нижегородск. Губерн. Вѣдомостей» (неофф. часть), выход. по средамъ.
 - 3) Ред. «Нижегород. Епархіал. Вѣдом.», выход. 1 и 15 чисель.
- Ново-Александрія, Люблин. губ. Ред. «Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи».
- Нѣжинъ, Черниг. губ. Историко-филологическое Общество при Институтѣ князя Безбородко («Сборникъ»).
- Одесса. 1) Императорскій Новороссійскій Университетъ («Записки»).
- 2) Императорское Общество Исторіи и Древностей («Труды и «Отчетъ»).
 - 3) Публичная Библіотека («Отчетъ»).
- Омскъ. Западно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русск. Географич. Общества («Записки»).
- Оренбургъ. 1) Оренбург. Отдѣлъ Императорскаго Русск. Географич. Общества («Извѣстія»).
- 2) Оренбург. Губ. Статистич. Комитетъ («Адресъ-календаръ», Памятная книжка»).
- Пенза. 1) Ред. «Губерн. Вѣдом.», выход. ежедневно.
- 2) Пензенскій Губерн. Статистич. Комитетъ.
- Пермь. 1) Губернская Архивная Коммиссія («Труды»).
- 2) Губернскій Статистич. Комитетъ («Адресъ-календаръ» и «Памятная книжка»).
 - 3) Ред. «Губерн. Вѣдом.», выход. ежедневно.
- Петроаводскъ. Олонекскій Губерн. Статистич. Комитетъ.
- Полтава. Естественно-историческій музей Полтавскаго Губернскаго Земства.
- Ревель. Эстляндскій Статистическій Комитетъ.
- Рига. Общество Исторіи и Археологіи («Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands»).
- Рязань. Ученая Архивная Коммиссія («Труды и «Отчетъ»).
- Самара. 1) Ред. «Епархіал. Вѣдомостей», издаваемыхъ при Епархіальномъ Братствѣ Св. Алексія и выход. 1 и 15 чисель.
- 2) Самарскій Публичннй Музей («Отчетъ»).
- С.-Петербургъ. 1) Императорскій Университетъ («Записки Историко-филологическаго факультета»).
- 2) Императорская Академія Наукъ.
 - 3) Император. Археологич. Коммиссія («Отчеты и «Матеріалы по археологіи Россіи»).

- 4) Император. Рус. Археол. Общ. («Записки» Общ. и Вост. Отдѣленія).
 - 5) Археол. Институтъ («Вѣстникъ Археол.»).
 - 6) Военно-Ученый Комитетъ Главнаго Штаба («Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ»).
 - 7) Императорское Русское Географ. Общ. («Извѣстія», «Записки», «Отчетъ» и «Ежегодникъ»).
 - 8) Ред. журнала «Живая Старина», выход. 4 раза въ годъ.
 - 9) Ред. журнала «Искусство и художественная промышленность», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ.
- Саратовъ.** 1) Саратовская Архивная Коммиссія («Труды»).
- 2) Ред. «Саратовской Земской Недѣли», выход. еженедѣльно.
 - 3) Ред. «Саратовскихъ Губерн. Вѣдом.», выход. по воскрес. и четвергамъ.
 - 4) Ред. «Саратов. Епарх. Вѣдом.», выход. 1 и 15 чисель.
- Симбирскъ.** 1) Ред. «Симбирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».
- 2) Губернская Ученая Архив. Коммиссія («Отчеты» и «Журналы засѣданій»).
- Симферополь.** Таврическая Ученая Архивная Коммиссія («Извѣстія»).
- Тамбовъ.** 1) Ученая Архивная Коммиссія («Извѣстія»).
- 2) Ред. «Тамбов. Епарх. Вѣд.», выход. по субботамъ.
- Ташкентъ.** 1) Сыръ-дарьинскій Областной Статистическій Комитетъ («Матеріалы для статистики Сыръ-дарьин. обл.»).
- 2) Ред. «Туркестанскихъ Вѣдомостей», выход. по воскрес. и четвергамъ.
 - 3) Ред. «Туркестан. Туземной Газеты», выход. еженедѣльно.
 - 4) Ред. газеты «Русскій Туркестанъ», выход. по воскрес., средамъ и пятницамъ.
 - 5) Туркестан. Кружокъ Любителей Археол. («Протоколы»).
 - 6) Туркестанская Публичная Библиотека.
- Тифлисъ.** 1) Кавказскій Отдѣлъ Император. Русскаго Географическаго Общества («Записки»).
- 2) Управление Кавказскаго Учебнаго Округа («Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», «Циркуляры» и «Отчетъ»).
- Тобольскъ.** 1) Губернскій Музей («Ежегодникъ»).
- 2) Ред. газ. «Сибирскій Листокъ», выход. по воскресеньямъ и четвергамъ.
 - 3) Ред. «Губернск. Вѣдом.» (неофф. часть), выход. по воскрес. и четвергамъ.
 - 4) Ред. «Епархіал. Вѣдомостей», издаваемыхъ при Братствѣ Св. Великомученика Димитрія Солунскаго и выход. 1 и 16 чисель.
- Томскъ.** 1) Ред. газ. «Сибир. Вѣстникъ», выход. еженедѣльно.
- 2) Ред. «Губерн. Вѣдом.», выход. по четвергамъ.
 - 3) Ред. «Епархіал. Вѣдом.», выход. 1 и 15 чисель.

- Троицкосавскъ. Троицкосавско-Кяхтинское Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Император. Русск. Географич. Общества («Протоколы» и «Отчетъ»).
- Уральскъ. 1) Ред. «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей», выход. еже-недѣльно.
- 2) Областной Статистич. Комитетъ («Журналы засѣданій»).
- Уфа. Ред. «Уфим. Губерн. Вѣдом.», выход. ежедневно.
- Хабаровскъ. Приамурскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Записки» и «Отчетъ»).
- Харьковъ. 1) Императорскій Университетъ («Записки»).
- 2) Историко-Филологическое Общество при Университетѣ («Сборникъ»).
- 3) Общественная Библіотека.
- Чита. 1) Читин. Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Император. Русск. Географич. Общества («Извѣстія» и «Отчетъ»).
- 2) Ред. «Забайкальск. Областныхъ Вѣдомостей», выход. по пятницамъ.
- Черниговъ. Губернская Архивная Комиссія («Труды»).
- Юрьевъ. Императорскій Университетъ («Ученныя записки»).
- Якутскъ. Областной Статистическій Комитетъ («Отчетъ» и «Памятная книжка»).
- Ярославль. Архивная Комиссія («Труды»).

VII. Отчетъ о денежныхъ средствахъ Общества за 1898 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

П Р И Х О Д Ъ.

	Р.	К.
Съ 1 января 1898 года по 1 января 1899 г. поступило:		
I. Правительственное пособіе Обществу на изданіе журнала.	600	—
II. Высочайше ассигновано на охрану и ремонтъ Болгарскихъ развалинъ.	300	—
III. Процентъ по бумагамъ и суммамъ, хранившимся въ Сберегательной кассѣ Государственнаго Банка.	37	7
IV. Членскихъ взносов:		
а) городскихъ	184	р.
б) иногороднихъ—А. А. Диваева 50 р. и остальныхъ 70 р.	120	р.
	304	—
V. Отъ продажи изданій Общества		
а) въ Казани 53 р. 16 к.	76	96
б) въ другихъ городахъ 23 р. 80 к.		
VI. Отъ подписки на «Извѣстія» (въ Россіи).	29	10
VII. Возвращено секретаремъ изъ суммъ, ассигнованныхъ для уплаты въ типографію.	30	—
<hr/>		
А. Итого въ приходѣ за 1898 годъ	1377	13
Б. Осталось къ 1 января 1898 года:		

а) наличными деньгами	28	79
б) процентными бумагами	700	—
<hr/>		
Всего къ 1 января 1899 года состояло . .	2105	92

РАСХОДЪ.

Съ 1 января 1898 по 1 января 1899 г. израсходовано:	Р.	К.
I. Жалованье Я. А. Соколову:		
а) за письмоводство 60 р.	}	120 —
б) за складъ и библиотеку 60 р.		
II. Жалованье служителю	84	—
III. За охрану Болгарскихъ развалинъ Ф. Э. Мордвишину.	112	—
IV. Уплачено въ типографію Университета	512	50
V. Выдано секретаремъ на мелкіе расходы (почтовые, канцелярскіе, библиотечные и т. д.)	91	85
VI. Для музея израсходовано:		
а) на приобрѣтеніе монеть 11 р. 90 к.	}	77 90
б) — — древностей 66 р.		
VII. Праздничныя награды:		
а) служителю 10 р.	}	20 50
б) двоимъ типографскимъ разсылнымъ 2 р.		
в) служителю К. Лапанову 1 р. 50 к.		
г) троимъ аудиторскимъ служителямъ 6 р.		
д) почталіону 1 р.		
VIII. Ревизія и ремонтъ Болгарскихъ развалинъ:		
А. Ревизія.		
а) И. И. Ворченку 15 р.	}	222 50
б) П. А. Пономареву 15 р.		
в) И. Н. Смирнову 15 р.		
г) А. А. Штукенбергу 15 р.		
Б. Ремонтъ.		
Ф. Э. Мордвишину за изгородь вокругъ «четвероугольника» въ Болгарахъ уплачено 162 р. 50 к.		
IX. На раскопки было ассигновано:		
П. А. Пономареву 35 р.	}	75 —
И. Н. Смирнову и А. А. Штукенбергу 15 р.		
И. Н. Смирнову 25 р.		
X. На библиотеку израсходовано	72	35
XI. На освѣщеніе зала заведеній выдано	—	22
XII. За телеграмму В. В. Латышеву уплачено	1	10
XIII. Н. И. Андерсону на разъѣзды по городу выдано . .	2	—
XIV. За членскій билетъ на XI Археологическій съѣздъ послано	4	—
<hr/>		
Итого въ расходѣ за 1898 годъ.	1395	92

	Р.	К.
Къ 1-му января 1899 года оставалось:		
а) процентными бумагами	700	—
б) наличными деньгами	10	—
Итого	2105	92

Утвержденъ 18 марта 1899 года.

Предсѣдатель Общества
Арх., Ист. и Этн. Н. Катановъ.

Членъ Совѣта А. Александровъ.

Библіотекаръ С. Порфирьевъ.

Казначей Д. Васильевъ.

Секретарь Н. Петровскій.

А К Т Ъ.

1899 г. марта 14 дня по провѣркѣ сей книги оказалось, что какъ эта книга, такъ и квитанціонная и всѣ оправдательные документы въ надлежащемъ порядкѣ; сумма же общества оказалась на приходѣ съ 14 марта 1898 г. по 14 марта 1899 г. на приходѣ двѣ тысячи девятнадцать рублей три копейки (2019 р. 3 к.) и въ расходѣ за тотъ же срокъ тысяча семьсотъ восемьдесятъ три рубля девяносто восемь копѣекъ (1783 р. 98 к.) и затѣмъ въ наличности оказалось девятьсотъ тридцать пять рублей пять копѣекъ (935 р. 5 к.), изъ которыхъ въ кредитныхъ билетахъ и звонкой монетѣ двѣсти тридцать пять рублей пять копѣекъ (235 р. 5 к.) и въ государственныхъ 4-хъ процентныхъ бумагахъ семьсотъ рублей (700 р.), которые хранятся въ Казанскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка подѣ расписками за №№ 20711 и 25670, кромѣ того въ кассѣ Общества состоитъ триста рублей (300 р.), ассигнованныхъ спеціально на расходы по поддержанію Болгарскихъ развалинъ. Г. Казань, 14 марта 1899 г.

Членъ ревизіонной комиссіи, дѣйствительный членъ
Э д. Э н г е л ь.

П р и м ѣ ч а н і е. Прочіе члены ревизіонной комиссіи, Н. А. Толмачевъ и П. В. Траубенбергъ, въ ревизіи участвовать не могли, первый по болѣзни, второй по домашнимъ обстоятельствамъ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА
Археологіи, Исторіи и Этнографіи
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
*съ указаніемъ времени вступленія въ Общество
и мѣста жительства.*

I. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

- 1 Аспелинъ (Aspelin), I. P., государственный археологъ (4 окт. 1884 г.). **Гельсингфорсъ.**
- Васильевъ, Василій Павловичъ, академикъ (14 февраля 1888 г.).
С.-Петербургъ.
- Вирховъ (Virchow), Рудольфъ, профъ универс. (30 окт. 1881 г.).
Берлинъ.
- Доннеръ (Donner), Отто, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). **Гельсингфорсъ.**
- 5 Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, предсѣдатель Император. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ универс. (16 мая 1884 г.). **Москва**
- Знаменскій, Петръ Васильевичъ, бывшій профессоръ Духовной академіи (19 апр. 1898 г.). **Казань.**
- Мешеряновъ, Григорій Васильевичъ, командующій войсками Казан. Восп. Округа (22 дек. 1889 г.). **Казань.**
- Островскій, Андрей Николаевичъ, директоръ крестьянскаго банка (16 мая 1884 г.). **Саратовъ.**

- Полторацкий, Петръ Алексѣевичъ, казанскій губернаторъ (22 дек. 1889 г.). **Казань.**
- 10 Поповъ, Василій Александровичъ, Попечитель Каванскаго Учебнаго Округа (27 янв. 1898 г.). **Казань.**
- Рони, Леонъ (Léon de Rosny), сенаторъ франц. республики, предсѣдатель Парижскаго Этнографическаго Общества (30 октяб. 1881 г.). **Парижъ.**
- Тивенгаузенъ, Владимиръ Густавовичъ, членъ Импер. Археолог. Комиссiи (11 апр. 1891 г.). **С.-Петербургъ.**
- Штцла (Stieda), Людвигъ Христіановичъ, проф. унив. (27 апр. 1890 г.). **Кельнгобергъ.**
- Яновскій, Кирилль Петровичъ, попечитель Кавкасскаго Учебнаго Округа (25 янв. 1896 г.). **Тифлисъ.**

II. ЧЛЕНЫ-СОРЕВНОВАТЕЛИ.

- 1 Горемькинъ, Игнатій Ивановичъ, членъ Окружнаго Суда (16 апр. 1879 г.). **Казань.**
- Унженинъ, Василій Авксентьевичъ, потомственный почетный гражданинъ (16 мая 1881 г.). **Казань.**
- Шимановскій, Митрофанъ Васильевичъ, членъ Судебной Палаты (28 сент. 1879 г.). **Одесса.**

III. ПОЖИЗНЕННЫЕ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

а) Городскіе.

- 1 Петровскій, Несторъ Мемноновичъ, профессорскій стипендіатъ (28 нояб. 1897 г.).
- Юшковъ, Николай Ѳирсовичъ (членъ-основатель).

б) Иногородніе.

- Диваевъ, Абу-бекръ Ахмедъ-джановичъ, переводчикъ восточныхъ языковъ при военномъ губернаторѣ Сыръ-Дарьинской области (членомъ-сотрудникомъ 11 янв. 1896 г., дѣйствит. членомъ—27 янв. 1898 г.). **Ташкентъ, Сыръ-Дарьинской обл.**
- Поливановъ, Владимиръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ двора Е. И. В. (членъ-основатель). **От. Водарацкая, Карсунскаго у. Симбирской губ.**
- 5 Ровень баронъ, Викторъ Романовичъ, академикъ (17 марта 1896 г.). **С.-Петербургъ.**

- Смирновъ, Ѳеодоръ Антоновичъ, инспекторъ учительской семина-
ріи въ гор. Гору, Тифлисской губ. (23 февр. 1899 г.).
Тимаевъ, Евгенийъ Матвѣевичъ, драгоманъ Авіатск. департ. Мин.
Иностранныхъ Дѣлъ (членъ-основатель). С.-Петербургъ.

IV. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ (съ ежегоднымъ взносомъ).

а) Городскіе.

- 1 Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, прив.-доц. унив. (12 апр. 1891 г.).
Антовъ, Сулейманъ Мухаммедъ-Джановичъ, купецъ (29 ноября
1896 г.).
Александровъ, Александръ Ивановичъ, проф. универс. (20 апр.
1889 г.).
Андерсонъ, Николай Ивановичъ, проф. унив. (31 окт. 1894 г.).
5 Архангельскій, Александръ Семеновичъ, проф. универс. (3 нояб.
1885 г.).
Ахмеровъ, Шихбазъ-Гирей Исмаиловичъ, инспекторъ татарской
учительской школы (23 нояб. 1889 г.).
Благовидовъ, Ѳеодоръ Васильевичъ, профессоръ Духовной акаде-
міи (18 марта 1899 г.).
Бобровъ, Евгенийъ Александровичъ, проф. унив. (28 нояб. 1897 г.).
Богаыревъ, Сергій Адриановичъ, инспекторъ Императорской
I гимназіи (21 сент. 1895 г.).
10 Борисовъ, Владиміръ Леонидовичъ (31 янв. 1897 г.).
Будде, Евгенийъ Ѳеодоровичъ, проф. унив. (членомъ-согр. 28 октяб.
1893 г., дѣйств. членомъ 19 февр. 1895 г.).
Бѣляевъ, Дмитрій Ѳеодоровичъ, проф. унив. (16 мая 1884 г.).
Васильевъ, Александръ Васильевичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.).
Васильевъ, Дмитрій Васильевичъ, преподаватель I гимназіи (20
дек. 1897 г.).
15 Васильевъ, Ѳеодоръ Тихоновичъ, казанскій коммерсантъ (27 янв.
1898 г.).
Витевскій, Владиміръ Николаевичъ, преподаватель Иностранческой
Учительской Семинаріи (11 апр. 1879 г.).
Вовдвиженскій, Ермій Васильевичъ, преподаватель реального
училища (27 окт. 1896 г.).
Воронцовъ, Константинъ Ивановичъ, преподаватель I гимназіи (27
февр. 1892 г.).
Галкинъ-Врасскій, Николай Николаевичъ, членъ Судебной Па-
латы (членъ-основатель).
20 Горгаловъ, Николай Константиновичъ, преподаватель I гимназіи
(27 февр. 1892 г.).
Гриммъ, Эрвинъ Давидовичъ, прив.-доц. унив. (29 нояб. 1896 г.).

- Догель, Михайль Ивановичъ, приватъ-доцентъ университета (19 апр. 1898 г.).
- Дормидонтовъ, Григорій Ѳеодоровичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
- Загоскинъ, Николай Павловичъ, проф. унив. (членъ-основатель).
- 25 Засѣцкій, Николай Александровичъ, проф. унив. (31 янв. 1897 г.).
- Заусайловъ, Василій Ивановичъ, пот. поч. гражд. (30 нояб. 1878 г.).
- Износковъ, Иліодоръ Александровичъ, чинов. особ. порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода (членъ-основатель).
- Катановъ, Николай Ѳеодоровичъ, проф. унив. (членомъ-сотр. 8 дек. 1884 г., дѣйств. членомъ 8 апр. 1894 г.).
- Колотинскій, Николай Діомидовичъ, прив.-доц. унив. (20 апр. 1895 г.).
- 30 Корсакова, Варвара Димитріевна (4 нояб. 1888 г.).
- Корсаковъ, Димитрій Александровичъ, проф. унив. (членъ-основатель).
- Кротовъ, Петръ Ивановичъ, проф. унив. (10 нояб. 1881 г.).
- Кукурановъ, Николай Сергѣевичъ, препод. реального училища (23 нояб. 1889 г.).
- Маловъ, Евфимій Александровичъ, протоіерей, проф. Духовной академіи (членомъ-сотр. 12 апр. 1884 г., дѣйств. членомъ 21 сент. 1895 г.).
- 35 Машановъ, Михайль Александровичъ, проф. Духовной академіи (29 янв. 1894 г.).
- Михайловъ, Митрофанъ Димитріевичъ, гражданскій инженеръ (12 дек. 1891 г.).
- Мищенко, Ѳеодоръ Герасимовичъ, проф. унив. (22 дек. 1889 г.).
- Нагуевскій, Дарій Ильичъ, проф. унив. (16 дек. 1886 г.).
- Насыровъ, Абдуль-каюмъ Насыровичъ, учитель (3 нояб. 1885 г.).
- 40 Пельцаиъ, Эчмануилъ Даниловичъ (10 нояб. 1878 г.).
- Пинегинъ, Михайль Николаевичъ, надзиратель татарской учительской школы (19 дек. 1891 г.).
- Покровскій, Иванъ Михайловичъ, доцентъ Духовной академіи (18 сент. 1898 г.).
- Пономаревъ, Петръ Алексѣевичъ, преподаватель Родіоновскаго института (членъ-основатель).
- Порфирьевъ, Сергѣй Ивановичъ, преподаватель Родіоновскаго института (26 нояб. 1898 г.).
- 45 Розенъ, баронъ, Фридрихъ Фридриховичъ, проф. унив. (членъ-основатель).
- Сиклеръ, Левъ Осиповичъ, преподаватель I гимназіи (15 декаб. 1893 г.).
- Смирновъ, Александръ Васильевичъ, протоіерей, проф. унив. (19 апр. 1898 г.).

- Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.).
 Смирновъ, Иванъ Николаевичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
 50 Соловьевъ, Александръ Титовичъ, казначей унив. (16 мая 1884 г.).
 Сорокинъ, Николай Васильевичъ, проф. унив. (членъ-основатель).
 Стратонитскій, Леонидъ Андреевичъ, преподаватель II гимназіи
 (19 февр. 1895 г.).
 Сухаревъ, Алексѣй Андреевичъ, земскій врачъ Каванскаго уѣзда
 (18 марта 1899 г.).
 Толмачевъ, Николай Александровичъ, проф. унив. (членъ-основатель).
 55 Траубенбергъ, Петръ Викторовичъ, преподаватель татарской
 учительской школы (27 февр. 1887 г.).
 Хрщоновичъ, Левъ Кавимировичъ, губервскій инженеръ (29 дек.
 1885 г.).
 Штукенбергъ, Александръ Антоновичъ, проф. унив. (членъ-основатель).
 Энгель, Эдуардъ Эдуардовичъ, каванскій купецъ (31 окт. 1894 г.).
 Жирсовъ, Николай Николаевичъ, проф. унив. (8 марта 1891 г.).

б) Иногородніе.

- 60 Алекторовъ, Александръ Ефимовичъ, инспекторъ школъ Тургайской
 области. **Курганъ**, Тургайской обл. (18 сент. 1898 г.).
 Аничковъ, Иванъ Васильевичъ, мировой судья (31 окт. 1894 г.).
Душнъ-ата Смиръ-дарьинской обл.
 Васильевъ, Александръ Васильевичъ, совѣтникъ Тургайскаго Областнаго
 Правленія (26 нояб. 1898 г.). **Оренбургъ**.
 Вахромѣевъ, Иванъ Александровичъ (14 февр. 1888 г.). **Ярославъ**.
 Владимировъ, Петръ Владимировичъ, проф. унив. (членъ-основатель). **Кіевъ**.
 65 Ворченко, Иванъ Ивановичъ, чиновникъ Эстляндской контрольной
 палаты (12 февр. 1894 г.). **Ревель**, Эстляндской губ.
 Измайловъ, Александръ Силевичъ, магистръ ветеринарн. наукъ
 (членъ-основатель). **С.-Петербургъ**.
 Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, проф. унив. (20 апр. 1895 г.).
Москва.
 Качановскій, Владиміръ Васильевичъ, проф. унив. (17 дек. 1886 г.).
Нѣжинъ, Черниговской губ.
 Кедровъ, Сергѣй Ивановичъ, преподаватель духовной семинаріи
 (13 нояб. 1892 г.). **Саратовъ**.
 70 Красовскій, Сергѣй Семеновичъ, преподаватель гимназіи (21 сент.
 1895 г.). **Саратовъ**.
 Кузнецовъ, Евгеній Васильевичъ, старшій чиновникъ особыхъ порученій при
 Тобольскомъ губернаторѣ и членъ-секретарь губ. статистическаго комитета (21 дек. 1892 г.). **Тобольскъ**.

- Кулагинъ, Александръ Корниловичъ, инспекторъ мужской гимна-
вiи (12 дек. 1891 г.). **Астрахань.**
- Латмшевъ, Василій Васильевичъ, академикъ (8 марта 1891 г.).
С.-Петербургъ.
- Лыкошинъ, Нилъ Сергѣевичъ, помощникъ начальника Чимкент-
скаго уѣзда. **Ташкентъ**, Сыръ-дарьинской обл. (18 сент. 1898 г.).
- 75 Магницкій, Василій Константиновичъ, отстав. ст. сов. (3 нояб.
1885 г.). **С. Шуматово**, ядринскаго у. Каванской губ.
- Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, академикъ (25 янв. 1879 г.).
С.-Петербургъ.
- Маллицкій, Николай Гурьевичъ, преподаватель учит. семинари
(25 апр. 1897 г.). **Ташкентъ**, Сыръ-дарьинской обл.
- Мошковъ, Валентинъ Александровичъ, полковникъ артиллеріи (22
дек. 1892 г.). **Варшава.**
- Никаноръ, епископъ Смоленскій и Дорогобужскій (13 апр. 1893 г.).
Орелъ.
- 80 Никаноръ, епископъ Якутскій и Вилюйскій (25 апрѣля 1897 г.).
Якутскъ.
- Овсяннико-Куликовскій, Димитрій Николаевичъ, проф. унив.
(14 февр. 1888 г.). **Харьковъ.**
- Пантусовъ, Николай Николаевичъ, старшій чиновникъ особымъ
порученій (3 мая 1886 г.). **Вирна**, Семарѣченской обл.
- Петровъ, Александръ Александровичъ, земскій начальникъ 3-го
участка Орскаго у. Оренбургской губ. (22 дек. 1889 г.) **С. Ново-
Покровское**, Орскаго у. Оренбургской губ.
- Радловъ, Василій Васильевичъ, академикъ (членъ-основатель). **С.-Пе-
тербургъ.**
- 85 Рамбо (Rambeau), Альфредъ, докторъ русской исторіи, проф.
слов. факул. въ Парижѣ (членъ-основатель). **Парижъ.**
- Симоновъ, Александръ Михайловичъ, председатель окружнаго су-
да (18 марта 1897 г.). **Астрахань.**
- Титовъ, Андрей Александровичъ, потомств. почетный гражданинъ
(27 февр. 1887 г.). **Ростовъ**, Ярославской губ.
- Трутовскій, Владимиръ Константиновичъ, членъ Москов. Археол.
Общества (17 дек. 1886 г.). **Москва.**
- Шнилевскій, Сергѣй Михайловичъ, директоръ Демидовскаго Ли-
цея (членъ-основатель). **Ярославъ.**
- Якоби, Аркадій Ивановичъ, проф. унив. (27 янв. 1898 г.). **Харьковъ.**

V. ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

а) Городскіе.

- 1 Аришинъ, Андрей Поликарповичъ, факторъ типографіи универси-
тета (16 апр. 1898 г.).

- Вагинъ, Петръ Константиновичъ, преподаватель III гимназіи (15 дек. 1879 г.).
- Геркенъ, Вѣра Александровна (18 апр. 1887 г.).
- Ивановъ, Александръ Павловичъ, преподаватель Ксеніинской гимназіи (25 дек. 1878 г.).
- 5 К а н о н и к о в ъ, Иннокентій Ивановичъ, проф. унив. (28 апр. 1881 г.).
- К о б а е в ъ-Е в с е в ѣ в ъ, Макаръ Евсевьевичъ, учитель инородческой учительской семинаріи (3 апр. 1889 г.).
- К у н г у р ц е в ъ, Ипполитъ Семеновичъ, преподаватель реального училища (31 янв. 1890 г.).
- Л ю с т р и ц к і й, Викторъ Θεодоровичъ, инспекторъ народн. училищъ (16 окт. 1882 г.).
- Н е л и д о в а, Раиса Александровна, преподавательница Маріинской гимназіи (16 марта 1890 г.).
- 10 Н и к и т с к і й, Александръ Васильевичъ, фотографъ (19 марта 1892 г.).
- П а ш к о в с к і й, Христофоръ Григорьевичъ, архитекторъ, преподаватель реального училища (22 нояб. 1880 г.).
- П і о т р о в с к і й, Александръ Іосифовичъ, художникъ (25 сентяб. 1894 г.).
- П о н о м а р е в ъ, Иванъ Михайловичъ, преподаватель юнкерскаго училища (5 окт. 1896 г.).
- Р я б и н с к і й, Константинъ Сергѣевичъ, инспекторъ городского училища (16 окт. 1882 г.).
- 15 С м и р н о в ъ, Сергѣй Михайловичъ, помощникъ бібліотекаря университетской бібліотеки (2 мая 1890 г.).
- С у р и н ъ, Θεодоръ Осиповичъ, полковникъ артиллеріи (18 декаб. 1880 г.).
- Щ е р б а к о в ъ, Арсеній Яковлевичъ, проф. унив. (28 апр. 1882 г.).
- Э р а х т и н ъ, Алексѣй Петровичъ, помощ. присяж. повѣреннаго въ Округѣ Каван. Суд. Палаты (29 дек. 1885 г.).
- Я к о в л е в ъ, Трофимъ Степановичъ, служ. Контрольной Палаты (19 марта 1885 г.).

б) Иногородніе.

- 20 А р х а н г е л ь с к і й, Николай Александровичъ, священникъ (8 сент. 1895 г.). **С. Вольшах Шатъла**, Ядринскаго у. Каванской губ.
- А х м а р о в ъ, Гайнудинъ, учитель татарскаго училища (19 сентяб. 1893 г.). **Тетъше**, Каванской губ.
- Б е т ь к о в с к і й, Василій Ефимовичъ, священникъ (1 янв. 1880 г.). **С. Жулж**, Лаишевскаго у. Каванской губ.
- В а к у л о в с к і й, Николай Николаевичъ, докторъ медицины (27 янв. 1882 г.). **С.-Петербургъ**.

- Веселицкій, Владимиръ Ивановичъ, священникъ (8 сент. 1889 г.).
О. Вогородское, Кулаевской вол. Казанской губ.
- 25 Вихманъ (Wichmann), Георгъ, доцентъ унив. (15 окт. 1891 г.).
Гельсингфорсъ.
- Гейкель (Heikel), Аксель Олай, докторъ философіи, интендентъ
археологической комиссіи (30 сент. 1884 г.). Гельсингфорсъ.
- Готвальдъ (Gottwaldt), Марія Александровна (15 нояб. 1895 г.).
Г. Кагнанаъ, Карсской обл.
- Дмитріевъ, Александръ Алексѣевичъ, инспекторъ народ. училищъ
(3 нояб. 1885 г.). Пермь.
- Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ (19 марта 1890 г.). Тамбовъ.
- 30 Иваницкій, Тарасій Александровичъ, священникъ (28 авг. 1894 г.).
О. Кажи, Закаральскаго округа.
- Ивановъ, Антоній, священникъ (8 мая 1897 г.). О. Девалезеркино,
Бугульминскаго у. Самарской губ.
- Ивановъ, Василій Сергѣевичъ, урядникъ 19-го участка Астрахан-
скаго уѣзда (12 янв. 1899 г.). О. Прониколова. Астраханскаго у.
- Ивочкиковъ, Михаилъ Ивановичъ (8 нояб. 1879 г.). Омбурокъ.
- Кузнецовъ, Степанъ Квровичъ, библиотечаръ университета (дѣйств.
чл. 25 окт. 1884 г., чл.-сотрудникомъ 14 янв. 1895 г.). Томскъ.
- 35 Лихачевъ, Николай Петровичъ, проф. археологическаго института
(22 апр. 1881 г.). О.-Петербургъ.
- Матвѣевъ, Степанъ Матвѣевичъ, священникъ (7 апр. 1896 г.). Бело
Джезло, Бакалинской вол. Белебейскаго у. Уфимской губ.
- Мелетій, епископъ рязанскій и зарайскій (20 іюля 1878 г.). Рязань.
- Остроумовъ, Николай Петровичъ, директоръ гимназіи (8 марта
1880 г.). Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.
- Пироговъ, Василій Геннадьевичъ, членъ рязанской архивной ком-
миссіи (19 марта 1892 г.). Кострома.
- 40 Потанинъ, Григорій Николаевичъ (17 дек. 1880 г.). О.-Петербургъ.
- Сафоновъ, Константинъ Трифоновичъ, фотографъ (2 мая 1890 г.).
Чистополя, Казанской губ.
- Спицынъ, Александръ Андреевичъ, членъ Имп. Археолог. Коммис-
сіи (4 нояб. 1881 г.). О.-Петербургъ.
- Толшинъ, Иванъ Филаретовичъ, фотографъ (5 марта 1896 г.). Усть-
Каменигородъ, Семипалатинской обл.
- Шляковъ, Иванъ Александровичъ, членъ комитета музея церковныхъ
древностей (19 марта 1892 г.). Ростовъ Великій, Ярославской губ.
- 45 Юркинъ, Иванъ Николаевичъ, активный надсмотрщикъ (15 нояб.
1895 г.). Омбурокъ.

Должностныя лица

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И

Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Николай Ѳеодоровичъ Катановъ (Поперечно-Горшечная улица, домъ Шимановской).

Товарищъ Предсѣдателя Иванъ Николаевичъ Смирновъ (Малая Каванская улица, собственный домъ).

Члены Совѣта: 1) Александръ Ивановичъ Александровъ, онъ же завѣдующій рукописнымъ отдѣломъ (Грузинская улица, домъ Александровой); 2) Александръ Семеновичъ Архангельскій (Красная улица, домъ Ермолаевой); 3) Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ (Европейскіе номера); 4) Петръ Алексѣевичъ Пономаревъ (Адмиралтейская слобода, улица Жуковка, собственный домъ) и 5) Александръ Антоновичъ Штукенбергъ, онъ же завѣдующій музеемъ Общества (Верхне-Ѳеодоровская улица, домъ Тверитиновой).

Секретарь, онъ же редакторъ «Извѣстій», Несторъ Мемноновичъ Петровскій (Грузинская улица, домъ Гс).

Кавначей Димитрій Васильевичъ Васильевъ (Попова гора, домъ № 32).

Библіотекаръ Сергѣй Ивановичъ Порфирьевъ (Большая Каванская улица, домъ Бергманъ).

Члены ревизіонной комиссіи: 1) Николай Александровичъ Толмачевъ (Грузинская улица, домъ Молоствова), 2) Петръ Викторовичъ Траубенбергъ (Посадская улица, домъ Романова) и 3) Эдуардъ Эдуардовичъ Энгель (Грузинская улица, домъ Александровой).

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XV.

ВЫПУСКИ 1—6.

1899.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.

1899.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *В. Борисовъ.*

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ ХУ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

XV тома „Извѣстій“.

Статьи и изслѣдованія.

	Стран.
Бытъ валмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. <i>Я. П. Дубровы.</i>	1—239.
Погребальные и поминальные обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи. <i>С. М. Матѣева.</i>	241—272.
Историческія пѣсни казанскихъ татаръ. <i>Н. О. Катанова.</i>	273—306.
Ө. И. Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и ученыхъ трудахъ. <i>А. С. Архангельскаго.</i>	361—435.

Матеріалы историческіе.

Городъ Лаишевъ въ XVI—XVII вв. <i>В. Л. Борисова.</i>	344—349.
Тяжба города Царевкокшайска съ окольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли. <i>Его же.</i>	350—355.
Семейное письмо первой половины XVIII в. Доставлено <i>И. Н. Юркинымъ.</i>	356.

Матеріалы этнографическіе.

	Стран.
Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Баксы, какъ лекарь и волдунъ. <i>А. А. Диваева</i>	307—341.
Дополненіе редакціи въ этой статьѣ.	341—344.

Х р о н и к а.

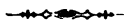
Протоколы Общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи за 1895—1897 г.	436—485.
---	----------

Библиографія.

Отзывъ о книгѣ А. Н. Минха „Историко-географическій словарь Саратовской губернии. Томъ I. Вып. I.“ <i>С. К.</i>	357—360.
---	----------

П р и л о ж е н і я.

Отчетъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи за 1898 годъ и списокъ членовъ Общества. <i>Н. М. Петровскаго</i> (при 4-мъ выпускѣ).	1—24.
Очерки юридическаго быта якутовъ. <i>Д. А. Кочнева</i>	1—177.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XV, вып. 5—6.

ОЧЕРКИ
ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА ЯКУТОВЪ.

Д. А. Кочнева.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.

1899.

Вышелъ 10 октября.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *В. Борисовъ*.

Д. Кочневъ.

ОЧЕРКИ
ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА ЯКУТОВЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и Этно-
графіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь *Н. Петровскій.*

Введение.

Литература объ якутахъ довольно велика, но я не могъ воспользоваться ею вполне, такъ какъ въ тѣхъ библіотекахъ, въ которыхъ я имѣлъ возможность заниматься, не было очень многихъ весьма нужныхъ книгъ. Такъ, въ библіотекахъ—главной, студенческой и юридическаго факультета Казанскаго Университета и Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи нѣтъ многихъ томовъ Извѣстій Восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, гдѣ помѣщались статьи объ якутахъ и ихъ юридическомъ бытѣ; тамъ нѣтъ даже многихъ томовъ историческихъ актовъ, относящихся къ XVII в.; объ отсутствіи мелкихъ статей, замѣтокъ и памятныхъ книжекъ Якутской области я уже и не упоминаю. Но и тѣ статьи объ якутахъ, которыми я пользовался, въ большинствѣ случаевъ представляютъ матеріалъ не высокаго качества. Громадное ихъ большинство даетъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Такъ Фердинандъ Фонъ Врангель рассказываетъ, что въ самыя далекія зимнія поѣздки оны (якуты) не берутъ съ собой ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Разостланная на снѣгу попона служитъ якуту постелью, деревянное сѣдло—полушкой. Кафтаномъ который служилъ ему платьемъ и который снимается на ночь, онъ покрываетъ себѣ спину и плечи, а переднюю часть тѣла, почти раскрытой, оборачивается къ огню. Въ то время, когда потѣетъ одна часть тѣла, другая покрывается ивеемъ. Это рѣшительно не имѣетъ мѣста, по крайней мѣрѣ, въ настоя-

щее время. Якуты, отправляясь въ дальній путь, всегда берутъ съ собой для постели кожу сѣвернаго оленя, густая шерсть которой предохраняетъ отъ вліянія холода, одѣяло бываетъ всегда мѣховое—заячье съ заворотомъ въ видѣ мѣшка для ногъ.

Князь Костровъ рассказываетъ, „что новорожденныхъ дѣтей у нихъ (якутовъ) натираютъ по нѣсколько разъ въ сутки снѣгомъ или обливаютъ холодной водой“ ¹⁾. И этого не бываетъ. Г. М. В—чъ, авторъ статьи „Якутскіе юридическіе обычаи“, рассказываетъ, что у якутовъ въ настоящее время существуетъ гостепріимная проституція, рабство и т. д. И это невѣрно. Наконецъ, докторъ А. К. Бѣлиловскій, со словъ Гмелина, рассказываетъ, что „у якутовъ существовалъ отвратительный обычай тотчасъ послѣ родовъ сварить послѣдъ и съѣсть въ кругу друзей“ ²⁾. Здѣсь я могу только поставить рядъ???!!! Ничего подобнаго. Я затрудняюсь даже, какъ и объяснить подобные вымыслы. Замѣчу только, что многіе курьезы получаютъ вслѣдствіе незнанія языка. Такъ, даже такой добросовѣстный изслѣдователь края, какъ г. Сѣрошевскій попалъ въ одномъ мѣстѣ впросакъ. Рассказывая о томъ, что въ старину олады назывались: соболинный, лисій и бѣтѣгѣ, онъ недоумѣваетъ, что это за звѣрь бѣтѣгѣ ³⁾. На самомъ же дѣлѣ бѣтѣгѣ—желудокъ. Подобные неправильныя свѣдѣнія не имѣли бы особеннаго значенія, если бы ими не пользовались послѣдующіе авторы. Они безъ всякаго разбора повторяютъ всякую небылицу и такимъ образомъ утверждаютъ въ умахъ ученыхъ и публики невѣрныя свѣдѣнія объ якутахъ. Компіляція—больное мѣсто въ литературѣ объ якутахъ. Каждый пріѣзжій въ Якутскую область считаетъ своимъ долгомъ написать что-нибудь объ якутахъ и, не зная ни жизни, ни

¹⁾ Записки Императорскаго географ. общ. по отд. этнографіи VIII т. 1878 г., 270 стр.

²⁾ Живая Старина 1894 г. вв. III и IV, 389 стр.

³⁾ Якуты 501.

языка якутовъ, пользуется предыдущими сочиненіями и повторяетъ все, что было написано раньше да еще и самъ прибавить что нибудь пикантное, не понявъ смысла наблюдаемаго явления. Вѣроятно, не менѣе половины литературы объ якутахъ компилятивнаго характера. Въ виду всего этого слѣдовало бы подвергнуть критической оцѣнкѣ всю литературу объ якутахъ. Но оставляя эту задачу до будущаго времени, я въ настоящемъ случаѣ ограничиваюсь только критикой нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сочиненій и статей юридическаго характера и двухъ—этнографическаго. Эти сочиненія, за исключеніемъ Сборника Самоквасова, какъ произведенія позднѣйшія (1876—1896 гг.), основаны на литературѣ всего предшествующаго времени. Такимъ образомъ критическая оцѣнка этихъ немногихъ сочиненій, составляющихъ какъ-бы звенья эссенцію всей предыдущей литературы объ якутахъ, можетъ хотя отчасти замѣнить подробный обзоръ.

Д. Я. Самоквасовъ. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Обычай якутовъ. 1876 г.

Въ предисловіи къ этому изданію, между прочимъ, сказано: „эти рукописи представляютъ собой сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, составленный въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, по распоряженію нашего правительства, подъ надзоромъ генераль-губернатора сибиря и специальной комиссіи, самими инородцами, на собственныхъ ихъ языкахъ; свои показанія инородцы обязаны были утверждать собственноручными подписями или приложеніемъ печатей и фамиліальныхъ знаковъ“ ¹⁾. Такое заявленіе даетъ право думать, что все здѣсь собранное есть дѣйствительное якутское обычное право, что здѣсь ошибки не могло быть. Не станутъ же якуты давать ложныя показанія, тѣмъ болѣе вѣроятно, имъ было объяснено, что все то, что они скажутъ, можетъ въ послѣдствіи

¹⁾ Сборникъ Самоквасова (IX—X).

быть дѣйствующимъ правомъ среди нихъ же, по утвержденіи правительствомъ. Вѣроятно, на самомъ дѣлѣ такъ и было. Но здѣсь меня вѣсколько смущаетъ одно обстоятельство, именно частое упоминаніе сѣченія розгами, какъ наказаніе. Достоверно извѣстно, что у якутовъ теперь сѣченія розгами, какъ наказанія, вовсе нѣтъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, прежде такого рода наказаніе было; это между прочимъ подтверждается словомъ тасыр, которое означаетъ сѣченіе. Какъ-же объяснить фактъ его исчезновенія? Неужели якуты такъ быстро развиваются, что въ какіе нибудь 75 лѣтъ отрѣшились отъ употребленія тѣлесныхъ наказаній? Или въ этотъ сборникъ сѣченіе розгами попало какъ историческое наказаніе, употреблявшееся раньше? Последнее предположеніе отчасти оправдывается тѣмъ, что рядомъ съ розгами упоминается деревянная колодка, въ которую сажали преступниковъ. Какъ извѣстно, такого рода наказаніе существовало у якутовъ прежде, но его теперь также нѣтъ. Вообще же этотъ сборникъ представляетъ изъ себя очень интересный матеріалъ для изученія обычнаго права якутовъ.

Князь Костровъ. Очерки юридическаго быта якутовъ. Записки Императорскаго Географическаго общества. По отдѣленію этнографіи 1878 г. Т. VIII, отд. 2, 259—299.

Очерки дѣлятся на 4 главы. Первая глава даетъ общія свѣдѣнія объ якутахъ. Якуты—пришельцы съ верховьевъ Енисея, Минусинскаго округа, изъ татарскаго рода Саха (261). Они живутъ разбросанно (264). Ихъ пища, питье, платье своеобразны. Они занимаются скотоводствомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ (269). Страшно терпѣливы къ холоду (270) Якуты, хотя крещены, но придерживаются шаманизма, поклоняются „хозяевамъ“ различныхъ явленій природы (276). Боги бываютъ добрые и злые (272). Каждый родъ имѣетъ своего бога покровителя (273). Весной устраиваютъ праздникъ ысмахъ. Якуты хитры, мстительны, вороваты (276—7).

Вторая глава трактуетъ о слѣдующихъ явленіяхъ юридическаго быта: бракъ, семья, положеніе малолѣтнихъ сиротъ,

право собственности, права по наследству, договоры и сделки, помочи, артели и товарищества. Якуты женятся очень рано, 10—11 лѣтъ; для вступленія въ бракъ требуется согласіе родителей. Мужъ полный господинъ имущества своей жены (278—284). Надъ сиротами устраивается опека сородичей (284). Собственность приобрѣтается 1) расчисткой пустопорожныхъ земель подъ хлѣбопашество, 2) завладѣніемъ, 3) наследствомъ, дареніемъ и 5) разнаго рода договорами и сделками. Дареніе должно быть отдариваемо (285). Договоры словесные и при свидѣтеляхъ (286—7).

Третья глава трактуетъ о преступности якутовъ, о различныхъ видахъ преступленія. Самоубійство. Дѣтубійство и изгнаніе плода не извѣстны якутамъ. Оскорбленіе чести. На оскорбленіе чести дѣвушки смотрятъ снисходительно (288—9). За воровство платятъ штрафъ и наказываютъ розгой (290—9). Нищихъ нѣтъ.

Четвертая глава трактуетъ объ общественномъ устройствѣ, сходкѣ, судѣ и наказаніи. Общественное самоуправленіе, данное имъ русскими. Сами якуты дѣлились на роды, русскіе раздѣлили ихъ на улусы и наслеги (296). Всѣ дѣла за исключеніемъ уголовныхъ, рѣшаются на сходкахъ (297). Наказаніями служатъ. 1) арестъ, 2) денежный штрафъ и 3) наказаніе розгами (298).

Изъ числа всѣхъ изслѣдованій объ юридическомъ бытѣ якутовъ очерки князя Кострова представляютъ изъ себя въ общемъ довольно хорошую сводку всего накопленнаго до этого времени матеріала. Но эти очерки можно назвать только простой сводкой, въ нихъ не замѣчается критическаго отношенія къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ. Только этимъ и можно объяснить многія несообразности, попавшія въ эти очерки. Такъ, въ числѣ ихъ, можно указать напр. на буквальное заимствованіе у Врангеля свѣдѣній о зимнихъ путешествіяхъ якутовъ. Неудачными и неправильными нужно считать между прочимъ и слѣдующія мѣста. Въ первой главѣ разбросанность якутскихъ юртъ кн. Костровъ объясняетъ склонностью якутовъ

въ уединенію и отчужденію (265). Это неправильно. Якуты живутъ разбросанно въ силу географическихъ и экономическихъ условій. Скотоводство, связанное съ разбросанными другъ отъ друга на дальнее разстояніе лугами, вынуждаетъ якутовъ жить разбросанно. Г. Сѣрошевскій совершенно правъ, утверждая, что якуты—народъ общественный. Въ этой же главѣ сообщается, будто якуты своихъ дѣтей зимой купаютъ въ холодной водѣ или натираютъ снѣгомъ (270). Какъ я выше уже указывалъ, этого вовсе нѣтъ. Во второй главѣ кн. Костровъ впадаетъ въ слѣдующія ошибки. Во 1-хъ, онъ утверждаетъ, что имущество жены вступаетъ въ полное распоряженіе мужа, что имущество ея, послѣ ея смерти, остается у мужа, хотя бы послѣ нея не осталось дѣтей (283—4). Это неправильно. Мужъ распоряжается имуществомъ жены, съ ея согласія, а послѣ ея смерти, если не осталось дѣтей, имущество цѣликомъ возвращается ея отцу или роду. Во 2-хъ, онъ утверждаетъ, что при договорахъ существуетъ задатокъ, что надѣлъ одного человѣка даетъ доходу 100 р. (286). Задатка при договорахъ никогда не бываетъ. Покосъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ дать не больше 50 р. Въ третьей главѣ кн. Костровъ не правъ, утверждая, что у якутовъ есть наказаніе розгами, такъ какъ такого наказанія теперь вовсе у якутовъ не существуетъ. Въ четвертой главѣ онъ неправильно утверждаетъ, что русскіе обычаи не имѣютъ никакого вліянія на бытъ якутовъ (298). Это несправедливо. Подъ вліяніемъ русскихъ полигамный бракъ превратился въ моногамный, появилось понятіе о залогѣ, о процентѣ и т. д. Всѣ подобныя ошибки можно объяснить незнаніемъ языка, обычаевъ якутовъ. Если не ошибаюсь, кн. Костровъ составлялъ свои очерки только по литературнымъ даннымъ, не будучи самъ знакомъ съ Якутской областью. Я по крайней мѣрѣ нигдѣ не нашелъ указанія, чтобы онъ былъ въ Якутской области. Въ примѣчаніи къ очеркамъ указывается только, что онъ былъ въ сибирѣ. Не смотря, однако, на указанные недостатки, очерки кн. Кострова заслуживаютъ полнаго вниманія,

какъ первая попытка къ обработкѣ матеріаловъ для характеристики юридическаго быта якутовъ.

М. В—чь. Юридическіе обычаи якутовъ. Отдѣльный оттискъ изъ Журнала гражданскаго и уголовнаго права 1891 г. кн. III.

Эта отдѣльная брошюра состоитъ изъ 6 главъ. Въ первой главѣ проводится общій взглядъ на изслѣдованіе юридическихъ обычаевъ первобытныхъ народовъ, на основаніи взглядовъ Мэна, М. Ковалевскаго и Зибера и маленький очеркъ эволюціи семьи и собственности. II глава трактуетъ о до родовомъ бытѣ или полномъ общинномъ коммунизмѣ у якутовъ. Доказательствами этому служатъ: свобода половыхъ сношеній, гостепріимная проституція, широкое гостепріимство, артели, присутствіе на свадьбѣ всего десятка (?) III глава трактуетъ о родовомъ и общественномъ бытѣ якутовъ. Они живутъ родами разбросанно; причина разбросанности въ характерѣ якутовъ. Изъ родовъ или семействъ составляется наслегъ, который въ свою очередь составляетъ часть болѣе крупной единицы—улуса. Во главѣ улуса стоитъ голова или князь, которые прежде были владѣтельными особами. Наслеги управляются старостами или старшинами (25). Все общество дѣлится на три сословія: дворяне, средній классъ и рабы (26—30). IV глава говоритъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ якутовъ. Они—деисты (35). Праздникъ въ честь боговъ ысыахъ (32—4). Праздникъ въ честь рожденія дитяти, посвященный богинѣ родовъ и плодородія—Айысыт (34—5). Якуты вѣрятъ въ безсмертіе; они суевѣрны (38—9). Они христіане, но смѣшиваютъ святыхъ съ богами (37). V глава трактуетъ о семейномъ и наследственномъ правѣ. Якуты вступаютъ въ бракъ въ малолѣтствѣ. При бракѣ требуется калымъ отъ 1000 до 100 р. Если бракъ не состоится по винѣ невѣсты, то она должна платить штрафъ вдвое сравнительно съ издержками; если по винѣ жениха, то калымъ и всѣ затраты остаются въ ея пользу (43). Жена водворяется въ домѣ мужа только тогда, когда уплаченъ весь калымъ (45). Женившійся сынъ получаетъ

раздѣлъ и живетъ отдѣльно (47). Всѣмъ въ домѣ распоряжается отецъ или мужъ, но обращеніе съ женщинами мягкое (48—9). При раздѣлѣ наслѣдства господствуетъ не принципъ кровнаго родства, а трудовое начало (52). Долги платятъ наслѣдники (53) VI глава трактуетъ объ учрежденіяхъ альтруистическаго свойства. Усыновленіе и принятіе зятя въ домъ (55—61). Помощь обѣднѣвшимъ (61—2). Побратимство и посестріе (62—4) Помочь (67). Выселеніе изъ рода за худое поведеніе; оно практикуется очень рѣдко.

Какъ видно изъ словъ автора (15 стр.), онъ былъ въ Якутской области и самъ наблюдалъ явленія якутской жизни. Въ такомъ случаѣ мы вправѣ предъявить къ нему болѣе строгія требованія, чѣмъ къ другимъ авторамъ, не знакомымъ съ жизнью якутовъ. У него встрѣчаются весьма и весьма грубыя ошибки. Такъ онъ во второй главѣ заявляетъ, что въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ существуетъ обычай, въ силу котораго гостю на ночь предлагается жена, сестра, дочь или красивая родственница. при этомъ, въ доказательство своего сообщенія онъ ссылается на всеподданнѣйшій отчетъ Якутскаго губернатора за 1887 г. Какъ М. В—чъ, такъ и якутскій губернаторъ, если авторъ самъ не перепуталъ, оба ошибаются. У якутовъ такой обычай дѣйствительно былъ въ старину, но его теперь уже нѣтъ нигдѣ, даже въ Колымскомъ и Верхоянскомъ округахъ. Очевидно, принять существующій у чукчей обычай за якутскій. Дѣло въ томъ, что чукчи живутъ рядомъ съ якутами и часто бываютъ въ Колымскѣ; вотъ у нихъ-то и наблюдается обычай гостепріимной проституціи.

Въ III главѣ нашъ авторъ вслѣдъ за кн. Костровымъ разбросанность населенія объясняетъ характеромъ якутовъ, именно ихъ стремленіемъ къ изолированности. Онъ здѣсь увлекается до того, что говоритъ, что на 30—40 верстовомъ пространствѣ, на которомъ здѣсь нельзя встрѣтить ничего, кромѣ безконечнаго лѣса, единой души, въ центральныхъ губерніяхъ Россіи навѣрное явилось бы нѣсколько сель (21). Объясненіе, не знаю, чѣмъ иродиктованное, незнаніемъ ли мѣстныхъ усло-

вій, или незнаніємъ самыхъ элементарныхъ понятій о культурѣ и политической экономіи. Возможно ли густое населеніе тамъ, гдѣ люди едва-едва добываютъ себѣ пропитаніе, гдѣ почва, покрытая густымъ лѣсомъ, не оттаиваетъ, какъ слѣдуетъ, даже лѣтомъ? Кромѣ того, для скотоводства требуется просторъ. Хлѣбопашество-же въ Якутской области не вездѣ возможно; гдѣ оно возможно, тамъ и населеніе сравнительно гуще. Если бы можно было селиться и жить, хотя бы въ условіяхъ російской жизни, то вѣроятно, нашлись бы насельники, но этихъ-то условій и нѣтъ. Якутская область страна холода. Въ этой же главѣ авторъ перепуталъ родъ съ союзами родовъ, роды назвалъ фон'ами. Начальника улуса назвалъ головой или княземъ и пропзвелъ ихъ въ владѣтельные особы. Во главѣ улуса стоитъ голова, а не князь, князь стоитъ во главѣ наслега. Ни головы, ни князья никогда не были коронованными особами. Подобное утвержденіе не подтверждается ни сказками, ни преданіями. Вѣроятно, авторъ произвелъ это изъ собственной фантазіи. По словамъ автора, якуты дѣлятся на три сословія—дворянское, средній классъ и рабы. Этого вовсе нѣтъ, какъ видно будетъ изъ нашихъ „Очерковъ“.

Въ дальнейшемъ изложеніи встрѣчаются ошибки, указывающія, что авторъ вовсе незнакомъ съ якутскимъ языкомъ. Такъ у него Айысыт превращается въ айсат, аттанар вѣннѣ—въ аттанар кэнэ, абасы (чертъ)—въ абага; между тѣмъ абага означаетъ дялю; ү іччитѣ (духъ воды)—въ уничтожѣ; тыа іччитѣ (лѣсной духъ)—въ тэичитѣ и т. д. (36). Здѣсь я не привожу всѣхъ ошибокъ, допущенныхъ авторомъ, это слишкомъ неблагоприятный трудъ. Я привелъ только самые крупные промахи, могущіе ввести въ заблужденіе незнакомаго читателя. Кромѣ всего этого, удивляетъ и отсутствіе указанія на литературу предмета. Неужели авторъ не пользовался ниодной книгой, трактующей объ якутахъ?

Такимъ образомъ, это сочиненіе обладаетъ многими крупными недостатками, но за всѣмъ тѣмъ оно можетъ быть прочитано не безъ пользы. Довольно хорошо и вѣрно описаны

· семейныя отношенія, брачное и наслѣдственное право якутовъ. Во всякомъ случаѣ, при пользованіи этимъ сочиненіемъ нужно соблюдать крайнюю осторожность, иначе можно попасть въ про- сакъ. Появленіе этого сочиненія на страницахъ такого почтен- наго журнала, какъ Ж. Гр. и. Уг. права, указываетъ на ин- тересъ къ обычному праву, и въ частности—на интересъ къ юридическимъ воззрѣніямъ якутовъ.

Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ. Памятная книжка Якутской области за 1896 г. (1—48). Критика на него въ „Извѣстіяхъ Восточ. Сибир. Отд Импер. Рус. Географ. Общ. за 1896 г. XXVII, №№ 4—5, въ статьѣ В. С. Е. „Якутскій родъ“.

Статья „Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ“ дѣлится на двѣ части. Первая часть трактуетъ о семейномъ и общественномъ строѣ якутовъ до прихода русскихъ, вто- рая часть—объ общественномъ устройствѣ якутовъ подъ влія- ніемъ русской власти. Въ первой части авторъ главнымъ об- разомъ описываетъ семью и родъ. Семья состоитъ изъ лицъ, связанныхъ между собой кровнымъ родствомъ и лицъ совер- шенно постороннихъ. Во главѣ семьи стоитъ ага—старшій, отецъ. Его власть надъ членами семьи неограниченная, онъ можетъ предать ихъ смерти (4—9). Отношеніе родителей къ дѣтямъ мягкое (9—10). Бракъ заключается по волѣ родителей (12— 14). Существуетъ обычай принимать зятьевъ въ свой домъ (15—6). Въ семьѣ были безправные рабы (16—7). Нѣсколько семей, находящихся подъ главенствомъ одного старшаго, сос- тавляли родъ (ага ұса) (18). Во главѣ рода стоялъ тойонъ, неограниченный властелинъ надъ своими подчиненными; онъ можетъ любого изъ нихъ предать смерти (19—22). Междуо- родовыя сношенія носили враждебный характеръ, тойонъ вѣли между собой непрерывныя войны (23). Въ результатъ ча- стыхъ войнъ между родами, появилось подчиненіе слабыхъ силь- нымъ, сгруппированіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одно цѣлое, подъ властью какого либо одного сильнѣйшаго тойонъа. Ко вре- мени появления русскихъ было два сильнѣйшихъ тойона, стоя-

щихъ во главѣ крупныхъ союзовъ, Тыгынъ и Лѣгѣй (25—7). Во второй части авторъ говоритъ о самоуправленіи якутовъ, устроенномъ подъ вліяніемъ русскихъ властей. До Екатерины II правительство предоставляло якутамъ полную свободу въ своихъ дѣлахъ; они должны были только доставлять ясажъ (28—33). Въ 1864 г. учреждена общесибирская Ясачная коммиссія лейбъ-гвардіи маіора Щербачова, вѣтвью которой была якутская Ясачная коммиссія Черкашенникова. Послѣдняя положила первую основу нынѣшнему самоуправленію, подраздѣливъ якутовъ на улусы и наслеги; она устроила ясачныя дѣла, поручивъ сборъ ясака якутскимъ родоначальникамъ. Воспользовавшись такими преимуществами, якуты вздумали устроить такое самоуправленіе подъ властью выборнаго лица, которое находилось бы въ зависимости только отъ генераль-губернатора. Ходатайствовали объ этомъ Аржаковъ и Сырановъ. Затѣя ихъ не удалась. Впослѣдствіи на время изъ пяти подгородныхъ улусовъ была создана степная Дума, которая существовала 13 лѣтъ съ 1825—1838 г. (34—46). Въ 1822 г. при генераль-губернаторствѣ Сперанскаго было издано Положеніе объ инородцахъ, которое продолжаетъ дѣйствовать и понынѣ почти безъ всякихъ измѣненій (46—8). На эту статью, главнымъ образомъ на первую ея часть, возражаетъ г. В. С. Е. въ статьѣ „Якутскій родъ“. Онъ возражаетъ почти на каждое положеніе.

Изъ этихъ возраженій я укажу только наиболѣе существенныя. Такъ, по вопросу о правѣ отца на жизнь и смерть своихъ дѣтей, г. В. С. Е. весьма удачно возражаетъ, указавъ что изъ якутскихъ сказокъ этого вовсе невидно. (Изв. В. С. о И. Г. Общ. 1896 г. XXVI №№ 4—5, 209 стр.). Весьма удачно возражаетъ онъ и противъ утвержденія, что будто-бы якуты строго относятся къ цѣломудрію, доказавъ какъ разъ обратное весьма вѣскими данными. Онъ выяснилъ, что якутамъ свойственна половая распущенность, что у нихъ былъ матриархатъ (213—222). Далѣе онъ опровергаетъ утвержденіе, что судъ и расправу творилъ будто-бы одинъ тойонъ, и доказываетъ, что якуты рѣшали споръ судомъ посредниковъ. Вообще эта

критическая статья написана съ знаніемъ дѣла; она не только критикуеть, но даетъ научныя объясненія многимъ явленіямъ юридическаго быта якутовъ. Авторъ же статьи „Якутскій родъ до и послѣ прихода рус“. представилъ якутскую жизнь, какъ будто она никогда не подвергалась измѣненіямъ, какъ была такъ и осталась. Кромѣ того онъ нигдѣ не даетъ научнаго объясненія описываемымъ явленіямъ. Вторая часть его статьи представляетъ большій интересъ, чѣмъ первая, потому что здѣсь довольно подробно описана исторія якутскаго самоуправленія.

Теперь считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно двухъ сочиненій этнографическаго характера, имѣнно о сочиненіи г. Приклонскаго „Три года въ Якутской области“ и сочиненіи г. В. Сѣрошевскаго „Якуты“.

В. Л. Приклонскій. Три года въ Якутской области. Живая Старина 1890 г. I и II, 1891 г. III и IV.

Г. Приклонскій живо описываетъ географію страны, природу, климатъ, условія жизни; пищу, питье и платье якутовъ; праздники; общественныя отношенія; брачное, семейное и на-стѣдственное право, и, наконецъ, религіозныя вѣрованія. Въ общемъ его описанія вѣрны; видно, что онъ многое самъ видѣлъ, самъ наблюдалъ. Но тѣмъ не менѣе, недолгое пребываніе его въ Якутской области, плохое знаніе якутскаго языка неблагопріятно отозвались на его работѣ. Укажу на нѣкоторые изъ его промаховъ. Такъ онъ совершенно неправильно утверждаетъ, что октябрь будто самый дождеобильный мѣсяць (Ж. С. 90 г. I, 76). Какъ извѣстно, въ Якутской области октябрь уже начало зимы, когда совсѣмъ не бываетъ дождя. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что въ октябрѣ осадковъ много? Но тогда нужно бы выразиться яснѣе. Г. Приклонскій, рассказывая о веснѣ, утверждаетъ, что бываютъ дни, когда солнце не закатывается, останавливаясь на горизонтѣ (Ж. С. 90 г. II, 26). Изъ хода его разсказа приходится заключить, что это явленіе онъ относитъ къ всей Якутской области. Но это невѣрно. Какъ извѣстно всѣмъ, хоть сколько нибудь знакомымъ съ географіей, солнце не закатывается только за полярнымъ кругомъ;

Якутская же область только сѣвѣрною своею частью лежить за полярнымъ кругомъ, слѣдовательно солнце не закатывается въ извѣстные дни только на сѣверѣ, именно въ округахъ—Верхоянскомъ и Калымскомъ и на устьѣ р. Лены; въ остальныхъ же округахъ, лежащихъ южнѣе полярнаго круга—Олекминскомъ, Якутскомъ и Вилюйскомъ, солнце закатывается и восходитъ, какъ и вездѣ. Далѣе, г. Приклонскій, рассказывая о жизни якутовъ, говоритъ, что „бѣдные подбираютъ кости, обглоданныя собаками“ (Ж. С. 90 г. II, 42). Это совершенно неправильно. Невѣроятно, чтобы якутъ, считающій собаку нечистымъ животнымъ, глодалъ тѣ кости, которыя глодала собака. Якутъ не то, что глодать обглоданныя собакой кости, не позволить даже себя назвать собакой или обратиться къ нему, какъ къ собакѣ. Для якута нѣтъ хуже оскорбленія, какъ сказать ему „пшелъ“, т. е. сказать то, что обыкновенно говорятъ собакѣ. Я бы могъ указать еще много ошибокъ, допущенныхъ г. Приклонскимъ, но достаточно и приведенныхъ. Я хотѣлъ указать, что при пользованіи трудомъ г. Приклонскаго нужно быть очень осторожнымъ. Кстати, замѣчу здѣсь, что якутскій текстъ, приводимый въ его очеркахъ, не заслуживаетъ никакого вниманія, потому что онъ страшно искаженъ, такъ что даже человекъ, хорошо знающій якутскій языкъ, съ трудомъ можетъ добраться до смысла. Въ общемъ, очерки г. Приклонскаго прочтутся лицами, интересующимися Якутской областью, не безъ пользы.

В. Л. Сѣрошевскій. Якуты. СПб. 1896 г.

Я не могу подвергнуть критическому разбору это капитальнѣйшее произведеніе объ якутахъ, потому что для этого потребовалось бы очень много времени и мѣста. Я долженъ только сказать, что это сочиненіе—самое лучшее изслѣдованіе объ якутахъ, какое только мнѣ приходилось читать. Здѣсь собранъ громаднѣйшій матеріалъ, насколько возможно научно обработанъ, дано научное объясненіе весьма многимъ явленіямъ якутской жизни. Въ этой работѣ сведена вся предшествующая литература объ якутахъ; при этомъ сводка сдѣлана не

механически, а съ знаніемъ дѣла, знаніемъ быта якутовъ. Многія явленія якутской жизни впервые въ этой работѣ получили научное объясненіе, такъ родовой бытъ впервые здѣсь получилъ историческое освѣщеніе. Нѣкоторые отдѣлы его сочиненія имѣли для меня прямо руководящее значеніе, таковы родовой и семейный бытъ. Русская наука, всѣ интересующіеся якутами и сами якуты должны быть благодарны ему за его капитальный трудъ, равнаго которому по данному вопросу нѣтъ въ литературѣ. Для всякаго, желающаго знакомиться съ Якутской областью, это сочиненіе должно быть настольной книгой. Что въ этомъ сочиненіи слабо представлено, такъ это отдѣлы о преступленіи и преступности, наказаніи, судѣ и судеустройствѣ. Я не могу согласиться съ нѣкоторыми положеніями и выводами, но отъ этого значеніе сочиненія нисколько не умаляется. Свои разногласія съ нимъ я указываю въ самомъ изложеніи.

Кромѣ перечисленныхъ выше книгъ, я пользовался главнымъ образомъ „Верхоянскимъ Сборникомъ“ Худякова и сказками, собранными г. Приклонскимъ и помѣщенными въ Живой Старинѣ за 1890 и 1891 гг.. Какъ въ Сборникѣ г. Худякова, такъ и въ сказкахъ, собранныхъ г. Приклонскимъ, содержатся богатѣйшій матеріалъ изъ прошлой жизни якутовъ. Многіе мои выводы сдѣланы на матеріалахъ, добытыхъ изъ сказокъ Сборника Худякова и г. Приклонскаго. Я здѣсь не могу не выразить сожаленія, что не всѣ якутскія сказки собраны и отпечатаны. Во многихъ случаяхъ на сказки я смотрѣлъ какъ на первоисточникъ, который можетъ меня привести къ правильнымъ выводамъ и который можетъ мнѣ служить средствомъ провѣрки сообщеній другихъ авторовъ. Словомъ, я многимъ обязанъ этимъ сказкамъ.

Здѣсь я не перечисляю всѣхъ статей, какія мнѣ пришлось читать. Многія изъ нихъ не заслуживаютъ и вниманія, такъ какъ не сообщаютъ ничего новаго или просто компилируютъ. Нѣкоторыя же статьи я цитирую при изложеніи.

Весьма сожалѣю, что въ Казани я не могъ достать нѣсколькихъ статей о юридическомъ бытѣ якутовъ; таковы: „Объ имущественномъ правѣ якутовъ“ Павлинова, „Брачное право якутовъ“ его же и нѣсколько статей г. Виташевского, помѣщенныхъ въ Изв. В. С. О. И. Г. О.

Отсутствіе данныхъ, или пробѣлы въ нихъ, а равно и ошибки въ источникахъ по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣ пришлось дополнять личными свѣдѣніями о бытѣ и условіяхъ жизни якутовъ. Эти свѣдѣнія я имѣлъ возможность приобрести, какъ уроженецъ Якутской области, для котораго якутскій языкъ является такимъ же роднымъ, какъ и русскій. Эти же знанія условій жизни и языка служили мнѣ средствомъ и для критическаго отношенія къ сообщаемымъ другими авторами свѣдѣніямъ.

Теоретическія свѣдѣнія объ устройствѣ и развитіи первобытнаго общества, которыя служили мнѣ путеводной нитью при изложеніи юридическаго быта якутовъ, я почерпнулъ изъ сочиненій М. Ковалевскаго, Энгельса, отчасти Зибера и Дж. Леббока.

Отсутствіе въ Казани многихъ матеріаловъ по взятому вопросу и краткій срокъ для написанія ¹⁾ (нужно было ознакомиться съ общей и спеціальной литературой и написать его въ 6 мѣсяцевъ) да послужать автору настоящихъ „Очерковъ“ извиненіемъ многихъ недостатковъ, въ его первой научной попыткѣ.

Приношу свою искреннюю благодарность профессорамъ Казанскаго Университета Г. Θ. Дормидонтову и Н. Θ. Катанову, помогавшимъ мнѣ своими совѣтами и указаніями и любезно предоставившимъ мнѣ пользоваться книгами изъ своихъ библіотекъ.

¹⁾ Эта статья представляетъ изъ себя сочиненіе, представленное для зачета VI семестра на юридическомъ факультетѣ.

Географическій очеркъ якутской области.

Страна, занимаемая якутами, тянется съ востока на западъ на 80 градусовъ, а съ сѣвера на югъ въ половину этого. Границами служатъ: на западѣ—болотистая западно-енисейская низменность, на югѣ горная страна, отроги Станового хребта, на востокѣ узкая береговая полоса, къ сѣверо-востоку предгорія хребтовъ, заполняющихъ Чукотскую землю и Камчатскій полуостровъ, на сѣверѣ Ледовитый океанъ ¹⁾. Въ этотъ районъ входитъ Якутская область и часть Енисейской губерніи отъ рѣки Анабары до самаго Енисея ²⁾. Эта огромная площадь вмѣщаетъ въ себѣ, по Сѣрошевскому ³⁾ свыше 300000 кв. верствъ, а по Приклонскому ⁴⁾ и кн. Кострову ⁵⁾ свыше 360000 кв. верствъ. Эту огромную площадь полукуругомъ съ ЮЗ, ЮВ и СВ окружаютъ высокія горы. Изъ нихъ самыя высокія—на югѣ, доходящія до 4000 футовъ. Территорія эта представляетъ изъ себя плоскогоріе, съ повышеніемъ на югѣ и востокѣ и съ пониженіемъ на сѣверо-западѣ. Вдоль

¹⁾ В. Сѣрошевскій, —Якуты, 2 Приклонскій, «Три года въ Я. об.». Ж. С. 90 г. I, 65.

²⁾ Кн. Костровъ. Очерки юридич. быта якутовъ. Зап. Им. Р. Г., Общ. 1878 г. по этн. VIII, 259.

³⁾ Якуты, 2.

⁴⁾ Ж. С. 1890 г. I, 65.

⁵⁾ Зап. И. Р. Г. о. 1878 г. VIII, 2 от. 259.

страны, съ востока на западъ, тянутся горы, часть которыхъ, находящаяся между Енисеемъ и Леной, носитъ названіе Вилюйскихъ горъ ¹⁾, другая часть, къ востоку отъ Лены, составляетъ юго-восточную часть Верхоянскаго хребта ²⁾. Эта поперечная гора дѣлитъ страну на двѣ части—поскогоріе сѣверное и южное. Сѣверное плоскогоріе, открытое и наклонное къ Ледовитому океану, дѣлится Леной на западное и восточное. Южное плоскогоріе заключено между горами Вилюйскими и отрогами Станового хребта и заключаетъ въ себѣ районъ, охватываемый Леной и ея притоками. Это плоскогоріе г. Сѣрошевскій не безъ основанія называетъ впадиной. ³⁾ Эту страну съ юго—запада на сѣверо-востокъ перерѣзываетъ одна изъ величайшихъ рѣкъ земного шара Лена, впадающая въ Ледовитый океанъ. Съ правой стороны въ нее впадаютъ изъ значительныхъ рѣкъ Витимъ и Алданъ, съ лѣвой—Вилюй. Длина Лены достигаетъ шести съ половиной тысячъ верстъ ⁴⁾. Изъ другихъ самостоятельныхъ рѣкъ можно упомянуть Хатыцну, Оленекъ, Яну, Индигирку и Колыму. Всѣ они впадаютъ въ Ледовитый океанъ.

Всѣ почти рѣки текутъ по дну глубокихъ долинъ, иногда довольно широкихъ и обильныхъ лугами. Въ этомъ отношеніи замѣчательны долины рѣкъ, составляющихъ бассейнъ Лены. Здѣсь сгруппированы богатѣйшіе луга, привлекающіе жителей. Мелкія самостоятельныя рѣки, какъ Оленекъ, Яна и др., впадающія въ Ледовитый океанъ, для населенія не имѣютъ большаго значенія.

Сѣверная часть этой территоріи сплошь покрыта тундрами, гдѣ могутъ жить одни оленеводы. Къ югу отъ полярнаго круга страна покрыта густымъ хвойнымъ лѣсомъ. По всей странѣ разбросана масса озеръ, изобилующихъ рыбой и лугами. Въ

¹⁾ Маакъ. Вилюйскій округъ Як. об. I, карта.

²⁾ В. Сѣрош. Якуты, 5.

³⁾ Якуты, 6.

⁴⁾ Тамъ же, 7.

большинствѣ случаевъ озера маленькія, окруженныя лугами, годными для сѣнокоса и пастьбы скота. Крупныхъ озеръ мало. Изъ крупныхъ извѣстны—оз. Жессейское, Күсвандя, да и они не превышаютъ въ длину версть 70, а въ ширину 30—40 в. Про количество озеръ, встрѣчаемыхъ въ Вилюйскомъ округѣ (это можно распространить и на всю Яв. об.), докторъ Проскуряковъ говоритъ: „озеръ здѣсь особенно много: почти на каждыхъ пяти верстахъ можно встрѣтить два, три и болѣе озера; между ними есть и огромныя“ ¹⁾. Г. Сѣрошевскій насчитываетъ въ Яв. об. около 100,000 озеръ ²⁾.

Населеніе края группируется по берегамъ рѣкъ и озеръ. Это и понятно. Для скотовода—якута необходимы луга и вода. Вотъ что говоритъ по этому поводу докторъ Проскуряковъ: „каждый житель по количеству скота избираетъ и мѣсто болѣе удобное для его прокормленія. При этомъ преимущественно заселяютъ покосныя мѣста, болшею частью, находящіяся вблизи озеръ (можно прибавить и рѣкъ, если есть прибрежныя луга), которыхъ здѣсь изобиліе. Кромѣ того, рассчитываютъ на близость разстоянія отъ воды, какъ для самихъ себя, такъ и для скота, что необходимо въ зимнее время“ ³⁾. Съ такимъ значеніемъ рѣкъ и озеръ нельзя не согласиться. Гдѣ не побывать, въ Якутскомъ ли округѣ или въ Вилюйскомъ, все равно—вездѣ встрѣтите такое расселеніе и оно необходимо въ силу вышеозначенныхъ обстоятельствъ. Такое расселеніе имѣло громадное значеніе для рода и родовой организаціи. Въ свое время увидимъ его значеніе при раздробленіи крупныхъ родовъ на мелкіе и при раздробленіи родовъ на семьи.

На такомъ громадномъ пространствѣ живетъ около 230000. якутовъ.

¹⁾ Этнографическій Сборникъ, вып. VI. О Средне Вилюйск. окр., смѣсь, стр. 37.

²⁾ Якуты, 21.

³⁾ Этногр. сб. вып. VI, о Сред. Вилюйск. окр. см., 35—6.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЯКУТОВЪ.

Якуты сами себя называютъ саха, а слово якутъ, которыми ихъ окрестили, тунгусскаго происхожденія, такъ какъ ихъ тунгусы называли эко, ёко, яко, оттуда и якутъ ¹⁾. Происхожденіе слова саха объясняли различно. Такъ г. Приклонскій выводитъ его отъ слова сѣх—навозъ; въ такому заключенію онъ приходитъ потому, что юрты ихъ обмазываются коровьимъ навозомъ ²⁾. Это объясненіе, конечно, очень простое, но ничего не объясняющее. Прежде всего нужно сказать, что слово саха не можетъ произойти отъ слова сѣх, потому что, если бы это было такъ, то было бы не саха, а сѣха. Здѣсь пришлось бы соблюдать законъ якутскаго языка, по которому, въ словахъ производныхъ корень остается безъ всякаго измѣненія. Другіе же говорятъ, что слово саха указываетъ на ихъ происхожденіе, на то племя, отъ котораго они оторвались. Таковы Щукинъ ³⁾. Кн. Костровъ ⁴⁾ и др. По ихъ словамъ, оно указываетъ на родъ саха татарскаго племени, живущаго въ Енисейской губерніи и откуда будто бы происходятъ якуты. Тамъ, дѣйствительно, существуетъ татарскій родъ Сагай, но отъ нихъ ли происходятъ якуты, это еще вопросъ. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи слова саха остается пока открытымъ. А что вполне достоверно, такъ это то, что якуты принадлежатъ къ обширной группѣ тюркскихъ народовъ ⁵⁾. Вотъ что говоритъ г. Юхельсонъ: „лингвистическія изысканія академика Бётлинга вполне установили родство якутскаго языка съ другими тюркско-татарскими нарѣчіями,

¹⁾ Поѣздка въ Якутскъ Щукина, 274 стр.; Якуты Сѣрошев., 205; Записки Им. Р. Г. О. 1878 г. VIII. статья кн. Кострова, 261; «три года въ Якутскѣ» Приклонскаго. Ж. С. 90 г. II, 32.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Поѣзда въ Якутскъ, 273.

⁴⁾ Зап. И. Р. Г. О. VIII, 1878, 261.

⁵⁾ Зап. И. Р. Г. о 1878 г. VIII, ст. кн. Кострова, 262 стр.

въ томъ числѣ и съ турецкимъ¹⁾. Въ языкѣ якутовъ встрѣчается много словъ татарскихъ, монгольскихъ, и манджурскихъ²⁾.

Якуты—не коренные жители Якутской области, а пришельцы съ юга. Объ этомъ говоритъ преданіе самихъ якутовъ, изысканія изслѣдователей, памятники творчества якутовъ и много словъ, указывающихъ на ихъ болѣе южное происхожденіе.

Сами якуты о своемъ южномъ происхожденіи рассказываютъ слѣдующее. Въ незапамятныя времена якуты жили гдѣ то на югѣ. За ихъ безпкойную жизнь, за ихъ воровство и нападенія сосѣди—татары или буряты вынудили ихъ оставить свою родину. Они подъ предводительствомъ Оногой Бай'я отправились на сѣверъ и попали на берегъ Улахан-Орѣс'я (Большой рѣки)—Лены. Тамъ, на мѣстѣ, называемомъ Сайсар, они остановились и зажили. За ними явилась другая партія якутовъ или буряты подъ предводительствомъ Эллей'я. Эллей женился на дочери Оногой Бай'я. Отъ нихъ происходятъ якуты. Такимъ образомъ, преданія якутовъ, кромѣ южнаго происхожденія, еще указываетъ на то, что теперешніе якуты происходятъ отъ смѣшенія двухъ послѣдовательно другъ за другомъ явившихся племенъ татарскаго происхожденія. Кажется, и въ самомъ дѣлѣ якуты составились изъ двухъ различныхъ племенъ. По крайней мѣрѣ, антропологическія изысканія указываютъ на два совершенно различные типа якутовъ. „Одинъ служитъ представителемъ чистой расы, имѣетъ овальный обликъ, носъ прямой, скулы маловыдающіася, вѣки чуть скошенныя, стройный станъ и въ общемъ напоминаетъ собой киргиза. У другого типа лице имѣетъ монгольское очертаніе, разрѣзъ глазъ узкій и косой, скулы сильно развиты, носъ широкій, губы толстыя, длинное сутуловатое тѣло

¹⁾ Ж. С. 1895 г. II. 131.

²⁾ Сообщение Н. Э. Катанова, проф. восточ. яз. при Казанскомъ Университетѣ.

на короткихъ ногахъ. Какъ у того, такъ и у другого типа волоса прямые и черные¹⁾. Другой изслѣдователь говоритъ: „чѣмъ объяснить столь рѣзко выраженные два противоположные типа,—низкорослый, широкоголовый и плосколицый и 2-й—высокаго роста съ длиннымъ выпуклымъ лицомъ и горбатымъ носомъ? Есть ли это двѣ разновидности одного племени или продуктъ смѣшенія двухъ расъ?“²⁾

Объ южномъ происхожденіи якутовъ свидѣтельствуется и много другихъ преданій, записанныхъ разными авторами³⁾. О томъ же свидѣтельствуется масса словъ, употребляемыхъ теперешними якутами. Такъ, якуты знаютъ льва (хаххай), змѣю (могой), верблюда (табиан кыл)⁴⁾, тигра⁵⁾, изъ растений—дубъ⁶⁾.

Все это такіе предметы, которыя водятся только на югѣ. Во всѣхъ почти сказкахъ описывается южная страна, таковы сказки—Ар Соготох, Барт уол Барат Барган⁷⁾ Тулайах ого⁸⁾. Въ сказкахъ Верхоянскаго Сборника тоже самое. Однако, все это—преданія, сказки и слова—только указываютъ на южное происхожденіе якутовъ, но точно указать ни мѣста родины, ни времени ихъ переселенія не могутъ. Изслѣдователи быта якутовъ отказываются, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, указать время переселенія якутовъ и водворенія ихъ въ Якутской области. Что касается первоначальной родины якутовъ, то объ этомъ сдѣлано было много предположеній.

¹⁾ Йохельсонъ, Замѣтки о населеніи Як. об. въ историко этнограф. от. ношеніи. Ж. С. 1895 г. II, 131—2).

²⁾ Н. Г. Герон Татти и Амги въ Сибирскомъ Сборникѣ за 1896 г. III, 282.

³⁾ Врангель. Путеш. II, 66. Щукина—Поѣздка въ якутскъ, 271.; Прик. лонскій. Ж. С. 90 г. II, 32; Верх. Сб. Худякова, 74.

⁴⁾ Строршев. Якуты 191—3; слово табианъ кыл употребленъ, въ переводѣ евангелія на якут. языкъ, изд. 1857 г.

⁵⁾ Ж. С. 91 г. IV, 140.

⁶⁾ Верх. Сб. 118.

⁷⁾ Ж. С. 91 г. III, 168; IV 141.

⁸⁾ Строршев. Якуты 196.

Г. Сѣрошевскій, сводя всѣ мнѣнія о родинѣ якутовъ, говорить: „предположенія, гдѣ ихъ (степи, родину якутовъ) слѣдуетъ искать, нельзя даже признать за гипотезы, до того они мало основательны. Вамбери, напр., указываетъ на Джунгарію и сближаетъ ихъ по простому созвучію племеннаго имени Саха съ древними Саками. Другіе изъ писавшихъ по этому поводу, какъ Ф. Миллеръ, І. Фишеръ, а съ ихъ словъ Георги, Щукинъ, Миддендорфъ, Маакъ и пр. указываютъ на Байкаль, а въ болѣе отдаленномъ прошломъ на верховья Енисея, ссылаясь тоже, главнымъ образомъ, на присутствіе тамъ соименныхъ татарскихъ племенъ: сагай, сахаль, саха. Наконецъ, есть такіе, которые указываютъ на страну Холинъ (верховья Селенги и Толы), на Забайканіе (Риттеръ) и даже Амуръ“ ¹⁾ Г. Сѣрошевскій опровергаетъ эти гипотезы. Онъ послѣ цѣлаго ряда историческихъ соображеній, о прибайкальскомъ происхожденіи якутовъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. „Буряты и монголы за много лѣтъ до пришествія русскихъ давали Байкалу настоящее имя. Эти народы охотнѣе звали его Далай-норъ—Святое озеро, а знакомые съ нимъ тунгусы называли его Ламъ-море. Подъ общимъ именемъ Ламы казаки долго путали въ одно: Ледовитый океанъ, Лену, Байкаль, Амуръ, наконецъ Восточный океанъ. Названіе Байкальское озеро прочно установилось въ официальныхъ бумагахъ только въ 1646 г.“ Далѣе онъ дѣлаетъ предположеніе, что якуты слово Байкаль могли позаимствовать у китайцевъ, которые называли Байкаль—Бай-Хай или могли познакомиться съ этимъ словомъ черезъ бурятовъ и монголовъ. „Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что у якутовъ есть и другой терминъ того же типа *далай*, означающій многоводность, большую воду. Въ настоящее время у якутовъ слова Байкаль (байгал) значить вообще море. И такъ, нужно подождать помѣщать якутовъ даже временно въ Прибайкаліи, до подтвержденія этого предположенія другими болѣе точными данными“ ²⁾.

¹⁾ Якуты 196.

²⁾ Якуты 200, 203.

Якутовъ изслѣдователи помѣщаютъ на Холинѣ, Забайкаліи и Амурѣ на основаніи присутствія въ этихъ мѣстностяхъ тюркскихъ и даже спеціально якутскихъ названій. Г. Сѣрошевскій присутствіе якутскихъ названій въ этихъ мѣстахъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. На Амурѣ и Забайкаліи казаки пришли изъ Якутска. Они, или сами обьякученные, или „новокрещенцы“ (якуты, принявшіе православіе и зачисленные въ казаки) или сопровождавшіе ихъ якуты и турки могли давать тюркскія и якутскія названія разнымъ мѣстамъ ¹⁾. Въ концѣ концовъ, г. Сѣрошевскій вопросъ о первоначальной родинѣ якутовъ оставляетъ, однако, открытымъ.

Гдѣ же однако родина якутовъ? Нельзя ли сдѣлать, хотя бы приблизительное, предположеніе о первоначальной ихъ родинѣ.

Якуты, по словамъ г. Йохельсона, составляютъ значительно омонголившуюся вѣтвь тюрко—татарскаго племени, первобытнымъ мѣстомъ происхожденія котораго лингвисты считаютъ Туркестанъ ²⁾. Значитъ, можно предполагать, что отдаленные предки якутовъ—турки жили въ Туркестанѣ, что они по пути своего движенія съ запада на востокъ встрѣтили монгольское племя и переняли у него много монгольскаго какъ въ языкѣ, такъ и въ физическихъ свойствахъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ пути они встрѣтили манжурское племя, у котораго переняли много манжурскихъ словъ, такъ какъ по словамъ проф. Н. Θ. Катанова, въ якутскомъ языкѣ встрѣчается много монгольскихъ и манжурскихъ словъ. Если якуты могли омонголиться, отчасти и оманжуриться, то, значитъ, они или долго жили вмѣстѣ съ ними, или вели съ ними частыя сношенія. Установивъ, такимъ образомъ, генетическую связь съ тюрками, вліяніе на нихъ монголовъ и манжуровъ, дви-

¹⁾ Это объясненіе можно, однако, принять только въ томъ случаѣ, если мѣстныя урочища имѣютъ, кромѣ якутскихъ, и другія болѣе древнія названія.

²⁾ Ж. С. 95 г. II, 131.

женія ихъ съ запада на востокъ, мы должны задаться вопросомъ—изъ какой ближайшей вѣтви тюрковъ происходятъ якуты и когда они покинули первоначальную родину—Туркестанъ. Для рѣшенія перваго вопроса, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, остается обратиться къ названію, какое даютъ себѣ сами якуты. Въ обыденной рѣчи они себя называютъ саха, а въ сказкахъ или въ старину—ураңхай саха ¹⁾. Не дастъ ли намъ разрѣшенія вопроса слово ураңхай? На это слово обратили серьезное вниманіе г.г. Сѣрошевскій и Юхельсонъ. Сѣрошевскій переводитъ ураңхай кісі въ смыслѣ чудной человѣкъ, немного странный, немного удивительный ²⁾. Юхельсонъ, основываясь на филологическихъ изысканіяхъ Эд. Пекарскаго и Ботлинга, ураңхай кісі переводитъ въ смыслѣ бѣдоваго человѣка, чудака ³⁾. Мнѣ приходилось слышать ураңхай кісі въ смыслѣ дерзкаго человѣка. Сѣрошевскій, видимо, стараясь найти связь между якутами (ураңхай саха) и тюркскимъ племенемъ урянхайцевъ, ищетъ мѣстожительство послѣднихъ. Онъ говоритъ: „ураңхай или сокращеннымъ урянхъ называютъ въ настоящее время дархаты, монголы и китайскіе чиновники небольшой народецъ, смѣшаннаго, по видимому, происхожденія, живущій на сѣверныхъ склонахъ Танну-ола, между этимъ хребтомъ и Саянскими горами въ долинахъ рѣкъ: Улукемъ Байкемъ, Кемчику и другихъ, а также на оверѣ Косоголь и на южномъ склонѣ Танну-ола (или Танну-ола) въ долинѣ рѣки Нарынъ-сумыкъ и въ вершинѣ р. Кобдо. Дархаты.... зовутъ языкъ урянхайцевъ *уйгурскимъ*, а народъ ихъ *народомъ уйгурскаго языка* (уйгур кельтей улусъ)“ ⁴⁾. Въ тѣхъ же видахъ Юхельсонъ указываетъ на одно татарское племя въ Монголіи, носящее названіе ураңхай. Очевидно, оба автора указываютъ на одно племя и ви-

¹⁾ Сѣрошевскій, Якуты. 203; Юхельсонъ. Ж. С. 95 г. II, 131; Верх. Сб. Худ., 155.

²⁾ Якуты, 204.

³⁾ Ж. С. 95 г. II, 131.

⁴⁾ Якуты, 204; вѣдь приводятся слова г. Потанина изъ его очерковъ С. З. Монголія.

дать связь между якутами и урянхайцами, но не рѣшаются производить одно племя отъ другого. Мнѣ кажется, что слово урянхай и исторія тюркскихъ племенъ даютъ нѣкоторый ключъ къ разрѣшенію вопроса о ближайшемъ происхожденіи якутовъ. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Сѣрошевскаго, что слово урянхай относится къ слову саха, какъ общее къ частному, какъ племенное къ родовому ¹⁾, я рѣшаюсь сдѣлать предположеніе, что якуты происходятъ отъ урянхайцевъ. Къ этому меня вынуждаютъ слѣдующія данныя. Во 1-хъ, дѣйствительно слово урянхай относится къ слову саха, какъ племенное къ родовому, что, по моему, указываетъ на происхожденіе якутовъ отъ урянхайцевъ. Въ 2-хъ, слово уйгур, которымъ называютъ урянхайцевъ, извѣстно и якутамъ и означаетъ челоуѣка дерзкаго; съ такимъ же обозначеніемъ якуты употребляютъ и слово урянхай. Въ 3-хъ, несомнѣнная близость языковъ якутскаго и урянхайскаго. Объ этомъ могу судить со словъ проф. Катанова и по тѣмъ географическимъ именамъ, которыя я привелъ со словъ гг. Сѣрошевскаго и Потанина. Напр. слова Улу-кемъ, Бай-кемъ, Таңну-ола, Нарынъ, Кобдо; всѣ эти слова чисто якутскія. Улу-кемъ (правильнѣе по якутски Улү кѣм) Великая мѣра, Бай-кемъ (Бай-кѣм) Богатая мѣра Нарынъ Нѣжный, Таңна-ола (Таңна-уола)—сынъ Таңна. Слова же Косогулъ и Кобдо или совсѣмъ неправильно написаны или названія не урянхайскіе. Наконецъ, это доказываетъ исторія тюркскихъ племенъ. Какъ извѣстно, тюрки жили въ Туркестанѣ, среди нихъ было большое племя урянхайцы. Когда явился Чингисъ-Ханъ и покорилъ племена монгольскія и тюркскія, то часть урянхайцевъ покорилась ему, а часть удалась на сѣверо-востокъ, къ берегамъ Байкала. Сколько времени урянхайцы жили около Байкала, неизвѣстно. Не здѣсь ли они, долго живя съ бурятами, народомъ монгольскаго племени, подверглись вліянію монголовъ? Гипотеза о байкальскомъ происхожденіи якутовъ теряетъ свою силу и обра-

¹⁾ Якуты, 203.

щается въ гипотезу о временномъ ихъ пребываніи около Байкала. Это, какъ будто, въ большей степени совпадаетъ съ дѣйствительностью, чѣмъ гипотеза о байкальскомъ ихъ происхожденіи. Въ самомъ дѣлѣ довольно рискованно отрицать даже временное пребываніе якутовъ въ Прибайкаліи, какъ это дѣлаетъ г. Сѣрошевскій, только на томъ основаніи, что слово байагал (откуда производятъ Байкаль) по якутски море вообще, что у нихъ встрѣчается другое понятіе моря — Далай, что слово Байкаль для обозначенія озера того же имени твердо установилась только къ 1646 г. Въ всякаго сомнѣнія, что корень словъ Байкаль и байагал одинаковый. Если сопоставить преданія якутовъ съ историческими данными, то придемъ къ тому заключенію, что якуты жили довольно долго около Байкала и что Прибайкаліе было предпоследнимъ этапомъ въ движеніи якутовъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Вспомнимъ преданіе якутовъ, гласящее, что они убѣжали отъ бурятъ ¹⁾ и единоголасное мнѣніе изслѣдователей якутовъ, что они вытѣснены въ Якутскую область бурятами. Что же касается упоминанія племени Саха на верховьяхъ Енисея и племени Урянхай въ Сѣверномъ Китаѣ, то, принявъ мою гипотезу, придется допустить, что эти части большого племени Урянхайцевъ, вышедшихъ подъ напоромъ Чингисъ-Хана и осѣвшихъ во время пути въ названныхъ мѣстахъ.

Еще одно обстоятельство, говорящее лишній разъ въ пользу моей гипотезы. У якутовъ существуетъ преданіе, согласное съ мнѣніемъ изслѣдователей якутовъ, что у нихъ была высшая культура, была письменность, которую они утратили во время своего странствованія. Такъ Врангелю рассказывалъ въ началѣ настоящаго столѣтія одинъ 82 лѣтній якутъ, что якуты утратили искусство писанія, а въ мѣстѣ съ тѣмъ и

¹⁾ Шукинъ. Поѣздка въ Якутскъ, 272; Приклонскій. Ж. С. 1890 г. II, 33.

средства къ дальнѣйшему образованію ¹⁾. Въ 1895 г., одинъ старшій якутъ разсказывалъ г. Н. Г., что якуты потеряли свою письменность во время долгаго кочеванія внизъ по долинѣ Лены, что въ пути лишились своихъ желѣзныхъ орудій, замѣнивъ ихъ костяными ²⁾. Къ такимъ же выводамъ пришли г.г. Юхельсонъ ³⁾ и Діонео ⁴⁾. Письменностью обладали почти всѣ племена тюрковъ, а ббльшей культурностью урянхайцы, такъ что они одни при дворѣ Чингисъ-Хана занимали должности, требующія письменности и способности къ управленію.

Имѣя все это въ виду, я и прихожу къ тому заключенію, что якуты происходятъ отъ урянхайцевъ, вытѣсненныхъ Чингисъ-Ханомъ. Предки якутовъ—Урянхайцы въ своемъ движеніи съ юго-запада на сѣверо-востокъ останавливались въ верховьяхъ Енисея и тамъ осталась часть ихъ въ видѣ племени Сахай или Сагай, часть осталась въ Сѣверномъ Китаѣ, часть смѣшалась съ другими племенами, часть же въ видѣ якутовъ поселилась было около Байкала, но была вытѣснена отсюда бурятами на сѣверъ и живетъ въ Якутской области подъ именемъ якутовъ.

ВѢРОВАНІЯ.

Всѣ якуты—христіане православнаго исповѣданія. Христіанство окончательно утвердилось среди нихъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Якуты какъ народъ, недавно обращенный въ христіанство, еще не тверды, конечно, въ

¹⁾ Путешествіе, изд. 1841, II, 66.

²⁾ Сибирскій сбор. 1896 г. III, 290, 287.

³⁾ Ж. С. 1895 г. III, 133.

⁴⁾ На крайнемъ Сѣверо-Востокѣ Сибири 48—9.

христіанських началахъ и ихъ религія представляеть изъ себя смѣсь христіанскаго съ языческимъ съ преобладаніемъ послѣдняго.

Намъ нужно, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, описать религію якутовъ до принятія ими христіанства, религію, которая въ основныхъ чертахъ исповѣдуется и теперь. Описаніе это необходимо, потому что въ религіи якутовъ отражается ихъ старинная жизнь и безъ этого описанія многое въ юридическомъ ихъ быту было-бы не понятно.

Якута съ самаго его рожденія, даже зачатія, до самой смерти и даже послѣ смерти окружають многочисленныя духи и боги Онъ—дитя добраго духа, Создателя (Айы огото). Его рожденіе сопровождается явленіемъ и трехдневнымъ пребываніемъ въ домѣ богини Айысыт Налыгыр Хотун (Подательница благъ, какъ переводить г. Приклонскій ¹⁾). Захвораетъ ли якутъ—злой духъ мучаетъ (абасы муңнур, сір), удачный уловъ—помогаетъ богъ охоты Байанай Бай, женится—дѣло боговъ, богинь; падежъ скота—дѣло злыхъ духовъ, даже если пропадетъ теленокъ, то и его съѣлъ злой духъ теленка—торбуях абасыта; умираетъ кто—дѣло злыхъ духовъ; даже послѣ смерти человѣка, его водять черти по разнымъ мѣстамъ, гдѣ онъ бывалъ. Словомъ, куда якутъ ни повернется, что ни сдѣлаетъ,—все или отъ добрыхъ духовъ, добрыхъ боговъ, или отъ злыхъ духовъ, злыхъ боговъ. Вся жизнь его находится въ зависимости отъ различныхъ боговъ, злыхъ и добрыхъ.

Боговъ и духовъ очень много. Каждый предметъ, каждая вещь, каждая былинка (мас от оччѣтѣ), каждый инструментъ, топоръ, ножикъ, каждое дерево, лѣсъ, озеро, рѣка,—все они имѣють духа—иччи ²⁾). Это, такъ сказать, мелкіе духи и боги, обитающіе на поверхности земли. Такими

¹⁾ Ж. С. 1891 г. IV, 59.

²⁾ В. Сѣрошевскій. Якуты, 651. Здѣсь г. Сѣрошевскій неправильно слово иччи называетъ иччита и неправильно же переводитъ его словомъ душа; здѣсь не душа, душа—кут.

же іччі обладают и небесныя тѣла. Такъ, солнце, луна, плеяды имѣютъ іччі. Каждый родъ, каждая семья имѣютъ своего бога покровителя. Самъ якутъ можетъ слѣлаться духомъ, даже богомъ. Такъ, въ старину душа каждаго умершаго могла обратиться въ особаго духа—ѳѳр (у г. Сѣрошевскаго неправильно ёр), теперь же въ ѳѳр можетъ обратиться только душа или шамана, или человѣка, покончившаго жизнь самоубійствомъ. ѳѳр—злой духъ; онъ по большей части мучитъ своихъ близкихъ, напоминая о себѣ различно, то шумитъ въ домѣ, то войдетъ въ истеричнаго (мѣнѣрік) и чрезъ него выскажетъ всѣ свои претензіи. Иногда онъ требуетъ какой либо жертвы, иногда предсказываетъ чью либо гибель. Нѣкоторые ѳѳр наводятъ ужасъ на цѣлый улусъ. Мнѣ припоминается рассказъ объ ѳѳр одной повѣсившейся якутки, который наводилъ ужасъ на цѣлый Сунтарскій улусъ Вилюйскаго округа. О такихъ же ѳѳр, Сагалѣбыт въ Батурскомъ улусѣ и Дѣлѣгѣй (въ текстѣ неправильно Делягѣй) въ Мегинскомъ улусѣ Якутскаго округа упоминаетъ г. Поповъ ¹⁾. Якуты могутъ обращаться въ боговъ. Извѣстны слѣдующіе боги и богини, которые происходятъ отъ якутовъ. Бологур-хотуна, Дохсун-дуян и Бахсы-тоѳно альляхай—демоны, первый мужчина, второй—женщина; какъ увѣряютъ шаманы, оба они были люди, но за грѣхи обращены въ злыхъ духовъ-демоновъ. Джахтанъ-быардай или Юрюнь-огустах (прав. Ѵрѳн огустах) былъ когда то шаманомъ. Сордах-Чонох при жизни была шаманкой. Мангыны-кысы-тынгырахтах кяржай—бывшая шаманка. Сыры-кыса—происхожденіемъ шаманка²⁾. Немеріе-якутка, Мельяхсинъ аитѣ якутка, Князь-оюнъ-якутъ шаманъ, Кенъ таяхтах хотун—русская, Кѣрѣ убахалах хотун-якутка, Дампай Брадай шаманъ ³⁾. Всѣ эти духи и боги живутъ по якутски, ихъ жизнь—отраженіе якутской жизни. Они живутъ семействами, имѣютъ

¹⁾ Извѣстія В. С. О. И. Р. Г. О. 1886 г. XVII, № 1—2, 131.

²⁾ Приклон. Ж. С. 1891 г. IV, 61—2.

³⁾ Сѣрошевскій. Якуты, 661—4.

конный и рогатый скотъ ¹⁾, помогаютъ якутамъ въ ихъ борьбѣ съ врагами. Что въ данномъ случаѣ представляется для насъ наиболее интереснымъ, такъ это дѣленіе боговъ на роды. Вся вселенная дѣлится на три міра—міръ верхній, небесный (ўсѣнці дойду), міръ нижній, подземный (алларā дойду) и міръ средній, земной (орто дойду). Верхній міръ населяютъ девять родовъ боговъ (ўсѣнці тогус бис ӯса), міръ нижній—восемь родовъ боговъ (алларāнны агыс бис ӯса*), міръ средній—люди. Верхніе боги—добрые, нижніе боги—злые, люди—дѣти добрыхъ боговъ ²⁾.

Обитатели верхняго міра, добрые боги, дѣлятся на 9 родовъ. Предварительно нужно замѣтить, что распредѣлить боговъ по родамъ чрезвычайно трудно. Распредѣленію ихъ по родамъ затрудняютъ боги и богини, появившіеся позже и происходящіе отъ людей. Во избѣжаніе недоразумѣній я, для распредѣленія боговъ по родамъ, воспользуюсь тѣмъ порядкомъ перечисленія боговъ, каковой употреблялся и употребляется при жертвоприношеніи богамъ на родовомъ праздникѣ ысах. Весьма вѣроятно, что перечисленіе боговъ, употребляющееся при этомъ праздникѣ, окованное въ извѣстные торжественные обряды, отражаетъ старинное представленіе о богахъ, подраздѣляемыхъ на роды—бис ӯса.

Перечисленіе родовъ верхнихъ боговъ:

- 1) Арт-Тойон-Ага—Повелитель всѣхъ духовъ, Творецъ вселенной, сидящій на 9 небѣ.
- 2) Үрүң-Айы-Тойон, сидящій на 4 небѣ.
- 3) Нэлбай-Айы-Кубай-Хотун Іжә—богиня мать.
- 4) Налыгыр Айысыт Хотун, богиня родовъ.

¹⁾ Верх. Сб. 77—80 и др.

²⁾ Тамъ же, 160—1 и др. мѣста.

³⁾ Г. Сѣрошевскій очевидно заблуждается, считая обитателей нижняго міра въ девять родовъ, потому что въ каждой сказкѣ (олонхо) встрѣчается ўсѣнці тогус бис ӯса, алларāнны агыс бис ӯса. Также заблуждается и Поповъ, считая верхнихъ боговъ въ восемь родовъ, а нижнихъ въ 16 род. Изв. В. С. О. И. Р. Г. О. 1886 г. XVIII, ЖЖ 1—2; 119—121.

5) *Ан Алай Хотун*, мать земли; ея дѣти—*Арака царя-ка*—боги зелени.

6) *Сатта-курэ цасагай Айы* (7 братьевъ): а) *Сурдэх Суга Тойон*, богъ грома; б) *Ан* цасын, богъ свѣта и молніи; в) *Таңхасыт Цылга Хан*, богъ судьбы; г) *Лібіс-Хан*, богъ войны; д) *Ордуь Цасабын*, вѣстникъ гнѣва божья; е) *Хан Еехсіт ардан Айы*, вѣстникъ благодати; ж) *Сун-Хан-сунван аралі*, *Холторун хотой Айы*, богъ птицъ.

7) *Могол Тойон* и жена его *Усун куйар Хотун*, божества скота.

8) *Бай Байанай*; ихъ семь братьевъ: а) *Бай барылах* б) *Куралай Бэргэн* и в) *Курагачы сурұь*, боги охоты и промысловъ; г) *Долбун соххор* и д) *Сохсо Аркін*—боги, препятствующіе охотѣ и промысламъ; е) *Тыга бытырыс* и ж) *Ханнах Сагалян*, боги промысловъ.

9) *Босол Тойон* и *Буомча Хотун*, боги, охраняющія пути въ божествамъ; *Баран батыр*, богъ юрты; *Алас батыр*, богъ хлѣва и двора; семь братьевъ—боги огня: *Ал уот іччїтэ*—*Бырца бытык*, *Кырыс тулүлсэр*, *Күндүї чаган*, *Курэ чаган*, *Хан чаган*, *Хатан сотуяа* и *Ылгын Арбія* ¹⁾).

Для перечисленія подземныхъ боговъ по родамъ нужно обратиться къ вл�твенному обѣщанію шамановъ служить подземнымъ богамъ, которое даетъ новопосвящаемый шаманъ. При этомъ нужно изъ числа упоминаемыхъ боговъ исключить тѣхъ, происхожденіе которыхъ отъ якутовъ вполне очевидно и можетъ быть доказано. Я долженъ сознаться, что и послѣ этого остается нѣсколько невыясненнымъ число родовъ подземныхъ боговъ. Очистивъ отъ послѣдующихъ наслоеній, мы получимъ слѣдующее количество родовъ:

1) *Улү Тойон*, повелитель всѣхъ подземныхъ боговъ и вся его семья.

2) *Алтан Сабырай Тойон* (мѣдный тазъ) и вся его семья; прародительница этихъ боговъ *Кун Цолдөрүмэ Саркыл Хотун*.

¹⁾ Приклонскій. Ж. С. 1890 г. II, 29—30; Поповъ. Изв. В. С. О. И. Р. Г. О. 1886 г. XVIII, №№ 1—2. 119—120.

- 3) Талырдах Тан Таралы Тойон и его семья.
- 4) Архах Тойон и его семья.
- 5) Буор Малахай Тойон и его семья.
- 6) Нас олҫ и его семья (проказа).
- 7) Кытай Баксы Тойон.
- 8) Намык хотун ¹⁾).

Я здѣсь перечислилъ только старинныхъ боговъ, устранивъ изъ счета новыхъ. Понятіе о богахъ видоизмѣнялось и продолжаетъ видоизмѣняться. Одни изъ боговъ исчезли изъ памяти людской или исчезаютъ, другіе изъ второстепенныхъ сдѣлались главными, наконецъ нѣсколько боговъ слилось въ одного.

Теперь во главѣ всѣхъ боговъ и всего сущаго стоитъ Ёт тас олбохтох Ёруң Айы Тойон Таңара (съ сѣдалищемъ изъ бѣломолочнаго камня Бѣлый Создатель Господь Богъ) онъ же называется Арт Тойон и Ага Таңара—Богъ Отець. Здѣсь слились въ понятіе одного Бога Арт Тойон и Айы Тойон. Онъ—Создатель міра; выше Его нѣтъ бога, Онъ дѣлаетъ только исключительно доброе всему живущему ²⁾ громъ и молнія—Его глаголы; орелъ дремлетъ у Его ногъ, а эмблема Его—солнце. Понятіе Айы Тойон Таңара слилось и отождествилось въ настоящее время съ понятіемъ христіанскаго православнаго Бога ³⁾. За Айы Тойон'омъ теперь больше всѣхъ почитаются: Айысыт, Бехсит, Ал уот іччїтā и Бай Байанай. Айысыт—богиня коннаго и рогатаго скота ⁴⁾. Въ старину она была только богиней родовъ, а теперь, какъ видно, стала богиней коннаго и рогатаго скота; такимъ образомъ, она соединила въ своемъ лицѣ образы боговъ и богинь—Айысыт, Могол Тойон и Усун куйар Хотун. Айысыт, какъ богиня родовъ и какъ богиня коннаго и рогатаго скота, оказывается большая почеть. Во время родовъ ей приносится въ жертву

¹⁾ Срав. Приклонскій. Ж. С. 1891 г., IV, 50—52.

²⁾ Приклонскій. Ж. С. 1881 г. IV, 59; Верх. Сб. 135.

³⁾ Сѣрошевскій. Якуты, 651—2.

⁴⁾ Тамъ же, 673.

или скотина, или масло. Сжигая масло въ огнѣ женщины хохочутъ. Свое благоволеніе хозяину она поазываетъ тѣмъ, что плететъ гриву лошадямъ (сіѣлін ѓрѓр). Это знакъ размноженія скота ¹⁾. Еехсіт ангелъ хранитель якута. Прежде она была только вѣстникомъ благодати божіей ²⁾. Бай Байанай—богъ звѣролововъ. Всякая удача на охотѣ приписывается ему. Есть животныя, которыхъ нельзя убивать, не пропѣвши имъ предварительно пѣсню, восхваляющую ихъ и просящую разрѣшенія на охоту. Такъ, разсомаху нельзя убить безъ подобной пѣсни. Ал уот іччітѣ—богъ огня, а въ частности богъ домашняго очага. Этотъ богъ нынѣ занимаетъ выдающееся положеніе въ жизни каждаго семейства. Ни одно сколько нибудь затрогивающее интересы дома дѣло не обходится безъ жертвоприношенія этому богу. Рождается ребенокъ—ему жертва, свадьба, сговоръ—жертва, удачный уловъ точно также. Изъ подземныхъ боговъ почитается Улѣ Тойон, отождествленный теперь съ христіанскимъ сатаной. Онъ глава всѣхъ злыхъ духовъ. Онъ воплощается въ медвѣдя, поэтому медвѣдь пользуется страшною репутаціей. Ему приписываются божескія и человѣческія качества. Онъ, напр., слышитъ, какъ его ругаютъ и можетъ за это отомстить оскорбителю ³⁾. Остальные подземные боги какъ то нынѣ ступевались и уступили свое мѣсто разнымъ мелкимъ чертямъ.

Изъ вышензложеннаго видно, какъ старинное представленіе якутовъ о богахъ постепенно измѣнялось. Одни боги возвышались до понятія о Владыкѣ всего міра (Айх Тойон), другіе исчезли. Изъ старинныхъ боговъ осталось 5—6, нынѣ почитаемыхъ какъ главные боги. Зато народились новые боги. Одни изъ нихъ бывшіе шаманы и шаманки. О нихъ я говорилъ уже выше. Появляются новые боги, олицетворяющіе

¹⁾ Тамъ же 673—5; Приклонскій Ж. С. 91 г IV, 59—60.

²⁾ Приклонскій. Ж. С. 91 г. IV, 60.

³⁾ Сѣрошевскій. Якуты, 654—661.

какое нибудь жизненное отношеніе, бѣдствіе, порокъ. Напр., падежъ скота олицетворяется въ лицѣ Бога Цохсон ойун кінѣс, распутная жизнь—въ богинѣ Сыры кѣс, смерть—въ лицѣ Бухарь-Додор.

Въ общемъ всѣ эти боги и богини, старыя и новыя, имѣютъ человѣческой образъ; значитъ, у якутовъ теперь антропоморфизмъ.

Если бы намъ пришлось изображать постепенное развитіе понятія о богахъ у якутовъ, то мы бы увидѣли, что якуты сперва обоготворяли природу. Такъ они признавали за боговъ солнце, луну, плеяды ¹⁾ и т. д. Обоготвореніе природы постепенно уступало мѣсто высшему понятію о Богѣ. Особенно разительнымъ примѣромъ служитъ солнце. Оно сперва почиталось какъ богъ, а теперь служитъ только эмблемой Бога Айя Тойон. Мѣсяцъ и плеяды въ настоящее время исключены изъ числа боговъ. Потомъ начинается олицетвореніе какихъ либо отношеній, бѣдствія, порока и т. д. Во время формированія боговъ, якутовъ покоряютъ русскіе и начинается вліяніе христіанства. Развитіе религіи приостанавливается. Религіозныя начала, неуспѣвшія еще вылиться въ форму догматовъ, начинаютъ колебаться, ступшеываться подъ вліяніемъ христіанства. Боги и богини, имѣющіе болѣе близкое отношеніе къ жизни якута, остались неприкосновенными. Таковы—Айя Тойон, Айясыт, Ехсѣт, Бай Байанай, Ал уот іччѣтѣ и Улѣ Тойон. Остальныя исчезли и обратились въ мелкихъ злыхъ духовъ, бѣсовъ. Да и эти оставшіеся боги и богини ждутъ своей очереди, чтобы исчезнуть изъ памяти людской подъ вліяніемъ христіанства. Христіанство, хотя и медленно, но дѣйствуютъ. Оно, по крайней мѣрѣ, внесло новыя элементы въ представленіе о существѣ этихъ боговъ, и многіе боги и богини замѣнились святымя православной церкви. И теперь у якутовъ множество боговъ, но какіе изъ нихъ старыя, какіе новыя, какіе христіанскаго происхожденія,—въ

¹⁾ Верх. Сб., 110—111.

настоящее время разобратъся трудно. Святые тѣже боги въ глазахъ якута. Разъ я завелъ было споръ о томъ, что Богъ одинъ; на что мнѣ побѣдоносно указали на изображеніе святыхъ цѣлаго мѣсяца и сказали: „развѣ не видишь, сколько изображеній, сколько боговъ?“

Посредниками между богами и людьми являются предопредѣленные съ самаго рожденія на это служеніе шаманы. Они—жрецы, они же врачеватели всякихъ недуговъ. Они не лѣчатъ болѣзнь какими нибудь лѣкарствами, но выгоняютъ бѣсовъ, которые мучаютъ больныхъ. Для болѣе успѣшнаго дѣйствія приносятся жертвы кѣрѣх или ытык. Въ жертву приносится конный и рогатый скотъ определенной масти. Жертва кѣрѣх отличается отъ ытык тѣмъ, что въ первомъ случаѣ животное загальвается, съѣдается и кожа съ головой вѣшается на дерево, а во второмъ—животное посвящается Богу и отпускается на волю. Впрочемъ, каждый якутъ и каждая якутка могутъ въ случаѣ надобности приносить жертву. Тагъ, каждый можетъ приносить жертву Ал уот іччигѣ, богу домашнего очага; для того стоитъ только бросить въ огонь масло, водку, кости и т. д. При переходѣ рѣки приносятся въ жертву духу воды конскій волосъ, тряпица и т. п. Словомъ, жертвы приносятся всякимъ желающимъ, на всякомъ мѣстѣ и по поводу самыхъ различныхъ случаевъ ¹⁾.

БІС УСА, І҃Ä УСА.

(Родъ бис, роль матери).

Въ науцѣ нашъ вѣкъ принято называть вѣкомъ индивидуализма. Ему предшествовалъ вѣкъ общинный, а до него былъ періодъ родового быта. Родовой бытъ, какъ извѣстно,

¹⁾ В. Сѣрошевскій. Якуты, 651.

характеризуется тѣмъ, что группа лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, живетъ одной общиной подъ главенствомъ старшаго родоначальника, то такой бытъ называется патриархальнымъ. Если же родъ находится подъ главенствомъ родоначальницы, или, если она, по крайней мѣрѣ, даетъ свое имя роду, то такой бытъ называется матриархальнымъ. Такимъ образомъ, наука въ періодъ родового быта находитъ родъ патриархальный и родъ матриархальный.

Что касается общественнаго строя якутовъ, то нужно сказать, что они въ настоящее время находятся въ періодѣ родового быта и въ частности, патриархальнаго (ага үса). До него у якутовъ существовалъ матриархатъ (іјä үса). Какъ видно, и якуты не избѣгли общаго закона развитія каждаго народа. Но у нихъ, кромѣ патриархата, существуетъ еще какой-то родъ—біс үса.

Прежде, чѣмъ говорить о настоящемъ общественномъ строѣ якутовъ, я считаю необходимымъ поговорить о неизвѣстномъ до сихъ поръ родѣ біс үса и матриархатѣ—іјä үса, предшествовавшихъ настоящему строю.

Прежде всего нужно замѣтить, что раздѣленіе якутовъ на біс үса самое древнее, потому что такое дѣленіе встрѣчается только въ сказкахъ и въ языкѣ шамановъ при ихъ камланіи ¹⁾. Въ литературѣ не только обще соціологической, но и спеціальной, трактующей о жизни якутовъ, я не нашелъ никакого сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія этому явленію. Только нѣкоторое указаніе на него, но безъ всякой попытки объяснить, можно найти у г. Сѣрошевскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, со словъ якутовъ, что біс все равно, чтò улусъ (нѣчто вродѣ волости) ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „якутскій народъ распадался на цон'ы или біс'и, а эти состояли изъ родовъ“ ³⁾. Отсюда, по нему, выходитъ, что

¹⁾ Сравни. Сѣрошевскій. Якуты, 472.

²⁾ Тамъ же, 471.

³⁾ Тамъ же, 475.

это—крупные роды, дѣлящіеся на болѣе мелкіе. Это хотя и вѣрно, но не объясняетъ существа дѣла. Въ общей соціологической литературѣ, какъ уже замѣчено мною выше, признаются только роды—отцовскій и материнскій, патриархатъ и матриархатъ. Біс ѱса—родъ не материнскій и не отцовскій. Что же такое біс ѱса?

Въ сказкахъ упоминаются слѣдующіе біс ѱса. Въ верхнемъ мірѣ ихъ девять (ѱсаѳни тогус біс ѱса), въ нижнемъ мірѣ—восемь (алларанѳи агус біс ѱса), въ среднемъ мірѣ, на землѣ,—двѣнадцать (орто дойдуга уон івкі біс ѱса) ¹⁾.

Не имѣя опоры въ соціологической литературѣ, очень трудно сказать, что такое біс ѱса. Чтобы попытаться отвѣтить на поставленный вопросъ, я принужденъ обратиться къ филологии и къ различнаго рода аналогіямъ и сравненіямъ.

Что такое слово біс? Слова ѱс, ѱса вполнѣ удовлетворительно передаются словами—родъ, мастеръ. Біс, по Ботлингу, потомство. Біс, по древне-тюрески, бігач, біас=біс, значитъ свободная дѣвушка, почтенная женщина. Еще по древне-тюрески, сходное съ біс слово бікѧ означаетъ незамужнюю женщину. По киргизски слово бігашъ (корень одинаковъ съ біс) означаетъ золовку, дѣвицу. Бігач, по говору казанскихъ татаръ, невѣста*). Если слово біс=бігач=бігашъ вообще обозначаетъ свободную женщину, то является возможность допустить, что біс ѱса означаетъ родъ незамужней свободной женщины. Тогда какое же различіе между біс ѱса и родомъ матери (іжѧ ѱса)? Разрѣшенію этого вопроса можетъ, повидимому, помочь, хотя и косвенно, общая соціологическая литература.

Почти всѣми соціологами принято, что до матриархата существовалъ групповой бракъ. Его описываютъ М. Ковалевскій ²⁾, Энгельсъ ³⁾ и др. Энгельсъ описываетъ его такъ:

¹⁾ Верх Сб. Худ., 88, 129, 145, 166, 172.

²⁾ М. Ковалевскій. Очерки происхожденія семьи и собственности, 1895 г. 19.

³⁾ Энгельсъ. Происхожденія семьи, частной собственности и государства, 1894 г. 25.

*) Эти свѣдѣнія какъ безно сообщены мнѣ проф. Н. Э. Катановымъ.

„здѣсь (у австралійскихъ негровъ племени Камиларои, на Маунтъ Гамбирѣ) все племя дѣлится на два большіе класса— кроки и кумите. Половое общеніе внутри обоихъ этихъ классовъ строго запрещено; напротивъ, каждый мужчина одного класса уже по рожденію мужъ каждой женщины другого класса, а она уже по рожденію его супруга“. Впослѣдствіи эти племена раздѣлились на 4 группы, вступающія въ бракъ съ опредѣленными группами ¹⁾). Далѣе групповой бракъ обращается въ такъ называемую пуналуальную семью, которую Энгельсъ, со словъ Моргана, описываетъ такъ. Каждая первобытная семья должна была распадаться по меньшей мѣрѣ чрезъ дватри поколѣнія. Причины распадѣнія—экономическаго характера. Центромъ одной изъ нихъ становилась одна или нѣсколько группъ сестеръ, центромъ другого—едино утробные ихъ братья. По гагайскому обычаю, нѣсколько сестеръ, болѣе или менѣе близкія по родству (т. е. родныя, двоюродныя, троюродныя и т. д.) были общими женами общихъ ихъ мужей, причѣмъ братья ихъ были исключены изъ сожительства съ ними; эти мужья не называли другъ друга братьями, каковыми имъ и не требовалось быть, а считались пуналуа, т. е. близкими товарищами. Такимъ же образомъ группа единоутробныхъ или болѣе отдаленныхъ по родству братьевъ находилась въ общемъ сожительствѣ съ нѣкоторымъ числомъ женщинъ, бывшихъ не сестрами имъ и эти женщины называли другъ друга пуналуа. Дѣти сестеръ моей матери все еще ея дѣти, такъ же, какъ дѣти братьевъ моего отца—его дѣти ²⁾).

Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что такой групповой бракъ, такая пуналуальная семья не чужды были въ старину и якутамъ. Такъ, въ сказкѣ Бѣлый Юноша женщина Кун Туналука (Свѣтящееся Солнце) описываетъ свою жизнь такъ: „тамъ родилась я, какъ среди спустившагося

¹⁾ Энгельсъ. Происх. сем., частн. собств. и государства, 26.

²⁾ Тамъ же 20—21.

стада восьми собравшихся въ верху стерховъ на звонко бѣломъ дѣвичьемъ островѣ; среди сыновей ихъ, какъ среди девяти спустившихся яловыхъ (холощенныхъ?) журавлей, сдружившихся въ одно стадо¹⁾. Жена Бѣлаго Юноши обращается къ своимъ домашнимъ слѣдующимъ образомъ: „почтенный (старикъ), мой отецъ и мать моя старуха! Восемь домовъ слугъ, братьевъ и родственниковъ, девять домовъ сестеръ и родственницъ, слушайте—смотрите, прямо отгадывайте, вѣрно понимайте“²⁾. Въ сказкѣ „Старуха со старикомъ“ старуха Симяхсинъ обращается къ своимъ господамъ: „господинъ мой, госпожа моя, ничтожные парни, плохенькія дѣвки, шушукующія невѣстѣ!“³⁾. Въ сказкѣ Хѣн Царгыстай герой скажи Бѣлый Юноша прибываетъ на такое мѣсто, гдѣ дѣвушки собирались въ общества; съ восторгомъ находились ловкія отборныя женщины⁴⁾. Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ данныхъ есть какъ бы нѣкоторые намеки на то, что у якутовъ существовалъ когда-то групповой бракъ въ формѣ пуналуальной семьи. Если это не такъ, то почему же въ такомъ случаѣ женщины въ извѣстной семьѣ какъ-бы обособляются и составляютъ отдѣльную группу?

За существованіе у якутовъ группового брака говоритъ, повидимому, и существующая у нихъ система родства. Названія родственниковъ означаются въ большинствѣ случаевъ словами, корень которыхъ ага, т. е. старшій, или балыс, т. е. младшій; напр. ага—отецъ, старшій, агас—старшая сестра, абага—дядя; балыс—всякій родственникъ моложе меня, младшая сестра, младшій родственникъ, младшая родственница и т. д. Такая система родства, по мнѣнію проф. И. Н. Смирнова, указываетъ на групповой бракъ⁵⁾.

¹⁾ Верх. Сбор. 162.

²⁾ Тамъ же 163.

³⁾ Тамъ же, 129.

⁴⁾ Тамъ же 145.

⁵⁾ Черемисы, Казань, 1889 г. 121—8; Вотяки, Казань 1890 г. 131.

Словомъ,—филологическій разборъ слова бїс, извѣстное общественное состояніе, которое пережили якуты, и существующая система родства допускаютъ возможность предполагать, что у нихъ существовалъ групповой бракъ и что бїс ұса означаетъ родъ, который происходилъ отъ свободныхъ, никому индивидуально не принадлежащихъ женщинъ, проще, бїс ұса—родъ группы женщинъ, живущихъ вмѣстѣ, родъ женскій, не мужской. Дѣти принадлежатъ цѣлому роду—бїс ұса, цѣлой группѣ матерей. Какъ я выше указывалъ при описаніи пуналуальной семьи, что дѣти сестеръ, родныхъ, двоюродныхъ, троюродныхъ и вообще родственницъ, живущихъ вмѣстѣ семей пуналуа, считаются дѣтьми каждой изъ нихъ и что каждая изъ нихъ считается матерью всѣхъ дѣтей, рождающихся въ этой семьѣ—пуналуа, такъ точно, вѣроятно, было и въ родѣ бїс ұса. На это указываетъ и существующій обычай называть мужчину или женщину дѣтьми такого-то рода; напр. Кумалан-Хаңалас уола, Кумалан—сынъ Хаңаласа или рода Хаңалас.

Отсюда слѣдуетъ, что въ это время даетъ свое имя роду не одна какая либо мать, а цѣлая группа матерей-самокъ. Впослѣдствіи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни одна мать даетъ свое имя роду, тогда и будетъ родъ материнскій іжә ұса. Слѣдовательно, до матриархата существовалъ родъ женскій, такъ или иначе связанный съ возникновеніемъ группового брака. Групповой бракъ тѣмъ и замѣчательнъ, что при его возникновеніи является бїс ұса—женскій родъ, при его развитіи—матриархатъ, родъ материнскій. Обыкновенно до сихъ поръ съ групповымъ бракомъ исторически права связывали только матриархатъ, но при изслѣдованіи древняго быта якутовъ, оказывается, что съ возникновеніемъ его связывается и родъ женскій. Такой выводъ имѣетъ нѣкоторое основаніе въ общей социологической литературѣ. Такъ, М. Ковалевскій ¹⁾ и Эн-

¹⁾ Очерки происхожденія семьи и собственности, 19.

гельсъ¹⁾, описывая групповой брак племени Камилораи, говорятъ, что племя распадается на двѣ группы—группу кумите и группу кроки, что каждый мужчина кумит-мужъ каждой женщины кроки и наоборотъ. Но никто изъ нихъ въ сожалѣнію, не объясняетъ, откуда происходятъ слова кроки и кумите. Не получаютъ ли они свое названіе, какъ и у якутовъ, отъ группы женщинъ?

Итакъ бѣс ѱса, по моему предположенію,—родъ женскій и представляетъ интересное явленіе изъ первобытной жизни якутовъ, которые, насколько позволяли средства, я и попытался объяснить

Перехожу затѣмъ къ матриархату—іѣѣ ѱса.

Почти всѣми социологами признано, что матриархатъ въ періодъ родового быта явленіе всеобщее и что онъ предшествовалъ патриархату, хотя и есть ученые, какъ Мэнъ и Тардъ, отрицающіе существованіе матриархата или считающіе его водовзмѣненіемъ патриархата.

У якутовъ, безъ сомнѣнія существовалъ матриархатъ, такъ какъ имѣется очень много данныхъ, говорящихъ за это; между прочимъ, существуетъ слово іѣѣ ѱса, что въ переводѣ означаетъ родъ матери.

Первый, кто упоминаетъ о „материнскомъ родѣ“ у якутовъ, это г. Сѣрошевскій, но онъ, видимо, имѣетъ довольно смутныя представленія о матриархатѣ у якутовъ. По его мнѣнію, материнскій родъ у якутовъ явленіе не самостоятельное, а производное; именно—материнскій родъ есть часть отцовскаго. Онъ говоритъ: „ага ѱса, „отчій родъ“, обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ іе (іѣѣ) ѱса, „материнскихъ родовъ...; подъ ага ѱса подразумѣвалось все потомство, происшедшее отъ одного отца, а іе (іѣѣ) ѱса это его вѣтви происшедшія отъ разныхъ женщинъ“²⁾. О существованіи материнскаго рода онъ догады-

¹⁾ Происхожденіе семьи, собственности и государства, 25.

²⁾ Якуты, 507.

вается потому, что есть роды, носящіе женскія имена ¹⁾. Кромѣ того, онъ допускаетъ существованіе материнскаго счисленія родства, не подтвердивъ, однако, свое положеніе ни однимъ фактомъ. Вотъ, въ сущности, все, что говоритъ по данному вопросу г. Сѣрошевскій.

На самомъ дѣлѣ, есть факты, прямо говорящіе за то, что у якутовъ существовалъ матриархатъ и при этомъ раньше патриархата.

По словамъ самаго г. Сѣрошевскаго, „есть многіе роды, происходящіе отъ женщинъ“ ²⁾. Есть, напр., іѣа үса материнскіе роды Хобохтѣх, Кѣтѣх, Сүгасардѣх, Аркы (Намскаго улуса, Якутскаго округа) Малахай, Бхар, Молохной ³⁾. Якуты считаютъ родство по матери. Напр. дядя по отцу убай, а дядя по матери тѣй; тетка по отцу саңас (старшая), аңий (млад.). Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что было время, когда родство считалось по матери. Особенно яркимъ примѣромъ является названіе тетки по отцу саңас, что въ переводѣ значитъ новая, новая родственница. А названіе дяди по отцу взято изъ названія старшаго брата, который также называется убай. Названіе аба указываетъ на ея выдающееся положеніе въ семьѣ, такъ какъ аба значитъ почтенная.

У якутовъ существуетъ слѣдующій, на первый взглядъ странный обычай. При трудныхъ родахъ роженица обязана перечислить всѣхъ своихъ любовниковъ подъ страхомъ смерти отъ родовъ. Повитуха (по якутски бабыска; это испорченное русское бабушка) должна руководить вопросами, называя то одного, то другого мужчину, отъ котораго могло быть зачато дитя. Впрочемъ, это не обязательно; можетъ и сама роженица перечислить всѣхъ своихъ любовниковъ; при этомъ повитуха только указываетъ на ея обязанность не пропустить ни одного изъ нихъ.

¹⁾ Тамъ же 435. 507.

²⁾ Тамъ же, 508.

³⁾ Тамъ же, 435.

Этотъ обычай, мнѣ кажется, достаточно ясно указываетъ, что было время, когда извѣстна была только мать, а отецъ неизвѣстенъ; въ противномъ случаѣ, зачѣмъ вопросы при родахъ: не зачато ли дитя отъ такого-то мужчины?

Далѣе, всѣмъ извѣстная свобода половыхъ сношеній у якутовъ также указываетъ на періодъ матриархата, такъ какъ только матриархатъ характеризуется ничѣмъ инымъ, какъ свободнымъ половымъ общеніемъ ¹⁾. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія вышедшій изъ употребленія обычай гостепріимнаго гетеризма. По преданію, въ старину существовали у якутовъ обычай преллагать гостю на ночь свою жену, дочь или когонибудь изъ своихъ родственницъ. Слѣды этого видимъ въ сказкахъ. Очень часто гость спрашиваетъ хозяевъ „куда вы кладете спать вашихъ гостей?“ Женщина отвѣчаетъ ему: „если не брезгаешь, то ложись со мной“ ²⁾. Этотъ старинный обычай, какъ было указано уже выше, далъ даже поводъ г. М. В-чу утверждать, что будто и въ настоящее время у якутовъ существуетъ гостепріимная проституція. Г. Сѣрошевскій записалъ, что въ старину братья отдавали своихъ сестеръ замужъ, предварительно лишивъ ихъ невинности ³⁾. Такіе факты, по словамъ Энгельса и Бахофена, указываютъ на матриархатъ ⁴⁾.

Въ брачномъ правѣ якутовъ существуетъ такой обычай. Женихъ послѣ сговора вступаетъ во всѣ права мужа на невѣсту и часто ночуетъ у нея, въ домѣ тестя. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока мужъ не уплатитъ всего калыма. Жена переѣзжаетъ въ домъ мужа только тогда, когда онъ заплатитъ весь калымъ, а платежъ калыма можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ. Это хожденіе мужа къ женѣ въ домъ

¹⁾ Энгельсъ. Происхожд. семьи, собств. и госуд. 31—2.

²⁾ Верх. Сбор., 90—92.

³⁾ Якуты, 561.

⁴⁾ Энгельсъ. Происх. семьи, собств. и госуд., 34.

тестя не безъ основанія считается остаткомъ матриархата ¹⁾. Наконецъ, въ вѣрованіи якутовъ есть указаніе на слѣды матриархата. Такъ, каждый шаманъ обладаетъ іе (іѣ) кыла (въ переводѣ—звѣрь матери, материнскій звѣрь) „духомъ покровителемъ и сверху ниспосланнымъ звѣринымъ образомъ“. Іѣ кыла—звѣриное воплощеніе. Шаманы могутъ имѣть воплощеніемъ какого угодно звѣря (іѣ кыла). Такъ, въ числѣ іѣ кыла упоминаются: собака (ыт абасылах іѣ кыла), быкъ, жеребецъ, орелъ, лось, черный медвѣдь, воронъ ²⁾. Мнѣ кажется, что іѣ кыла (материнскій звѣрь), воплощеніе шамава, есть ни больше—ни меньше, какъ родовые знаки, тамги бывшихъ материнскихъ родовъ. При побѣдѣ патриархата родовые знаки материнскихъ родовъ обратились въ покровителей шамановъ. Замѣчательно, что при патриархальномъ строѣ родовыми знаками отцовскихъ родовъ дѣлаются другіе предметы, напр. Лисаца, Медвѣдь (прежде при матриархатѣ черный медвѣдь), Венера, Желудокъ, Плѣшивый, Обжора и т. д. ³⁾.

Вообще время матриархата характеризуется временемъ общинно-родового устройства. По словамъ Энгельса, въ это время существуетъ общность имущества ⁴⁾. И у якутовъ былъ, повидимому, періодъ родового коммунизма, на что указываетъ въ сказкахъ. Напр., въ сказкѣ Хоро описывается порядокъ, когда „всѣ они (якуты) жили въ одномъ домѣ“ ⁵⁾. Въ сказкѣ „Низенькая старушка съ пятью коровами“ описывается большая семья-родъ: „прислужники (разнимающіе) изъ девяти домовъ Харахъ-Ханъ господина, домочадцы съ восьми домовъ, комнатные слуги съ семи домовъ, девять господъ сыновей,

¹⁾ Тайлоръ. Этнограф. обзор. V, 7, 8. (Цитир. по И. Н. Смирнову—Пермяки)

²⁾ В. Сѣрошевскій Якуты, 635—6.

³⁾ В. Сѣрошевскій. Якуты, 470.

⁴⁾ Происхожденіе семьи собств. и госуд., 32.

⁵⁾ Верх. Сб., 55.

родившіеся, какъ девять журавлей (туруа)¹⁾. Есть много мѣстъ въ сказкахъ, собранныхъ Худяковымъ, гдѣ описывается община, но приводить ихъ я не стану, такъ какъ довольно трудно опредѣлить, куда отнести эти общины, ко времени ли матриархата или ко времени патриархата.

Мнѣ кажется, что всѣ эти данныя съ достаточной ясностью говорятъ, что у якутовъ существовалъ матриархатъ.

Существованіе матриархата у якутовъ признаетъ и г. В. С. Е.²⁾

РОДОВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ

(Родъ отца—ага ўса).

Патриархальный бытъ, отцовскій родъ, характеризуется тѣмъ, что во главѣ рода стоитъ старшій въ родѣ, что онъ даетъ свое имя роду. По нему называется родъ отцовскимъ (ага ўса, по якутски). Патриархъ можетъ имѣть одну или нѣсколько женъ. При патриархатѣ, въ началѣ возникновенія и въ періодъ полнаго разцвѣта существуетъ общность имущества.

Разложеніе рода на мелкія семьи и появленіе частной собственности указываетъ на упадокъ патриархальнаго быта. Патриархальный бытъ характеризуется еще и тѣмъ, что въ это время развивается культъ предковъ и домашняго очага.

Причину перехода отъ матриархата къ патриархату одни видятъ въ томъ, что мужчины приобрѣтаютъ женщинъ въ качествѣ собственности на войнѣ или куплей; въ томъ и другомъ случаѣ женщина подчиняется мужчинѣ и считается вещью³⁾.

¹⁾ Верх Сб. Худ., 55.

²⁾ Извѣстія В. С. О. И. Р. Г. О., XXVI, №№ 4—5, 216—222.

³⁾ М. Ковалевскій. Оч. происхожд. семьи и собственности.

Другіе причину перехода отъ матриархата къ патриархату видятъ въ томъ, что появленіе домашняго скота сдѣлало мужчину болѣе сильнымъ, чѣмъ женщину, что и поставило мужчину во главѣ женщинъ ¹⁾). Не рассматривая въ настоящемъ случаѣ, кто изъ нихъ правильно рѣшаетъ вопросъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю необходимымъ указать, что у якутовъ при переходѣ изъ матриархата въ патриархатъ сыграло большую роль появленіе домашняго скота.

Древній якутскій бытъ характеризуется предпочтеніемъ коннаго скота; богатыри божьи всѣ ѣздятъ на лошадяхъ и только дьявольскіе богатыри иногда ѣздятъ на быкахъ ²⁾). Лошадь считалась денежной единицей. Слово купля—продажа (аты) происходитъ отъ слова ат—лошадь. По статистическимъ даннымъ прежде лошадей было больше, но количество ихъ постепенно уменьшается, зато рогатый скотъ размножается.

У якутовъ и теперь существуетъ родовая организація, основой которой служитъ родъ отца—ага ўса. Изъ разныхъ комбинацій родовъ образовались административныя единицы, но основой всему дѣленію служитъ родъ, поэтому прежде всего нужно описать организацію рода. Но, что такое родъ? По Зиберу „родъ материнскій состоялъ изъ женскаго предка и его дѣтей вмѣстѣ съ дѣтьми его дочерей и его женскихъ потомковъ по женской линіи. Родъ (отцовскій) состоялъ изъ мужчины-предка и его дѣтей, вмѣстѣ съ дѣтьми его сыновей и его мужскихъ потомковъ по мужской линіи и т. д.; дѣти его дочерей и его женскихъ потомковъ по женской линіи были исключены“ ³⁾). По Энгельсу, родъ состоитъ изъ кровныхъ родственниковъ, не могущихъ вступить между собой въ бракъ ⁴⁾). Слѣдовательно, родъ есть разросшаяся семья, груп-

¹⁾ Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собств. и госуд., 37—8.

²⁾ Верх. Сб., 100, 102.

³⁾ Очерки первобытной эконом. культуры, 294.

⁴⁾ Происхожд. сем., частн. собств. и госуд., 72.

на родственныхъ между собой лицъ, не могущихъ вступать между собой въ бракъ.

У якутовъ теперъ родъ отцовскій, основанный на кровномъ родствѣ (ага ұса). Съ увеличеніемъ рода кровное родство ступшевыается и на его мѣсто выступаетъ только сознаніе единства происхожденія отъ одного общаго родоначальника, имя котораго въ громадномъ большинствѣ случаевъ служить и именемъ рода. Каждый представитель извѣстнаго рода прекрасно знаетъ жизнь и приключенія своего предка—родоначальника и, въ случаѣ надобности, докажетъ чрезъ цѣлый рядъ посредствующихъ именъ свое происхожденіе отъ него. Этимъ признакомъ, этимъ сознаніемъ своего происхожденія отъ общаго родоначальника, родъ, въ смыслѣ лицъ, связанныхъ между собой кровнымъ и ближайшимъ родствомъ, отличается отъ другихъ соединеній, отъ другихъ родовъ вторичной и третичной формаціи. Какъ извѣстно, въ наукѣ строгаго установлено, что извѣстный народъ дробится на роды, фратріи и племена¹⁾. Изъ родовъ составляются фратріи, изъ фратрій—племена. Такъ, и у якутовъ существовали роды (біс ұса, іја ұса, ага ұса), аймах'и (фратріи) и цон'ы (племена). Чтобы отдѣлить родъ отъ производныхъ отъ него родовъ, нужно принять вышесказанное опредѣленіе рода. Поэтому, мнѣ кажется, напрасно г. Сѣрошевскій старается найти ту послѣднюю степень родства у якутовъ, которая ограничивала бы родъ отъ другихъ соединеній²⁾. По моему мнѣнію, у якутовъ нѣтъ и не могло быть понятія о той степени родства, которая служила бы границей, откуда начинался бы другой родъ. Это опредѣлялось другими условіями. Какъ и у каждаго народа, у якутовъ были роды маленькіе и большіе. Малочисленность и многочисленность ихъ зависѣла отъ разныхъ причинъ, не имѣвшихъ ничего общаго со степенями родства.

¹⁾ Зиберъ. Очерки первоб. эк. культ., 291, 295; Энгельсъ. Происх. семьи, части. соб. и госуд., 77.

²⁾ Якуты, 433—6.

Извѣстно, напр., что былъ родъ, состоящій только изъ 17 чело-
вѣкъ ¹⁾). Были роды весьма крупныя съ значительнымъ раз-
дѣленіемъ труда ²⁾).

Роды составляли изъ себя, въ извѣстномъ смыслѣ, не
только политическую единицу, но и хозяйственную. У нихъ
велось коммунистичное хозяйство: все было общее, какъ до-
бываніе продуктовъ, такъ и ихъ потребление. Общинно-хозяй-
ственную организацію якутовъ мы видимъ въ сказкахъ, пре-
даніяхъ и въ пережиткахъ старины.

Пережитки старины показываютъ, что у якутовъ была
общность имущества. У нихъ существуетъ обычай, въ силу
котораго якутъ убивающій скотину для своего потребления
(идăсă) обязанъ не только накормить и одѣлать мясомъ при-
сутствующихъ, но одѣлать и своихъ сосѣдей. Не исполнить
этого обычая нельзя, иначе можно нажить враговъ. Тоже
самое получается и въ томъ случаѣ, когда рубится стегно
мяса. Одѣленіе мясомъ присутствующихъ и отсутствующихъ
сосѣдей съ одной стороны, требованіе одѣленія съ другой—
не просто обычай, а право одного и обязанность другого.
Этотъ обычай съ характеромъ права и обязанности выпол-
няется всѣми и дерзкіе, противящіеся ему, встрѣчаются чрез-
вычайно рѣдко. На общность же потребления имущества цѣ-
лымъ родомъ показываетъ поведеніе рода по отношенію къ
разнымъ немущимъ. Безъ допущенія общности имущества
въ прошломъ трудно объяснить гуманное отношеніе рода къ
такимъ немущимъ. Лицами, могущими рассчитывать на по-
мощь рода, считаются всѣ, не могущіе снискать себѣ пропи-
таніе своимъ трудомъ. Изъ нихъ я здѣсь упомяну только
ітімці (въ Верхоянскомъ округѣ кумалан) и умнасыт. Ітімці
называются или разорившіеся домохозяева, или дѣти и ста-
рики, неспособныя къ работѣ. Они не просятъ милостыню,

¹⁾ Верх. Сб., 55.

²⁾ Тамъ же, 104.

а просятъ только помощь, кѣмб. За исполненіе разныхъ мелкихъ порученій сородичи ихъ кормятъ, одѣваютъ. Они живутъ обыкновенно у какова нибудь богача. И въ этомъ положеніи родъ его не оставляетъ, заботится о немъ. Нищіе переходятъ съ мѣста на мѣсто, ночуютъ, у кого приходится, даже у богача. Никто не имѣетъ права прогнать нищаго, отказать въ ночлегѣ,—это будетъ позоръ для якута. Во время болѣзни и старости ихъ содержитъ на свой счетъ родъ.

На существовавшую общность имущества указываетъ и право участія при дѣлежѣ добычи. Всякій прохожій даже не сородичъ, имѣетъ право доли въ добычѣ. Это особенно проявляется при неводьбѣ. Вся добыча дѣлится поровну между всѣми присутствующими. Собственникъ невода получаетъ одну долю за себя, одну за неводъ, одну за подводы. Члены его семейства, если они желаютъ получить свои доли, обязаны явиться при дѣлежѣ добычи. Собственникъ невода обязанъ соблюдать обычай, въ противномъ случаѣ отъ насмѣшекъ ему не будетъ житья. Впрочемъ, мнѣ не извѣстенъ случай, когда бы собственникъ поступилъ иначе. Иногда при хорошемъ уловѣ, положеніе собственника довольно трагическое. Онъ обязанъ дѣлить добычу, а дѣлежъ иногда продолжается цѣлыми сутками.

На общность потребленія продуктовъ указываетъ обычай при свадьбахъ. На свадьбѣ участвуютъ всѣ родичи жениха и невѣсты. Родичи жениха говорятъ: это свадьба нашего сына; родичи невѣсты говорятъ: мы выдаемъ свою дочь за такого то; всѣ они считаютъ себя въ правѣ обязательно участвовать въ свадебномъ пиршествѣ. Никто еще этого обычая не переступалъ. Очевидно свадьба прежде была дѣломъ цѣлаго рода. Кромѣ всего этого, всѣмъ извѣстно широкое гостепріимство якутовъ, этотъ остатокъ общности имущества. Можно бы привести массу фактовъ, показывающихъ черепитки старяны, когда несомнѣнно существовали общность имущества и общее потребленіе продуктовъ. Но, мнѣ кажется, достаточно

и приведенныхъ, чтобы не усомниться въ существованіи въ прошломъ общности имущества у якутовъ.

Въ добавокъ къ этому можно еще привести описаніе старинной общины въ сказкахъ. Вотъ какъ описывается эта община. „Это было мѣсто, гдѣ поставлено десять берестяныхъ урась, натянуть девятигранный господинъ ремень для привязыванія жеребятъ; мѣсто, гдѣ собирались остроумныя головы, гдѣ бодался четверотравный скотъ и сходились мягкогвивыя (кобылы); въ табуны собирались мало дорогіе; имѣющіе спинной хребетъ собирались какъ полавки; имѣющіе пятки толпились, гдѣ молодые парни боролись между собой; вертѣлись верткіе мушцины; гдѣ дѣвушки собирались въ общества; съ восторгомъ находились ловкія отборныя женщины“ ¹⁾. Такое же описаніе общины находимъ и въ другихъ сказкахъ, напр., въ сказкѣ Бѣлый юноша ²⁾, Старуха со старикомъ ³⁾ и т. д. Во всѣхъ подобныхъ сказкахъ описывается совмѣстная жизнь якутовъ. Община обладаетъ большимъ количествомъ коннаго и рогатаго скота.

Всѣ члены рода носятъ различныя обязанности. Родоначальникъ распоряжается всѣми и каждому даетъ особое назначеніе, отдѣльную должность ⁴⁾. Раздѣленіе труда находится въ зависимости отъ величины рода. Если родъ незначительный, то и раздѣленіе труда незначительное; если же родъ большой, то и раздѣленіе труда довольно значительное. Въ сказкѣ „Хорошій Юджіанъ“, описывается жизнь двухъ братьевъ — Хорошаго Юджіана и Худого Ходжугура. Первый изъ нихъ является промышленникомъ, второй присматриваетъ за домомъ, за домашними работами ⁵⁾. Образчикъ раздѣленія труда въ крупномъ родѣ описывается въ сказкѣ Бартъ Хара слѣдую-

¹⁾ Верх. Сбор., 145.

²⁾ Тамъ же, 137.

³⁾ Тамъ же, 113.

⁴⁾ Тамъ же, 233.

⁵⁾ Тамъ же, 74.

щимъ образомъ: „Одинъ человѣкъ прискавалъ въ поле; пригналъ одинъ табунъ кобылъ, загналъ въ огородъ. Ловащій петлей парень Огутакаы поймалъ петлей одну жирную кобылу (стародойку). Надѣвающій недоуздокъ Сулуръ батыръ надѣлъ недоуздокъ. Обрывающій становую жилу Юѣбгай парень оборвалъ жилу. Сдирающій шкуру Сурдургасъ Самдаргасъ содралъ шкуру. Масникъ Кыбыргасъ Хабыргасъ разрубилъ по частямъ мясо. Поваръ парень Бусуханъ сварилъ. Ырбайбанъ Малыхсанъ, снимающій жиръ, снялъ жиръ. Перекладывающій изъ горшка длиннорожій (холойбон) парень выложилъ. Раздающій (мясодаръ) Разброса Сарайба (Ўрайба Сарайба) роздалъ. Выложивши, принесли, натянули, подали гостю (пищу) въ одной кобыльею кожѣ. Четыре юноши чловѣка, взявъ въ большую съ четырьмя кольцами кожанную посуду кумысу, принесли, поставили.“¹⁾ Въ сказкѣ Бѣлый Юноша описывается приготовленія оружія слѣдующимъ образомъ: „Была у него (у Бѣлаго Юноши) оружіе пальма, которую (обработывали) разные кузнецы: Кѣваненъ кузнецъ раздувалъ мѣхомъ; Бавананъ кузнецъ билъ молотомъ; Токоновъ кузнецъ смотрѣлъ, Кыгынанъ кузнецъ смотрѣлъ (прицѣливаясь) прямолинейно, Алысъ луканъ кузнецъ напильвалъ, напилкомъ, Хатысъ луканъ накаливалъ, Кикенянъ кузнецъ отсвѣтливалъ“²⁾. Одни члены рода промышляли, другіе пасли скотъ, третьи смотрѣли за домомъ. Женщины хозяйничали дома, доили коровъ и кобылъ. Были люди несвободные, рабы и слуги, которые выполняли разныя рабскія работы. Такъ Симѣхсінъ Амѣхсін чистила хотон (хлѣвъ) и т. д. Всѣ участвуютъ въ общей работѣ, зато всѣ участвуютъ и въ потребленіи продуктовъ, добываемыхъ общимъ трудомъ.

Во главѣ рода стоитъ родоначальникъ. Въ старину, когда родъ былъ немногочисленный, во главѣ рода стоялъ

¹⁾ Верх. Сб., 103—4.

²⁾ Тамъ же, 137.

старшій въ родѣ, который считался предкомъ всѣхъ свободныхъ членовъ рода. Съ размноженіемъ рода, когда является уже не одинъ старшій, а много, власть переходитъ, по выбору рода, на одного изъ старшихъ, а другіе старшіе являются въ качествѣ совѣтниковъ выборнаго родоначальника и цѣлаго рода. На выборъ родоначальника указываютъ сказки. Въ сказкахъ „Чирокъ и Беркутъ“ и „Летающія крылатя“ описывается выборъ начальника ¹⁾. Выборъ—не пожизненный, родъ всегда можетъ устранить стараго и выбрать новаго начальника ²⁾. Дѣла важныя, касающіяся всего рода, напр., розыскъ новыхъ мѣстъ, война, судъ надъ своимъ членомъ въ крупныхъ проступкахъ рѣшаются цѣлымъ родомъ въ общемъ собраніи. Въ собраніи предсѣдательствуетъ родоначальникъ (огои́нор. кырцагас), вокругъ него стоятъ или сидятъ старики (кырцагастар); вокругъ нихъ стоятъ всѣ члены рода. Родовой сходъ изображалъ изъ себя кругъ, въ центрѣ котораго находился родоначальникъ, около него старшіе, а дальше просто члены. Въ родовомъ сходѣ участвовали всѣ. Участвовали ли на сходѣ женщины, за неименіемъ данныхъ, рѣшить трудно. Если принять во вниманіе довольно свободное положеніе женщины въ родѣ; если принять во вниманіе, что женщины являются лицами совершенно независимыми, напр. есть женщины—богатыри (Кыланнахъ кыс бухатыр), и если, наконецъ, имѣть въ виду, что еще неособенно давно господствовалъ матриархатъ, то можно съ вѣроятностью допустить участіе женщинъ на сходѣ. Рабы обыкновенно на сходѣ не участвовали. Впрочемъ, кажется, были чрезвычайные случаи, когда весь родъ въ полномъ составѣ участвовалъ на сходѣ. О такого рода сходкахъ якуты говорятъ: хамныр харамай муһһу-стубут., т. е. собралось все движущееся. На сходѣ каждый имѣетъ право говорить, что ему угодно. Никто, даже родо-

¹⁾ Верх. Сбор., 67—74.

²⁾ Тамъ же, 72—3.

начальникъ, не имѣетъ права воспретить кому бы то ни было говорить. „Кто бы то ни былъ—воленъ говорить среди общества какое бы то ни было слово, а если скажетъ виновное слово и вина его докажется народомъ, то за вину будетъ отвѣчать.“¹⁾ Родовой сходъ рѣшаетъ дѣла о войнахъ и мирѣ. о переѣздѣ съ одного мѣста на другое, женить своихъ молодыхъ людей, потому что они считаются дѣтьми рода, выдаетъ замужъ дѣвицъ, наследуетъ послѣ бездѣтной смерти одной изъ дочерей рода въ чужомъ родѣ и т. д. На обязанности же рода было давать молодому человѣку, достигшему зрѣлаго возраста (зрѣлый возрастъ нигдѣ не опредѣленъ), имя, лошадь, оружіе, платье, известную должность²⁾. Только съ этого момента молодой человѣкъ дѣлался дѣйствительнымъ и полнымъ членомъ рода, онъ только съ этого момента считался воиномъ, могущимъ вступить въ ряды войска.

Родъ не имѣлъ опредѣленной территоріи, кочевалъ съ мѣста на мѣсто. Жильемъ служили урасы, которые легко переносились и перевозились. На нихъ указываютъ сказки, остатки старины и обстоятельства того времени. Въ началѣ настоящаго столѣтія Врангель видѣлъ урасы, служащія жильемъ для якутовъ³⁾. И теперь кое гдѣ можно еще видѣть урасы, которые служатъ лѣтнимъ помѣщеніемъ. Въ настоящее время, по словамъ г. Сѣрошевскаго, старинную родовую жизнь напоминаютъ сайлык'и (лѣтнія жилища якутовъ). Въ этихъ сайлык'ахъ роды группируются отдѣльно. Въ то время осѣдлая жизнь была почти невозможна, потому что главнымъ источникомъ богатства служилъ конный скотъ, а онъ требуетъ перемѣны пастбища. Осѣдлая жизнь началась съ увеличеніемъ рогатаго скота и поселеніемъ на берегахъ Лены.

Члены рода—общины, какъ указывалось выше, жили общою жизнью, сообща добывали средства пропитанія, сообща

¹⁾ Верх. Сб., 72.

²⁾ Тамъ же, 203, 233.

³⁾ Путеш. по Сибири, II, 65.

же потребляли продукты. Общее потребление продуктов требовало и общего очага. Такой очагъ дѣйствительно былъ, и почитался, какъ источникъ всякихъ благъ. Съ очагомъ связывали благосостояніе цѣлаго рода. Въ сказкахъ довольно часто встрѣчаются угрозы такого рода: „огонь вашъ я разорю, разстрою и золу смѣшаю“ ¹⁾. Или же придается громадное значеніе присутствію очага и онъ называется священнымъ ²⁾. Очагъ долженъ вѣчно горѣть, по крайней мѣрѣ тлѣть, и члены рода не должны давать потухнуть очагу ³⁾. Очагъ обоготворялся въ видѣ особаго бога. Замѣчательно, что богъ очага не одинъ, а семеро—братьевъ. На что указываетъ число семь, трудно рѣшить. Впослѣдствіи, когда среди родовъ образовались семьи, то богъ очага перекочевалъ въ семью и занялъ выдающееся положеніе въ ея жизни. Впрочемъ, и родъ не остался безъ своего покровителя. Гг. Сѣрошевскій и Щукинъ говорятъ, что у якутовъ былъ и есть родовой богъ, но не указываютъ кто онъ и какъ его зовутъ ⁴⁾. Одинъ князь Костровъ указываетъ на Бехсит, какъ на бога и покровителя рода ⁵⁾. Въ связи съ культомъ очага, по словамъ г. Приклонскаго, ⁶⁾ стоялъ родовой праздникъ ысмах. Въ старину онъ, видимо, состоялъ въ томъ, что приносилось богу огня жертва въ видѣ кумыса и масла. При этомъ благодарили бога огня за милости, дарованныя якутамъ въ видѣ скота, кумыса, здоровья и просили всего, чего имъ хотѣлось, особенно изобилія во всемъ. Но изъ такого скромнаго праздника впослѣдствіи выработалось цѣлое торжество. Благодарятъ и просятъ уже не бога огня, а бога всѣхъ якутовъ Арт Тойон'а. Это показываетъ, что ысмах—строго родовой празд-

¹⁾ Верх. Сб., 63, 84.

²⁾ Тамъ же, 102.

³⁾ Тамъ же, 121.

⁴⁾ Якуты, 655; Поѣздка въ Якутскъ, 276.

⁵⁾ Записки И. Р. Г. О., 1890 г., VIII, 273.

⁶⁾ Три года въ Як. об., Ж. С., 1890, 2 к., 25.

нихъ вначалѣ, въ послѣдствіи, когда умножились роды, сдѣлался чуть ли не между родовымъ праздникомъ, объединяющимъ разрозненные роды ¹⁾). Такойъ праздникъ могъ указать на общность ихъ происхожденія. Въ развитомъ видѣ праздникъ состоитъ въ слѣдующемъ. Весной, въ концѣ мая или въ началѣ іюня, какой либо богачъ (прежде, вѣроятно, цѣлый родъ) копитъ громадное количество кумыса въ кожаныхъ посудахъ—сірі ісіт. Если ысахъ дѣлаетъ человѣкъ средняго достатка, то ему помогаютъ сосѣди. На поляхъ, гдѣ можно удобно расположиться собравшемуся народу, втыкаютъ въ землю два шеста съ перекладиной (это такъ называемый чѣчир), ихъ убираютъ молодыми березками. Подъ ними ставятъ кумысъ. На ысахъ собираются безъ всякаго приглашенія, по однимъ слухамъ. Самый обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ. 9 юношей стоя на лѣвомъ колѣнѣ, лицомъ на югъ, держатъ въ рукахъ чорон-ахах'и, полные кумыса съ масломъ. Одинъ изъ старшихъ присутствующихъ, если нѣтъ шамана, подходитъ къ каждому юношѣ съ ковшемъ (абір хамыйах, который похожъ на ковшъ, но только съ четырьмя углубленіями вмѣсто одного) и, черпая изъ чорон'овъ, брызгаетъ въ пространство, призывая по очереди 9 небесныхъ божествъ. Послѣ призыва каждаго божества, онъ кричитъ „уруй“! Въ послѣдствіи этотъ обрядъ видоизмѣнился. Вмѣсто 9 юношей и шамана, сталъ дѣйствовать хозяинъ или одинъ изъ старшихъ. Онъ, поднимая чоронъ, трижды обращается со словами благодарности и просьбы Арт Тойону, и трижды восклицаетъ „уруй“! Ему вторятъ всѣ. Послѣ этого онъ отпиваетъ немного кумыса изъ чорона и передаетъ другимъ. Чоронъ обходитъ всѣхъ. Вслѣдъ затѣмъ начинаются игры, борьба, скаканіе на одной (кылы) и на двухъ ногахъ, бѣгъ и т. д. По словамъ г. Сѣрошевскаго, ысах'и были нѣчто въ родѣ военныхъ маневровъ.

¹⁾ Сѣрош., Якуты, 461.

РАЗДРОБЛЕНИЕ РОДОВЪ И ИХЪ КОМБИНАЦІИ.

Родъ—община съ коммунистическимъ характеромъ веденія хозяйства могъ существовать до извѣстнаго предѣла при извѣстномъ численномъ составѣ. Разъ численный составъ рода соотвѣтствовалъ экономическимъ, географическимъ и социальнымъ условіямъ, то родъ продолжалъ жить общою жизнью, въ противномъ случаѣ наступало дробленіе рода. Предѣлъ численнаго состава рода, при которомъ возможна общая жизнь, зависѣлъ прежде всего отъ экономическихъ и географическихъ условій. Пастушескому народу, какимъ были якуты, требуется опредѣленное количество скота, который своими продуктами могъ прокормить цѣлый родъ. Количество скота зависѣло отъ мѣстныхъ условій, отъ состоянія пастбища и отъ самаго рода скота, т. е. конный или рогатый скотъ. Конный скотъ соединяется въ крупныя стада и весьма подвиженъ для быстрыхъ переходовъ, поэтому такой скотъ очень удобенъ для кочевого образа жизни. Наоборотъ, рогатый скотъ мало подвиженъ, съ нимъ очень трудно совершать быстрые передвиженія. Весьма вѣроятно, что въ старину у якутовъ преобладалъ конный скотъ, такъ какъ, видимо, денежной единицей служила лошадь—ат. Слово ат—лошадь—служитъ корнемъ во всѣхъ словахъ, обозначающихъ мѣну (атастасабын), куплю—продажу (атыласабын), и торговлю (аты) и т. д. Кромѣ того, достоверно извѣстно, что прежде конный скотъ преобладалъ надъ рогатымъ. Такъ изслѣдователи края и старики указываютъ, что коннаго скота прежде было больше, а теперь количество его постепенно уменьшается. Въ сказкахъ съ большею любовью описывается лошадь, какъ другъ и помощникъ богатыря во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Она же большую роль играла при признаніи молодого человѣка совершеннолѣтнимъ, такъ какъ при этомъ ему назначалась лошадь. Всѣ сказочные богатыри совершаютъ свои подвиги на лошадяхъ. Для образнаго описанія чегонибудь берется лошадь. Такъ,

столь сравнивается съ лошадыю, переходящею чрезъ болота (бадарѣн). Только дьявольскіе богатыри совершаютъ свои подвиги иногда на быкахъ. Въ то время, когда якуты кочевали въ степяхъ между Алтаемъ и Байкаломъ, у нихъ, повидимому, былъ преимущественно конный скотъ. Съ нимъ можно было совершать быстрыя передвиженія. Въ этихъ степяхъ было полное приволье для скота и, можно думать, что въ то время роды были крупныя, такъ какъ можно было содержать большое количество скота. Насколько велики были стада и насколько велики были роды, сказать довольно трудно. Можно, конечно, дѣлать предположенія о величинѣ стадъ и родовъ, но будутъ ли они соответствовать дѣйствительности, это другой вопросъ. Г. Сѣрошевскій думаетъ, что община—родъ въ Якутской области состояла изъ 50 ч. съ 300—500 лошадыми ¹⁾). Для рода—общины до переселенія якутовъ въ Як. об. онъ допускаетъ больше. За неизмѣнимъ точныхъ данныхъ, нельзя ни принять, ни опровергнуть это предположеніе. Можно думать, что въ то время роды были крупныя, сообразно съ этимъ было и большее скопленіе скота и людей. Въ сказкахъ описываются мѣста, гдѣ скопляется много народу и скота.

Одно стойбище описывается слѣдующимъ образомъ: „Это было мѣсто, гдѣ поставлено девять берестяныхъ урасъ; натянутъ девятигранный господинъ ремень для привязыванія жеребятъ; мѣсто, гдѣ собирались остроумныя головы, гдѣ бодался четверо-травый свогъ и сходились мягкогровыя (кобылы); въ табуны собирались мало дорогіе; имѣющіе спинной хребетъ собирались, какъ полавки; имѣющіе пятки толпились; гдѣ молодые парни боролись между собой; вертѣлись верткіе мужчины; гдѣ дѣвушки собирались въ общества; съ восторгомъ находились ловкія отборныя женщины“. ²⁾ У героя одной

¹⁾ Якуты, 44б.

²⁾ Верх. Сбор., 145.

сказки, Бѣлаго Юноши, имѣется: восемь табуновъ кобылъ, девять хотоновъ коровъ¹⁾. У героевъ сказки „Старуха со старикомъ“ имѣется: „девять домовъ рабовъ, восемь домовъ невольниковъ, семь домовъ прислужницъ“²⁾. Вообще во всѣхъ сказкахъ описывается значительное скопленіе народа и скота. Есть въ литературѣ указаніе, что боевой отрядъ тойон'а не превышалъ 50—60 ч.³⁾. Есть указаніе въ сказкахъ, что отрядъ воиновъ состоялъ изъ 200 воиновъ⁴⁾. Если вмѣстѣ съ авторомъ статьи „Герои Татты и Амги“, Н. Г.⁵⁾, допустимъ, что были наемные воины и что число послѣднихъ составляло половину войска, и то придется къ тому заключенію, что были очень крупныя роды, не меньше 400—500 ч. Количество скота должно было соответствовать потребностямъ такого большого рода. Были конечно и маленькіе роды. Однако, слишкомъ крупныя роды не могли существовать, потому что какъ ни привольны степи, онѣ въ извѣстномъ районѣ, гдѣ есть трава и вода, не могли прокормить больше извѣстнаго количества. Это служило предѣломъ дальнѣйшему увеличенію рода. Если въ извѣстномъ районѣ скотъ не могъ прокормиться, то родъ дѣлится на двѣ части,—одна часть уходила въ одну, другая—въ другую сторону. На такой способъ дѣленія рода указываетъ классическій примѣръ раздѣленія Лота съ Авраамомъ. „У Лота, который ходилъ съ Авраамомъ, также былъ мелкій и крупный скотъ, и шатры. И не помѣстительна была земля для нихъ, чтобы жить вмѣстѣ, ибо имущество у нихъ было такъ велико, что они не могли жить вмѣстѣ и отдѣлились они другъ отъ друга“⁶⁾. Одинъ изъ родовъ назывался по старому, другой, въ большинствѣ

¹⁾ Тамъ же, 137.

²⁾ Тамъ же, 113.

³⁾ Сибир. Сборникъ 1896 г., III в. 302.

⁴⁾ Верх. Сбор., 211.

⁵⁾ Сибир. Сборн. 1896 г., III в. 302.

⁶⁾ Книга Бытiя, XIII, 5—6, 11.

случаевъ, назывался по имени того лица, которое стояло во главѣ отдѣлившихся. Пока якуты жили въ степяхъ прибайкальскихъ, роды дробились рѣдко и при дробленіи роды были крупные. Когда якуты попали въ Якут. обл. обстоятельства измѣнились и дробленіе родовъ пошло быстрѣе. Какъ упоминалось выше, Якутская область представляетъ изъ себя страну, сплошь покрытую лѣсомъ. Только по берегамъ рѣкъ и озеръ есть пастбища и луга, могущіе прокормить определенное количество скота. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ пастбища до того незначительны, что въ состояніи, каждое изъ нихъ, прокормить одно стадо головъ въ 20. Крупные пастбища и луга извѣстны на перечетъ. Такими могли считаться только нѣкоторые прибрежные луга по р. р. Ленѣ, Амгѣ и Таттѣ, въ Якутскомъ округѣ; въ Вилюйскомъ округѣ извѣстны луга: сунтарскіе, съ половины настоящаго столѣтія стали извѣстны луга нюрбинскіе, образовавшіеся послѣ спуска озера. Якуты, попавъ въ Якутскую область, по преданіямъ, сперва поселились въ низовьяхъ р. Лены, гдѣ теперь стоитъ Якутскъ и гдѣ въ то время были, сравнительно, обширные луга. Видимое обиліе пастбищъ и военныя соображенія заставляли якутовъ въ первое время жить сплоченно, но возрастающая численность населенія, экономическія, географическія и климатическія условія вынуждали роды дробиться. Недостатокъ крупныхъ пастбищъ и климатъ были главными причинами дробленія родовъ въ Якутской области. При появленіи якутовъ на берегахъ Лены, у нихъ уже имѣется рогатый скотъ. Если рогатый скотъ прежде, при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ на прибайкальскихъ степяхъ, могъ находиться на подножномъ корму цѣлый годъ или по крайней мѣрѣ большую часть года, то при новыхъ условіяхъ жизни въ Як. обл., при суровости климата страны, онъ вынужденъ былъ находиться на подножномъ корму самую незначительную часть года, именно не болѣе одной трети его. Остальные восемь мѣсяцевъ рогатый скотъ нужно было кормить сѣномъ. Съ сѣнокосеніемъ соединяется продолжи-

тельная жизнь на одномъ мѣстѣ, которая ведетъ къ осѣдлой жизни. Это невыгодно отражается на быстромъ передвиженіи, что затрудняетъ кочеваніе и вмѣстѣ съ тѣмъ свободный выборъ пастбища. На новой родинѣ и конный скотъ требовалъ особаго ухода. Въ прибайкальскихъ степяхъ лошади могли совершенно свободно находиться круглый годъ на подножномъ корму. Въ Якут. обл. условія измѣнились. Лошади не всегда и не каждый годъ могли пребыть цѣлый годъ на подножномъ корму. Исхудалыя лошади, беременныя кобылы, ѣздовые лошади въ зимніе мѣсяцы требовали сѣна. Все это необходимо вынуждало расселяться маленькими группами по пастбищамъ, могущимъ прокормить стада. Дробленіе родовъ и ихъ группировка идетъ весьма неравномѣрно. Если луга обширныя, то и родъ крупный; если луга незначительныя, то и родъ небольшой.

Родъ обыкновенно дѣлился на двѣ части; одна часть, болѣе сильная, оставалась на старомъ мѣстѣ и продолжала носить старое родовое имя, старую тамгу, другая часть получала новое имя, въ большинствѣ случаевъ, имя того лица, который выводилъ эту часть ¹⁾. По словамъ г. Аристова ²⁾, новая тамга образовалась изъ старой чрезъ прибавленіе къ ней какой либо новой черточки. Напр, если тамга стараго рода была О, то тамга отдѣлившагося рода могла быть О съ однимъ значкомъ; родъ, отдѣлившійся отъ рода съ тамгой О съ однимъ значкомъ могъ получить тамгу эту съ новой чертой, такъ могла образоваться тамга О съ двумя значками; слѣдующій отдѣлившійся родъ могъ получить тамгу съ новой чертой, и т. д. Такимъ образомъ, можно бы указать генетическую связь цѣлаго ряда родовъ. Къ сожалѣнію, у якутовъ не найдены такія тамги съ постепенными измѣненіями, по которымъ можно бы угадать постепенное дробленіе родовъ. Мнѣ лично самому приходилось видѣть тамги □,

¹⁾ В. Сѣрошевскій. Якуты, 475—7; Сибир. Сб. 1897 г., III, 285.

²⁾ Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народовъ и свѣдѣнія объ ихъ числен. составѣ, 12.

С, О, С, но изъ нихъ трудно что либо вывести, потому что ихъ слишкомъ мало. Въ настоящее время у якутовъ тамгами начинаютъ служить инициалы имени и фамилии. Это уже русское вліяніе. Г. Сѣрошевскій приводитъ въ своемъ трудѣ рисунки тамгъ и знаменъ, составленныхъ по требованію русскихъ властей ¹⁾. Между ними не замѣчается никакой генетической связи. Кажется, правъ г. Сѣрошевскій, утверждая, что многія тамги выдуманы, тѣмъ болѣе, что ихъ нужно было составлять по требованію побѣдителей. Впрочемъ, съ другой стороны, возможны и ошибки со стороны записывающихъ. Какъ бы то ни было, но по этимъ тамгамъ мы не можемъ возстановить генетическую связь между родами. Только извѣстно, что каждый родъ имѣлъ свое имя, свой военный кличъ. Г. Сѣрошевскій приводитъ слѣдующія имена родовъ: Лисица, Медвѣдь, Венера, Желудокъ, Плѣшивый, Волкъ, Намъ, Кремень и т. п. ²⁾. Постараюсь возстановить генетическую связь между родами изъ названія родовъ и ихъ группировки. Существуютъ слѣдующія названія родовъ и ихъ труппировки: ага ўса, аймах и цон. Это напоминаетъ установившуюся въ науцѣ группировку родовъ: родъ, братрія и племя.

Родъ, въ виду экономическихъ, географическихъ и другихъ условій, продолжалъ дробиться. Каждый отдѣлившійся родъ дѣлался самостоятельнымъ цѣлымъ, политической единицей. Однако, связь со старымъ родомъ окончательно не порывалась. Члены рода (ага ўса) считались между собой кровными родственниками (ѣт хѣн урѹ), члены того же рода по отношенію къ старому роду дѣлались просто родственниками, людьми все таки гораздо болѣе близкими, чѣмъ совершенно посторонніе роды. Эти два рода взаимно другъ друга называли аймах. Аймах'ами могли называться и нѣсколько родовъ, происхожденіе которыхъ отъ одного рода было внѣ всякаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, аймах'и—это союзъ родственныхъ между собой родовъ. Родственная связь между

¹⁾ Якуты, 470.

²⁾ Тамъ же, 470—1.

ними еще не порвалась. Замѣчательно, что слово аймах у монголовъ означаетъ родовые союзы ¹⁾. Изъ существующаго теперь у якутовъ строя можно отчасти видѣть группировки по аймах'амъ. Нынѣ каждый улусъ дѣлится на наслеги, наслеги на роды. Улусъ есть самая крупная административная единица, основанная на естественномъ дѣленіи якутовъ. Улусы — это бывшіе крупные родовые союзы, *зон'ы*. Среди наслеговъ, составляющихъ улусы, мы видимъ довольно часто по нѣсколько наслеговъ, носящихъ одно имя и различающихся между собой только по порядку ихъ названія, первый, второй и т. д. Напр. въ Восточно-Кангаласскомъ улусѣ существуютъ 1-й и 2-й Нахарскіе наслеги; въ Западно-Кангал. улусѣ 1-й и 2-й Малтанскіе наслеги и т. д. Можно думать, что Нахарскіе и Малтанскіе наслеги нѣкогда составляли отдѣльные роды, Малтанскій и Нахарскій. Эти роды обращены по два наслега каждый, а теперь каждый наслегъ въ свою очередь раздробился на нѣсколько родовъ. Они постепенно дробились на мелкіе роды, совокупность которыхъ составляла аймах. При административномъ устройствѣ, они для удобства раздѣлены на два или болѣе наслега. Права и обязанности этого родового союза аймах, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, возстановить чрезвычайно трудно. У якутовъ осталось въ памяти и языкѣ одно только имя. Какъ можно судить по аналогіи съ другими народами, имѣющими дѣленіе на роды, *фратріи* и племена, якутскіе аймах'и составляли союзъ родственныхъ между собой родовъ, съ извѣстными правами и обязанностями. Аймах имѣлъ свой союзный совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ родоначальниковъ родовъ, входящихъ въ союзъ. Онъ рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ. Однако безъ согласія родовъ совѣтъ ничего не могъ дѣлать, требовалось согласіе всѣхъ родовъ. Союзный совѣтъ можетъ разбирать споры, возникшіе между родами, входящими въ составъ аймах'а.

¹⁾ Потанинъ, «Очерки Сѣвер. Зап. Монголіи», II в., 19. Цитир. по Сѣрош., Якуты, 472.

Каждый из родов может просить помощи у союзного совета, в случае необходимости. Можно думать, что аймах имѣлъ свой знакъ, свою тамгу, свой кличъ. Впрочемъ, все это одно предположеніе, имѣющее свое основаніе только въ названіи и въ подобномъ устройствѣ другихъ племенъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ развитія. Какъ нѣсколько родовъ составляютъ аймах'и, такъ и нѣсколько аймах'овъ составляютъ цон'ы. Образованіе цон'овъ вполнѣ аналогично образованію аймах'овъ. Сперва цон'ы были ничто иное, какъ роды. Они, распадаясь на нѣсколько родовъ, составляли группу родственныхъ между собой родовъ, именно,—аймах'и. При дальнѣйшемъ дробленіи родовъ, кровная родственная связь слабѣла, образовывались отдѣльныя родственныя группы—аймах'и. Хотя воспоминаніе объ общемъ предкѣ и продолжало служить связующимъ звеномъ для всѣхъ родовъ данной группы, но они уже не ближайшіе родственники, они только свои люди — бѣйя цоно. Ближайшими родственниками являются только члены одного рода, а роды, составляющіе аймах, считаются родственными между собой, происходящими отъ одного предка. Чрезвычайно интересно наблюдать такую генетическую связь между родами, аймах'ами и цон'ами въ улусахъ Якутскаго округа, гдѣ почти цѣликомъ осталось чисто якутское устройство. При административномъ устройствѣ якутовъ, цон'ы обратились или въ улусы, или улусы были образованы по образцу устройства и численности цон'овъ. Улусъ дѣлится на наслеги — аймах'и, наслеги — на роды. Какъ я выше указывалъ, наслеги замѣнили аймах'и, при этомъ не всегда наслегъ совпадалъ съ аймах'омъ, иногда аймах'и больше наслеговъ, такъ что нѣсколько наслеговъ составляютъ одинъ аймах. Можно возстановить имена нѣкоторыхъ цон'овъ, которыхъ встрѣтили русскіе при своемъ завоеваніи, таковы: Мегинскій, Батурусскій, Намскій, Борогонскій, Конгаласкій. Эти цоны въ источни-

кахъ названы волостями ¹⁾. Такимъ образомъ, цон'ы составляютъ совокупность аймах'овъ, связанныхъ между собой воспоминаніемъ объ общемъ происхожденіи, но они между собой не родственники, а только не чужіе другъ другу, свои люди. Какъ и въ аймах'ахъ, права и обязанности цон'а трудно возстановить. Цон—союзъ аймах'овъ и родовъ, поэтому существуетъ союзный совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ родоначальниковъ аймах'овъ и родовъ. Всѣ дѣла рѣшаются по общему согласію. Союзный совѣтъ цон'а рѣшаетъ вопросы войны и мира. Споры между аймах'ами и родами, входящими въ составъ цон'а, рѣшаются союзнымъ совѣтомъ. Роды и аймах'и могутъ просить помощи, въ случаѣ надобности, у союзнаго совѣта. Совѣтъ всегда выслушиваетъ требованія родовъ и даетъ отвѣтъ. Цонъ имѣетъ свое войско, состоящее изъ всѣхъ воиновъ аймах'овъ и родовъ. Онъ имѣетъ свой родовой знакъ, свое знамя и свой боевой кличъ. Войсками начальствуетъ особо избранное лицо. Онъ избирается изъ вождей родовъ и аймах'овъ.

Цон'ы въ большинствѣ случаевъ выступали, какъ военные союзы, для защиты и нападенія. Известно, что Кангалас'ы оказали упорное сопротивленіе русскимъ ²⁾. Цон'ы во всѣхъ военныхъ дѣлахъ дѣйствовали какъ одно цѣлое, какъ одинъ политическій организмъ.

Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію, высказанному г. Сѣрошевскимъ, что въ старину у якутовъ существовали только два кровные родовые круга—родъ, ага ўса и племя, цон ³⁾, я полагаю, что у якутовъ существовали три кровныхъ родовыхъ круга—родъ, (ага ўса), аймах (фратрія) и цон (племя).

¹⁾ Фишеръ, 366 и 368; Сѣрош. Якуты, 473—4; К. В. Миллеръ, 179—181.

²⁾ Фишеръ, 366—8.

³⁾ Якуты 480.

Родъ составляетъ самую малую единицу дѣленія якутовъ, изъ родовъ составляется аймах, изъ аймаховъ — цон'ы. Каждый цон кочевалъ на извѣстномъ районѣ, на извѣстной территоріи. Части, составляющія цон—роды и аймах'и, кочевали вблизи другъ отъ друга, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было ихъ быстро собрать. Въ своихъ частныхъ дѣлахъ роды и аймах'и были совершенно самостоятельны.

Для дѣлъ, касающихся всѣхъ якутовъ, существовалъ общій союзный совѣтъ. Такой союзный совѣтъ былъ необходимъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Изъ отрывочныхъ данныхъ, какія встрѣчаются въ сказкахъ и преданіяхъ, можно заключить о долгой и упорной борьбѣ якутовъ съ тунгусами, ламутами, этими коренными жителями Якутской области. Съ другой стороны, извѣстна довольно продолжительная борьба якутовъ съ русскими. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ союзный совѣтъ являлся объединяющимъ центромъ, откуда исходили всякія распоряженія. Совѣтъ составлялся изъ всѣхъ представителей цон'овъ, аймаховъ и родовъ. Здѣсь были начальники, старшіе и уважаемые люди родовъ. Въ совѣтѣ участвовали и всѣ войны. Изъ числа лицъ, входящихъ въ составъ союзнаго совѣта, особеннаго вниманія заслуживаютъ сѣркѣн сѣсѣн'ы. Это, по словамъ якутскихъ сказокъ, „совѣтъ дающіе, почтенные, свѣтлоглазые Бесѣда Старики“ ¹⁾. Въ сказкахъ довольно часто изображается, какъ герой сказки въ затруднительныхъ случаяхъ обращается къ этимъ „совѣтъ дающимъ старикамъ“. Последніе никогда не отказываютъ въ просьбѣ и всегда укажутъ наилучшій способъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Г. Сѣрошевскій считаетъ ихъ якутскими волхвами ²⁾. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согла-

¹⁾ Верх. Сб., 117, 227.

²⁾ Якутм., 465.

сяться, потому что они, по крайней мѣрѣ по сказкамъ, вѣще люди, знающіе все, что ни происходитъ въ мірѣ. Въ союзномъ совѣтѣ всѣ члены были одинаковы. Начальники цон'овъ всѣ были равны между собой, никто изъ нихъ не можетъ считать себя выше остальныхъ. Всѣ начальники разныхъ группъ и сѣсѣн'ы принимали дѣятельное участіе въ рѣшеніяхъ дѣла. Остальная масса только поддерживала то одного, то другого оратора. Впрочемъ, по общепринятому обычаю, каждый въ собраніи имѣлъ право слова. Союзный совѣтъ постановлялъ свое рѣшеніе единогласно. Рѣшенію союзаго совѣта подчинялись всѣ тойон'ы. Рѣшенія эти касались конечно только дѣлъ, имѣющихъ значеніе для всего якутскаго народа, войны и мира, переселеній и т. д. Частныя дѣла, видимо, въ этихъ собраніяхъ не рѣшались. Кажется, въ этихъ совѣтахъ рѣшались дѣла, касающіяся и начальниковъ цон'овъ, когда они чѣмъ нибудь провинились, или столкновенія ихъ между собой. Въ подобныхъ случаяхъ союзный совѣтъ не имѣлъ принудительной власти. Въ случаѣ войны союзное войско составлялось изъ войскъ всѣхъ цон'овъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальство надъ союзнымъ войскомъ поручалось одному изъ вождей цон'овъ, а въ другихъ каждый вождь дѣйствовалъ самостоятельно. Какъ на примѣръ перваго рода, можно указать на возстаніе якутовъ въ 1634 г. въ количествѣ 600 ч.. Во главѣ ихъ стоялъ Мымакъ ¹⁾. Или еще можно указать на возстаніе 1682 г. подъ предводительствомъ Дженника. ²⁾

Союзное собраніе происходило, конечно, подъ открытымъ небомъ. Собраніе представляло громадный кругъ, въ центрѣ котораго сидѣли вожди цон'овъ и сѣсѣн'ы; за ними вожди мелкихъ группъ и именитые люди цон'овъ и другихъ группъ, а за ними воины. Каждый цон занималъ часть круга за своими, сидящими въ первомъ ряду. Такого рода собраніе можно

¹⁾ Фишеръ, 367.

²⁾ Памятн. кн. Як. об. за 1863 г. (цит. по Сѣрош.)

было назвать собраніемъ всѣхъ якутовъ. Ораторы обращались не къ цон'амъ, а урѣхай саха—всѣмъ якутамъ. Союзный совѣтъ имѣетъ своего бога Урун Айы Тойон Таңара. Онъ имѣетъ свой знакъ—орла (тойон кыл), имѣетъ свой боевой кличъ—уруй. Союзный совѣтъ—политическое тѣло, политическое устройство народа, слагающагося въ государство. Были ли какія нибудь общія государственныя повинности и расходы, сказать довольно трудно. По нѣкоторымъ названіямъ повинностей и нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, можно думать, что понятіе объ общегосударственныхъ нуждахъ и потребностяхъ не чуждо было якутамъ, начало развиваться. Такъ, встрѣчаются слова о́лбу́га и ыра́хтагы суола. О́лбу́га — это общегосударственныя подати и повинности; въ старину, если не ошибаюсь, это слово имѣло значеніе дани. Слово ыра́хтагы суола въ буквальной переводѣ значить царская дорога, царскій путь, а потомъ уже царскія повинности. Другихъ словъ, обозначающихъ общегосударственныя подати и повинности, въ якутскомъ лексиконѣ нѣтъ. Съ другой стороны, войны, веденныя якутами противъ русскихъ, показываютъ прекрасную организацію военнаго и провіантнаго дѣла.

Такъ, во время осады якутскаго острога въ 1634 г. подъ предводительствомъ Мымака было 600 хорошо вооруженныхъ воиновъ ¹⁾. Имъ нужно было доставлять провіантъ, фуражъ и т. д. Неизвѣстно, кто доставлялъ все это—союзный совѣтъ или цон'ы по своимъ частямъ. За неимѣніемъ точныхъ данныхъ, этотъ вопросъ трудно рѣшить. Союзный совѣтъ, какъ можно полагать, учрежденіе не постоянное, а временное, появляющееся по мѣрѣ надобности, члены совѣта также не постоянные, а временные. Членами союзаго совѣта являются вожди родовъ, аймах'овъ и цон'овъ. Разъ они вожди родовъ, то тѣмъ самымъ и члены союзаго совѣта. Такимъ образомъ, если и допустить начинавшее возникать у якутовъ

¹⁾ Фишеръ, 367.

представленіе о государствѣ, какъ о цѣломъ организмѣ, имѣющемъ свои собственные интересы, отдѣльные отъ интересовъ членовъ, составляющихъ его, то можно допустить съ большой осторожностью. Представленіе это начинало возникать только подъ вліяніемъ военныхъ потребностей, но оно не доразвилось; помѣшали этому обстоятельства,—якуты покорились чуждому имъ государственному устройству. Сила была на сторонѣ побѣдителей и при нихъ нечего было и думать о государственномъ устройствѣ, о политической независимости. Однако, отголоскомъ начинающей выясняться потребности въ государствѣ, какъ политическомъ тѣлѣ, остается легенда объ якутскомъ царѣ Тыгынѣ. Преданіе приурочиваетъ существованіе этого якутскаго царя ко времени борьбы якутовъ съ русскими.

Прежде, чѣмъ что нибудь сказать о царѣ якутскомъ Тыгынѣ, я считаю необходимымъ выяснить степень власти вождей родовъ, аймах'овъ и цон'овъ. Характеристика тойон'овъ будетъ приурочена ко времени борьбы якутовъ съ русскими и періода господства русскихъ въ первой половинѣ XVII в. Я выше по нѣкоторымъ даннымъ, взятымъ изъ якутскихъ сказокъ, описалъ власть и значеніе начальниковъ рода (ага-ѹса), не какъ полновластныхъ владыкъ, имѣющихъ право на жизнь и смерть своихъ сородичей. По моему мнѣнію, основанному на сказкахъ, въ старину начальники родовъ были выборные; они были первые между равными. Они безъ согласія совѣта старѣйшинъ, кырцагастар, огойнордор, и всего собранія не могли предпринимать чего либо серьезнаго. На нихъ лежала исполнительная часть, они распоряжались съ согласія рода, судили мелкіе споры, предсѣдательствовали на сходкахъ—и только. То же самое нужно сказать и о вождяхъ аймах'овъ, и, кажется, о вождяхъ цон'овъ. Были ли цон'ы въ старину, это—вопросъ; можетъ быть, тогда были только крупныя роды. Съ теченіемъ времени населеніе увеличивается, роды дробятся и соединяются въ группы, ведутся частыя войны, оборонительныя или наступательныя,—все это измѣ-

няетъ характеръ родового строя и степень власти вождей. Увеличеніе населенія ведетъ за собой дробленіе не только родовъ, но и имущества, появляется частная собственность: Войны выдвигаютъ на первый планъ военныхъ вождей; власть, сила и значеніе ихъ увеличивается. Военная добыча и появившаяся частная собственность дозволяютъ имъ накапливать крупныя богатства. Богатство въ свою очередь увеличиваетъ ихъ власть. Постепенно власть вождей расширяется. Особенно это нужно сказать относительно вождей цон'овъ. Во главѣ каждаго цон'а стоялъ тойон—вождь уже съ громадной властью въ рукахъ. Онъ имѣетъ право жизни и смерти надъ своими подчиненными. Его должность уже не выборная, а наследственная. Къ этому времени, времени появления русскихъ, нужно отнести поговорку: „орленовъ всегда орелъ, вороненъ всегда воронъ“. Преданіе сохранило имена нѣкоторыхъ прославившихся тойон'овъ, таковы: тойон цон'а Хаңалас-Тыгын; тойон цон'а Нам - Чорбох; тойон цон'а Байагантай-Бата батыр; тойон'ы цон'а Борогон Лѳгѳй, Барт Хара ¹⁾. Печатные источники указываютъ еще на Мымака и Дженника, оказавшихъ упорное сопротивленіе русскимъ. Первый сражался съ русскими въ 1634 г. ²⁾, второй въ 1682 г. ³⁾ Такимъ образомъ, оказывается, что вождей цон'овъ было много. Историческія данныя не выдвигаютъ ни одного изъ нихъ на степень верховнаго властителя, а напротивъ всѣ они равны между собой. Если якутское преданіе и выдвигаетъ на первый планъ Тыгын'а, то оно противопоставляетъ ему другого сильнаго тойона Лѳгѳй, который ничѣмъ не уступаетъ первому ⁴⁾. Значитъ, и по преданію Тыгын не единовластитель. Онъ и по преданію не считается

¹⁾ Сѣрошевскій. Якуты, 466; Памятн. кн. як. об. за 1896 г., 26; Верх. Сбор., 47.

²⁾ Фишеръ, 367.

³⁾ Пам. кн. як. об. за 1865 г. (по Сѣрош.).

⁴⁾ Верх. Сбор., 47—9.

царемъ, потому что про него говорятъ: „тогдашніе якуты называютъ его тойон'омъ ¹⁾“. Откуда слѣдуетъ, что у якутовъ не было царя, а былъ только любимый народный герой Тыгын, который, быть можетъ, больше другихъ отстаивалъ независимость якутовъ. Откуда же однако могла появиться мысль о всеобщемъ царѣ якутовъ? Г. Сѣрошевскій думаетъ, что идея всемогущаго военнаго начальника могла явиться во время борьбы съ русскими ²⁾. Можно думать, что идея общности интересовъ всѣхъ якутовъ жила среди нихъ и раньше, выраженіемъ чего явился союзный совѣтъ. Идея объ единомъ начальникѣ, вѣроятно, довольно часто являлась во время войнъ. Какъ извѣстно, они потерпѣли поражение отъ бурятъ, часто сражались съ тунгусами, ламутами и т. д. Съ появленіемъ русскихъ, враговъ сильныхъ, идея объ единомъ начальникѣ обострилась. Побѣжденные якуты, вѣроятно, сожалѣли объ отсутствіи единаго начальника. Потеря независимости изъ-за отсутствія таковаго начальника, можно думать, создала легенду объ якутскомъ царѣ.

МЕЖДУРОДОВЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

Отношенія родовъ между собой были или чисто военнаго или мирнаго характера. Мирныя отношенія между родами были весьма слабо развиты, они выражались въ созданіи разныхъ союзовъ для войны съ общими врагами, въ мѣнновой торговлѣ и въ чисто сосѣдскихъ отношеніяхъ. Между родами было больше войны, чѣмъ мира. Поэтому, описать между-

¹⁾ Тамъ же, 50.

²⁾ Якуты, 467—8.

довья отношенія тоже самое, что описать ихъ войны между собой.

Роды вообще были независимы другъ отъ друга и относились между собой какъ равные къ равнымъ. Роды находились въ нѣкоторой зависимости отъ той естественной группы, въ составъ которой они входили, именно отъ аймах'а и цон'а. Эта зависимость, въ большинствѣ случаевъ, проявлялась во время общей опасности, общихъ войнъ противъ какого либо сильнаго врага. Въ остальномъ роды были независимы и весьма часто происходили между ними ссоры, кончающіяся войнами. Обратимся ли мы къ сказкамъ, обратимся ли къ преданіямъ— вездѣ находимъ слѣды борьбы между родами. Поэтому между-родовья отношенія я начну съ описанія войнъ и поводовъ къ нимъ. Поводовъ къ войнѣ было много. Главные изъ нихъ родовая месть, похищеніе женщинъ, угонъ скота и т. д.. Родовая месть начиналась съ какого нибудь оскорбленія, убійства или насилія и продолжалась иногда нѣсколько поколѣній. Родовая месть кончалась или миромъ, или истребленіемъ цѣлаго рода. Пока крѣпки были родовья связи, месть была дѣломъ рода. Если оскорбили одного члена рода, то въ лицѣ его оскорбляется цѣлый родъ, также и месть должна быть направлена не на одного члена другого рода, а на цѣлый родъ. Это конечно относится къ тому времени, когда отдѣльныя личности были поглощены родомъ и считались только частью цѣлаго. Похищеніе женщинъ и угонъ скота также служили поводомъ къ войнѣ. Въ сказкахъ рассказывается, какъ иногда войны возникали изъ-за похищенія женщинъ. Такъ въ преданіи Хоро, герой разсказа Сахсаргана Бѣргѣн убиваетъ свою жену со словами: „ходючи, чтобы взять тебя, бѣлолицую, замужъ, убилъ я своихъ сожителей, вѣкъ жившихъ дружно“ ¹⁾. Войско состояло изъ всѣхъ лицъ, способныхъ носить оружіе. Молодой человекъ дѣлался воиномъ, какъ можно думать, послѣ того, какъ родъ признавалъ его

¹⁾ Верх. Сб., 58.

возмужалымъ и назначалъ ему имя, должность и лошадь ¹⁾. Только съ этого момента онъ считался воинномъ и полноправнымъ членомъ рода. Во время общности имущества въ родѣ воинъ вооружался на счетъ рода, по крайней мѣрѣ лошадь получалъ отъ рода. Впослѣдствіи, когда родъ разложился на семьи, воинъ вооружался на свой счетъ. Вооруженіе пѣшаго воина состояло изъ лука (сѣ) съ колчаномъ (кѣгѣхъ или кѣсѣхъ), стрѣлъ (ох, оногос), малаго и большого меча, военного копья (батыя). Одѣтый въ панцырь (кужахъ), онъ держалъ въ одной рукѣ лукъ, въ другой лукъ или мечъ, за спиной имѣлъ колчанъ со стрѣлами. Въ одной сказкѣ описывается вооруженіе воина такъ: „взявъ въ одну руку остреемъ внизъ свирѣпый мечъ, въ другой держа кверху опьяняющее острое копье и опоясавшись колчаномъ и (малымъ) мечемъ, поспѣшно (онъ) пошелъ въ поле“ ²⁾. Конный воинъ имѣлъ еще въ правой рукѣ длинное копье—уңу. Мечъ былъ заткнутъ за поясъ и выхватывался въ случаѣ надобности. Копье повороче (батыя) на ремешкѣ висѣло на рукѣ; оно служило запаснымъ оружіемъ ³⁾. Число воиновъ одного рода рѣдко превышало 50—60 ч. Впрочемъ, разъ въ одной сказкѣ упоминается отрядъ богатырей въ 200 ч. ⁴⁾. Впослѣдствіи, когда значительно усилилась власть тойон’овъ, войско состояло, кромѣ воиновъ рода, еще изъ наемныхъ. Послѣдніе жили у извѣстнаго тойон’а до тѣхъ поръ, пока имъ нравилось жить у него; въ противномъ случаѣ, они уходили къ болѣе сильному тойон’у ⁵⁾. Войскомъ предводительствовалъ тойон. При встрѣчѣ съ непріателемъ, онъ строилъ свой отрядъ въ боевой по-

¹⁾ Верх. Сбор., 233.

²⁾ Верх. Сб., 154.

³⁾ Тамъ же. 137—8; Сѣрош. Якуты, 451—2; Сиб. сб. 1896 г., III, 301—2.

⁴⁾ Верх. Сб., 211.

⁵⁾ Н. Г. Герои Татты и Амги въ Сиб. Сб. 96 г.; III, 301.

рядомъ шеренгами въ нѣсколько рядовъ. По командѣ стрѣлять войны втыкали въ землю свои копья и осыпали своихъ противниковъ стрѣлами. Тойон ободрялъ своихъ воиновъ и, когда противники не поддавались, онъ кричалъ: „ну, идите, крошите ихъ (чѣ, барың, бысың!)“ Войско съ дикимъ крикомъ бросалось на противниковъ и вступало въ рукопашную. Пускались въ ходъ длинныя и короткіе мечи. Битва бывала ожесточенная и большинство оставалось на полѣ сраженія. Бѣжать считалось страшнымъ позоромъ. Конные отряды, выстроившись шеренгами въ нѣсколько рядовъ, неслись другъ на друга, стаялись, бились сперва длинными копьями, потомъ сѣча продолжалась на мечахъ или короткихъ копьяхъ. Можно думать, что въ старину отряды были конные, что сраженіе больше происходило на лошадяхъ. Сказки описываютъ похождения богатырей на лошадяхъ, и родъ вмѣстѣ съ именемъ и должностью назначалъ и лошадь. Войны бывали ожесточенныя: иногда изъ рода нѣкого не оставалось, стирали съ лица земли цѣлые роды ¹⁾. Г. Сѣрошевскій указываетъ между прочимъ на одинъ родъ въ Намскомъ улуѣ, Быстыбыт—вырѣзанный ²⁾. Побѣжденный родъ попадалъ или въ рабство или вступалъ въ союзъ съ побѣдителями. Есть указанія въ сказкахъ, что въ старину побѣжденныхъ уродовали — ломали одну руку, одну ногу, выкалывали одинъ глазъ; въ такомъ видѣ онъ исполнялъ рабскія обязанности ³⁾. Кромѣ того, въ сказкахъ есть упоминанія, что побѣжденныхъ съѣдали, что вообще человѣческія тѣла употреблялись въ пищу ⁴⁾. Сказочники, говоря о съѣданіи людей, рассказы-

¹⁾ Верх. сбор., 58.

²⁾ Якуты, 453.

³⁾ Верх. Сб., 61.

⁴⁾ Верх. Сбор., 126, 173, 182, 237—8; Приклон. Якутскія сказки въ Ж. С. 1891 г., III, 169, 173, 176; IV, 140.

ваютъ объ этомъ, какъ о самыхъ простыхъ вещахъ. Но эти жестокия времена прошли безвозвратно и теперь якуты съ солроганіемъ слушаютъ о случаяхъ съѣданія съ голоду. Иногда побѣжденные роды платили дань побѣдителямъ. Побѣжденные должны были устраивать мирныя пиршества ¹⁾.

Въ то время, когда войны были весьма часты, когда междуродовыя отношенія заключались въ войнѣ, выработались чисто военные нравы. Что было полезно для войны, то тщательно культивировалось, что было бесполезно или вредно для войны, то уничтожалось. Только подобной обстановкой и можно объяснить жестокій обычай того времени — убивать стариковъ ²⁾ и новорожденныхъ дѣвочекъ ³⁾. Г. Н. Г. записалъ объясненіе убійства стариковъ. Одинъ старикъ якутъ, по его словамъ, обратился къ своимъ сыновьямъ съ такого рода просьбой: „убейте меня—я уже старъ и никуда негоденъ; главное же, я слабъ и не могу защищаться отъ враговъ. Лучше умереть, чѣмъ терпѣть нужду и безнаказанно выносить обиду“ ⁴⁾. Замѣчательно здѣсь то, что мальчиковъ и старухъ никогда не убивали. Якуты про свою старину говорятъ, что они не знали ни закона, ни Бога, что сильный дѣлалъ, что хотѣлъ. Во всякомъ случаѣ интересно такое отношеніе якутовъ къ своей старинѣ. Дѣйствительно, то было время безконечныхъ мелкихъ войнъ. Вредъ отъ частыхъ войнъ сознавался лучшими представителями якутскаго народа, и послѣдствіемъ этого было установленіе мелкихъ и крупныхъ союзовъ. Въ большинствѣ случаевъ основаніемъ для союза было родство, основанное на общемъ происхожденіи отъ одного предка. Такими естественными союзами были аймах и цон. Нѣтъ никакой возможности ограничить различные союзы одними естественными соединеніями. Есть много вѣроятій за

¹⁾ Сиб. Сб. 1896 г., III, 299.

²⁾ Сибир. Сб. 1896 г., III, 297.

³⁾ Врангель. Путешествіе. II, 68; Якуты, 454.

⁴⁾ Сиб. Сбор. 96 г., III, 297.

то, что союзы устраивались не одними только родственными между собой родами, но и неродственными между собой. Это особенно происходило послѣ войны, когда побѣжденная сторона вынуждалась вступать въ союзъ съ побѣдителемъ. Такіе союзы были возможны и между такими естественными крупными соединеніями, какъ аймах и фон. Къ такого рода союзамъ вели иногда бракъ одного тойон'а съ дочерью другого. Развившееся стремленіе ограничить войны выразилось въ концентраціи власти въ рукахъ немногихъ тойон'овъ. Нѣтъ спора, что и войны, между прочимъ, усиливали власть и значеніе тойон'овъ. Съ концентраціей власти въ рукахъ немногихъ тойон'овъ войны могли происходить только между ними, значитъ—случаи войны значительно сокращались. Междоусобныя войны и разрозненность между родами особенно неблагоприятно отражались во время борьбы съ сильными врагами, какъ напр. съ русскими. Въ подобныхъ случаяхъ стремленіе къ прекращенію раздоровъ и объединенію выражалось всего сильнѣе. Побѣда русскихъ заставила даже якутовъ сочинить легенду объ единомъ царѣ якутовъ Тыгынѣ.

Стремленіе якутовъ прекратить раздоры и объединиться выразилось, между прочимъ, по словамъ г. Сѣрошевскаго, въ устройствѣ родового праздника ысмах. На этомъ праздникѣ состязались другъ съ другомъ, узнавали силу и богатство сосѣдей. Это былъ одинъ изъ путей къ мирному сосуществованію сосѣднихъ родовъ.

Всякаго рода миръ, заключаемый послѣ войны, ссоры, похищенія женщинъ,—всегда сопровождался пиршествомъ. На пиршествахъ съѣдалось безчисленное количество кобылятины, выпивалось огромное количество кумыса. При всякаго рода мировыхъ сдѣлкахъ народъ собирался въ огромномъ количествѣ; устраивались состязанія въ ловкости, въ бѣгѣ и т. д. Эти состязанія носили чисто военный характеръ. Недаромъ г. Сѣрошевскій называетъ ихъ маневрами. Въ этихъ состязаніяхъ устанавливалась слава бойцовъ. И теперь можно слышать разсказы о знаменитыхъ борцахъ, отличившихся на ысмах'ахъ.

или при какомънибудь народномъ сборищѣ, напр., на улусныхъ собраніяхъ. Побороться, попробовать силу—какъ будто врожденное качество якута.

Миръ и союзы скрѣплялись клятвами. Въ исторіи якутскаго народа нигдѣ не встрѣчаемъ такъ называемаго вѣчнаго союза. Союзы и миры заключались на известное время, самое большее—на продолжительность жизни договаривающихся. Я здѣсь приведу форму клятвы, которую давалъ побѣжденный при заключеніи союза (я не могъ достать форму клятвы, которую давали стороны при добровольномъ заключеніи союза). Побѣжденный, обращаясь къ побѣдителю, говорилъ: „Если подумаю я о тебѣ худое, скажу ложь, сдѣлаю грѣхъ—пусть всѣ мои боги давятъ меня! пусть мое небо спуститъ на меня каменный дождь и побьетъ меня! пусть не подымаетъ меня земля, обратившись топкимъ болотомъ, покрытымъ мхомъ! пусть станетъ ноги, которыми я хожу! пусть лопнетъ мой животъ! пусть перервется мой спинной мозгъ! Зрачіе мои глаза пусть сдѣлаются сѣро-чернымъ камнемъ! пусть станетъ мой языкъ! пусть стиснутся мои челюсти такъ, чтобы не падала туда жидкость, и не выходилъ оттуда (мой) голосъ! Пусть помѣшаюсь я, сдѣлавшись совершенно глухимъ, не различая ни запада, ни востока, потерявъ разумъ и память“¹⁾. Эта клятва по своему содержанію должна бы быть отнесена къ клятвѣ вѣрности, даваемой побѣжденнымъ побѣдителю, но она имѣетъ значеніе и клятвы союза. Это выясняется изъ дальнѣйшаго ихъ отношенія между собой. Послѣ этой клятвы побѣжденный и побѣдитель считаются равными между собой и первый не думаетъ считать второго своимъ господиномъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ клятва не нарушается, клятву даже не нарушаютъ дьявольскіе богатыри.

Безпрерывныя войны и союзы отразились на характерѣ якутовъ. Они хитры, изворотливы. Закончу эту главу пре-

¹⁾ Верх. Сбор., 215.

красной характеристикой якутовъ, сдѣланной Вл. Тохельсономъ. Онъ говоритъ: „Едва ли есть на земномъ шарѣ какой либо первобытный народъ безъ школы и письменности, который состоялъ бы изъ такихъ искусныхъ дипломатовъ, какъ якуты. Каждый якутъ—въ своемъ родѣ Талейранъ. Невольно поражаешься, когда видишь, какъ невзрачный якутъ въ глуши улуса обнаруживаетъ тонкое знаніе людей, способность льстить, умѣніе приводить въ движеніе тайныя пружины тщеславія и притворяться наивнымъ. Политика какъ будто сдѣлалась врожденной чертой его характера. Ни одно дѣло какъ съ чужими, такъ и со своими, не дѣлается прямо безъ хитростей и обходовъ.... Характеръ якута съ его лукавствомъ, хитростью, недовѣрчивостью, дерзостью, раболѣпьемъ и меркантильными способностями указываетъ на то, что малозвѣстное прошлое этого племени не было легкимъ, что народъ этотъ былъ тѣснимъ, терпѣлъ обиды, подвергся изгнанію“ ¹⁾.

САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Какъ извѣстно, завоевательная политика московскаго государства состояла въ томъ, чтобы покоренные народы признавали верховную власть московскаго царя и платили дань. Во внутреннюю жизнь покоренныхъ народовъ оно не вмѣшивалось, предоставляло имъ управляться по своимъ законамъ и обычаямъ. Та же самая политика примѣнялась и къ сибирскимъ инородцамъ, и къ якутамъ въ частности. Въ первое время по повореніи якутовъ, русскіе требуютъ себѣ покорности и асака. За неповорность жестоко казнятъ. Для предупрежденія неповорности и возстаній якуты обязаны были

¹⁾ Замѣтки о насел. Як. об. въ историко-этнограф. отнош., Ж. С., 1895 г., II, 134.

доставлять заложниковъ, аманатовъ, изъ числа лучшихъ своихъ родовичей. Кромѣ покорности отъ нихъ требуется еще ясакъ. Сначала собирали ясакъ, сколько могли, а потомъ ясакъ былъ урегулированъ. Въ царствованіе Бориса Годунова ясакъ былъ опредѣленъ съ женатаго въ 10 соболей, съ холостого половину, по тогдашнимъ цѣнамъ 10 и 5 р., по нынѣшнимъ 100 и 50 р. Въ историческихъ памятникахъ того времени только и упоминаются аманаты и ясакъ, послѣдній въ особенности. Такъ, въ навазѣ якутскому воеводѣ князю Волконскому и дьяку Елчузову, 1670 г., сказано: „ясакъ да аманатовъ имати... изъ волости по человѣку или по два, по перемѣнамъ, по году или полугоду, или какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу... Напрасныя жесточи и никакія налоги имъ не чинить, ни которыми дѣль, чтобы ихъ ясачныхъ людей иноземцевъ, въ чемъ напрасно и въ ясагѣ не ожесточить и отъ государевы милости не отгонять“ ¹⁾). Во всѣхъ почти наказахъ того времени обращается главное вниманіе на успѣшный сборъ ясака. По справедливому замѣчанію г. Гохельсона, на знамени русскихъ того времени написано неумолимое слово: ясакъ ²⁾). Внутреннія дѣла, судъ, кромѣ дѣлъ объ убійствахъ и выше 5 р. ³⁾, были предоставлены самимъ якутамъ. Родовые начальники выбирались самими якутами. Такое игнорированіе внутреннихъ дѣлъ продолжалось, однако, недолго.

Сборъ ясака дѣлался все затруднительнѣе. Сборщики ясака многое укрывали у себя; ясакъ, не сообразованный съ платежными силами населенія, ложился непосильнымъ бременемъ на народъ. Недоимки и жалобы на величину ясака, на сборщиковъ увеличивались со дня на день. Жалобы доходили до высшаго правительства. Наконецъ, Екатерина II предписала 17 августа 1762 г. сенату „разсмотрѣть объ ясачныхъ

¹⁾ Акты историч., IV, 443.

²⁾ Ж. С., 1895 г., II, 134.

³⁾ Акты историч., V, 194.

народахъ и звѣриныхъ промыслахъ Сибири и установить окладъ“. Во исполненіе этого предписанія въ 1764 г. была составлена для упорядоченія ясачнаго дѣла вообще ясачная коммиссія, во главѣ которой былъ поставленъ гвардіи маіоръ Щербачовъ. Отраслью этой общей для всей Сибири коммиссіи была Якутская ясачная коммиссія, начальникомъ которой былъ назначенъ Миронъ Черкашенниковъ, бывшій якутскій воевода, человекъ безусловно честный, по отзывамъ всѣхъ современниковъ. Коммиссія Черкашенникова, принимая во вниманіе экономическое положеніе плательщиковъ, установила три рода ясака: 1) ясакъ соболиный, 2) ясакъ лисій и 3) ясакъ бѣтѣгъ (желудокъ). Сообразно платимому ясаку, якуты должны были пользоваться земельнымъ надѣломъ. „Выработанныя этой коммиссіей начала были положены въ основу якутскаго самоуправления и удержались до сихъ поръ почти безъ измѣненія ¹⁾“. Эта коммиссія раздѣлила Якутскую область на улусы и наслеги. Во главѣ улусовъ были поставлены выборныя лица—улусныя головы, во главѣ наслеговъ—князья или старосты. Головы и князья, какъ представители якутовъ, должны были сноситься съ русскими властями. Коммиссія Черкашенникова сильно ограничила произволъ администраціи и сборщиковъ ясака и облегчила положеніе якутовъ. Якуты, вида, что ихъ домогательства имѣютъ успѣхъ, задумали отдѣлаться отъ административнаго вліянія мѣстныхъ воеводъ и подчиниться только иркутскому генераль-губернатору. Два вліятельныхъ якута Сырановъ и Арцаковъ добивались званія начальника всѣхъ якутовъ, зависимаго только отъ генераль-губернатора, но усилія ихъ оказались тщетными. Правительство не разрѣшило. Изъ всѣхъ домогательствъ якутовъ было уважено только одно. Въ 1769 г. вслѣдствіе ходатайства пяти подгородныхъ улусовъ въ лицѣ депутата князька Сыранова предъ правительствующимъ сенатомъ, повелѣно было имъ

¹⁾ В. Стрешевскій, Якуты, 496.

собирать ясакъ въ каждомъ наслегѣ самимъ князьямъ, а воеводской канцеляріи разрѣшено посылать нарочныхъ лишь въ случаѣ невноса князьями ясака въ установленные сроки ¹⁾).

Впослѣдствіи пять подгородныхъ улусовъ добились учрежденія Степной думы, которая существовала съ 1825 по 1838 г. Она состояла изъ главнаго начальника и трехъ застѣдателей, избираемыхъ изъ якутскихъ же родоначальниковъ. Вилюйскимъ якутамъ отказано въ подобномъ же учрежденіи.

Настоящее общественное управленіе якутовъ зиждется на законѣ 22 іюля 1822 г., подготовленномъ графомъ Сперанскимъ въ бытность его генералъ-губернаторомъ Сибири. Замѣчательно, что до сего времени этотъ законъ не потерпѣлъ почти никакихъ измѣненій, кромѣ поправокъ чисто редакціоннаго характера.

Въ настоящее время якуты раздѣлены на 18 улусовъ: 8 въ Якутскомъ округѣ, 4 въ Вилюйскомъ, 4 въ Верхоянскомъ и 1 въ Олекминскомъ и 1 въ Колымскомъ округахъ. Улусъ состоитъ изъ наслеговъ, наслегъ изъ родовъ—ага ұса. Такое трехчленное дѣленіе якутовъ вполне совпадаетъ съ прежнимъ дѣленіемъ ихъ на цон'ы, аймах'и и ага ұса. Здѣсь, по моему мнѣнію, замѣчается желаніе правительства приноровиться съ вѣками выработанному строю якутовъ, но оно не строго проводится, потому что, по положенію объ инородцахъ 1822 г. и по послѣднему его изданію 1892 г., управленіе группируется въ инородныхъ управахъ (улусъ) и родовыхъ управленіяхъ (наслегъ); родъ же оставляется безъ вниманія. Но жизнь нѣсколько исправила это. На практикѣ каждый родъ имѣетъ своего старшину, своего депутата при дѣленіи покосовъ.

Во главѣ улуса стоитъ коллегіальное учрежденіе—Инородная Управа. Въ составъ ея входятъ: голова, кандидатъ

¹⁾ Памятн. кн. якут. об. за 1896 г., статья «Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ», 35.

къ головѣ, два выборныхъ и письмоводитель (56 ст. Положенія объ инородцахъ, изд. 1892 г.). Всѣ члены управы избираются на 3 года на улусномъ собраніи. Избираемое лицо должно имѣть не меньше 21 года (124 ст.). Избранныя лица должны быть утверждены губернаторомъ (118). Губернаторъ можетъ не утвердить въ должности только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) за доказанное судомъ худое поведеніе; 2) за несогласіе на выборъ болѣе, нежели половины родовичей; 3) за уважительный отказъ отъ управления самого избираемаго. Въ такихъ случаяхъ родовичи обязаны избрать другого (121 ст.). Удалять ихъ отъ должности можетъ губернаторъ за 1) уголовное преступленіе; 2) доказанное судомъ злоупотребленіе власти; 3) просьба подвѣдомственныхъ родовичей и 4) долги, если должникъ не имѣетъ другихъ средствъ, кромѣ поступленія въ срочную работу (ст. 125, 126). Всѣ должности бесплатныя, одинъ письмоводитель получаетъ жалованье свыше 1000 р.

Управа считается правительственнымъ учрежденіемъ, поэтому всѣ распоряженія мѣстнаго начальства и высшаго правительства, общаго характера или касающіяся якутовъ, происходятъ чрезъ нее. Къ вѣдомству Управы относятся:

а) По полиціи: 1) обнародованіе и исполненіе всѣхъ предписаній высшаго начальства; 2) мѣры предужденія противъ повальныхъ болѣзней, скотскихъ падежей, пожара лѣсовъ и такъ называемыхъ паловъ или пожаровъ, происходящихъ отъ выжиганія луговъ или полей; 3) свѣдѣнія о происшествіяхъ; б) По хозяйству: 1) раскладка ясака (податей и повинностей), сборъ и взносъ ихъ въ казначейство, сборъ недоимокъ; 2) размноженіе хлѣбопашества въ мѣстахъ для сего способныхъ; 3) хлѣбные магазины, гдѣ оныя положены; 4) попеченіе о продовольствіи хлѣбомъ и солью; 5) составленіе вѣдомостей по даннымъ формамъ; в) По суду: 1) исполненіе опредѣленій высшихъ мѣстъ по дѣламъ гражданскимъ; 2) исполненіе таковое же по дѣламъ уголовнымъ;

3) судъ въ маловажныхъ дѣлахъ и взысканіяхъ, по особому положенію (61 ст.).

По отношенію къ Родовымъ Управленіямъ подчиненнымъ ей въ качествѣ надзора, Иностранная Управа наблюдаетъ: 1) чтобы законы, обычаи и обряды, правительствомъ утвержденные, исполнялись непремѣнно; 2) чтобы Родовое Управленіе дѣйствовало не иначе, какъ къ общей пользѣ, и ни подъ какимъ видомъ не стѣсняло вѣренныхъ ему людей; 3) чтобы оно не упустило изъ виду нуждъ народныхъ, но и не увеличивало бы напрасно показанія объ оныхъ (154 ст.). Жалобы большого числа родовичей на несправедливость Родового Управленія Управа имѣетъ немедленно разсматривать и съ своимъ мнѣніемъ, также съ отвѣтственностью за справедливость, представлять по порядку (156 ст.).

Въ порядкѣ управленія обязанности Иностранной Управы состоятъ: 1) въ точномъ исполненіи всѣхъ предписаній начальства; 2) въ понужденіи къ сбору податей; 3) въ сохраненіи благочинія и порядка; 4) въ охраненіи правъ иностранцевъ отъ всякаго посторонняго стѣсненія; 5) въ разысканіяхъ, по особымъ случаямъ нужныхъ (158 ст.).

Къ числу важнѣйшихъ обязанностей Иностранной Управы относится раскладка податей и повинностей. По полученной отъ Областного Правленія смѣтѣ Иностранная Управа обязана распредѣлять подати и повинности по наслегамъ, родамъ и плательщикамъ. Къ государственнымъ податамъ и повинностямъ прибавляются расходы по содержанію Иностранной Управы, письмоводителя и т. д. Вотъ на этой то почвѣ, при распредѣленіи податей и раскладкѣ улусныхъ расходовъ, возникаютъ страшныя злоупотребленія. Улусъ можетъ, какъ самоуправляющаяся единица, облагать себя на общественныя нужды. вмѣсто общественныхъ нуждъ заправила Управы, въ большинствѣ случаевъ письмоводитель, облагаютъ якутовъ въ свою пользу. Именно въ этой области требовался бы строгій контроль со стороны администраціи, но его то здѣсь въ

сущности и нѣтъ, и контроль принимаетъ уродливую форму стѣсненія самоуправленія, подчиненія Управы и т. д. На обязанности же Управы лежитъ распредѣленіе прибывающихъ ссыльно-поселенцевъ по наследамъ.

Непосредственно Инороднымъ Управамъ подчинены Родовыя Управленія (57).

По закону (48 ст.) Родовое Управленіе состоитъ изъ старосты и одного или двухъ помощниковъ, а въ дѣйствительности у старосты бываетъ столько помощниковъ, сколько родовъ въ наслегѣ, такъ какъ каждый родъ выбираетъ своего старшину. Всѣ они избираются на наследномъ сходѣ на три года.

Родовое Управленіе считается правительственнымъ учрежденіемъ, поэтому всѣ распоряженія высшаго правительства относительно инородцевъ приводятся въ исполненіе чрезъ него (142 ст.). Родовое Управленіе имѣетъ ближайшій надзоръ за порядкомъ во вѣренномъ ему родѣ или наслегѣ (138 ст.). Сборъ податей возлагается непосредственно на Родовое Управленіе, такъ что подати взыскиваются съ него за весь родъ, какъ съ одного нераздѣльнаго лица (143 ст.). Родовое Управленіе имѣетъ право взыскивать за маловажные проступки по обычаямъ и въ качествѣ домашняго исправленія (140 ст.). Всякаго преступника, бѣглеца, или нарушителя порядка въ родѣ Родовое Управленіе имѣетъ право представлять по начальству и, буде нужно, подѣ надзоромъ (144 ст.). Весьма важнымъ является предоставленное старостѣ право „принести жалобы на притѣсненія и несправедливости, роду оказанныя“ (145 ст.). Этой статьей староста можетъ пользоваться противъ произвола низшей администраціи. На обязанности Родового Управленія лежитъ раскладка податей и повинностей съ присоединеніемъ расходовъ на Родовое Управленіе и жалованья писарю. Родовое же Управленіе обязано распредѣлить присланныхъ ссыльно-поселенцевъ на житье по родамъ и домамъ, выдать имъ деньги на первое обзавед-

ніе, выдѣлить въ ихъ пользу покосное мѣсто, пашни и выгонъ, всего въ количествѣ 15 десятинъ.

Во главѣ каждаго рода стоитъ выборное лицо—старшина; онъ разбираетъ мелкія дѣла въ родѣ, судить, приводитъ въ исполненіе постановленіе Р. Управленія и Инор. Управы. Объ его правахъ и обязанностяхъ въ положеніи объ инородцахъ ничего нѣтъ. На обязанности рода лежитъ попеченіе о сиротахъ, бѣдныхъ и нищихъ, которыхъ онъ обязанъ поить, кормить и одѣвать. Родъ никогда не дастъ имъ погибнуть. Такіе бѣдняки ходятъ изъ дома въ домъ, проводятъ ночь или двѣ у одного, потомъ переходятъ къ другому и т. д. Нѣкоторые же изъ нихъ живутъ въ качествѣ рабочихъ у богатей. Нищихъ у якутовъ чрезвычайно мало. Родъ можетъ наследовать имущество лицъ, не оставившихъ по себѣ наследниковъ, а также имущество женщины своего рода, вышедшей замужъ за члена другого рода и умершей безъ дѣтей, если конечно не осталось у нея ближайшихъ родственниковъ.

Всѣ Инородныя Управы или, гдѣ нѣтъ ихъ, Упр. Родовыя непосредственно подчиняются Окружнымъ Полицейскимъ Управленіямъ или Отдѣльнымъ Засѣдателямъ, гдѣ сіи послѣдніе находятся (128). На обязанность полиціи лежитъ надзоръ за Инородными Управами и Родовыми Управленіями (183, 137); она не только надзираетъ за ними, но и управляетъ, такъ какъ можетъ предписать то или иное распоряженіе, которое Инор. Управа обязана исполнять (159).

Здѣсь умѣстно будетъ обратить вниманіе на нѣкоторые недостатки Положенія объ инородцахъ. Что прежде всего бросается въ глаза, такъ это—масса инстанцій, какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ отношеніяхъ. Въ административномъ отношеніи инстанціи идутъ слѣдующимъ порядкомъ: родовой старшина, Родовое Управленіе, Инородная Управа, Засѣдатель, Исправникъ или Окр. Пол. Управленіе, Губернаторъ или Обл. Правленіе, Генералъ Губернаторъ, Министръ Внутр. Дѣлъ и Сенатъ, всего девять инстанцій. Въ судебномъ отношеніи: род. старшина, Род. Управленіе, Ин.

Управа, мировой судья или въ Колымскомъ и Верхоянскомъ Округахъ Окр. Полиц. Управление, Окружный судъ, Судебная Палата и Сенатъ, всего 7 инстанцій. До введенія Судебныхъ Уставовъ обстановка была еще неблагопріятнѣе. Такая масса инстанцій не выясняетъ дѣла, а только затягиваетъ, затемняетъ его и приучаетъ къ сутяжничеству. Много говорятъ и пишутъ о склонности якутовъ къ ябедѣ, сутяжничеству. Дѣйствительно, якуты склонены къ судебному разбирательству, сутяжничеству, но русскіе не только ничего не сдѣлали въ прошломъ, чтобы устранить этотъ порокъ, а скорѣе создали новую благопріятную почву для его развитія. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только обратить вниманіе, какъ отправлялись прежде судебныя функціи въ Якутской области. Начиная съ первыхъ дней завоеванія якуты убѣдились, что можно подкупать не только мелкихъ представителей суда и администраціи, но и высшихъ представителей мѣстной власти, какъ воеводъ и т. д. Подкупъ и взяточничество вели къ тому, что распоряженія высшей власти не приводились въ исполненіе. Законъ 22 іюля 1822 г. нѣсколько урегулировалъ эти отношенія. Но и послѣ этого закона подкупъ и взяточничество продолжали процвѣтать. Введеніе Судебныхъ Уставовъ въ Якутской области, можно думать, положить конецъ этому печальному явленію.

Другой важный недостатокъ положенія объ инородцахъ— это слишкомъ большая власть и опека полиціи надъ инородцами. По ст. 137, 159 и 183 на полицію возлагается надзоръ и управленіе инородцами. Судя по ст. 75—98, 49, 50, 58, 59, 136, 145 и др. Положенія объ инородцахъ, изд. 1892 г., слѣдовало бы допустить, что у якутовъ существуетъ самоуправленіе, поэтому на обязанности администраціи лежалъ бы надзоръ только за законностью и соотвѣтствіемъ распоряженій Инор. Управы и Род. Управленія съ пользою и нуждами населенія. Дѣйствительно, ст. 137 и 183 требуютъ только надзора за инородческими управленіями, а 159 ст. требуетъ и управленія съ обязательствомъ безусловно исполнять всѣ предписанія полиціи. Эта статья ниводитъ якутское самоуправленіе

до минимума и дѣлаетъ его не столько самоуправляющейся единицей, сколько матеріаломъ, изъ котораго полиція можетъ сдѣлать все, что ей угодно. Въ положеніи объ инородцахъ и въ этихъ статьяхъ 137, 159 и 183 главный недостатокъ тотъ, что они редактированы слишкомъ неопредѣленно; эти статьи каждый администраторъ можетъ объяснить по своему и на ихъ основаніи можетъ почти безгранично владычествовать надъ якутами, вмѣшиваться во всѣ дѣла, и по закону онъ будетъ правъ. Г. Сѣрошевскій по этому поводу говоритъ: „власть и вмѣшательство администраціи въ дѣла самоуправленія очень сильны въ Якутской области и годъ отъ году возрастаютъ“¹⁾. Въ интересахъ законности въ управленіи безотлагательно требуется пересмотрѣть тѣ статьи Положенія, которыя даютъ такую обширную власть администраціи надъ самоуправленіемъ якутовъ и указать тѣ границы, въ которыхъ администрація можетъ дѣйствовать. Слѣдуетъ ясно и отчетливо обрисовать права и обязанности администраціи въ управленіяхъ якутовъ.

Администрація, увлекаясь управленіемъ якутами, упускаетъ существенную сторону надзора за управленіями, а именно контроль надъ раскладкой и собираніемъ податей и повинностей Инородными Управами и Родовыми Управленіями или скорѣе улусными головами и наследными старостами. Масса злоупотребленій происходитъ именно въ этой области. Голова и староста, собравъ подати, не всегда представляютъ ихъ куда слѣдуетъ, а растрачиваютъ и записываютъ какъ недоимки за улусомъ или наслегомъ, такъ какъ по ст. 143 подати взыскиваются съ рода, какъ съ одного человѣка. При раскладкахъ податей и повинностей устанавливается иногда налогъ въ пользу писмоводителя или каковагонибудь другого лица. Недавно разбиралось въ Якутскомъ Окружномъ Судѣ дѣло о такихъ налогахъ, установленныхъ однимъ письмо-

¹⁾ Якуты, 498.

водителемъ. Такія дѣла почему то ускользаютъ отъ контроля мѣстной администраціи. На это слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе.

Вообще Положеніе объ инородцахъ страдаетъ многими недостатками, между прочимъ неопредѣленностью редакціи статей, которыя толкуются администраціей слишкомъ широко. Нужно взять во вниманіе и то, что это положеніе существуетъ почти безъ измѣненія около 80 лѣтъ. То, что удовлетворяло потребностямъ прежняго времени, не можетъ удовлетворять въ настоящемъ. Между тѣмъ развитіе якутовъ—само собой и подъ вліяніемъ русскихъ—идетъ довольно быстро. Простая справедливость требуетъ, чтобы Положеніе объ инородцахъ удовлетворяло нуждамъ времени. Что касается судебной части по Положенію, то она не лучше административной. На это уже обращено вниманіе Министерства Юстиціи.

Позволяемъ себѣ выразить надежду, что пересмотръ Положенія объ инородцахъ признанъ будетъ необходимымъ и осуществится въ скоромъ будущемъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ

(Сословія и классы).

Въ настоящее время говорить о существованіи сословій въ якутскомъ обществѣ нѣтъ никакой возможности, потому что нѣтъ лицъ, наслѣдственно пользующихся какими нибудь особыми правами, не принадлежащими другимъ. Въ старину было три сословія, наслѣдственно пользовавшихся особыми правами и преимуществами: 1) высшее—правящее сословіе, изъ среды котораго были наслѣдственные правители крупныхъ родовыхъ союзовъ—џон'овъ, аймах'овъ; 2) классъ свободныхъ, составлявшихъ военную силу якутовъ и 3) классъ несвободныхъ лицъ—рабовъ (вулут). Рабовъ могли имѣть оба свободныя сословія. Чѣмъ больше рабовъ, тѣмъ было больше почета.

Рабы исполняли всѣ черныя работы по домашнему хозяйству. Они пасли скотъ, чистили хлѣвъ. Чрезвычайно характерна жалоба одного побѣжденнаго богатыря. „Хочешь уже слѣзть меня рабомъ, не отходящимъ отъ дома; хочешь, чтобы, когда заболѣютъ у тебя отецъ и мать, я чистилъ ихъ грязь и погань, чтобы, когда они умрутъ, я поднялъ ихъ вшивыя кости“¹⁾. Рабы всюду сопровождали своего господина, они сажали его на лошадь, спускали съ нея. Во время дороги рабъ долженъ былъ бѣжать рядомъ съ своимъ хозяиномъ. Молодая жена, отправляющаяся первый разъ изъ дома отца въ домъ мужа, обязана была имѣть своего раба, который назывался *аннѣ* вулут.

Рабы были безправныя существа. Въ сказкахъ довольно часто встрѣчаются описанія, какъ ихъ убиваютъ, вѣшаютъ безъ всякой причины. Такъ коровницу *Симѣхсин Амѣхсин*, которая всегда извѣщаетъ о пріѣздѣ богатырей, часто перерѣзываютъ выгребной лопатой на двѣ части или вѣшаютъ на первый попавшійся врючекъ²⁾. Рабы не имѣли никакой собственности, жили на хозяйской пищѣ. У нихъ, кажется, не было даже анал или *самса*,—отдѣльныя части имущества, которыя могли имѣть другіе зависимые члены семейства. Рабы жили отдѣльными домами³⁾.

Происхожденіе рабовъ двоякое, какъ и вездѣ. Одни рабы были военноплѣнные⁴⁾. Другой причиной рабства была экономическая зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ. Должники, не заплатившіе своего долга, должны были отработать и служить кредитору до тѣхъ поръ, пока не отработаютъ своего долга. Такіе рабы конечно появились сравнительно поздно, когда богатство начало скопляться въ рукахъ немногихъ. Вѣроятно, двоякое происхожденіе рабовъ отразилось на самомъ ихъ

¹⁾ Верх. Сбор., 220.

²⁾ Верх. Сб., 103, 129 и др.

³⁾ Тамъ же, 87, 113.

⁴⁾ Тамъ же, 207; Приклонскій, Ж. С., 1891 г., III, 177.

наименованіи и положеніи. Одни изъ нихъ въ сказкахъ называются рабами, другіе невольниками, третьи домашними слугами. Можно полагать, что невольники и рабы были военноплѣнные и назывались кулут, другіе были на положеніи полусвободныхъ и назывались домашними слугами; они прислуживали господамъ во дворѣ, за столомъ и т. д., но черныхъ работъ, о которыхъ я упомянулъ выше, вѣроятно, они не исполняли. Появленіе послѣднихъ и было слѣдствіемъ ихъ плохого экономическаго положенія. Съ ними господа обращались хорошо, нигдѣ не встрѣчаемъ указанія, чтобы ихъ убивали, вѣшали безъ всякихъ причинъ. Подъ вліяніемъ русскихъ, а именно по указу 1808 г. рабство у якутовъ было уничтожено ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, русское правительство ничѣмъ не подтвердило господствующаго положенія однихъ и зависимаго—другихъ; оно не установило особыхъ правъ и преимуществъ, наслѣдственно передаваемыхъ какому нибудь кругу лицъ. Словомъ, русское правительство не установило сословій въ якутскомъ обществѣ. Поэтому, странно читать у г. М. В-ча завѣреніе, что у якутовъ въ настоящее время существуетъ три сословія, рабство и т. д. ²⁾. Въ настоящее время у якутовъ никакихъ сословій нѣтъ, потому что нѣтъ этому основанія въ законѣ. Нѣтъ также и рабство, потому что, по русскимъ законамъ, воспрещено имѣть рабовъ. Да и фактически ихъ нѣтъ. Г. М. В-чъ приводитъ нѣсколько примѣровъ продажи дѣвушекъ для разврата. Но на продажѣ дѣвушекъ для разврата нельзя основывать выводъ, будто у якутовъ существуетъ рабство. Вѣдь тогда пришлось бы утверждать, что и въ Западной Европѣ существуетъ рабство, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что тамъ существуетъ нелегальная продажа женщинъ для разврата. Я самъ знаю и даже видѣлъ въ Якутской

¹⁾ Памят. Кн. Якут. обл. за 1896 г., вѣстатьѣ «Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ», 31.

²⁾ Якутскіе юрид. обычаи, 26—30.

области одну женщину, которая занималась доставкой живого товара для разврата на олеуминскіе золотыя пріиски. Но я далеко отъ мысли дѣлать выводъ, что у якутовъ существуетъ рабство. Живой товаръ для разврата—аномальное общественное явленіе, встрѣчающееся почти вездѣ и требующее мѣръ для уничтоженія. Однако г. М. В-чъ не рѣшается утверждать, что существуютъ рабы—мужчины; онъ говоритъ, что на положеніи рабовъ находятся хамначыг'и (работники). Рабочій классъ, какъ и вездѣ, терпитъ отъ богачей; быть можетъ, якутскій рабочій находится въ болѣе стѣснительномъ положеніи, чѣмъ рабочій другихъ націй, но всетаки утверждать, что якутскій рабочій (хамначыг) ничѣмъ не отличается отъ раба, слишкомъ смѣло. Якутскій рабочій всегда можетъ уйти отъ своего хозяина, никто его не можетъ удержать: ни хозяинъ, ни родовая власть. За свой трудъ онъ всегда получаетъ плату. Гдѣ же тутъ признаки раба?

Въ дѣйствительности же у якутовъ существуетъ классъ богачей и классъ бѣдняковъ. Послѣдніе находятся въ извѣстной зависимости отъ первыхъ. Эта зависимость никогда не простирается, однако, до лишенія голоса на собраніяхъ,—всякій якутъ, хотя бы и самый бѣдный, можетъ говорить на собраніи и говорить даже противъ богачей. Это, конечно, не значитъ, чтобы при рѣшеніи вопроса голоса богачей и бѣдняковъ были одинаковы; нѣтъ, голоса богачей всегда имѣютъ перевѣсъ, и я хочу сказать только то, что бѣднякъ не является безмолвнымъ рабомъ, каковымъ хочетъ представить его г. М. В-чъ.

ИМУЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

Считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ имущественныхъ отношеніяхъ вообще, объ имуществѣ коллективномъ и частномъ, какъ объектѣ имущественныхъ отношеній.

„Сравнительная исторія права считаетъ въ числѣ своихъ основныхъ выводовъ то положеніе, что эпохѣ развитія частной собственности предшествовалъ періодъ широкаго господства совмѣстнаго владѣнія въ рукахъ лицъ, связанныхъ между собой единствомъ крови“ ¹⁾). Таково положеніе, выставляемое современной наукой. До появленія частной собственности была собственность родовая и семейная, причемъ родовая предшествовала семейной. Тоже самое явленіе замѣчается и у якутовъ. Какъ я уже отчасти указывалъ выше, въ періодъ разцвѣта родовой жизни, когда отдѣльный членъ рода жилъ его интересами, когда господствовалъ еще групповой бракъ, когда еще не было индивидуальной семьи, была родовая коммуна. Въ то время на правѣ собственности могъ имѣть одинъ родъ, остальные его члены только пользовались родовой собственностью. Отголоски этого отдаленнаго прошлаго видны еще и теперь, такъ, напр., земля можетъ быть собственностью исключительно рода, нѣкоторые обычаи, вродѣ того, что всѣ присутствующіе имѣютъ право участія въ добычѣ, уловѣ и т. д. Съ появленіемъ индивидуальной семьи появляется семейная собственность. Пока якуты ведутъ кочевую жизнь, земля, на которой кочуетъ родъ, считается собственностью рода и всѣ члены его пользуются ею на равныхъ правахъ. Съ теченіемъ времени, когда кочевая жизнь собирается, когда семьи начинаютъ осѣдать, онѣ получаютъ въ пожизненное пользованіе извѣстный участокъ земли. Этимъ участкомъ семья пользуется подъ строгимъ контролемъ рода. Ежегодно происходитъ уравненіе участковъ; въ одинъ годъ прибавляютъ къ участку, въ другой годъ убавляютъ отъ него. Неизмѣннымъ остается усадьба и при ней такъ называемый бртукъ, т. е. отгороженное недалеко отъ дома мѣсто, куда загоняется рабочій скотъ, дойныя коровы, кобылы и телята. Этотъ бртукъ тѣмъ замѣчательнѣе, что урав-

¹⁾ М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи I, 105.

неніе родомъ участка его не касается, онъ остается неизмѣннымъ всегда, хотя бы на этомъ участкѣ росла трава, по количеству равная цѣлому душевому надѣлу. Усадьба и ѳртѹк напоминаютъ римское heredium, какъ такіе участки земли, которые остаются въ исключительномъ и потомственномъ владѣніи семьи. Все таки эти участки не могутъ быть отчуждаемы. Да это и понятно, потому что якутъ и представить себѣ не можетъ ни продажи, ни купли земельного участка. Якутъ только представляетъ, что государство можетъ отобрать у нихъ участки земли и передать другому обществу или ссыльнымъ. Дальше этого его понятіе объ отчуждаемости земли не идетъ. По своей природѣ усадьба и ѳртѹк напоминаютъ самсѣ или анал въ движимомъ имуществѣ семьи. Вообще говоря, имущество принадлежитъ семьѣ, и имъ можетъ исключительно распоряжаться глава семьи—ага; но въ то же время каждый членъ семьи имѣетъ самсѣ или анал, которыми всегда можетъ распоряжаться самъ, если это не скотина, отчужденіе которой требуетъ согласія главы семьи. Это напоминаетъ римскій resilium. Семьѣ принадлежитъ домъ и усадьба, скоть, одежда, продукты хозяйства и т. д. Всѣмъ имъ распоряжается глава семьи. Если отчуждается приданое жены, то безъ ея согласія это сдѣлано быть не можетъ. Домашняя утварь, одежда, посуда не отчуждаются. Последнее дѣло, если якутъ продастъ свою посуду, всѣ скажутъ, что онъ дошелъ до послѣдней крайности. Слѣды семейной собственности видны и теперь въ вышеуказанныхъ ограниченіяхъ отчужденія имущества. Отсутствие нынѣ завѣщательной свободы и опеки ясно указываютъ на живучесть семейной коллективной собственности. Вѣроятно, въ прошломъ семейный коллективизмъ былъ сильнѣе, живуче, а нынѣ индивидуализмъ, проникшій въ якутскую среду, шагъ за шагомъ разбиваетъ этотъ старинный институтъ.

Въ самый отдаленный періодъ, въ періодъ еще родового и семейнаго коммунизма, является частная собственность. Еще и до сего времени ученые не согласились окончательно относительно того, что раньше появилось—общинная собствен-

ность или частная. Однако, большинство ученыхъ полагаетъ, что общинная собственность появилась раньше индивидуальной. Какъ бы то ни было, мы еще въ глубокой древности, описанной въ сказкахъ, находимъ у якутовъ слѣды частной собственности. Такъ, въ сказкахъ герои, достигнувъ зрѣлаго возраста, получаютъ отъ рода, кромѣ имени и должности, лошадь, оружіе и платье, которыми они пользуются и владѣютъ на правѣ собственности ¹⁾. Въ сказаніи Хоро (прародители якутовъ) послѣ того, какъ всѣ осажденные въ домѣ выбросили свое имущество, одинъ Бата батыр не выбросилъ. Оказалось, что онъ остался одѣтый, съ оружіемъ въ рукахъ и при немъ еще была кожа свѣжеубитой кобылы ²⁾. Вѣроятно, это кобыла была его сѣмсѣ или анал. Обыкновенно вещи, хоронимыя вмѣстѣ съ покойникомъ, считаются предметами частной собственности. Мы знаемъ, что въ старину вмѣстѣ съ покойникомъ якуты хоронили его верховую лошадь, оружіе, платье и сѣстные припасы ³⁾. Такимъ образомъ, все указываетъ, что въ старину верховая лошадь, оружіе, платье и сѣстные припасы считались объектами частной собственности. Съ теченіемъ времени, когда индивидуализмъ завоевывалъ все больше и больше значенія, предметовъ для частной собственности становилось все больше и больше, хотя свободы оборота и теперь нѣтъ. Земля не можетъ быть предметомъ частной собственности. Изъ этого въ послѣднее время есть стремленіе сдѣлать исключеніе, именно пахотная земля изъ-подъ лѣса, расчистка, которая требуетъ много труда и денегъ, можетъ быть отчуждаема. Здѣсь приложенъ принципъ труда: что требуетъ труда и денегъ, то можетъ быть отчуждаемо. Въ этомъ направленіи дѣлаются первые неуверенные шаги. Покосятъ, лѣса,

¹⁾ Верх. Сбор., 213—4, 233.

²⁾ Тамъ же, 57.

³⁾ Д. Кочневъ. Погребальные обряды якутовъ Вилюйскаго округа Якут. об., 10 стр. отд. отт. изъ XII т. «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при И. К. У.» за 1894 г.; Маакъ. Вилюйскій округъ Якут. об. СПб. 1887 г., III, 96.

настбища не могут быть отчуждаемы, они—собственность рода. Въ настоящее время почти все остальное может быть предметомъ отчужденія. Для отчужденія нѣкоторыхъ вещей требуется согласіе другихъ лицъ. Приданое жены, анал члена семьи, домашняя утварь, парадная одежда мужа и жены, передаваемая по наслѣдству, не могутъ быть отчуждаемы безъ согласія всѣхъ членовъ семьи, или жены, или того члена семьи, вещь котораго отчуждается. Здѣсь я говорю о томъ случаѣ, когда отчуждателемъ является отецъ семьи. Если жена отчуждаетъ приданое, то она не можетъ этого сдѣлать безъ согласія мужа. Что она можетъ сдѣлать безъ согласія мужа, такъ это продавать часть продукта молочнаго хозяйства. Женщина, подчиненная кому нибудь въ качествѣ жены, дочери, матери, не пользуется свободой торговаго оборота. Но самостоятельныя женщины пользуются свободой торговаго оборота. Взрослые сыновья могутъ отчуждать добытое личнымъ трудомъ, охотой. Свой сѣмса или анал, если это скотина, они могутъ отчуждать только съ согласія отца. Отдѣленные сыновья пользуются самостоятельностью. Полной, сравнительно, свободой и самостоятельностью оборота пользуется исключительно одинъ глава семейства—ага.

Всѣ сдѣлки совершаются въ присутствіи сторонъ; объектами сдѣлокъ должны быть тѣлесныя и наличныя вещи, поэтому, во 1-хъ, не могутъ совершать сдѣлки отсутствующіе лица, во 2-хъ, нельзя совершать сдѣлки по вещамъ, не находящимся на лицо. Соглашеніе сторонъ и передача вещи совпадаютъ, поэтому въ числѣ способовъ приобрѣтенія права собственности считаются: мѣна, купля-продажа, дареніе, отчасти наслѣдство и т. д.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО.

Въ предъидущей главѣ я старался очертить, кто можетъ вступать въ сдѣлку вообще. Выяснилось, что полной

свободой сдѣлокъ пользуется одинъ глава семьи, остальные члены ограничены въ свободѣ сдѣлокъ, находясь въ зависимости отъ главы семьи, разрѣшеніе котораго требуется во многихъ случаяхъ. Въ обязательственномъ правѣ снова возникаетъ вопросъ, кто можетъ вступать въ обязательственныя отношенія по договорамъ. Наука указываетъ, что въ періодъ родового и семейнаго коммунизма, въ обязательственныя отношенія могъ вступать исключительно только глава семьи, какъ представитель ея интересовъ во всѣхъ случаяхъ. Въ то время семья считалась за одинъ организмъ, входящій въ составъ рода. Родъ признавалъ полноправнымъ только представителя семьи, который могъ участвовать въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся цѣлаго рода; остальные члены семьи не имѣли голоса, они говорили устами своего представителя. Коллективное веденіе семейнаго хозяйства исключало всякую возможность договорныхъ отношеній между членами одной и той же семьи. Обязательственныя отношенія по договорамъ могли возникать только между семьями, родами. Поэтому, не безъ основанія договорныя отношенія періода родового и семейнаго коммунизма считаютъ международными отношеніями. Конечно, здѣсь нужно ограничить слово *международное отношеніе*; это слово указывало и указываетъ въ данномъ случаѣ только на отношенія не между отдѣльными лицами, а между группами лицъ, будутъ ли то семьи или роды. Договоры совершаются только представителями группъ, отцомъ семьи или старшиной рода. Вотъ почему въ старину полноправнымъ членомъ рода, могущимъ совершать сдѣлки и входить въ обязательственныя отношенія, могъ считаться только одинъ глава семьи.

Было ли также и у якутовъ, мы съ точностью не можемъ рѣшить, за недостаткомъ данныхъ. Въ сказкахъ находимъ мало слѣдовъ договорныхъ отношеній. Можетъ быть, здѣсь отражается незначительный торговый оборотъ. Но все таки кое гдѣ встрѣчаются слабыя указанія, что въ договорныя отношенія могутъ вступать только люди независимые, самостоятельныя. Такъ, переговоры о личномъ най-

мѣ, а потомъ усыновленіи вновь прибывшихъ русскихъ вѣдетъ начальникъ рода—Тыгын¹⁾. Далѣе, въ договорныя отношенія съ клятвой выполнить обязательство вступаютъ только богатыри, т. е. или главы семьи, или совершенно независимые люди²⁾. Нигдѣ въ сказкахъ и другихъ источникахъ мы не находимъ, чтобы зависимыя лица вступали въ договорныя отношенія. Если примемъ за доказанное, что у якутовъ существовалъ родовой и семейный коммунизмъ, то должны будемъ признать, что въ старину въ обязательственныя отношенія могъ вступать только глава семьи. Да и теперь полной свободой въ сдѣлкахъ и договорахъ пользуется исключительно глава семьи. Конный и рогатый скотъ, сѣно, добытое трудомъ семьи, могутъ быть отчуждаемы, завлаживаемы, отдаваемы въ наемъ исключительно отцомъ семьи. Распоряженіе главой семьи этими вещами станетъ вполне понятнымъ, если припомнимъ, что благосостояніе семьи основывается на скотоводствѣ. Зависимые члены семьи вступаютъ въ большинство случаевъ въ обязательственныя отношенія съ согласія отца семьи. Жена, дѣти могутъ вступать въ договоръ личнаго найма только съ согласія отца. Наравнѣ съ отцомъ семьи пользуются свободой сдѣлокъ независимыя лица—отдѣленные сыновья, разведенныя жены, вдовы и т. д. Такимъ образомъ, полной свободой вступленія въ обязательственныя отношенія пользуется одинъ глава семьи, а другіе настолько, насколько независимы отъ другихъ.

При совершеніи договоровъ и вообще всякой сдѣлки у якутовъ соблюдается слѣдующая форма. Договаривающіяся стороны бьютъ по рукамъ и третье лицо должно разнять ихъ руки. Оно, впоследствии, въ случаѣ недоразумѣній, можетъ быть вызвано въ качествѣ свидѣтеля, поэтому должно быть лицомъ, уважаемымъ и почетнымъ въ обществѣ. При этомъ, если обязательство состоитъ не въ выполненіи какихъ либо

¹⁾ Верх. Сбор., 50.

²⁾ Тамъ же, 68, 159, 172, 174—5, 215.

услугъ, то предметы обязательствъ должны быть переданы въ руки. Такъ, при продажѣ скота, послѣдній долженъ быть передаваемъ съ веревкой, если лошадь—съ недоуздомъ (сулардѣх вѣптѣс), если корова или быкъ—съ веревкой на рогахъ (ынах быата). Веревка играетъ здѣсь роль не только формальности, но и удобства, такъ какъ лошадь или быкъ легче вести за веревку, чѣмъ гнать. Это имѣетъ большое значеніе особенно съ нерабочимъ, а дико гуляющимъ скотомъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русскихъ, начинаетъ входить въ обычай заключать договоры письменно. Особого термина для обозначенія письменныхъ обязательствъ еще не выработано, но для заемныхъ писемъ существуетъ терминъ *кабала*. Были ли особые способы заключенія договоровъ въ старину, рѣшить трудно. Есть мѣста въ сказкахъ, указывающія, что договоры закрѣплялись клятвой¹⁾. Относительно неустоекъ въ якутскомъ быту нѣтъ и помину. Сроки договоровъ самые неопредѣленные. Въ настоящее время сроки обозначаются временами года—зимой, лѣтомъ, осенью и весной. Если якутъ обѣщаль доставить что либо въ срокъ, то будьте увѣрены, что обязательство въ срокъ не будетъ исполнено. За то нѣтъ и исковой давности. Кредиторъ можетъ исвать свой долгъ когда угодно, чрезъ 10, 20, 50 и болѣе лѣтъ. Этимъ пользуются купцы, взмсыывая съ сыновей долги ихъ отцовъ, и сыновья безпрекословно платятъ. Въ отличіе отъ безсрочныхъ или съ неопредѣленнымъ срокомъ обязательствъ въ послѣднее время возникаетъ срочное обязательство подъ названіемъ подряда (бѣдрѣд). И въ этихъ случаяхъ срокъ не строго соблюдается. Отсутствіе опредѣленности срока и исковой давности даетъ возможность М. Ковалевскому допустить, что первобытные договоры были безсрочные²⁾.

¹⁾ Верх. Сб., 159, 172, 215.

²⁾ Современный обычай и древній законъ. Обычн. пр. осет. въ истор. сравн. освѣщ. М. 1886, I, 198.

Обманъ при договорахъ якутами не преслѣдуется. Обманъ въ подобныхъ случаяхъ считается за проявленіе особаго ума и ловкости. „Не обманешь, не продашь“. Только при мѣнѣ допускается ограниченіе. Если въ обмѣниваемыхъ вещахъ будетъ открытъ скрытый порокъ, то обманутой стороны можетъ возвратитъ вещь и получить свою въ продолженіе трехъ дней.

Въ старину стороны вынуждались къ исполненію обязательствъ страхомъ предъ клятвой, предъ богами. Впослѣдствіи это смѣнилось дѣйствіемъ, похожимъ на барантованіе. Кредиторъ можетъ забрать гдѣ нибудь при встрѣчѣ съ должникомъ, напр., его верховую лошадь и не отдавать до тѣхъ тѣхъ поръ, пока тотъ не заплатитъ долга или не представитъ благонадежнаго поручителя. Такой способъ иногда практикуется и теперь, но онъ выводится и замѣняется жалобой въ судъ, къ родовымъ властямъ, къ администраціи. Обезпеченіемъ въ исправномъ исполненіи обязательствъ обыкновенно служатъ залогъ и поручительство. Якуты прежде залога вовсе не знали и не имѣли для этого особаго термина. Залогъ только въ послѣднее время начинаетъ входить въ моду и по якутски называется *солож* (испорч. рус. залогъ). Поручительство издавна извѣстно якутамъ и называется *мѣкмідсит*. Поручитель, въ случаѣ неисполненія договора должникомъ, обязанъ заплатить всю сумму долга кредитору. Тогда по отношенію къ первому должнику онъ становится въ положеніе кредитора. Залатовъ якутскому обязательственному праву неизвѣстенъ.

Все это относится къ обязательствамъ, вызываемымъ добровольнымъ соглашеніемъ сторонъ. Якуты знаютъ обязательства, вытекающія изъ правонарушенія. Обязательства такого рода вынуждаютъ виновную сторону вознаградить потерпѣвшаго. Этотъ принципъ проводится и въ такихъ случаяхъ, какъ увѣчіе, лишеніе способности работать и т. д. Если послѣдствіемъ драки будетъ членовредительство, то виновный въ этомъ обязанъ заплатить за леченіе, за лишеніе работы и, кромѣ того, исполнять тѣ работы, которыя больной долженъ

былъ исполнять дома. Словомъ, всё убытки, которые понесъ потерпѣвшій, обязанъ уплатить виновникъ этого. Этотъ принципъ проводится во всёхъ обязательствахъ такого рода. Если поврежденіе произошло не по винѣ кого либо, а случайно, то за него никто не обязанъ платить. Такъ, если животное, взятое для работъ, издохнетъ отъ сибирской язвы или подобныхъ же болѣзней, то лицо, взявшее его, не обязано вознаграждать собственника. На практикѣ подобные случаи вызываютъ ссору, потому что иногда трудно бываетъ опредѣлить, отчего издохло животное.

Мѣна (атастасъ) и *купля продажа* (атъ). Какъ можно судить по значенію корня слова атастасъ (мѣна)—атас, мѣна совершалась при побратимствѣ или заключеніи дружбы, такъ какъ слово атас означаетъ пріятеля. Вѣроятно, обмѣнивались лошадьми, потому что слово атас, атастасъ, происходятъ отъ одного общаго корня ат (лошадь). Впослѣдствіи всякая мѣна стала обозначаться словомъ атас, атастасъ. Обмѣнъ вещами совершается тогда, когда цѣнность вещей приблизительно одинакова. Отъ другихъ сдѣлокъ мѣна отличается тѣмъ, что въ теченіе извѣстнаго срока, обыкновенно 1—3 дней, обмѣненную вещь можно возвратить. Обмѣняться оружіемъ, платьемъ могутъ и лица зависимыя. Въ торговомъ оборотѣ впослѣдствіи мѣна была замѣнена куплей-продажей. Генетическая связь между мѣной и куплей-продажей прекрасно видна изъ якутскихъ словъ, обозначающихъ мѣну и куплю-продажу. Корнемъ для обоихъ словъ служитъ слово ат (лошадь). Сперва обмѣнивались лошадьми (ат), а потомъ сама лошадь (ат) сдѣлалась мѣриломъ цѣнности. Отсюда и слово торговля (атъ) получило свое названіе. Мѣриломъ цѣнности, какъ я сказалъ выше, въ старину служила лошадь, а потомъ стали служить деньги (харчы). Трудно опредѣлить, были ли у якутовъ денежные знаки, а слово харчы (деньги) означаетъ и деньги и мелкую монету. Кромѣ того, является сомнѣніе, чисто ли якутское слово „харчы“, не есть ли это испорченное русское харчи—пропитаніе. Но какъ бы то ни

было, въ настоящее время харчы—деньги являются мѣриломъ цѣнности. Проданная вещь должна быть обязательно передана въ руки покупателя, за то и цѣна должна быть уплачена обязательно. Проданная вещь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть возвращена, хотя бы открылся обманъ въ качествѣ и количествѣ. Покупатель долженъ самъ осмотрѣть вещь; если онъ проглядѣлъ порокъ, то это его вина. Будь остороженъ въ куплѣ и обманывай, насколько возможно, при продажѣ—вотъ принципъ якутской торговли. Съ куплей—продажей находится въ тѣсной связи заемъ (iäs ылар). Заемъ обыкновенно совершается независимыми людьми. Предметомъ займа можетъ быть конный и рогатый скотъ, деньги, колоніальный товаръ и т. д. Заемъ обыкновенно совершается на извѣстный срокъ, уплатить весной, осенью и т. п., но, какъ я выше указывалъ, здѣсь срокъ не имѣетъ большого значенія, потому что ни одинъ якутъ въ срокъ аккуратно не заплатитъ долга, точно также ни одинъ кредиторъ, за истеченіемъ давности, не потеряетъ права требовать. Заемъ бываетъ съ процентомъ и безъ процента, большею же частью безъ процента. Понятія процента и термина для его обозначенія нѣтъ въ якутскомъ языкѣ. Только въ самое послѣднее время якуты начинаютъ привыкать къ проценту и употребляютъ для его обозначенія испорченное русское слово процентъ (быраснав). Якутское обычное право признавало, отчасти и теперь признаетъ, чтобы должникъ оказывалъ помощь кредитору работой, гостинцами и т. д. Кредиторъ считаетъ себя благодѣтелемъ должника и потому послѣдній обязанъ оказывать помощь въ уборкѣ сѣна и хлѣба своего кредитора. Этими богачи обыкновенно и пользуются. Такія отношенія считаются вполне нормальными и никто не думаетъ возставать противъ нихъ. По справедливому замѣчанію М. Ковалевскаго, хотя въ подобныхъ отношеніяхъ процента и нѣтъ, но такія услуги вполне замѣняютъ процентъ ¹⁾). Встрѣчается иногда такой случай,

¹⁾ Современный обычай и древній законъ. М. 1886 г. I, 215.

что должникъ, взявши корову, обязуется чрезъ годъ доставить или беременную корову (ўла́х ѡнах) или корову съ теленкомъ (тарбийахта́х ѡнах). Такія сдѣлки совершаются, но довольно рѣдко. Такого рода сдѣлки дали поводъ М. Ковалевскому сдѣлать заключеніе, что прежде процентъ считался по приплоду скота ¹⁾. Иногда заемъ нѣсколько видоизмѣняется, когда срокъ обязательства установленъ сравнительно точно, и тогда называется подрядомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ подрядъ близко подходитъ къ срочной поставкѣ вещей. Такъ, якуты, взявъ весной 6—8 р., обязуются осенью доставить пудъ коровьяго масла. Или за долги обязуются доставить въ извѣстному сроку столько то пудовъ мяса. Здѣсь, по понятію якутовъ, тотъ же заемъ, но съ обязательствомъ уплатить извѣстными вещами въ срокъ, потому и называется подрядомъ. Въ этихъ случаяхъ процентомъ для кредиторовъ является разница между суммой займа и рыночной цѣной продаваемого продукта. Исправная уплата долга или ничѣмъ не обезпечивается, или обезпечивается поручительствомъ одного или нѣсколькихъ лицъ (ма́ктіа́сѣт). Поручитель, въ случаѣ неуплаты долга должникомъ, обязанъ уплатить все сполна. Это самый старинный способъ обезпеченія исправнаго платежа долга. Старинные якуты не згали залога. Залогъ явился подъ вліяніемъ русскихъ. Предметомъ залога не можетъ быть земля. Стога сѣна, рогатый и конный скотъ и все находящееся въ оборотѣ могутъ быть предметомъ залога. Какъ въ старину заключался заемъ, въ точности неизвѣстно. Можно полагать, что онъ совершался такъ, какъ совершается всякій договоръ, т. е. заключающіе договоръ били по рукамъ, а третье лицо ихъ разнимало. Въ послѣднее время заемъ совершается письменно и свидѣтельствуется родовыми властями.

Съ займомъ находится въ тѣсной связи личный наемъ.

¹⁾ Современный обычай и древній законъ. М. 1886 г. I, 262.

Обыкновенно принято думать, что нанимающийся получает заработную плату по исполнению принятых на себя обязательств в известный срок, или же онъ получает до выполнения обязательств только какую нибудь часть в видѣ задатка. Последній нигдѣ не превышаетъ $\frac{1}{3}$ заработной платы. У якутовъ совсѣмъ не такъ. У нихъ заработная плата получается вся сполна до выполнения принятых на себя обязательствъ. Напр., если вы наняли работника на зиму (по мѣсяцамъ тамъ не нанимаютъ), то вы, при самомъ совершеиіи договора, обязаны заплатить всю заработную плату сполна. Потомъ отъ него будетъ зависѣть исполнить или не исполнить принятые на себя обязательства. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ нанявшійся честно выполняетъ свои обязательства. Въ городахъ и ихъ окрестностяхъ въ настоящее время при заключеніи договора не всю заработную плату даютъ сразу, а оставляютъ нѣкоторую часть, которую и выдаютъ послѣ исполненія договора. Такимъ образомъ, якутскій личный наемъ скорѣе можно назвать уплатой долга личнымъ трудомъ, чѣмъ наймомъ. Отмѣчу любопытный фактъ изъ области отношеній хозяина къ работнику. Хозяинъ иногда можетъ бить своего работника (хамначыт). Это напоминаетъ известную статью Русской Правды, по которой хозяину предоставлялось право бить своего наймита „за дѣло“. И якутскій хозяинъ можетъ бить своего работника только „за дѣло“.

Изъ обязательствъ упомяну еще хасас и сѹбсѹсѹнѹ ітѹргѹ бѹіѹрѹ, вызванныхъ специально скотоводствомъ и оригинальнымъ веденіемъ хозяйства. Хасас состоитъ въ слѣдующемъ. Одну или нѣсколько коровъ богачъ съ 9 мая по 1 октября отдаетъ бѣдняку съ обязательствомъ, чтобы послѣдній осенью доставилъ ему 1 пудъ масла и 1 ушатъ тара (кислое молоко). За трудъ свой бѣднякъ получаетъ за каждую корову по 1 р. 50 к.—2 р. Въ такихъ случаяхъ коровы отдаются самыя дойныя или количество масла уменьшается. Если коровч не

дадутъ условленнаго количества масла, бѣднякъ обязанъ доставить условленное количества масла и тара ¹⁾). Если за это время издохнетъ корова, то за нее обязавшееся лицо платитъ только тогда, когда его вина будетъ доказана. За издохшихъ телятъ обыкновенно не платятъ, потому что ихъ такъ много издыхаетъ у якутовъ, что трудно свалить вину на когонибудь.

Другой специфическій видъ обязательствъ—это прокормить цѣлую зиму корову за 1 р. 50 к.—2 р. И въ этихъ случаяхъ только бѣднякъ впрягается въ такое тяжелое обязательство, потому что прокормить корову стоитъ не меньше 5 р. Весной корова должна быть представлена такой, чтобы она могла только ходить, а на счетъ хорошаго питанія ни та, ни другая сторона не заботится, лишь бы была жива, а лѣтомъ успѣть отгуляться. Какъ во всѣхъ обязательствахъ, такъ и въ этихъ двухъ плата взимается раньше, такимъ образомъ подобныя обстоятельства являются эквивалентомъ цѣны займа ²⁾).

Скажу еще нѣсколько словъ о дареніи, такъ какъ якутское дареніе по своей сущности относится къ обязательственному праву. Дареніе (бѣлѣх) совершается въ большинствѣ случаевъ между друзьями и родственниками. Якутское дареніе, въ особенности свадебное, тѣмъ и отличается отъ обычнаго даренія, что оно должно быть возвращено обязательно въ видѣ отдарковъ. Въ противномъ случаѣ на сцену является судъ, волоститство съ разцѣнкой подарка и т. д. Довольно близко къ даренію стоитъ гостинецъ—кѣсѣ. Главное отличіе даренія отъ гостинца состоитъ въ томъ, что гостинецъ не требуетъ обязательнаго отдариванія. По обычаю и въ этомъ случаѣ требуется отдаривать, но никто не можетъ вынудить отдаривать за гостинецъ, отдаривать за него дѣло чести, а не права. Такимъ обычаемъ

¹⁾ Ср. Пам. кн. Як. об. за 1896 г.—«Къ вопросу о скотов. у якутовъ Як. округа», 20, 89; Сѣрошевскій, Якуты, 421

²⁾ Ср. тамъ же.

пользуются лица, обѣднѣвшія отъ несчастья и получаютъ за свой гостинецъ вдвое и втрое больше. Этимъ же пользуются и разные русскіе пройдохи. Накупивъ водки, такія лица разѣзжаютъ по улусамъ и даютъ въ гостинецъ 5—10 бут. водки, за что получаютъ быка, корову. Этимъ обычаемъ не брезгаютъ пользоваться многія жены священниковъ и улусныхъ писмоводителей.

Остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу артелей. Артели, видимо, въ старину имѣли большее распространеніе, а нынѣ индивидуализмъ дѣлаетъ свое дѣло, понемногу разрушая артельное начало. Артельное начало въ старину очевидно было отголоскомъ болѣе сплоченной жизни, коммунистическаго веденія хозяйства. И теперь у якутовъ есть стремленіе работать корпоративно. Такъ, если нѣсколько человѣкъ косить сѣно близко другъ отъ друга, то они составляютъ артель (кыттыгас) и косятъ сообща сперва надѣлъ одного, а потомъ и другого. Въ такихъ случаяхъ всѣ товарища считаются равными работниками, хотя бы были хорошие и плохіе косцы. Артельное начало проявляется и въ такъ называемыхъ кӯлѣй (испорч. рус. гулай)—помощь. Кто нибудь созываетъ косцовъ, устраиваетъ имъ хорошее угощеніе, убиваетъ скотину—и кӯлѣй готовъ. Соревнуя другъ съ другомъ, косцы накашиваютъ массу травы. Убирается сѣно подобнымъ же путемъ жемцами. Кӯлѣй, вѣроятно, видоизмѣнилъ свой первоначальный смыслъ; онъ прежде назывался кѣмѣ—помощь. Очевидно, прежде кѣмѣ устраивался въ пользу бѣдныхъ (да и теперь иногда устраивается) и отчасти въ пользу богача зависящимъ отъ него населеніемъ, въ видѣ благожелательности за ссуду и заемъ.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ.

Въ настоящее время якуты ведутъ осѣдлую жизнь; остатокъ кочевой жизни выражается въ отдѣльныхъ жилищахъ лѣтомъ и зимой. Лѣтомъ живутъ на сыйылык'ахъ, а зимой на „зимникахъ“. Было время, когда якуты вели совершенно кочевую жизнь, переходили съ мѣста на мѣсто, жили въ разборныхъ ураса'хъ, которыя возили съ собой. Памятниками этой былой жизни остаются кое гдѣ стоящія бѣлыя берестяныя урас'ы. Какъ извѣстно, въ періодъ кочевой жизни понятие о территоріи весьма неопредѣленное. Роды кочевали, гдѣ вздумается. Однако можно полагать, что у нѣкоторыхъ родовъ были излюбленные мѣста для кочеванія, такъ Каңалас'ы кочевали въ Намскомъ улусѣ, Маңа кочевали въ Борогонскомъ улусѣ. Пространство, гдѣ кочевалъ извѣстный родъ, было неопредѣленно, не имѣло точныхъ границъ. Вѣроятно, границами служили рѣки, горы и т. д. Въ этомъ періодѣ нельзя было и думать, чтобы какое нибудь семейство имѣло отдѣльный участокъ земли; всѣ семьи, составляющія родъ, кочевали вмѣстѣ. Съ умноженіемъ населенія такая неопредѣленность границъ становится неудобной, она вызываетъ уже споры и ссоры и даже войны. Въ силу необходимости кочевой характеръ жизни долженъ былъ ослабѣвать; по крайней мѣрѣ, пространство для кочевковъ должно было постепенно сокращаться. Къ этому вели умноженіе и населенія, и рогатаго скота. Съ рогатымъ скотомъ зимой въ суровые холода нельзя кочевать, нужно по крайней мѣрѣ зимой осѣдать на опредѣленномъ мѣстѣ и кормить скотъ заготовленнымъ лѣтомъ сѣномъ. Разъ нужно осѣсть хотя на зиму, то уже поднимается вопросъ о надѣлѣ опредѣленнаго участка земли каждому роду, такъ какъ безъ этого условія очевидно трудно косить траву и заготовить сѣно на зиму. Какъ распредѣлялись участки въ родѣ, намъ неизвѣстно. Быть можетъ, въ родѣ каждый косилъ по своимъ силамъ. Здѣсь мы впервые встречаемся съ вопросомъ объ опредѣленномъ участкѣ, объ опре-

дѣленной границами территоріи, хотя бы только для рода. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ земельный вопросъ обострялся больше. Охотой на звѣрей нельзя было даже уплатить ясака, который былъ слишкомъ обременителенъ для населенія, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по способу собиранія. Несмотря на всѣ жестокія мѣры, ясака нельзя было собрать полностью, появились недоимки. „Нужда, недовольство, броженіе росли, недоимки не въ мѣру увеличивались, указывая на страшное истощеніе платежныхъ средствъ народа. Воеводскія канцеляріи того времени завалены жалобами на всякаго рода тягости, притѣсненія, незаконные поборы своихъ „пришлыхъ“.¹⁾ Вопросъ о землевладѣніи обостряется. Тойон'ы, опираясь на свое бывшее значеніе и власть воеводъ, начинаютъ безъ церемоніи отбирать отъ бѣдняковъ ихъ земли, предоставляя имъ самыя плохіе участки. Якуты жалуются воеводамъ на своихъ тойон'овъ, но отсюда толку выходитъ мало.

Усилившіяся недоимки и жалобы на притѣсненія обратили, наконецъ, на себя вниманіе высшаго правительства и назначена была въ 1764 г. комиссія для упорядоченія ясачнаго дѣла подъ начальствомъ гвардіи маіора Щербачова. Вѣтвью этой комиссіи, общей для всей Сибири, была якутская ясачная комиссія Мирона Черкашеникова. Черкашениковъ величину ясака поставилъ въ зависимость отъ количества занимаемаго участка земли (луга). Всѣ якуты были раздѣлены въ административномъ отношеніи на улусы, улусы на наслеги, наслеги на роды. Комиссія Черкашеникова довольно полно описала всѣ удобныя для жизни мѣста, какъ то: озера, луга, рѣки и рѣчки и т. д., и распредѣлила ихъ по улусамъ, наслегамъ и родамъ. Улусъ, наслегъ и родъ, каждый особо получилъ документъ (вѣдомость) съ обозначеніемъ всѣхъ принадлежащихъ ему озеръ, луговъ, рѣкъ и рѣчекъ и т. д. Эти документы служатъ своего рода вѣрными актами. Каждый

¹⁾ Сѣрошевскій, Якуты, 482.

изъ родовъ получилъ землю на общинныхъ началахъ, никто изъ членовъ рода не можетъ считать свой надѣлъ собственностью, онъ только пользуется имъ. Члены рода получаютъ неодинаковый надѣлъ, проведенъ принципъ: кто получаетъ большій надѣлъ, тотъ платитъ и большій ясакъ и на оборотъ. Сообразно платимому ясаку получаютъ и надѣлы. Ясакъ былъ установленъ трехъ родовъ: соболиный (вѣс), лисій (сасыл) и желудочный (бѣтѣгѣ). Меньшей единицей ясака считался ясакъ желудочный. Какъ показываетъ самое названіе, этотъ ясакъ ввизмался съ бѣдняковъ и въ такомъ размѣрѣ, чтобы послѣ уплаты ясака оставалось бы хотя на пропитаніе (желудокъ, бѣтѣгѣ). Платящій таковой ясакъ получалъ $\frac{1}{3}$ соболинаго и $\frac{1}{2}$ лисьяго надѣла. Платящій лисій ясакъ получалъ вдвое больше надѣла желудочнаго, а платящій соболиный ясакъ получалъ втрое больше желудочнаго и въ $1\frac{1}{2}$ раза больше лисьяго надѣла. Теперь такое распредѣленіе надѣла и ясака замѣнено русскими словами, пербай (первый), опторой (второй) и ытретій (третій). Обложение ясакомъ сообразно получаемому надѣлу было проведеніемъ въ извѣстномъ смыслѣ принципа подоходнаго налога.

Положеніе Черкашеникова продолжаетъ дѣйствовать и въ настоящее время. Я теперь опишу, какъ совершается раздѣлъ, пользованіе землей. За каждымъ улусомъ, наслегомъ и родомъ числится опредѣленное количество земли. Улусъ, наслегъ и родъ—это общины восходящаго и нисходящаго порядка. Улусъ—община большого размѣра, куда входятъ, какъ составныя части, наслегъ и родъ. Границы улуса почти неизмѣнны, одинъ улусъ не можетъ претендовать на земли другого и никто, даже администрація, не можетъ передвинуть границы улуса. Другое дѣло границы участковъ наслеговъ и родовъ. Улусъ вслѣдствіе необходимости можетъ передвигать границы наслеговъ и родовъ. Это случается, когда земля отводится русскимъ крестьянамъ, скопцамъ, ссыльно-поселенцамъ и т. д. Уступивъ участокъ земли, принадлежащій какому нибудь наслегу, улусъ передвигаетъ границы наслеговъ, вознаграждаетъ потерпѣвшаго и т. д. Передвигаются границы

наслеговъ и въ томъ случаѣ, если требуется уравненіе надѣловъ въ улусѣ по наслегамъ по числу плательщиковъ. Ежегодно совершается уравненіе надѣловъ въ предѣлахъ наслегана по родамъ. Кстати, замѣчу здѣсь, что надѣлъ получаетъ каждое живое лицо мужского пола со дня рожденія до смерти. Какъ кто умеръ, такъ сейчасъ же исключается изъ числа лицъ, получающихъ надѣлы. Вдова иногда можетъ получить надѣлъ.

Для уравненія надѣловъ ежегодно избираются присяжные депутаты (по якутск. цокутат) по одному отъ каждаго рода. Должность депутата платная. Всѣ дни, которые онъ потерялъ въ качествѣ депутата, родъ долженъ ему возмѣстить натурой, т. е. отработать ему столько дней, сколько онъ не работалъ изъ-за своей должности. Всѣ депутаты наслегана составляютъ депутатское собраніе, въ которомъ рѣшается вопросъ, откуда начать осмотръ и какую единицу взять для оцѣнки урожая сѣна. Дѣло въ томъ, что единица для оцѣнки урожая бываетъ различная. Въ однихъ мѣстахъ оцѣнка производится въ копнахъ (бугул), а въ другихъ—въ возахъ (сыарга). Всѣ депутаты гурьбой отправляются осматривать покосныя мѣста, оцѣниваютъ урожай. Объѣхавъ всѣ покосныя мѣста, депутаты собираются на сходку. Бываетъ страшно бурное засѣданіе, каждый депутатъ защищаетъ интересы своего рода. Послѣ цѣлаго ряда дебатовъ большинствомъ голосовъ рѣшаютъ, чей надѣлъ оставить безъ измѣненія, кому прибавить и съ кого сбавить. Обыкновенно сбавляютъ ту часть надѣла, которая отстоитъ дальше отъ жилья. Для правильнаго распредѣленія участковъ по классамъ требуется огромное практическое знаніе, нужно быть хорошо освѣдомленнымъ насчетъ урожая травы, сколько копенъ или возовъ выйдетъ отъ такого то участка. Для уравненія надѣловъ требуется, кромѣ знанія и опытности, честность и неподкупность, но этими то качествами якутскіе депутаты и не отличаются. Чтобы задобрить ихъ, тѣ якуты, надѣлы которыхъ они осматриваютъ, кормятъ ихъ до отвала, поятъ ихъ водкой и даже даютъ взятки. Горе тому

якуту, который ихъ встрѣтилъ и накормилъ неподобающимъ образомъ. Его участокъ будетъ признанъ урожайнымъ, слѣдовательно, будетъ урѣзанъ. Вообще нужно сказать, что уравненіе надѣловъ чрезъ депутатовъ не достигаетъ цѣли, богачи всегда получаютъ лучшій надѣлъ, бѣдные значительно хуже, хотя бы по своимъ классамъ и платежу податей были совершенно равны между собой. Я выше указывалъ, что въ основѣ неравномѣрнаго взиманія ясака по платежнымъ средствамъ каждаго и неравномѣрнаго владѣнія участками, лежалъ принципъ подоходнаго налога, но этотъ принципъ теперь, какъ во взиманіи податей, такъ, въ особенности, и во владѣніи неравномѣрными участками, потерялъ свое значеніе и обратился въ средство обогащенія богачей. Дѣло въ томъ, что богатый, платящій подати по третьему классу, получаетъ такой же надѣлъ, какой получаетъ бѣдный, платящій подати по первому классу. Разъ самое основаніе такого строя, именно неравномѣрнаго платежа по средствамъ, потеряло свое значеніе, то нужно уничтожить такой строй и ввести какъ равномѣрный платежъ податей, такъ и равномѣрное владѣніе участками. Симпатичное по своей цѣли учрежденіе депутатовъ, какъ уравнителя надѣловъ, выродилось и замѣнилось по духу учрежденіемъ, помогающимъ обогащаться богачамъ насчетъ бѣдняковъ. Поэтому слѣдовало бы или совсѣмъ уничтожить институтъ депутатовъ или замѣнить чѣмъ нибудь болѣе соответствующимъ идеѣ учрежденія.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что отдѣльные якуты пользуются своими надѣлами не какъ собственники, а какъ временные пользователи. Хотя каждый якутъ и получаетъ въ свой надѣлъ какой нибудь алас, озеро, но этотъ надѣлъ находится у него только въ пользованіи, отъ него этотъ надѣлъ можетъ отобрать родъ, наслегъ. При этомъ самая величина надѣла непостоянна, въ урожайный годъ наслегъ можетъ у него отобрать часть надѣла, а въ неурожайный прибавать къ нему. Если плательщикъ умираетъ безъ наслѣдниковъ, надѣлъ отбирается и передается другому. Сво-

имъ надѣломъ якутъ можетъ распоряжаться въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ: онъ можетъ скосить траву и продать собранное сѣно, можетъ сдавать его въ аренду. Долго ли можетъ продолжаться срокъ аренды, сказать трудно. Встрѣчается продолжительная аренда, почти на всю жизнь, это такъ называется уктѹ. Какойнибудь бѣднякъ передаетъ свой надѣлъ богачу съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ за него платилъ всѣ подати и исполнялъ всѣ повинности. Арендную плату онъ получаетъ самую ничтожную, иногда же ничего не получаетъ; въ такомъ случаѣ получается бесплатная передача надѣла съ обязательствомъ только платить за него подати и повинности. Якутъ не всѣмъ своимъ надѣломъ пользуется, какъ временный пользователь, онъ нѣкоторыми частями своего надѣла пользуется какъ владѣлецъ, а нѣкоторыми частями—почти какъ собственникъ. Какъ временный пользователь, якутъ пользуется покосомъ, но есть у каждаго такъ называемый ѳртѹк, огороженное мѣсто и усадьба, которыми онъ владѣетъ, какъ наследственный владѣлецъ. Этими частями онъ владѣетъ безъ всякаго вмѣшательства наслѣга и даже можетъ передавать по наслѣдству. По наслѣдству эти участки переходятъ какъ ѳтѳх, т. е. какъ мѣсто, на которомъ кто нибудь жилъ и работалъ. Однако отчуждать ихъ онъ не имѣетъ права. Чѣмъ онъ можетъ пользоваться на правѣ собственности, такъ это расчисткой. Но и здѣсь нельзя признать полное право собственности, оно ограничено. Высказывается взглядъ, что по истеченіи сорока лѣтъ со дня расчистки, наслѣгъ или родъ можетъ предъявить свои притязанія на эти участки. Здѣсь разсуждаютъ такъ: въ теченіе сорока лѣтъ человекъ, вложившій свой капиталъ на расчистку, можетъ возвратить его съ лихвой. Того же самаго принципа держатся и на счетъ луговъ, полученныхъ спускомъ воды изъ озеръ. Каждый человекъ, спустившій озеро, можетъ пользоваться лугами въ продолженіе сорока лѣтъ, а дальше они дѣлаются достояніемъ наслѣга. Здѣсь опять таки разсуждаютъ такъ, что въ теченіе сорока лѣтъ можно возвратить всѣ свои расходы.

Вообще можно сказать, что идея о правѣ собственности на землю у якутовъ не развита. Эта идея начинается пробиваться только съ того времени, когда стали тратить деньги на расчистку и спускъ воды изъ озеръ. До чего идея о правѣ собственности на землю была вообще не развита, можно видѣть изъ того, что даже улусы никогда никому не продавали клочка земли. Мнѣ даже кажется, что идея о правѣ собственности на землю (недвижимость) чужда якутамъ и теперь: имъ прямо кажется невѣроятнымъ, чтобы можно было продавать участки земли, имъ не понятна подобная идея. Поэтому мнѣ представляется невѣроятнымъ сообщеніе г. Сѣрошевскаго, что „будто бы до комиссіи Черкашеникова отчуждали землю ¹⁾“. Вѣроятнѣе всего, что богачи отбирали у бѣдняковъ землю, а не покупали. Что же касается выгоновъ, лѣса, озеръ, охоты на звѣрей, то они находятся въ пользованіи у всѣхъ. Якуты индивидуализацію пользованія ими рѣшительно не понимаютъ. Говорятъ, что все это божье, и никто не имѣетъ на нихъ исключительнаго права ²⁾.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.

Семья и отношенія ея членовъ между собою.

Экономическія, географическія и другія причины, какъ уже выше было указано, вынуждали роды раздробляться на болѣе мелкіе роды. Отчасти тѣ же причины, а отчасти другія и главнымъ образомъ стремленіе къ индивидуализаціи заставляютъ роды распадаться на болѣе мелкія группы—

¹⁾ Якуты, 482.

²⁾ При составленіи исторической части этой главы я пользовался сочиненіемъ Сѣрошевскаго, Якуты, 480—306 и статьей «Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ». Пам. кн. Як. об. за 1896 г.

семьи. Семья является отдѣльнымъ цѣлымъ со своими собственными интересами, отдѣльными отъ интересовъ рода. Совокупность семей составляетъ родъ. Когда родъ распался на семьи, когда отъ коммунальнаго хозяйства онъ перешелъ къ посемейному, трудно рѣшить, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Въ первое время возникновенія семьи, какъ можно думать, во главѣ ея стояла женщина. Такъ, Энгельсъ приводитъ разсказъ Артура Райта о сенека-прокезахъ, гдѣ женщины господствовали въ семьяхъ¹⁾. Данные о бытѣ якутовъ не даютъ намъ прямого указанія на то, чтобы женщина стояла во главѣ семьи, но за то есть не мало указаній на присутствіе въ прошломъ якутовъ матриархата. Разъ же существовалъ матриархатъ, то и женщина должна была стоять во главѣ семьи. Съ появленіемъ патриархальной семьи власть надъ ней отъ женщины переходитъ къ мужчинамъ.

Семья (патриархальная)—кѣргѣн—состояла изъ отца, матери или матерей и нисходящихъ ихъ потомковъ, изъ пріемныхъ сыновей, зятьевъ и рабовъ. Слово кѣргѣн означаетъ и семью и члена семьи. Г. Сѣрошевскій напрасно думаетъ, что слово кѣргѣн означаетъ иногда ѣдова, вродѣ ітімні; слово кѣргѣн означаетъ члена семьи, принимающаго близко къ сердцу интересы семьи, а ітімні приноситъ только ущербъ семьѣ, поэтому онъ не можетъ быть причисленъ къ членамъ семьи. Семья живетъ конечно всегда вмѣстѣ, но нельзя думать, чтобы она обязательно жила въ одномъ домѣ. Въ сказкахъ упоминается, какъ семья живетъ въ различныхъ домахъ: хозяева въ одномъ, рабы въ другихъ, мужская молодежь въ однихъ, женская въ другихъ домахъ²⁾. Что у нихъ общее, такъ это имущество. Конный и рогатый скотъ, земля и всякое другое имущество принадлежитъ семьѣ. Въ это время индивидуальная собственность или отсутствуетъ, или проявляется въ видѣ притязанія на оружіе, носильное платье и вер-

¹⁾ Происхожденіе семьи, собственн. и государства, 32.

²⁾ Верх. Сбор., 87—8.

ховую лошадь ¹⁾). Обь отношеніяхъ главы семьи—ага—къ имуществу семьи, къ женѣ и дѣтямъ за все прошлое и настоящее якутовъ сказать что либо опредѣленное довольно трудно. Повидимому, разные моменты развитія якутовъ даютъ разныя отношенія главы семьи къ членамъ ея. Чѣмъ больше углубляемся мы въ старину, тѣмъ отношенія мужа къ женѣ, отца къ дѣтямъ мягче; наоборотъ, чѣмъ больше мы приближаемся къ историческимъ временамъ, во времени покоренія якутовъ русскими, тѣмъ отношенія эти суровѣе, иногда власть главы семьи простирается даже на жизнь и смерть его домочадцевъ. Картину отношенія въ старину главы семьи къ ея имуществу мы не можемъ воспроизвести съ точностью, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ. Мы можемъ только догадываться, что онъ распоряжался имуществомъ семьи съ согласія жены или женъ и взрослыхъ сыновей. Эта догадка основывается на томъ, что въ другого рода дѣлахъ глава семьи совѣтуется съ женой и взрослыми сыновьями ²⁾). Въ настоящее время собственникомъ имущества семьи считается глава семьи—ага. Онъ продаетъ, покупаетъ, заключаетъ договоры и т. д. Какъ будто даже и приданое жены (айннѣ) находится въ его распоряженіи, но это на самомъ дѣлѣ не такъ. Приданымъ жены онъ только управляетъ, безъ согласія же жены онъ не можетъ ни убить скотину изъ приданого жены на нужды семьи, ни продать какую бы то ни было вещь изъ ея приданого. Въ случаѣ смерти жены безъ дѣтей, отецъ ея или ея сородичи имѣютъ право вытребовать обратно приданое. Однако, какъ бы глава семьи ни распоряжался имуществомъ ея, каждый членъ семьи имѣетъ что либо такое, чѣмъ онъ можетъ распоряжаться совершенно свободно. Такого рода доля называется анал, сѣмсѣ. Такія доли назначаются по поводу какихъ либо радостей въ семьѣ. Впрочемъ, если анал есть корова или быкъ или лошадь, то

¹⁾ Тамъ же, 46.

²⁾ Верх. Сб., 179.

безъ согласія отца ихъ нельзя отчуждать. Женщина довольно свободно распоряжается продуктами скотоводства. Это почти ея исключительная сфера вліянія. Мужья распоряжаются, напр., масломъ настолько, насколько это угодно женщинамъ.

Отношенія мужа къ женѣ были въ старину весьма мягкія. Онъ относился къ ней, какъ къ равному съ нимъ существу. Такъ, когда сынъ просилъ своихъ родителей высватать ему невѣсту, то онъ обращался къ нимъ съ такого рода рѣчью: „нуждаюсь я въ равномъ другѣ; недостасть мнѣ товарища, лежащаго на постелѣ. Уважите мнѣ жену! 1)“ Мать, предлагая своему сыну жениться, говорила: „какъ ты думаешь, кто долженъ быть тебѣ равнымъ? 2)“ Мужъ совѣтуется съ женой, какъ съ равнымъ человекомъ 3). Такого рода отношенія возможны только при достаточномъ равенствѣ жены съ мужемъ. Но подобное отношеніе съ теченіемъ времени начинается, повидимому, измѣняться къ худшему. Въ источникахъ находимъ указаніе, что мужья побили своихъ женъ 4), что мужъ даже убилъ свою жену 5), что мужъ передаетъ свою жену другому 6), и т. д. Эти факты я отношу къ болѣе позднему времени на томъ основаніи, что они описываются въ сагахъ, гдѣ иногда фигурируютъ уже историческія лица, вродѣ Бартъ Хара. Приведенные факты, конечно, указываютъ на ухудшеніе положенія жены въ семьѣ, но они еще не узаконяютъ жестокаго обращенія мужей съ женами. Эти факты скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Что это такъ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что и до сихъ поръ отношеніе мужей къ женамъ сравнительно довольно мягкое. Въ этихъ мягкихъ отношеніяхъ сказывается не вліяніе русскихъ, а скорѣе вліяніе сѣдой явутской старины. И въ настоящее

1) Верх. Сбор., 125.

2) Тамъ же, 184.

3) Тамъ же, 179, 150, 185—8.

4) Тамъ же, 56.

5) Тамъ же, 58.

6) Тамъ же, 175.

время мужъ является главой семьи, жена ему подчиняется, онъ держитъ въ повиновеніи свою жену, но все таки отношенія мужа къ женѣ значительно мягче, чѣмъ въ русской крестьянской семьѣ. Такой отзывъ даютъ—В. С. Е., авторъ статьи „Якутскій родъ ¹⁾“, М. В-чъ, авторъ статьи „Якутскіе юридическіе обычаи“ (49 стр.) и др. Мои наблюденія такого же характера.

Отношенія родителей къ дѣтямъ были, кажется, всегда болѣе или менѣе мягкими. Дѣти, конечно, находились въ подчиненіи у родителей, но это подчиненіе не простиралось на ихъ жизнь и смерть. Въ сказкахъ находимъ осужденіе желанія убить своего сына. Когда Бѣлый Юноша хотѣлъ убить своего сына, то его зять, Кытыгырас Бараччи, обращается къ нему со слѣдующими словами: „что съ тобой, господинъ старецъ? остановись, осмотрись. Развѣ ты хочешь, обращаясь на свое тѣло и кровь, убить свое родимое дитяtko? вмѣсто какого рѣдкаго звѣря ты хочешь промышлять (убить) своего сына“? ²⁾ Въ сказкахъ же находимъ, какъ намѣреніе одного небожителя Кѣк'я Джасын'а убить своего названнаго сына было признано преступнымъ и заслуживающимъ тяжкаго наказанія со стороны боговъ Арсин Далайа и Улѹ Тойон'а ³⁾. Однако, позднѣе, находимъ въ литературѣ указаніе на убійство дочерей и стариковъ ⁴⁾. Когда возникъ этотъ обычай и чѣмъ онъ былъ вызванъ—установить довольно трудно, даже едва ли возможно. Можно только гадательно предположить, что возникновеніе этого жестокаго обычая могло быть связано съ эпохою военнаго времени, когда значеніе слабого пола, какъ мало пригоднаго для войны, могло значительно умень-

¹⁾ Изв. В. С. О. Р. Г. О. за 1896 г., №№ 4—5, 211.

²⁾ Верх. Сбор., 179.

³⁾ Тамъ же, 218—9.

⁴⁾ Врангель, Путеш., II, 68; Сѣрошевскій, Якуты. 512.

шаться; кромѣ того, нерѣдко женщины служили поводомъ къ войнѣ. Старики, особенно дряхлые, также могли мало цѣниться въ это время, какъ плохіе помощники въ вооруженныхъ столкновенияхъ. Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, я ограничиваюсь только констатированіемъ факта, что у якутовъ убивались именно дѣвочки и старики, а не мальчики и старухи.

Дѣти вступали въ бракъ не только съ согласіемъ родителей, но иногда и по ихъ приказанію. Дѣти нерѣдко говорятъ, что такая то или такой то назначены имѣ родителями ¹⁾. Дочери находятся въ повиновеніи у родителей до выхода замужъ, а съ выходомъ замужъ власть надъ ней переходитъ къ мужу. Подчиненіе сыновей простирается не до смерти родителей, а только до возмужалости. Какъ только якутъ возмужалъ, онъ стремится выйти изъ подчиненнаго положенія. Онъ проситъ, нерѣдко даже требуетъ отъ отца, чтобы онъ его выдѣлилъ. И отецъ ему уступаетъ. Или же власть въ семьѣ отъ отца переходитъ къ сыну. Это обыкновенно наступаетъ тогда, когда у старика уже нѣтъ силъ работать наравнѣ съ сыномъ, или держать его въ строгомъ подчиненіи. Такое поведеніе сыновей отчасти объясняется трудовымъ началомъ, положеннымъ въ организацію семьи. Кто больше работаетъ, тотъ пользуется и большимъ вліяніемъ въ дѣлахъ семьи. Это же начало проводится и приемными сыновьями. Если они взяты въ малолѣтствѣ, то они по достиженіи зрѣлаго возраста могутъ уйти отъ приемныхъ родителей, ничего не заплативъ за воспитаніе. Здѣсь предполагается, что приемный сынъ отработалъ за свое воспитаніе. Если этого нѣтъ, онъ обязанъ вознаградить приемныхъ родителей за свое воспитаніе. Приемный сынъ, по достиженіи возмужалого возраста, можетъ участвовать въ дѣлѣжѣ наслѣдства своего приемнаго отца на томъ основаніи, что онъ участвовалъ въ созиданіи этого имущества.

¹⁾ Вєрх. Сбор., 84, 232.

Б Р А К Ъ.

По мѣвнiю якутовъ, каждый долженъ вступать въ бракъ для продолженiя своего рода. Неженатый паренъ и засидѣвшаяся дѣвушка заслуживаютъ одно презрѣнiе. Въ сказкахъ дьявольская страна описывается, какъ страна „съ невышедшими замужъ вѣчными дѣвками и съ неженящимися парнями; съ жеребцами, которыхъ не подпускали къ себѣ кобылы; съ быками, которыхъ не подпускали коровы“¹⁾. Каждый долженъ вступать въ бракъ по достиженiи половой зрѣлости. Таково въ общемъ нынѣшнее требованiе, хотя и теперь встрѣчаются очень раннiе браки. Въ старину браки заключались въ то время, когда женихъ и невѣста не могли думать о брачной жизни. И теперь иногда можно встрѣтить супруговъ 10—12 л., хотя и довольно рѣдко. Выбираютъ невѣсту отецъ и мать или самъ женихъ. Что въ данное время преобладаетъ — выборъ ли невѣсты родителями или женихомъ, сказать трудно. Одинаково встрѣчается то и другое. Въ сказкахъ встрѣчаемъ тотъ же самый способъ выбора невѣсты. Въ однихъ случаяхъ невѣсту выбираютъ родители²⁾, въ другихъ самъ женихъ³⁾. Когда такъ или иначе намѣчена невѣста, то одинъ изъ самыхъ опытныхъ въ сватанiи родственниковъ жениха отправляется сватомъ въ домъ невѣсты. Онъ весьма политично, намеками, начинаетъ разузнавать, могутъ ли родители выдать свою дочь замужъ за такого то. Это нужно сдѣлать весьма умѣло, чтобы, съ одной стороны, можно было получить согласiе ихъ, а съ другой, если будетъ неудача, можно было бы отступить съ честью. Потому то такого рода дѣла поручаются людямъ весьма опытнымъ, искуснымъ въ такого рода дѣлахъ. Когда родители невѣсты дадутъ благоприятный отвѣтъ, то начинаютъ сговариваться относи-

¹⁾ Верх. Сбор., 134.

²⁾ Тамъ же, 102, 125.

³⁾ Тамъ же, 81, 89.

тельно величины калым'а, условій его выплаты, приданого, времени привода невьсты въ домъ жениха, времени свадьбы и т. д. Всѣ эти условія должны быть обстоятельны и точны, чтобы впослѣдствіи не было недоразумѣній. Когда обѣ стороны пришли къ соглашенію, то бьютъ по рукамъ. При этомъ ктонибудь долженъ разнять ихъ руки. Въ большинствѣ случаевъ согласіе невьсты требуется только для формы, ея участь рѣшается родителями. Отказъ невьсты, когда родители ея дали свое согласіе на бракъ,—чрезвычайно рѣдкое явленіе.

Размѣръ калыма весьма разнообразенъ, смотря по состоянію родителей невьсты и жениха. Встрѣчаются калымы въ 1000 р. деньгами и 100 ш. скота, но зато встрѣчается калымъ и изъ нѣсколькихъ руб. и одной—двухъ коровъ. Замѣчательно, что часть калым'а должна быть деньгами и притомъ извѣстная часть серебряными рублями (какъ якуты называютъ,—майнѣат). Различаютъ нѣсколько частей калыма: 1) Сулӯ—это основная часть калыма, которая возвращается въ случаѣ разстройства свадьбы. 2) Курум—состоитъ изъ живыхъ скотинъ и тушъ. Онъ идетъ на свадебное угощеніе и ни въ какомъ случаѣ не возвращается жениху. 3) Сыңах хоңнорор, въ переводѣ—раскрытіе усть, это первые подарки отцу невьсты для полученія его согласія. Эта часть также не возвращается жениху. 4) Хойносор кәсі—подарокъ объятий—состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ стегна мяса. Эта часть калыма приносится спустя нѣсколько дней послѣ сговора и женихъ съ этого времени вступаетъ въ права супруга. Эта часть также не возвращается жениху ¹⁾.

Обыкновенно на калымъ смотрятъ, какъ на цѣну невьсты. Сами якуты смотрятъ на калымъ, какъ на возвращеніе тѣхъ расходовъ, какіе родители истратили на воспитаніе дочери. „Мы кормили, воспитывали, а чужіе будутъ пользоваться. Беремъ

¹⁾ Сѣрошевскій, Якуты, 546; кн. Костровъ, Записки Географич. Общ. по этнографіи, 1878 г., VIII, 280--1.

за воспитаніе“¹⁾, говорятъ якуты. Зиберь объясняетъ происхожденіе калыма, какъ переходъ отъ одной ступени развитія къ другой. Экзогамный бракъ начался похищеніемъ неvěсты, за что родные ея мстили, какъ за кровную обиду. Впослѣдствіи мѣсть замѣнена была выкупомъ. Такимъ образомъ калымъ или плата за неvěсту есть ничто иное, какъ выкупъ мести²⁾.

Калымъ возвращается жениху въ видѣ приданаго жены (ѣннѣ). Обычай въ настоящее время требуетъ, чтобы приданое по цѣнности своей равнялось калыму. Это, кажется, теперь общее требованіе. Въ старину, какъ можно думать, приданое должно было быть равно только половинѣ калыма³⁾. Здѣсь интересно отмѣтить эволюцію калыма. Очевидно, сперва калымъ былъ выкупомъ права мести и не возвращался въ видѣ приданаго; потомъ начинаютъ возвращать часть калыма въ видѣ приданаго, а нынѣ возвращаютъ его полностью, такъ какъ калымъ равняется приданому. Можно думать, что въ будущемъ калымъ будетъ уничтоженъ, потому что въ болѣе культурныхъ націяхъ плата за неvěсту исчезла или замѣнена символическимъ выкупомъ въ 1—2 р., какъ это водится, напр., въ средѣ сибирскаго крестьянства.

Въ назначенный день совершается свадьба. Въ старину самая свадьба, обряды, при ней употреблявшіеся, вполне замѣняли теперешнее вѣнчаніе, поэтому не безынтересно ихъ описать. Нужно замѣтить, что и теперь въ бракѣ свадьба (урӯ) играетъ главную роль, такъ какъ послѣ свадьбы, хотя бы и не было церковнаго вѣнчанія, женихъ и неvěста фактически становятся мужемъ и женой. Только за послѣднее время среди болѣе зажиточныхъ якутовъ начинаетъ пробиваться сознаніе, что женихъ и неvěста могутъ вступать въ

¹⁾ Сѣрошев., Якуты, 549.

²⁾ Очерки первобытной экономической культуры, 202—210.

³⁾ Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инород., Самоковсова, 222.

супружеское сожитіе не иначе, какъ послѣ вѣнчанія. Тогда, конечно, свадьба бываетъ послѣ вѣнца.

Въ назначенный день отецъ жениха со своими ближайшими родственниками отправляется въ домъ невесты. Всѣ они одѣты въ парадное платье, надѣваемое на ысах и свадьбу. Парадное платье состоитъ изъ мѣховой шапки, мѣховой шубы, подпоясанной серебрянымъ поясомъ, мѣховыхъ рукавицъ и нарядной обуви. Ихъ ждутъ въ домѣ невесты также одѣтые парадно. Поѣздъ жениха соблюдаетъ извѣстный порядокъ въ своемъ шествіи: отецъ жениха впереди, за нимъ ближайшій его родственникъ, далѣе другіе родственники по степени родства, поѣздъ замыкаетъ женихъ. Когда поѣздъ приближается къ дому невесты, то одинъ наѣздникъ выѣзжаетъ во всю прыть впереди и, не доѣзжая сажень 50, круто поворачиваетъ и скачетъ обратно. Одинъ изъ поѣзжанъ жениха скачетъ за нимъ нѣкоторое время, но, видя, что не догнать, присоединяется къ остальнымъ своимъ товарищамъ. Поѣзжане шагомъ въѣзжаютъ во дворъ. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ родственники невесты. Отца жениха встрѣчаютъ отецъ невесты, остальныхъ по степени важности встрѣчаютъ другіе родственники. Потомъ всѣ они входятъ въ домъ, только женихъ нѣкоторое время остается на дворѣ. Всѣ разсаживаются въ извѣстномъ порядкѣ. Отецъ жениха занимаетъ почетное мѣсто на билірікѣ, за нимъ разсаживаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ въѣхали во дворъ. Спустя нѣкоторое время, одинъ изъ поѣзжанъ вводитъ жениха въ домъ, ведя его за кнутъ, который былъ въ рукахъ жениха. При входѣ его въ домъ, отецъ и мать невесты благословляютъ его образомъ. Это нововведеніе христіанскаго происхожденія. Его, кажется, въ старину замѣняло благословеніе шамава. Затѣмъ приносится жертва богу огня въ видѣ куска жира, масла или рюмки водки.

Потомъ начинается свадебное пиршество, устраиваемое на счетъ привезеннаго женихомъ мяса и приведеннаго для этого скота. Пиршество начинается тѣмъ, что одинъ изъ дальнихъ родственниковъ невесты, парадно одѣтый, подаетъ

отцу жениха огромную посуду (ажах) кумысу; такія же посуды кумыса онъ подаетъ и другимъ поѣзжанамъ. Сдѣлавъ сперва возліаніе въ пылающій каминъ, отецъ жениха, немного отпивъ, передаетъ кумысъ отцу невѣсты, тотъ, отпивъ, передаетъ своей женѣ, та родственникамъ. Другія посуды кумыса по очереди переходятъ отъ одного лица къ другому. Послѣ того, какъ весь поданный кумысъ выпить, убиваютъ быка и коня или же вообще скотину. Когда мясо сварено, разстилаютъ кожу убитаго животнаго, и тамъ происходитъ дѣлежъ мяса. Самый ловкій и опытный мясодаръ (въ сказкахъ Ёрайба Сарайба) дѣлитъ мясо всѣмъ присутствующимъ. Лучшая доля достается отцу жениха и всѣмъ поѣзжанамъ. Всѣ пирующие дарятъ другихъ кусками мяса, что считается знакомъ уваженія со стороны дающаго. Пиръ продолжается нѣсколько дней, иногда день, иногда два, три. За все это время происходятъ игры, борьба, слышатся пѣсни, сказки и т. д. Въ сказкахъ это описывается такъ: „были тутъ пѣвцы; были тутъ танцоры; были тутъ сказочники; были тутъ борцы, скачущіе на одной ногѣ (кылысыттар); были тутъ прыгуны“¹⁾. По окончаніи пиршества поѣзжане уѣзжаютъ. Предъ самымъ отъѣздомъ поѣзжане съ чорон'ами кумыса въ рукахъ трижды объѣзжаютъ по солнцу три коновязи (ѹс сѣргѣ), поставленныя среди двора. Послѣ каждаго объѣзда коновязей каждый изъ поѣзжанъ отливаетъ немного кумысу на гриву коня. Выпивъ содержащійся въ чорон'ахъ кумысъ, поѣзжане быстро уѣзжаютъ со двора. Въ объѣздѣ коновязей женихъ не участвуетъ. Женихъ вмѣстѣ съ поѣзжанами не уѣзжаетъ, а остается у невѣсты три дня и фактически вступаетъ въ права мужа. Невѣста остается въ домѣ своего отца до тѣхъ поръ, пока не будетъ уплаченъ весь калымъ. До полнаго платежа калыма женихъ посѣщаетъ невѣсту на правахъ мужа, но за то каждый разъ онъ обязанъ привозить подарокъ.

¹⁾ Верх., Сбор., 89.

Когда калымъ весь уплаченъ, наступаетъ послѣдній актъ брачной церемоніи, именно водвореніе жены въ домъ мужа, *кыс* или *кынт суктутъ*. За женой отправляется самъ мужъ. Жена беретъ съ собой все условленное приданое. Иногда къ условленному прибавляютъ еще что нибудь—*самса*. Богато одѣтая, она ѣдетъ въ большинствѣ случаевъ верхомъ по мужски на богато убранной лошади. Въ сказкахъ эта лошадь описывается такъ: „на дворѣ привязали распестропеструю лошадь съ человѣческой рѣчью, осѣдали серебрянымъ сѣдломъ, обуздали серебряной уздой, надѣли серебряную обротъ; наложили серебряный чеправъ, покрыли серебряной попоной, навѣсили серебряныя переметныя сумы, привѣсили серебряную плетку ¹⁾“. Описаніе это подходитъ и къ современному положенію вещей. Съ новобрачной ѣдетъ пожилая замужняя женщина, ея родственница, въ качествѣ провожатой. Поѣздъ жены встрѣчаютъ родственники и родственницы жениха. Съ лошадей молодыхъ спускаютъ женщины. По старинному обычаю, который и теперь во многихъ мѣстахъ существуетъ, отъ коновязи до юрты настилается свѣжая трава или сѣно. По ней должна пройти молодая. Въ старину ее вводили въ домъ за плетку, которую она держала. Войдя въ домъ, она должна затопить каминъ тремя листовичными палками ²⁾, приговаривая: *ал уоту отто, ціа ціалі каллім*, т. е. я пришла неугасимый огонь разложить, хозяйничать въ домѣ. Послѣ этого отводятъ ее въ женскую половину за занавѣску ³⁾. По поводу пріѣзда молодой устраивается еще разъ пиршество. Въ послѣднее время, когда свадьба совершается послѣ вѣнца, эти два пиршества соединяются въ одно, похожее на русскую свадьбу. Послѣ переселенія жены въ домъ мужа, бракъ считается юридически совершеннымъ.

¹⁾ Верх. Сбор., 87.

²⁾ Верх. Сбор., 88, 131.

³⁾ Тамъ же, 131.

Если не ошибаюсь, обрядовая сторона свадьбы не во всѣхъ округахъ одинакова.

Поживъ нѣкоторое время вмѣстѣ въ домѣ мужа, молодые отправляются къ родственникамъ жены и получаютъ отдачи за подарки мужа—торкѹт. Отдачи въ большинствѣ случаевъ гораздо цѣннѣе бывшихъ подарковъ мужа. Отказъ въ отдачу ведетъ за собой судебный процессъ.

Дѣти, рожденныя до водворенія жены въ домъ мужа, считаются законными, хотя бы родители и не были вѣнчаны. Всѣ дѣти, родившіяся въ бракѣ, считаются дѣтьми мужа матери. Отказаться отъ дѣтей, рожденныхъ его женой, мужъ не можетъ, если все это время мужъ и жена жили въ одномъ домѣ. Если жена родитъ ребенка во время продолжительнаго отсутствія мужа и, если при этомъ извѣстно, что жена открыто держала любовника, то онъ можетъ отказаться отъ ребенка. Но случаи отказа отъ дѣтей жены весьма рѣдки. Напротивъ, усыновленіе подобныхъ дѣтей и дѣтей, рожденныхъ женой до брака, совершается весьма часто.

Цѣль брака—продолженіе своего рода; поэтому, если бракъ оказывается бесплоднымъ, то это обстоятельство сильно беспокоитъ родителей. Въ подобныхъ случаяхъ родители прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ, могущимъ пособить горю. Чтобы пособить горю, мужъ, обыкновенно ревнивый, сквозь пальцы смотритъ на шалости жены. Если подобное поведение жены будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ появленіе на свѣтъ ребенка, то мужъ принимаетъ его, какъ своего ¹⁾. Такое поведение бездѣтныхъ супруговъ является всеобщимъ при извѣстной ступени развитія. Припомнимъ историческій примѣръ Авраама. Отчаяніе бездѣтныхъ супруговъ вообще на извѣстныхъ ступеняхъ развитія, именно въ патріархальный періодъ, ученые объясняютъ страхомъ подобныхъ супруговъ предъ своими предками. Предки требуютъ себѣ жертвы и блаженны

¹⁾ Стрешевскій, Якуты, 527.

только тогда, когда имъ приносятъ жертвы. Прекращеніе рода ведетъ за собой прекращеніе жертвы предкамъ, прекращеніе жертвы ведетъ за собой мученіе предковъ, а это самый тяжелый грѣхъ, каковой только можетъ совершить потомокъ по отношенію къ своимъ предкамъ. Только подобнымъ страхомъ предъ своими предками и можно объяснить тотъ ужасъ, который испытываютъ бездѣтные супруги. Съ прекращеніемъ рода прекращается и домашій очагъ. Самая сильная угроза, употребляемая въ сказкахъ, это—разорить очагъ: „домъ и огонь вашъ разстрою“ ¹⁾. Или, послѣ смерти бездѣтныхъ супруговъ, сосѣди съ ужасомъ говорятъ: родъ покончилъ свое существованіе (имѣ быстыбыт).

Въ виду подобнаго отношенія къ бесплодности, явуты восполняютъ естественный недостатокъ искусственно, т. е. усыновляютъ. Усыновленіе происходитъ съ согласія родителей усыновляемаго и съ условіемъ уплаты имъ извѣстной суммы. Иногда усыновляютъ сиротъ. Усыновленный считается полноправнымъ членомъ семьи (кѣргѣн), пользуется его правами и обязанностями. Если онъ взрослый, то за свой трудъ не можетъ получать платы. Тыгын, когда узналъ, что русскіе пришли къ нему работать и не требуютъ за это платы, сказалъ: „если такъ, то значить вы пришли ко мнѣ быть сыновьями“ ²⁾. За то при дѣлежѣ наслѣдства усыновленный получаетъ со всѣми другими членами семьи равную долю, или, если нѣтъ другихъ ближайшихъ по крови наслѣдниковъ, вступаетъ въ права наслѣдника. Въ случаяхъ, когда родители отбираютъ усыновленнаго или уходятъ усыновленный сирота, то вопросъ рѣшается съ точки зрѣнія убытковъ, понесенныхъ воспитателями. Если усыновленный еще не отработалъ тѣхъ расходовъ, какіе понесены на его воспитаніе, то родители

¹⁾ Верх. Сборн., 84 и мн. др. мѣста.

²⁾ Тамъ же, 50.

его или самъ онъ обязаны вознаградить потери усыновителей. Въ такомъ смыслѣ рѣшаютъ всегда и родовыя власти.

Браки у якутовъ расторгаются довольно легко. Не сошлись характерами, мужъ худо обращается съ женой, мужъ или жена живетъ распутно и т. п. мотивы могутъ служить поводами къ разводу. Въ большинствѣ случаевъ расторженіе брака бываетъ фактическое, а не юридическое. Жена уходитъ къ своимъ роднымъ или же, если бѣдная, поступаетъ въ работницы—и дѣлу конецъ. Благо, что въ улусахъ и наслегахъ Якутской области не требуютъ паспортовъ ни отъ мужа, ни отъ родовыхъ властей. Отдѣльный видъ на жительство, получаемый по русскимъ законамъ женой отъ мужа, неизвѣстенъ якутамъ и кажется имъ дикимъ. По ихъ понятіямъ, власть мужа не можетъ такъ далеко простираться. Къ формальному разводу обращаются только тогда, когда своими силами или съ помощью своихъ родовыхъ властей не могутъ распутать имущественныхъ отношеній между расходящимися супругами. Нужно признаться, что, дѣйствительно, эти отношенія иногда бываютъ довольно запутаны. Возвращеніе калыма (извѣстныхъ частей, но не всего), взаимныхъ подарковъ, приданого и т. д. требуетъ много усилій и хлопотъ. Подкупаемыя родовыя власти тормозятъ дѣло. Когда полученъ формальный разводъ, то дѣло распутывается значительно легче.

Если разрывъ произошелъ послѣ сговора, до заключенія брака, по винѣ жениха, то послѣдній обязанъ уплатить за дѣвичій стыдъ—кыс сатын төлбүрө. Плата за дѣвичій стыдъ бываетъ весьма разнообразна, смотря по состоянію и положенію сговаривающихся. Если подобный разрывъ произошелъ по винѣ невесты, то, если не ошибаюсь, она платитъ расходы жениха, вызванные сговоромъ. Если расторженіе брака происходитъ по винѣ мужа (половое безсиліе, худое обращеніе съ женой, распутство), то онъ лишается права требовать обратно калым (скорѣе суду и разные подарки жениной роднѣ). Въ то же время онъ обязанъ возвратить приданое. Если расторженіе брака происходитъ по винѣ жены (распутство, желаніе

выйти замужъ за другого и т. д.) то она обязана возвратить мужу калымъ въ платимой его части. Приданое въ такихъ случаяхъ остается у мужа, впрочемъ не всегда. Если бракъ расторгается по обоюдному согласію супруговъ, то калымъ возвращается мужу, а жена получаетъ свое приданое ¹⁾).

Своеобразный взглядъ на брачныя отношенія породилъ въ настоящее время особую форму сожителства, которую можно назвать пробой на бракъ. Эта проба на бракъ состоитъ въ томъ, что лица, желающіе вступить въ бракъ, до вѣнчанія (по нынѣшнему) или брачныхъ обрядовъ (по старинному) вступаютъ въ фактическое сожителство и испытываютъ другъ друга, могутъ ли они жить совмѣстной жизнью. Такая проба продолжается $\frac{1}{2}$ —1 годъ. Если сойдутся характерами, то вступаютъ въ бракъ, если же нѣтъ—расходятся. При такой пробѣ обыкновенно до поры до времени не платится калымъ и не привозится приданое, поэтому имущественныхъ отношеній здѣсь не бываетъ. Такія пробы на бракъ, по моимъ наблюденіямъ, происходятъ только между вдовцами, а не между молодыми людьми, впервые вступающими въ бракъ. Число такихъ браковъ очень незначительно. Такіе браки заключаютъ даже люди, стоящіе на высшей ступени родовой административной власти—улусные головы. Я лично былъ знакомъ съ однимъ улуснымъ головой, у котораго была пробная жена. Удивительно, что я нигдѣ въ литературѣ не встрѣчалъ указанія на подобный фактъ.

Въ настоящее время бракъ моногамическій и экзогамный. До принятія же христіанства якуты имѣли по нѣскольку жевъ (ойох) и наложницъ (оюлуи).

¹⁾ Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ, Самоковсова, 1876 г., 221—224.

ИСТОРИЯ ЯКУТСКАГО БРАКА.

Якутскій бракъ не всегда былъ такимъ, какимъ мы его теперь представляемъ себѣ. Онъ пережилъ много перемѣнъ, переходилъ изъ одной стадіи развитія въ другую. Эволюція якутскаго брака вполне подтверждаетъ эволюцію брака вообще, описанную историками права, каковы Морганъ, Энгельсъ, М. Ковалевскій и мн. др. Общая эволюція брака представляется, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ видѣ. Сначала брака въ собственномъ смыслѣ слова нѣтъ, а есть такъ называемое безпорядочное общеніе половъ, когда кровное родство не принимается во вниманіе, когда могли вступать въ половое сожителство родители съ дѣтьми, братья съ сестрами и т. д. Слѣдующею ступенью является такъ называемый групповой бракъ, когда люди вступаютъ въ бракъ не индивидуально, а группами: женщины одной группы считаются женами мужчинъ другой группы и наоборотъ. Далѣе идетъ такъ называемый парный бракъ, моногамный, индивидуальный бракъ. За групповымъ бракомъ является матриархатъ, за парнымъ бракомъ—патриархатъ. Съ патриархатомъ связаны—похищеніе и купля невѣсты.

Всѣ эти стадіи развитія брака мы видимъ и въ исторіи якутскаго брака.

Былъ періодъ, когда якуты, повидимому, не знали брака, а жили въ безпорядочномъ общеніи половъ. Это подтверждается данными, взятыми изъ сказокъ, преданій и современныхъ взглядовъ на половыя отношенія.

Въ сказкахъ прямого указанія на безпорядочное половое общеніе не находимъ, но тамъ есть намеки на подозрительную близость брата съ сестрой. Когда герой сказки „Бѣлый Юноша“ попалъ въ ловушку и его младшая сестра узнала объ этомъ, то „сонъ у нея сталъ не сномъ, жизнь не жизнью; погналась сзади, прилетѣла бѣлымъ стерхомъ по слѣду брата къ пропасти, гдѣ онъ провалился, и, сидя тутъ, плакала до того, что небо трескалось, облака рвались, земля разваливалась, а

слезы двухъ глазъ образовали два маленькихъ озерка; плакала, приговаривала за три ряда бѣлаго неба (ус хаттыгастахъ ұруң халлан)“. Потомъ, выпросивъ у небожителей всѣ принадлежности шамана, стала шаманить, прося вырвать у Отца Бога одинъ изъ трехъ золотыхъ волосъ, при помощи котораго думала вытащить изъ пропасти своего брата ¹⁾. Въ сказкахъ встрѣчается много мѣстъ, гдѣ рассказывается, какъ сестры избавляли своихъ братьевъ отъ разныхъ опасностей. Но все таки эти данныя не даютъ прямого указанія на физическую близость брата съ сестрой. Въ этомъ отношеніи больше матеріала даетъ преданіе. Г. Сѣрошевскій приводитъ нѣсколько преданій такого рода. Якуты ему рассказывали, что за столько то тысячъ лѣтъ тому назадъ „твоя (младшая) сестра—балыс была твоей женой, твоя мать тоже, жена твоего брата—тоже“. „Нѣкогда въ старину, еще до Тыгына, якуты женились такъ: если одинъ изъ двухъ братьевъ имѣлъ сына, а другой—дочь, то дѣти ихъ вступали въ бракъ“. „Въ старину, если сестра, старшая или младшая, все равно, выходила замужъ за чужеродца, то братья никогда не отпускали ее дѣвушкой и, только выпавшись съ ней, отдавали ее постороннимъ“ ²⁾.

Дѣти братьевъ и сестеръ, не только родныхъ, но и двоюродныхъ, безразлично называются и теперь братьями (іні-бі). Братьями они могутъ называться только въ томъ случаѣ, когда они родились отъ однихъ родителей. Значить, братъ и сестра были супругами.

Современное воззрѣніе на кровосмѣшеніе нѣсколько отражаетъ старинные обычаи свободы половыхъ сношеній. Кровосмѣшеніе не такъ омерзительно въ глазахъ якутовъ, какъ въ глазахъ русскаго простаго народа. Если кровосмѣшеніе случается между братомъ и сестрой, то на это якуты смотрятъ довольно равнодушно. Кровосмѣшеніе среди якутовъ не

¹⁾ Верх. Сбор., 147—51.

²⁾ Якуты, 560—561.

рѣдкость. Только насчетъ кровосмѣшенія между родителями и дѣтьми мнѣ ни разу не приходилось слышать.

Отсюда тотъ выводъ, что якуты пережили періодъ беспорядочнаго общенія половъ, эндогаміи.

Беспорядочное общеніе половъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше ограничивается въ своемъ примѣненіи. Первымъ ограниченіемъ служить исключеніе изъ полового общенія родителей съ дѣтьми; дальнѣйшимъ ограниченіемъ является воспрещеніе полового общенія братьевъ и сестеръ между собой. Наконецъ, племя дѣлится на двѣ группы такъ, что мужчины одной группы считаются мужами женъ другой группы и наоборотъ. За то мужчинамъ и женщинамъ одной группы воспрещено вступать между собой въ половую связь. Это и есть такъ называемый групповой бракъ. Съ такою ли постепенностью ограничивалось беспорядочное общеніе половъ у якутовъ, изъ источниковъ не видно, но, можно думать, что ограниченіе шло общимъ путемъ, потому что дѣйствовали однѣ и тѣ же причины. При разборѣ родовой организаціи я уже указывалъ, что у якутовъ существовалъ групповой бракъ и что у нихъ же существовалъ матриархатъ. Поэтому здѣсь я только вератцѣ повторю тѣ данныя, которыя приведены были выше. Въ сказкахъ „Бѣлый Юноша“, „Старуха со Старикомъ“, „Ханъ царь-тыстай“¹⁾, описывается, какъ братья, родственники живутъ въ одномъ домѣ, составляя мужскую общину, въ то время какъ сестры, родственницы составляютъ другую, женскую общину. Такія, мужскія и женскія, общины, по словамъ г. Энгельса, указываютъ на существованіе пуналуальной семьи, вида группового брака²⁾. Явленія, существующія только при матриархатѣ, принятіе зятя въ домъ, перечисленіе при родахъ всѣхъ любовниковъ, гостепріимный гетеризмъ,—всѣ эти явленія были у якутовъ и на нихъ я указывалъ выше, при опи-

¹⁾ Верх. Сбор., 129, 145, 162, 163.

²⁾ Происхожденіе семьи, соб. и государ., 20—21.

саніи рода біс үса и іжә үса. Но больше всего существованіе группового брака у якутовъ доказывается ихъ системой родства.

СИСТЕМА РОДСТВА.

Якутскія названія.	Русскія названія.
Төрүттәрим или өбүгэләрим	предки
Өбүгә асәм	прапрадѣдъ, братъ его
Өбүгә абәм	прапрабабушка, сестра ея
Хос асә	прадѣдъ, братъ его
Хос абә	прабабушка, сестра ея
Äсә	дѣдъ, братъ его
Äбә	бабушка, сестра ея
Ага	{ старшій отецъ
Абага	{ дѣлъ по матери дядя по отцу (старшій) двоюродный дядя (старшій)
Убай	{ дядя по отцу (младшій) двоюрод. дядя по отцу (младшій) старшій братъ
Саңас	{ тетка по отцу (старш.) двоюрод. тетка по отцу (старш.) жена старшаго брата
Äүий	{ тетка по отцу (младш.) двоюрод. тетка по отцу (младш.) старшая сестра старшая племянница

Іја	{	самка
		мать
Тай	{	дядя по матери
		внукъ по матери
		все родство по матери
Тай агас	{	тетка по матери
		внучка по матери
Ого	{	дитя
		маленькій
Уол ого	{	мальчикъ
Кыс ого		дѣвочка
Уол	{	мальчикъ
		младшій
		младшій деверь
кыс	{	дѣвочка
Сіан	{	внукъ
		внучка
		племянникъ
		племянница
Сіанчар	{	правнукъ
		правнучка
		двоюродный племянникъ
		двоюродная племянница
Бі	{	старшій братъ
		двоюр. старш. братъ
		старшій племянникъ
		двоюрод. старш. племянникъ
Іні	{	младшій братъ
		двоюрод. млад. братъ
		младшій племянникъ
		двоюрод. млад. племянникъ

Агас	{	старшая сестра двоюр. старш. сестра старш. племянница двоюрод. старш. племянница старшая женщина старшій возрастъ
Балыс	{	младшая сестра двоюрод. младш. сестра младшая племянница двоюрод. младш. племянникъ младшій возрастъ
Ага былыи	{	тесть дѣдъ жены, дядя жены
Уол былыи	{	братъ жены двоюр. братъ жены племянникъ жены
Іжә былыи	{	теща бабушка жены тетка жены
Агас былыи	{	старшая сестра жены двоюрод. младшая сестра жены
Күрә балтым	{	младшая сестра жены двоюр. младш. сестра жены
Сыган	{	дѣти двухъ сестеръ дѣти двухъ сестеръ бабушекъ двоюродные братья и сестры
Ходогой	{	мать жены всякая родствен. со стороны жены по отношенію моихъ родствен., сватья

Туңур	{	дѣдъ жены, отецъ жены, всякій родствен. моей жены по отнош. къ моимъ родств., свать
Күтүөт	{	мужъ моей младшей сестры
Күтүө	{	мужъ моей дочери
Кинит	{	мужъ моей старшей сестры невѣства
Барган	{	жена моего младшаго брата
Баца	{	жена младшаго брата по отноше- нiю къ женѣ старшаго брата
Биллэх	{	жена младш. брата по отношенiю къ женѣ старшаго брата
Ар	{	своякъ
Ойох	{	мужъ
Огоһһор	{	мужчина
Амӕхсін	{	жена
	{	старикъ
	{	мужъ
	{	старуха
	{	жена.

Нужно замѣтить, что система родства у якутовъ страшно запутана, поэтому разобраться въ ней чрезвычайно трудно.

Въ приведенной системѣ родства прежде всего поражаетъ всякаго изслѣдователя расположенiе родства по возрасту. Будетъ ли родство по восходящей или нисходящей линiи, вездѣ мы находимъ обозначенiе наименованiй родства по возрасту, старше или моложе. Когда вы спрашиваете якута о названiяхъ родства, то неизмѣнно встрѣтите прежде всего вопросъ: агас дү, балыс дү? т. е. старше или моложе? Этотъ

вопросъ относится безразлично и къ мужчинѣ и къ женщинѣ, это общій вопросъ. До какой степени система якутскаго родства проникнута счисленіемъ родства во возрасту, видно будетъ изъ слѣдующаго перечня родственныхъ названій. Старшій дядя по отцу—абага, младшій—убай, старшій братъ біі, младшій—іні; старшая сестра—агас, младшая—балыс и т. д. Что больше всего поражаетъ въ этой системѣ родства, такъ это названіе отца. Отецъ обозначается словомъ ага, что значитъ и отецъ и старшій.

Какъ объяснить такую систему родства? И. Н. Смирновъ, нашедшій такую же систему родства у вотяковъ и черемисъ, видитъ въ ней слѣды бывшаго группового брака ¹⁾. Это явленіе можно отнести къ такъ называемому классовому браку, пуналуальной семьѣ, когда одно поколѣніе мужскаго пола (родные, двоюродные, троюродные братья, племянники,—всѣ приблизительно одного возраста) составляло одну общину и вступало въ бракъ съ поколѣніемъ женскаго пола (родныя, двоюродныя, троюродныя сестры, племянницы и т. д.—всѣ приблизительно одинаковаго возраста). ²⁾ Слѣдовательно, каждое поколѣніе, мужское и женское, составляло особую брачную группу. Изъ этой системы браковъ и вытекало, что старшее поколѣніе по отношенію къ младшему занимало положеніе отцовъ и матерей. Въ очень отдаленную старину, вѣроятно, были только старшіе и младшіе, родители и дѣти. При дальнѣйшемъ развитіи замѣчается дифференціація. Старшіе распадаются на поколѣніе отцовъ и матерей (ага, іжă), на поколѣніе дѣдовъ и бабушекъ (ăсă, âбă), на поколѣніе прадѣдовъ и прабабушекъ (хос âсă, хос âбă) и т. д. Въ свою очередь младшее поколѣніе распадется на поколѣніе сыновей и дочерей, скорѣе мальчиковъ и дѣвочекъ (уол, къс), на поколѣніе внуковъ и внучекъ (сіан),

¹⁾ Черемисы, Казань 1889 г., 128; Вотяки, Казань, 1890 г. 131.

²⁾ Энгельсъ, Происхожд. семьи, собствен. и госуд., 19—22.

на поколѣніе правнуковъ и правнучекъ (хос сiан или сiанчър) и т. д. Притомъ старшее поколѣніе, будетъ ли это въ восходящей или нисходящей линіи—все равно, по отношенію къ младшему будетъ считать себя отцами и матерями. Отголоскомъ этого является у якутовъ названіе всѣхъ лицъ моложе себя ого или уол (мальчикъ) и къс (дѣвочка). Съ другой стороны, молодые люди всѣхъ лицъ старше себя называютъ убай, айй (дядя и тетка) ¹⁾. Далѣе, возьмемъ нѣсколько наименованій родства. Бі̄ означаетъ старшаго брата, двоюроднаго старшаго брата, старшаго племянника, двоюроднаго племянника; іні̄ означаетъ младшаго брата, двоюроднаго младшаго брата, младшаго племянника, двоюроднаго младшаго племянника; агас означаетъ старшую сестру, двоюродную старшую сестру, старшую племянницу; балыс означаетъ младшую сестру, двоюродную младшую сестру, младшую племянницу, двоюродную младшую племянницу; сiан—внука и племянницу; убай—старшаго брата, дядю по отцу (младш.) и т. д. Эти названія родственныхъ отношеній указываютъ, что, напр., именемъ бі̄ можно было назвать и старшаго брата, и старшаго племянника. Очевидно, для рода эти лица представлялись какъ члены одной группы, всѣ члены которой безразлично назывались или бі̄, или іні̄, или сiан. Разъ эти лица входятъ въ одну группу, то всѣ они этимъ самымъ или мужья другой группы, или отцы другой, или жены, или дѣти другой группы. Если братья родные и двоюродные, племянники родные и двоюродные носятъ одно родственное названіе, то отсюда логически вытекаетъ, что у нихъ одни и тѣ же отцы и матери, потому что только одни и тѣ же родители могутъ имѣть потомковъ съ одинаковымъ родственнымъ наименованіемъ. „Члены одного поколѣнія считаются братьями и сестрами“ ²⁾. Въ этой системѣ родства замѣчательно еще

¹⁾ Сѣрошевскій, Якуты, 564.

²⁾ Зиберъ, Очерки первоб. экон. культ., М. 1883 г. 296.

то, что племянники и племянницы не получили особаго наименованія, внуки и племянники называются однимъ именемъ (сіан). Только племянники съ женской стороны получили наименованіе сыган, хотя это же слово означаетъ дѣтей двухъ сестеръ. Неразличеніе внуковъ и племянниковъ, по словамъ Энгельса ¹⁾, указываетъ не только на групповой бракъ, но и на бракъ самаго грубаго характера.

Въ системѣ родства у якутовъ есть одно родственное отношеніе, требующее особаго разсмотрѣнія. Это отношеніе свекра къ неvěсткѣ. Невѣстка не должна 1) проходить предъ огнемъ свекра, 2) снимать шапку; кромѣ лица и кистей рукъ, облачать своего тѣла, 3) называть свекра по имени ²⁾. Въ старину при встрѣчѣ съ свекромъ она должна была опускать на лицо покрывало—намыска, сырай сабыта ³⁾. Это явленіе обыкновенно объясняютъ какъ предупрежденіе снохачества. Это вѣрно. Но мнѣ кажется, что, кромѣ этого, здѣсь могутъ усматриваться еще и нѣкоторые слѣды перехода отъ группового брака къ индивидуальному. Если внуки и племянники носятъ одно родственное названіе (сіан), то можно допустить, что групповой бракъ захватывалъ лицъ не только одного поколѣнія, но и разныхъ поколѣній, что отецъ и сынъ могли пользоваться одной женщиной. При дальнѣйшемъ развитіи общества, стремленіе къ индивидуализму, къ индивидуальному браку увеличивалось. Какъ рассказываютъ путешественники, индивидуальный бракъ встрѣчаетъ препятствіе со стороны общины, которая пользовалась общими женами. Женщина, чтобы принадлежать одному мужчинѣ, должна была протитуировать съ товарищами мужа или посторонними мужчинами. Праго первой ночи, предоставляемое или помѣщику, или жрецу, опять таки объясняютъ претензіями общины на каждую женщину, если она избираетъ индиви-

¹⁾ Происхожденіе сем., частн. соб. и госуд., 21.

²⁾ Приклон., Ж. С. 1896 г., III, 61.

³⁾ Сѣрошевскій, Якуты, 569.

дуальный бракъ ¹⁾. Нельзя ли этимъ самымъ объяснить предосторожность невестки по отношенію къ свекру, такъ какъ послѣдній, какъ членъ той общины, въ которой принадлежалъ и его сынъ, могъ предъявить свои права къ ней? Эта предосторожность не излишня, такъ какъ свекоръ, живя въ одномъ домѣ съ невесткой, всегда могъ предъявить къ ней свои права. Въ настоящее время снохачества у якутовъ нѣтъ.

Какъ извѣстно, за групповымъ бракомъ слѣдуетъ матриархатъ, численіе родства по матери. На это явленіе я указывалъ еще выше. Теперь же нужно точнѣе установить связь группового брака съ матриархатомъ и указать факты существованія группового брака и матриархата. При групповомъ бракѣ трудно указать на опредѣленнаго мужчину, какъ на отца. Это прекрасно выражено въ терминологіи родства у якутовъ; такъ, ага значитъ отецъ и старшій. Въ якутскомъ языкѣ нѣтъ точно опредѣленнаго названія для обозначенія мужа. Слово *ар* обозначаетъ и мужа и мужчину, слѣдовательно каждый мужчина есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мужъ. Все это указываетъ на то, какъ трудно указать на отца ребенка и установить родственную связь между отцомъ и нисходящимъ поколѣніемъ. Напротивъ, установить связь между матерью и ея дѣтьми нѣтъ ничего труднаго, связь очевидна, потому и численіе родства по матери. Дѣти знаютъ только свою мать. Этимъ объясняется, почему якутскіе богатыри иногда не знаютъ своихъ отцовъ и разыскиваютъ ихъ, тогда какъ матери имъ извѣстны ²⁾. Слѣдствіемъ же группового брака былъ обычай гостепріимваго гетеризма. Якуты до сего времени еще носятъ слѣды группового брака. Половую распущенность, игнорированіе лишенія чести дѣвушекъ и женщинъ нельзя иначе объяснить, какъ только допущеніемъ полной свободы въ половыхъ сношеніяхъ въ прошломъ. Какъ въ ста-

¹⁾ Зяберъ, Счерки первобыт. экон. культуры, М., 1883 г., 310—350.

²⁾ Верх. Сборн.

рину смотрѣли на половыя отношенія, можно видѣть изъ сказокъ. Герой сказки „Бѣрт Хара“ „раздѣлся, влетѣлъ—легъ подъ одно одѣяло съ дѣвушкой. Ставши мужемъ и женой, жаль поженившись въ этомъ мѣстѣ“¹⁾. Нужно замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ безъ всякихъ формальностей. Герой сказки „Старуха со Старикомъ“, догнавъ по дорогѣ дѣвушку, „поднялъ ее съ лошади. Поцѣловалъ, понюхалъ, полюбилъ. Стали здѣсь жить“²⁾. Въ этой же сказкѣ „сынъ съ дѣвушкой поцѣловались, понюхались, полюбилсь. Жили на этомъ мѣстѣ мужемъ и женой“³⁾. Въ сказкѣ Урѣнскѣй гость обращается къ домашнимъ: „куда вы кладете спать вашихъ гостей? Если не брезгуешь, ложись со мной. Раздѣвшись, влетѣлъ онъ—легъ“⁴⁾. Всѣ указанныя связи мужчинъ и женщинъ совершаются безъ всякихъ формальностей. Въ то же время они это дѣлаютъ съ сознаниемъ своего права,— это видимо въ порядкѣ вещей.

У якутовъ нѣтъ терминовъ, обозначающихъ вдовца, вдову, жениха и невѣсту, у нихъ есть только терминъ, обозначающій мужа и жену, ѣр, ойох. Отсутствие этихъ терминовъ безъ сомнѣнiя указываетъ на то, что въ старину не было ни вдовъ, ни вдовцовъ, ни жениха и невѣсты, слѣдовательно не было момента, когда бы у мужчины не было жены, а у женщины не было мужа. Это признакъ группового брака.

Мнѣ кажется, что приведенныхъ доказательствъ вполне достаточно для вывода, что якуты пережили періодъ группового брака.

Почти къ такому же выводу пришелъ и г. Сѣрошевскій, хотя онъ нигдѣ не упоминаетъ названiя группового брака. Г. В. С. Е. пришелъ къ тому же выводу.

¹⁾ Тамъ же, 104.

²⁾ Тамъ же, 119.

³⁾ Верх. Сбор., 126.

⁴⁾ Тамъ же, 90.

Теперь еще одинъ вопросъ, групповой бракъ—бракъ экзогамный или эндогамный? Групповой бракъ нельзя назвать ни строго эндогамнымъ, ни строго экзогамнымъ. Его можно назвать экзогамнымъ потому, что бракъ заключается между двумя группами, мужчины одной суть мужа женщины другой и наоборотъ. Браки между мужчинами и женщинами одной и той же группы воспрещаются. Съ этой послѣдней точки зрѣнія эти браки экзогамны. Но съ другой стороны эти двѣ брачующіяся группы родственны между собой. Возьмемъ примѣръ изъ жизни австралійскихъ негровъ на Маунтъ Гамбирѣ. Тамъ все племя дѣлится на двѣ группы—кровя и кумите, которыя между собой находятся въ брачныхъ отношеніяхъ. Здѣсь одно племя дѣлится на двѣ группы, родственная связь которыхъ внѣ сомнѣнія. Энгельсъ даже указываетъ ближайшую степень родства, которая исключается изъ полового общенія въ этихъ группахъ. „Она (система двухъ классовъ) исключаетъ только браки между братьями и сестрами, между дѣтьми брата и дѣтьми сестры съ материнской стороны, потому что они принадлежатъ одному классу; но дѣти сестры и брата могутъ вступать въ бракъ“¹⁾ (вотъ почему, надо думать, и у якутовъ сыган служитъ границей, за которой разрѣшался бракъ, такъ какъ сыган—дѣти двухъ сестеръ). Вѣроятно, такое же родственное отношеніе между двумя брачующимися группами было и у якутовъ. Замѣчательно, что племя, постепенно устранившее кровосмѣшеніе, устранившее отъ брачнаго сожитія сперва родителей съ дѣтьми, потомъ братьевъ съ сестрами, впоследствии дѣлится не на двѣ только группы, гдѣ встрѣча отца съ дочерью, сына съ матерью, братьевъ съ сестрами не устраниена, но на 4, 6, 8 группъ²⁾. При дѣленіи группы на 4, 6, 8 группъ соразмѣрнымъ распре-

¹⁾ Происхожденіе семьи, частн. соб. и государ., 26.

²⁾ Тамъ же 26—7.

дѣленіемъ брачныхъ группъ всегда можно устранить кровосмѣшеніе родителей съ дѣтьми и братьевъ съ сестрами. На такое распредѣленіе брачныхъ группъ у якутовъ находимъ указаніе, что дѣти сестеръ (по якутски—сыгаттар) есть граница, только вѣ которой возможны браки. Какъ я указывалъ выше, слово сыган вполнѣдствіи пѣсколько видоизмѣнялось, обозначая не только дѣтей двухъ сестеръ, но и внуковъ отъ бабушекъ. Это то самое слово сыган, которое г. Сѣрошевскаго такъ смущало и которому онъ не могъ дать удовлетворительнаго объясненія. Такимъ образомъ, групповой бракъ, по моему мнѣнію, занимаетъ мѣсто между экзогамнымъ и эндогамнымъ бракомъ. Это, видимо, въ исторіи развитія брака одинъ изъ этаповъ при переходѣ отъ эндогаміи къ экзогаміи.

Разъ допустить, что групповой бракъ есть переходная ступень отъ эндогаміи къ экзогаміи, то вопросъ о происхожденіи экзогаміи и похищеніи женщинъ рѣшается, сравнительно, просто. Групповой бракъ возможенъ только при томъ условіи, если племя дѣлится на двѣ группы, на два рода. До тѣхъ поръ, пока эти два рода живутъ въ мирѣ и согласіи, групповой бракъ существуетъ, мужчины имѣютъ женъ, женщины мужей; но, если миръ нарушенъ, объявлена война, мужчины лишаются женъ, женщины мужей, а бракъ въ родѣ воспрещенъ. Какъ быть? Остается добыть себѣ женъ только при посредствѣ оружія. Съ этого времени женщина есть достояніе мужа, его собственность. Такъ начинается похищеніе женщинъ и такимъ образомъ устанавливается бракъ въ формѣ похищенія, а потомъ и купли.

У якутовъ есть несомнѣнные слѣды похищенія женщинъ. Въ сказкахъ, преданіи и свадебныхъ обрядахъ можно найти много данныхъ, указывающихъ на умыканіе невѣсты. Дьявольскіе богатыри являются въ домъ невѣсты, сватаютъ ее и говорятъ отцу: „дасть или не дасть свою дочь, (я) возьму

(ее) (біардър да ылыам, біарбатър да ылыам) ¹⁾. Здѣсь ясно выражается желаніе употребить насиліе, если добровольно не выдадутъ дочь. Въ сказкѣ „Эрбахъ Юрджюгаръ сяттята эргіаръ Эрайдахъ Буруйдахъ Эр Соготохъ“ (правильнѣе „Арбѣх урдугар сяттатѣ аргійѣр Арійдѣх Буруйдѣх Ар Соготохъ“) разсказывается, какъ Тимиръ Жебія (Тімір Цѣбія) похитилъ сестру Ар Соготохъ'а, какъ демонскій богатырь Анъ Ажырга (Ан Адырга) увралъ дочь Саха Сарын Тойонъ'а—Штык Нура-лы. Въ сказкѣ „Хара Кырчыт (черный ястребъ)“ разсказывается, какъ Уруң Уолян похитилъ сестру Хара Кырчыта ²⁾. Можно бы указать много случаевъ похищенія женщинъ съ цѣлью вступленія въ бракъ. Я лично слышалъ много якутскихъ сказокъ, гдѣ описывается похищеніе женщинъ, что служило поводомъ къ богатырскимъ подвигамъ ея брата или нареченнаго жениха.

Много преданій, указывающихъ на похищеніе женщинъ, приводитъ въ своемъ трудѣ „Якуты“ г. Сѣрошевскій. Онъ, между прочимъ, приводитъ преданіе, какъ извѣстный всѣмъ жителямъ Якутской области знаменитый якутскій разбойникъ Маичѣры уводитъ женщину, пробивъ руку выше запястья между локтевой и лучевой костями. Это преданіе я самъ слышалъ.

Въ брачныхъ обрядахъ безъ сомнѣнія есть указаніе на бывшее похищеніе женщинъ. Самый высмотръ невѣсты, по словамъ г. Сѣрошевскаго, напоминаетъ военную развѣдку. Свадебные обряды отражаютъ тревожный характеръ войны и военныхъ предосторожностей. Въѣздъ женихова поѣзда, встрѣча его коннымъ, который прискакавъ къ нимъ сажень на 50, скачетъ обратно, погоня за нимъ, далѣе, отъѣздъ поѣзда изъ дома тестя вскачь,—все указываетъ на приемы и предосторожности военного времени. Во время пиршества

¹⁾ Приклонскій, Ж. С. 1891 г., III, 172.

²⁾ Тамъ же, 174.

родственники жениха говорят родственникамъ невѣсты: „теперь мы свои люди, породнились, будемъ другъ друга считать за родственниковъ, будемъ жить въ дружбѣ и согласіи ¹⁾“. Въ этихъ словахъ чувствуется прекращеніе вражды, установленіе мира. Миръ конечно можно заключить послѣ ссоры, войны, вызванной въ данномъ случаѣ похищеніемъ женщины.

Сперва каждое похищеніе женщины считалось оскорбленіемъ роду и вызывало войну; потомъ, въ виду частоты такихъ похищеній, войну замѣнили миромъ съ выкупомъ за мечь и женщину. Миръ сопровождался пиршествомъ, которое впоследствии обратилось въ свадебное пиршество, а выкупъ обратился въ калымъ. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, основанному на мнѣніяхъ Моргана и Зибера, купля невѣсты (калымъ) есть явленіе позднѣйшее, чѣмъ похищеніе, и появилась взамѣнъ его. Въ якутскихъ сказкахъ мы видимъ и похищеніе невѣсты, и калымъ за нее. Герои и послѣ похищенія платятъ калымъ. Въ настоящее время у якутовъ господствуетъ калымъ, но его идея начинаетъ видоизмѣняться, такъ какъ за калымъ отдають дочери приданое, которое по цѣнности равняется калым'у. Можно надѣяться, что калымъ подвліяніемъ русскихъ исчезнетъ.

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО.

Опека и попечительство, какъ самостоятельный институтъ, якутамъ неизвѣстны. Опека и попечительство принадлежатъ къ числу обязанностей ближайшихъ родственниковъ опекаемаго, а потомъ уже рода (ага ўса). Въ старину, при болѣе сильной власти рола, опека и попечительство были всецѣло обязанностью рода. Вслѣдствіе этого и до нынѣ нѣтъ особаго термина, обозначающаго этотъ институтъ. Слово опе-

¹⁾ Якуты, 540.

ка (по якутски *Аппиакка*) стало известно послѣ покоренія русскими.

Послѣ смерти мужа, если вѣтъ взрослого сына, власть семьи переходитъ къ женѣ и послѣдняя тѣмъ самымъ становится опекуной и попечительницей своихъ дѣтей и ихъ имущества. Если въ семьѣ остается взрослый сынъ, то власть семьи переходитъ къ нему, а опека и попечительство дѣлаются обязанностью какъ его, такъ и матери совмѣстно. Въ томъ и другомъ случаѣ не требуется никакихъ формальностей; никто—ни родовая, ни улусная власти не вмѣшиваются, считая это дѣло частнымъ, семейнымъ. Вѣроятно, по возрѣнію якутовъ, въ подобныхъ случаяхъ постороннимъ семьямъ, роду—нѣтъ никакого дѣла, потому что семейное имущество остается въ семьѣ же, только власть распоряженія переходитъ отъ одного лица къ другому. Въ этомъ взглядѣ лишній разъ подчеркивается существованіе у якутовъ общаго семейнаго имущества. Если малолѣтнія дѣти остаются безъ родителей, то только въ этомъ случаѣ вмѣшиваются постороннія семья лица, родственники и родъ, учреждается нѣчто вродѣ опеки. Дѣти, по опредѣленію родовыхъ властей, раздаются родственникамъ на воспитаніе. При этомъ на долю дѣтей, на ихъ воспитаніе передается воспитателю-опекуну часть имущества родителей, которая имъ слѣдуетъ. Обыкновенно дѣти, по достиженіи зрѣлаго возраста, рѣдко чтонибудь получаютъ изъ оставшагося наслѣдства. То скоть пропалъ, то что нибудь съ нимъ случилось, поэтому его пришлось зарѣзать и т. д. Положеніе опекаемыхъ улучшается въ томъ случаѣ, если они усыновлены опекуномъ; тогда они получаютъ свою долю наслѣдства и, можетъ быть, еще часть имущества воспитавшаго ихъ отца. Смерть богатыхъ людей приводитъ въ движеніе всѣхъ ближайшихъ родственниковъ и цѣлый его родъ, и имущество бесслѣдно исчезаетъ. Участіе родовыхъ и наследныхъ властей въ подобныхъ случаяхъ выражается главнымъ образомъ въ помощи расхищенію имущества. Такое печальное положеніе сиротъ вызвало въ

последнее время вмешательство уѣздной полиціи. Она обязываетъ составлять опись имуществу умершаго и передавать по описи имущество въ руки надежныхъ лицъ, въ качествѣ опекуновъ. Такое распоряженіе, однако, не достигаетъ цѣли, потому что при самой описи ухитряются скрыть имущество. Къ тому же подобная опись и назначеніе опекуна случаются только послѣ смерти богатыхъ лицъ, смерть же рядовыхъ якутовъ не влечетъ за собой подобной опеки администраціи. Потому якутская масса живетъ внѣ подобныхъ распоряженій. Пока родъ будетъ относиться къ сиротамъ такъ, какъ до сихъ поръ онъ относился, нельзя ожидать ничего хорошаго. Слово сирота будетъ синонимомъ слову разоренный и нищій. Поэтому администрація и законъ должны придти на помощь якутскимъ сиротамъ.

НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПРАВО.

Какъ полагають ученые, въ періодъ семейной общины съ коллективнымъ хозяйствомъ глава семьи не могъ распоряжаться имуществомъ семьи на случай смерти, т. е. не могъ завѣщать его. Въ случаѣ смерти главы семьи имущество оставалось въ общемъ пользованіи членовъ семьи подъ главенствомъ взрослога сына, матери или дяди по матери, или же имущество дѣлили между собой всѣ члены семьи, принимавшіе участіе въ приращеніи общаго имущества, или же, если изъ членовъ семьи никого не оставалось въ живыхъ, то имущество переходило постепенно къ ближайшимъ родственникамъ, потомъ и къ роду. Таково между прочимъ опредѣленіе XII таблицъ. Вообще говоря, въ исторіи первобытныхъ народовъ мы не замѣчаемъ распоряженія имуществомъ семьи по завѣщанію. Имущество остается въ семьѣ, наследуютъ его такъ называемые необходимые законные наследники, еровные, близкіе роственники умершаго. Въ наукѣ

установлено, что наследованіе по закону древнѣе наследованія по завѣщанію. Наследованіе исключительно только по закону и отсутствіе завѣщанія ясно указываютъ на то, что въ то время семейное имущество считается общимъ достояніемъ семьи, а не принадлежностью одного главы семьи. Последнему исключительно принадлежитъ на правѣ собственности то животное, на которомъ онъ ѣздилъ, надѣтая на него одежда, оружіе и платье, которыя онъ можетъ взять съ собой въ загробную жизнь.

Все, что сказано вообще о первобытныхъ народахъ, приходится сказать и объ якутахъ.

Якуты не знали и не знаютъ до сего времени завѣщанія. Только въ самое послѣднее время, подѣ влияніемъ русскихъ, можно замѣтить у подгородныхъ жителей нѣкоторое движеніе въ пользу завѣщанія. Завѣщаніе напоминаетъ имъ смерть, потому что якуты завѣщаніе понимаютъ какъ предсмертное распоряженіе, приравниваютъ его къ своему кэріас ѣтэр, т. е. къ предсмертнымъ распоряженіямъ насчетъ похоронъ и раздачи подарковъ. Если бы кто нибудь предложилъ якуту составить духовное завѣщаніе, то послѣдній оскорбился бы на такое предложеніе и отвѣтилъ бы, что онъ еще не собирается умирать. Въ источникахъ, въ сказкахъ и преданіяхъ, вы нигдѣ не встрѣтите слѣдовъ завѣщанія. Мы тамъ встрѣчаемъ только кэріас ѣтэр. Якутъ, убѣдившись, что ему не встать съ одра болѣзни, приглашаетъ всѣхъ близкихъ ему лицъ и кэріас ѣтэр, т. е. выражаетъ свое предсмертное желаніе. Въ этомъ кэріас ѣтэр онъ не распоряжается имуществомъ семьи, а только выражаетъ свое желаніе, чтобы его похоронили на облюбованномъ имъ мѣстѣ, на берегу озера, на мысу или подѣ тѣнью какаго либо замѣчательнаго дерева, чтобы на похоронахъ для тризны (хэйлуга) убили таковую то скотину, чтобы соблюдали такіе то обряды при похоронахъ и т. д. ¹⁾ Въ старину кэріас ѣтэр этимъ и кончалось. Въ

¹⁾ Д. Кочневъ. О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вил. окр. Як. об., 6. Отд. отт. изъ XII т. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при И. К. У. за 1894 г. Верх. Сбор., 98 и мн. др.

последнее время замѣчается въ немъ нѣчто новое, похожее на завѣщаніе. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время умирающій якутъ можетъ дарить изъ своего имущества тому или другому лицу, даже постороннимъ лицамъ, по нѣскольку штукъ скота. Онъ иногда можетъ такъ или иначе распределить свое имущество, но лишить наслѣдства кого бы то ни было изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, необходимыхъ и законныхъ наслѣдниковъ, онъ не имѣетъ права. Я никогда не слыхалъ, чтобы якутъ лишилъ когонибудь изъ ближайшихъ родственниковъ его наслѣдственной части. Все, что онъ можетъ теперь сдѣлать, это уменьшить его долю и только. Въ старину даже проклятый сынъ не лишался своей доли ¹⁾. Вотъ все, что напоминаетъ въ наслѣдственномъ правѣ завѣщаніе, потому что здѣсь необходимаго условія завѣщанія, свободы распоряженія имуществомъ, нѣтъ. Отсутствие завѣщанія, въ общепринятомъ смыслѣ, у якутовъ еще лишній разъ подчеркиваетъ, что у нихъ продолжаетъ царить семейный коллективизмъ. Итакъ у якутовъ господствуетъ наслѣдованіе по закону. Послѣ смерти якута имущество его дѣлится поровну между всѣми членами семьи. Если есть хотя одинъ членъ семьи, то имущество остается за нимъ, болѣе отдаленные родственники не участвуютъ въ дѣлежѣ наслѣдства. При дѣлежѣ наслѣдства равныя доли получаютъ и дочери. Если приходится выдѣлить сына или отдать дочери приданое, то родители дѣлятъ все свое имущество на столько частей, сколько членовъ въ семьѣ, и эту часть выдѣляютъ ²⁾. Этому же принципа придерживаются при дѣлежѣ наслѣдства. Послѣ смерти родителей выдѣленные не имѣютъ права на оставшееся имущество; оно должно достаться въ пользу неотдѣленнаго или неотдѣленной. Выдѣленные могутъ разсчитывать, что отецъ, умирая при вѣріас ѣтѣр, что либо подарить

¹⁾ Приклонскій, Ж. С. 1890 г., II, 28.

²⁾ Верх. Сбор., 110, 232.

имъ. Поэтому то при кариас атар бываютъ и выдѣленные. Если отецъ ничего не подарить, они не имѣютъ права претендовать на это. Наравнѣ со всѣми получаютъ свою долю и усыновленные. Жена получаетъ равную долю со всѣми другими, но въ эту долю входитъ и ея приданое. Если она выходитъ замужъ, то она получаетъ только самое необходимое изъ имущества мужа и, если не ошибаюсь, беретъ съ собой и свое приданое. Бездѣтная вдова имѣетъ право брать съ собой все свое приданое и родственники мужа не должны удерживать его. Обыкновенно родственники мужа не отдаютъ ей приданое и вотъ является на сцену судъ, кляузы, взятки, обращеніе къ уѣздной администраціи, которая еще больше запутываетъ. Какъ происходилъ раздѣлъ наслѣдства, когда нѣтъ кровныхъ родственниковъ, довольно трудно описать вслѣдствіе того разнообразія, которое допускается при этомъ въ разныхъ мѣстахъ. Общее воззрѣніе требуетъ, чтобы ближайшіе родственники исключали дальнихъ, но на практикѣ бываетъ не такъ, обыкновенно львиную долю наслѣдства получаетъ богатѣйшій, слѣдовательно и сильнѣйшій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наслѣдуетъ родъ (ага ұса), тогда наслѣдство достается заправиламъ рода.

Въ послѣднее время замѣчаемое расхищеніе имущества, послѣ смерти главы семьи, побуждаетъ его иногда, не смотря на все свое отвращеніе къ напоминанію о смерти, составлять духовное завѣщаніе.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Преступленіе и наказаніе.

Въ правѣ каждаго народа въ періодъ родового быта преступленіе ничѣмъ не отличается отъ гражданскаго правонарушенія. Преступленіе разсматривается не какъ нарушеніе

нравственно - правового порядка общества, а какъ нарушение частныхъ интересовъ, какъ вредъ, причиненный одному человѣку, члену рода, а чрезъ него и цѣлому роду. Правонарушеніе въ этомъ смыслѣ вызываетъ со стороны потерпѣвшаго возмездіе, кровавую месть, направленную на жизнь и имущество виновнаго. Впослѣдствіи месть смѣняется выкупомъ. Максимъ Ковалевскій, изслѣдовавшій при помощи широкаго историко-сравнительнаго метода юридической бытъ осетинъ, приходитъ къ слѣдующему выводу о преступленіи вообще. „Во 1-хъ, что право въ эпоху господства родового быта не видитъ въ преступленіи ничего кромѣ причиняемаго имъ вреда, за которое оно разрѣшаетъ мстить виновнику до тѣхъ поръ, пока послѣдній не откупится платежомъ положенной обычаемъ частной пени. Во 2-хъ, что гражданское правонарушеніе также ведетъ къ мести, какъ и уголовное. Местъ эта принимаетъ форму дозволеннаго обычаемъ захвата имущества и нерѣдко личности виновнаго въ немъ лица. 3) Изъ всего этого само собой слѣдуетъ, что пока самоуправство родовъ не будетъ подавлено въ большей или меньшей степени развивающейся политической властью, между преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ не имѣется никакихъ различій, а это въ свою очередь ведетъ къ тому 4), что процессуальные порядки народа, живущаго родовымъ устройствомъ, не различаются между собой по характеру тяжбы. Отдѣльный уставъ гражданского и отдѣльный уголовного судопроизводства въ это время были немыслимы; 5) этими общими положеніями объясняется въ частности причина, по которой осетинамъ (и всѣмъ, прибавимъ отъ себя), живущимъ доселѣ родовыми сообществами, недоступно различіе умысла и неосторожности, случайнаго и преднамѣреннаго убійства, почему подстрекательство и покушеніе остаются у нихъ безъ возмездія и уголовная отвѣтственность ничѣмъ существенно не отличается отъ гражданской 1)“.

1) М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ, II, 112—113.

Различаются преступления двух родов, преступления, возникающія между членами разных родовъ и возникающія въ одномъ родѣ, семьѣ. Наказаніемъ за перваго рода преступления является кровавая месть, наказаніемъ же за преступления другого рода — изгнание.

Якутскій юридическій бытъ подтверждаетъ вышеприведенный выводъ г. Коралевскаго не во всемъ объемѣ, а только въ частяхъ. Кромѣ убійства, якутское право не признаетъ разницы между преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ; оно не признаетъ разницы между гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ. Одно только убійство, бытъ можетъ, еще клятвопреступленіе, выдѣлено въ разрядъ преступленій, которое карается смертной казнью. Умыселъ на убійство также признается за преступленіе.

Мы, какъ и другіе, подраздѣлимъ преступленіе и наказаніе на два разряда: 1) преступления и наказанія при международныхъ столкновеніяхъ и 2) преступления и наказанія въ родѣ, семьѣ.

Начнемъ съ преступленій и наказаній въ столкновеніяхъ родовъ между собой. Какъ извѣстно, въ древности всѣ отношенія между родами сводились къ войнѣ и миру или къ кровавой мести. Кровавая месть чуть ли не первымъ правомѣрнымъ, если можно такъ выразиться, отношеніемъ между родами. Въ первое время войны ведутся безъ всякаго разбора, безъ какихъ либо намековъ на право. Потомъ война кончается или миромъ, или кровавой местью. Кровавая месть есть въ своемъ родѣ ограниченіе непрерывныхъ войнъ, и при наличности его война можетъ начинаться только въ виду какихъ либо вызывающихъ къ этому причинъ. Всякое убійство, оскорбленіе, угонъ скота и уводъ женщинъ вызываютъ кровавую месть. Она, разъ начавшись, можетъ продолжаться очень долго, на неопредѣленное время. Въ этомъ смыслѣ кровавая месть есть наказаніе и основаніе преступленія. Наказаніемъ ее можно считать потому, что она вызывается какимъ нибудь

преступленіемъ и желаніемъ доставить обидчику такой же или большой ущербъ. Основаніемъ преступленія кровавую месть можно считать потому, что она служитъ основаніемъ продолженія этой мести. Въ началѣ ничѣмъ не ограниченная кровавая месть въ послѣдствіи ограничивается равнымъ возмездіемъ, *jus talionis*, извѣстнымъ кругомъ лицъ, могущихъ мстить за оскорбленія. Наконецъ, кровавая месть замѣняется выкупомъ.

Кровавая месть извѣстна стариннымъ якутамъ. Похожденія сказочныхъ героевъ есть результатъ мести или вызывается мщеніемъ. Чаще всего причиной ея служитъ уводъ скота и женщинъ. Убіиство какого нибудь сородича или оскорбленіе его также служитъ причиной кровавой мести. Мстителемъ является или обиженный членъ рода, или весь его родъ. Въ послѣднемъ случаѣ совершается нападеніе одного рода на другой. Только кровавой местию можно объяснить непрерывныя войны между родами. Кровавая месть была наследственна. Извѣстно, что за оскорбленіе отца могъ мстить его сынъ, но могли ли мстить ближайшіе его родные, это въ точности не извѣстно. Вѣроятно, близкіе родственники мстили за оскорбленнаго, иначе было бы непонятно заступничество цѣлаго рода за обиженнаго. Г. Сѣрошевскій записалъ преданіе, какъ подготовлялся къ мести малолѣтній сынъ обиженнаго. Его съ самыхъ малыхъ лѣтъ приучали къ стрѣльбѣ изъ лука, ловкости и верховой ѣздѣ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ обязанъ былъ отомстить оскорбителю своихъ близкихъ, своего рода. Местъ совершалась ловко и хорошо, такъ что только догадывались, кто могъ такъ хорошо отомстить ¹⁾). Местъ дѣлала свое дѣло, иногда вырѣзывались цѣлые роды. По словамъ того же Сѣрошевскаго, существуетъ одинъ родъ, которому дали прозвище Быстыбыт—вырѣзанный. Оказывается, что это остатокъ нѣкогда могущественнаго рода, почти исчезнувшаго съ лица земли послѣ одного нападенія, гдѣ была вырѣзана большая часть

¹⁾ Якуты, 455.

рода ¹⁾. Избіеніе цѣлыхъ родовъ давно уже заставило роды кончать иногда ссоры между собой не кровавой местию, а выкупомъ. Такъ было вездѣ, такъ было и у якутовъ. Слѣды выкупа мы видѣли въ калымѣ, такъ какъ калымъ, по мнѣнію ученыхъ, есть композиція кровавой мести. Якутская свадьба сопровождается такими обрядами и формальностями, что нельзя не признать за свадьбой значенія заключенія мира, гдѣ калымъ является выкупомъ права кровавой мести. Выкупъ права мести можно видѣть изъ сказки Ар Соготох, гдѣ родственники посаженнаго въ темницу убійцы вымаливаютъ прощеніе у родственниковъ убитаго. Прощеніе убійцы едва ли могло состояться безъ выкупа ²⁾. За обиду и теперь можно дать выкупъ. Даже за воровство теперь можно отдѣлаться выкупомъ, не доводя дѣло до суда. Все это ясно указываетъ на то, что и якуты знали систему выкуповъ. Ограничивалось ли право мести какимъ нибудь кругомъ лицъ, опредѣлить трудно, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ, хотя г. Сѣрошевскій и указываетъ на девятое колѣно. Но я долженъ замѣтить, что ни сказки, ни другія данныя не подтверждаютъ этого. Я самъ лично не слыхалъ объ ограниченіи права мести. Быть можетъ и было ограниченіе, но источниками оно не подтверждается и приходится только догадываться.

Убіеніе сперва вызывало кровавую мечь, которая потомъ была замѣнена выкупомъ. Наконецъ, убійство было признано преступленіемъ, за которое власть начальника союзныхъ родовъ назначала смертную казнь, заключеніе въ темницу. Смертной казни предавали различнымъ образомъ. Въ сказкѣ Хан царгыстай есть упоминаніе, что убійцу предали смертной казни чрезъ распятіе и сожженіе на кострѣ. „Велѣвшій поймать его велѣлъ его приволотить внизъ головой, вверхъ ногами, на концѣ западнаго неба чрезъ ступни желѣзными

¹⁾ В. Сѣрошевскій, Якуты, 45 4—5.

²⁾ Приклонскій, Ж. Ст. 1891 г., III, 17 1.

гвоздями“.... „Арсын Далай—господинъ сказалъ: бросьте Ытык Кыйбардчна въ горящій огонь“ ¹⁾. За убійство иногда заключали въ темницу. Въ сказкѣ Ар Соготох съ неба отвѣчаютъ вопрошавшему объ исчезновеніи Ар Соготох'а Сабылан'у: „другъ и товарищъ Сабылан! твоего брата Ар Соготох'а взяли на небо къ Жилга (цылга) Тойон'у, который за то, что онъ безсердечно убилъ Хорожай Бярганя и дочь Урун Айы, заключилъ его въ темницу“ ²⁾. Карается не только фактъ убійства, но одго намѣреніе убить. Такъ, Каян цасын былъ распятъ за то только, что „хотѣлъ убить названнаго своего сына, человѣка по имени Хан царгыстай“ ³⁾.

Клятвопреступленіе тоже, кажется, считалось преступленіемъ, караемымъ весьма тяжкимъ наказаніемъ. Изъ источниковъ точно неизвѣстно, какому наказанію подвергался клятвопреступникъ, только извѣстно, что даже дьявольскій богатырь Оксоку соглашается скорѣе принять испытаніе со смертельнымъ исходомъ, чѣмъ считаться предъ цѣлымъ собраніемъ человѣкомъ нечестнымъ, преступающимъ данную клятву. Вѣроятно, клятвопреступникъ объявлялся предъ цѣлымъ собраніемъ безчестнымъ и такое наказаніе считалось равносильнымъ смертной казни ⁴⁾.

Кромѣ этихъ двухъ преступленій, якутское право не признаетъ другихъ преступленій, требующихъ наказанія, а оно признаетъ только гражданское правонарушеніе, за которое слѣдуетъ не наказаніе, а возмѣщеніе убытковъ.

Грабежъ и воровство (талабыр, уорууах), если не ошибаюсь, не различались между собой по своимъ послѣдствіямъ. За нихъ требуется двойная уплата стоимости награбленнаго и украденнаго. Въ послѣднее время къ грабежу стали относиться строже. Интереснѣе всего то, что и Поло-

¹⁾ Верх. Сборн., 219.

²⁾ Приклонскій, Ж. С. 1891 г., III, 170—171.

³⁾ Верх. Сборн., 218—9.

⁴⁾ Верх. Сборн., 230.

женіе объ инородцахъ воровство признаеть гражданскимъ правонарушеніемъ (Полож. объ инор. изд. 1892 г., примѣчаніе къ 75 ст.).

Раны и увѣчья. Если кто въ дракѣ израненъ, изувѣченъ, то онъ не имѣеть права привлекать виновнаго къ уголовной отвѣтственности, онъ можетъ только предъявить искъ объ убыткѣ, понесенномъ вслѣдствіе раны и увѣчій. Расходы на леченіе и упущенное рабочее время переводятся на деньги, которыя обязанъ уплатить обидчикъ.

Оскорбленія словами и дѣйствіемъ. Якуты страшно обидчивы, такъ что недаромъ сложилась поговорка: обидчивъ, какъ инородецъ. Они за оскорбленіе отвѣчаютъ оскорбленіемъ же и вступаютъ между собой въ драку. Страшнымъ оскорбленіемъ считается, если кто кого нибудь выгнать изъ дому или не подѣлится во время ѣды. Оскорбленный говоритъ: *сіятиттан батан тасарда, матары асата* (выгналъ изъ дому, не подѣлившись поѣлъ). Въ настоящее время чуть ли не самой большой обидой считается слово: *пшелъ* (испорч. рус. *пошелъ*). Якуты говорятъ, что это слово можно употреблять только при обращеніи съ собакой, а не съ человекомъ. Этимъ словомъ человекъ приравнивается къ собакѣ, унижается человеческое достоинство. Если дѣло объ оскорбленіи доходитъ до родовыхъ властей, то послѣднія мирять поссорившихся, причемъ виновная сторона должна уплатить потерпѣвшей за оскорбленіе. Величина платы зависитъ отъ чести и достоинства мирящихся, она отъ 1 рубля можетъ доходить до 100 руб. При мировой устраивается пирушка.

Преступленія (вѣрнѣе проступки) противъ половой нравственности. Подобныхъ преступленій якутское обычное право прежде вовсе не признавало, да и теперь признаеть въ весьма слабой степени. Преступленія такого рода при групповомъ бракѣ были немислимы. Изнасилованіе и растлѣніе и теперь не считаются такими преступленіями, какими привыкли ихъ считать вультурные народы.

Если пройдет слухъ, что такой то изнасиловалъ женщину или дѣвушку, то такой слухъ въ большинствѣ случаевъ вызываетъ только смѣхъ и любопытство насчетъ подробностей совершения преступленія. Если насиліе совершено какимъ нибудь оригинальнымъ способомъ, то это вызываетъ восторгъ и удивленіе слушателей. Многіе якуты съ гордостью рассказываютъ, какъ они въ молодости изнасиловали ту или иную женщину. Никто въ этомъ не видитъ преступленія. Якутскія женщины защищаются только сами, сколько могутъ, своими физическими силами, но въ суду не обращаются. Я по крайней мѣрѣ не знаю такого случая. Если дѣло какъ нибудь дойдетъ до родовыхъ властей, то виновникъ всегда предложитъ выкупъ за свою вину и дѣло этимъ кончится. Якутки носятъ особые штаны, затрудняющіе насиліе. Нельзя конечно требовать отъ якутовъ, у которыхъ былъ недавно групповой бракъ и гостепріимная проституція, чтобы они изнасилованіе считали за преступленіе. Въ послѣднее время къ преступленіямъ противъ женской чести стали относиться строже, а именно брать штрафъ, который и называется цахтар или кыс сатын төлөбүрә—плата за женскій или дѣвичій стыдъ.

Якутское право не признаетъ преступленій государственныхъ.

Обманъ и мошенничество не считаются даже за проступки. „Обманывай другихъ, но самъ не давайся въ обманъ“—вотъ девизъ якута.

При обзорѣ преступленій намъ пришлось указать и на наказанія, какія употреблялись якутами. Вкратцѣ повторю ихъ и приведу тѣ наказанія, какія еще не были упомянуты. Прежде всего—смертная казнь въ разнообразныхъ видахъ (распятие, сожженіе на кострѣ), темница, безчестіе. Въ сказкахъ упоминается еще видъ наказанія, именно привязываніе виновнаго къ хвосту дикой лошади ¹⁾. Трудно понять, въ какихъ

¹⁾ Верх. Сборн., 84—6.

случаяхъ употреблялось это наказаніе. Далѣе, идетъ выкупъ за преступленіе, вознагражденіе за убытки.

Система наказаній, начиная съ кровавой мести и кончая выкупомъ, считается системой, вызванной преступленіями при между родовыхъ столкновеніяхъ ¹⁾.

Преступленія, совершаемыя въ родѣ, семьѣ, наказываются иначе, чѣмъ преступленія въ междуродовыхъ столкновеніяхъ. Обыкновенно указываютъ, что за преступленія въ родѣ слѣдуетъ изгнаніе ²⁾. У якутовъ же мы изгнанія, какъ наказанія, вовсе не встрѣчаемъ. Кажется, за преступленіе въ родѣ подвергали смертной казни. По крайней мѣрѣ въ сагахъ есть указаніе, что эгинцы хотѣли убить сына своего тойон'а, своего посланца, заподозривъ его въ трусости и лѣнности. „Они сказали ему: эй ты, лѣнтяй! Ты вѣдь воротился изъ лѣнности и трусости. Возьмите, проткните, пронзите и убейте его пальмаи и копыями“ ³⁾. Есть указаніе у г. Сѣрошевскаго, что преступника въ родѣ убивали ⁴⁾. Въ семьѣ же древніе якуты, видимо, употребляли сѣченіе розгами. Такъ, въ сказкѣ Ураныканъ старикъ отецъ сѣкъ трехъ своихъ дочерей до трехъ обмороковъ ⁵⁾. Какія еще наказанія употреблялись въ семьѣ, изъ источниковъ не видно.

Такимъ образомъ, общій выводъ, сдѣланный г. М. Ковалевскимъ, относительно того, что будто бы только система наказаній, вызванная междуродовыми столкновеніями, приводитъ къ смертной казни, не оправдывается по отношенію къ якутскому праву. Какъ мы видѣли, смертная казнь примѣняется и къ преступленіямъ, совершеннымъ въ

¹⁾ М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ. Право осетинъ II, 173.

²⁾ Тамъ же, 114

³⁾ Верх. Сбор., 56.

⁴⁾ Якуты, 457.

⁵⁾ Верх. Сбор., 89.

родѣ. Послѣ того, какъ обѣ системы наказаній слились въ одну, нѣкоторыя изъ нихъ вышли изъ употребленія. Такъ, напр., сѣченіе теперь рѣшительно нигдѣ не употребляется. Поэтому, какъ я выше упоминалъ, для меня непонятно частое упоминаніе сѣченія лозой въ видѣ наказанія въ Сборникѣ Самоквасова. Съ своей стороны я продолжаю утверждать, что въ настоящее время у якутовъ нѣтъ сѣченія, какъ наказанія. Сѣченіе вызываетъ у якутовъ даже ужасъ и омерзеніе. Я думаю, что, если бы подвергнуть якута тѣлеснымъ наказаніямъ, то онъ наложилъ бы на себя руку. Сѣченіе, по понятіямъ якутовъ,—верхъ униженія человѣческаго достоинства.

Въ Сборникѣ Самоквасова упоминается еще деревянная колодка, въ которую сажали преступника ¹⁾. Въ настоящее время такое наказаніе не существуетъ.

Изъ разсмотрѣнной системы преступленій и наказаній видно, что многое въ юридическомъ быту якутовъ придерживается архаическаго взгляда, смѣшиваетъ преступленіе съ гражданскимъ правонарушеніемъ, но за то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ юридическое ихъ сознаніе шагнуло довольно далеко, умѣетъ отличать преступленіе отъ намѣренія, умыселъ отъ случая, знаетъ систему наказаній, начиная отъ родовой мести и кончая смертной казнью. Если не ошибаюсь, дальнѣйшіе развитіе юридическаго мышленія якутовъ встрѣтило препятствіе въ завоеваніи ихъ русскими. Уголовныя преступленія: убійство, разбой, вооруженное сопротивленіе вмѣстѣ съ уголовными наказаніями отошли къ русскимъ судамъ. Якутскимъ судамъ остались гражданскія матеріальныя отношенія, воровство, обиды, раны и увѣчья.

Якутовъ справедливо обвиняютъ въ продажности и взяточничествѣ. Нельзя ли объяснить это явленіе влияніемъ взгляда, что наказаніе за большинство преступленій можно замѣнить де-

¹⁾ Самоквасовъ, Сборникъ обычнаго права сибир. инор., В. 1879 г., 207.

нежнымъ выкупомъ? Мнѣ вѣжется, что только системой выкуповъ и можно объяснить тотъ взглядъ, что отъ всякаго преступленія можно откупиться. Выкупъ идетъ въ пользу обиженнаго, а взятка идетъ въ пользу судьи, для виновнаго же все равно, кому ни платить—обиженному или судья, расходы одни и тѣ же. Ко всему этому нужно прибавить низкій уровень развитія якутовъ и самихъ судей.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Былъ періодъ въ жизни народовъ, когда не было судебныхъ учреждений, когда каждый споръ разрѣшался самосудомъ, кулачной расправой, кровавой местию. Первымъ ограниченіемъ подобнаго положенія вещей является соглашеніе сторонъ предоставить рѣшеніе спора ими самими избранному лицу. Этотъ послѣдній постановляетъ приговоръ, который входитъ въ силу только тогда, когда обѣ стороны согласны съ рѣшеніемъ. Если онѣ не согласны, снова господствуетъ кулачная расправа. Это и есть такъ называемый судъ посредниковъ. Спорящія стороны могутъ послѣдовательно обращаться къ различнымъ посредникамъ, пока не придутъ къ какому нибудь соглашенію или не кончатъ дѣло самосудомъ. Отличительная черта суда посредниковъ—это необязательность его приговора для сторонъ; если одна изъ сторонъ не желаетъ подчиниться приговору, то никто не въ состояніи вынудить ее къ этому, нѣтъ твердой власти. Съ теченіемъ времени приговоръ приводится въ исполненіе системой поручителей съ той и другой стороны. Поручители обязаны вынудить стороны къ исполненію приговора. Впослѣдствіи судъ посредниковъ обращается въ постоянный судъ, причемъ членовъ суда выбираетъ народное собраніе. Приговоръ суда приводится въ исполненіе законной властью, когда установлена въ народѣ та-

кая твердая власть. Такими чертами описывает г. М. Ковалевскій первобытную исторію судоустройства ¹⁾).

Исторія судоустройства якутовъ почти въ деталяхъ совпадаетъ съ вышеприведеннымъ порядкомъ судоустройства. Въ отдаленную старину каждый споръ кончался самосудомъ, кулачной расправой, доказательствомъ чему служитъ существованіе кровавой мести. Да и теперь можно верѣдко наблюдать, какъ споры кончаются дракой, изгнаніемъ одного другимъ изъ спорнаго пункта. Здѣсь очевидно еще проглядываетъ остатокъ старины, когда каждый споръ можно было кончить кулачной расправой. Когда самосудъ и кулачная расправа не приводили къ желаннымъ результатамъ, якуты входили между собой въ соглашеніе предоставить споръ рѣшенію посредника. Прекрасную картину самосуда и суда посредниковъ представляетъ сказка Хан царгыстай, и потому я остановлюсь на этой сказкѣ. Герой сказки Хан царгыстай и его врагъ Оксѳѳѣ для рѣшенія спора вступаютъ въ битву. Когда силы ихъ истощились, „дьяволъ-человѣкъ (Оксѳѳѣ) говоритъ: другъ! поравнялись мы съ тобой. Однакожь спустимся ка мы теперь къ почтеннымъ родоначальникамъ кузнецовъ (ѳс-хан), какъ два куска желѣза безъ головы и безъ ногъ; тамъ мы велимъ себя разсудить“. Согласился божій человѣкъ (Хан царгыстай). Сдѣлавшись трехгранными желѣзными трезубцами, они влетѣли чрезъ отверстіе въ трубу къ почтеннымъ прародителямъ кузнецовъ (ѳс-хан тѳрдѳлѳрѳгѳр). Подвергнувъ ихъ испытанію, кузнецы сказали имъ: „наше испытаніе—приговоръ къ вамъ безсиленъ; пусть судить (васъ) само широкое небо“! Послѣ этого враги снова вступаютъ въ битву. Обезсилѣвъ, оба упали на землю и лежать. „Вотъ, лежа, дьяволъ и говоритъ: сдѣлаемся ка мы теперь двумя елями, спустимъ пѣснею громъ, дадимъ ему разсудить“. Божій человѣкъ соглашается. Послѣ испытанія духъ сильнаго грома сказалъ: „пусть разберетъ васъ

¹⁾ Современный обычай и древній законъ. Право осетинъ, II, 191—222.

судъ самаго высокаго неба; пусть разбереть само назначеніе широкой преисподней. Мой судъ не могъ васъ разобрать“. Послѣ этого они снова вступаютъ въ битву и лежатъ обезсилевные. Тогда божій человекъ предлагаетъ испытать себя ѣздой на дикой лошади. Врагъ послѣ нѣкотораго колебанія соглашается. Хан Царгыстай выноситъ испытаніе, а Оксөкү, не выдержавъ испытанія, умираетъ ¹⁾. Вотъ чѣмъ кончился ихъ споръ. Здѣсь всего замѣчательнѣе то, что послѣ каждаго суда посредниковъ происходитъ борьба, и къ суду посредниковъ обращаются только послѣ неудачнаго исхода борьбы, и все таки въ концѣ концовъ кончаютъ самосудомъ, безъ рѣшенія суда. Такимъ образомъ, судъ посредниковъ является только однимъ изъ средствъ кончить дѣло миромъ, но не единственнымъ. Какъ и у другихъ народовъ, у якутовъ судъ посредниковъ смѣняется постояннымъ судомъ. Въ сказкахъ упоминается „совѣтъ дающій, почтенный, свѣтлоглазый Бесѣда-Старикъ ²⁾“. Эти старики составляютъ существенную часть родового схода, ихъ голосъ имѣетъ вѣсъ и значеніе. По тому, какъ къ нимъ обращаются за совѣтомъ, по самому своему имени „совѣтъ дающій“, можно думать, что такіе старики составляли контингентъ лицъ, изъ которыхъ стороны выбирали посредниковъ. Живя въ разныхъ частяхъ родовой территоріи, они фактически были несмѣняемыми судьями. Въ родовыхъ и союзныхъ собраніяхъ они составляли сословіе судей, которое разрѣшало, быть можетъ, даже споры между родами и союзами. Къ этому заключенію меня приводитъ ихъ исключительное положеніе, уваженіе къ нимъ, желаніе всегда исполнять ихъ совѣты. Видимо, изъ сословія судей впоследствии выдвинулся одинъ главный судья, который можетъ своимъ постановленіемъ повергать виновнаго въ темницу. Очевидно, такой главный судья могъ явиться уже только при упроченіи

¹⁾ Верх. сбор., 227—230.

²⁾ Тамъ же, 116—7.

политической власти начальниковъ союзныхъ родовъ, въ противномъ случаѣ его рѣшеніе не могло быть приводимо въ исполненіе. Такого главнаго судью мы встрѣчаемъ въ сказкѣ Ар Соготохъ, который называется Цылга Тойон¹⁾. Самое имя его Цылга указываетъ, что на его обязанности лежало детально рассмотретьъ суть дѣла, изслѣдовать, быть слѣдователемъ. Параллельно съ главнымъ судьей мы встрѣчаемъ указаніе и другою рода, что судьями бывали и сами начальники родовъ-союзовъ²⁾.

Послѣ поворенія якутовъ русскими уголовныя дѣла и гражданскія свыше пяти руб. вѣдаются уже русскими судами. Въ воеводскомъ наказѣ отъ 1685 г. января подъячому Евдокиму Курдюкову сказано: „И будетъ которые якуты учнутъ бить челомъ Великимъ Государемъ другъ на друга въ искахъ своихъ, цѣною въ пять рублевъ, и тебѣ въ такихъ искахъ якутамъ судъ давать и съ суда указъ учинить вправду, безволокитно, потому что, по указу Великихъ Государей и по грамотѣ, по ихъ иноземному челобитію, въ дальнихъ волостяхъ и въ зимовьяхъ ясачнымъ сборщикомъ велѣно иноземцевъ судить, по ихъ иноземному челобитію, не въ большихъ исковыхъ дѣлахъ, въ дву или въ трехъ или въ пяти рублѣхъ, вмѣстѣ съ ихъ иноземскими князцы и съ лучшими людьми, а безъ нихъ тебѣ Евдокиму и въ малыхъ дѣлахъ не судити, чтобы ясачнымъ якутамъ отъ васъ убытковъ и обидъ и налогъ не было; а съ челобитыя со всякаго человѣка пошлинъ Великихъ Государей въ казну имать по осми алтынъ по двѣ денги; и тѣ судныя дѣла, за иноземскими знамены и за своею рукой и денги привести въ якутскій острогъ и подать въ приказной избѣ, генералу и воеводѣ Матвѣю О. Кривокову; а будетъ иску болши пяти рублевъ, а долѣ пяти лѣтъ, и въ такихъ дѣлахъ, и въ убійственныхныхъ дѣлахъ же

¹⁾ Приклонскій, Ж. С. 1891 г., III, 170.

²⁾ Верх. Сб., 268—9.

расправы и суда имъ якутамъ въ волостяхъ отнюдь не давать¹⁾. Въ настоящее время, начиная съ 1822 г., гражданскія дѣла рѣшаются въ Родовыхъ Управленіяхъ и Иногородныхъ Управахъ или чрезъ посредниковъ (Положеніе объ инородцахъ, изд. 1892 г. ст. 75, 77 и 81). Всѣ проступки считаются гражданскими правонарушеніями, исключая слѣдующихъ, отнесенныхъ къ уголовному: возмущеніе, намѣренное убійство, разбой и насиліе, дѣланіе фальшивой монеты, похищеніе казеннаго и общественнаго имущества и ворчество (примѣч. къ 75 ст.).

Разбирательство здѣсь словесное и начинается только жалобой истца (76, 78). На обязанности ихъ лежитъ, согласно обычаямъ, примирять стороны (86). На рѣшенія Родового Управленія приносится аппелляція Управѣ (80), на рѣшенія послѣдней—мѣстной полиціи (81); на рѣшеніе мѣстной полиціи слѣдуетъ апеллировать въ Окружный Судъ (83). Тяжущіеся всегда имѣютъ право, даже и послѣ разбирательства въ первой, второй или третьей степени словесной расправы, кончить дѣло мировою или чрезъ посредниковъ (85). Съ введеніемъ судебныхъ уставовъ въ Сибири мѣсто полиціи занялъ мировой судья. Гражданскія дѣла разбираются въ родовыхъ судахъ, если цѣнность ихъ не превышаетъ 30 р.

Уголовныя дѣла полагается разсматривать и рѣшать въ учрежденныхъ присутственныхъ мѣстахъ установленнымъ порядкомъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Законахъ Уголовнаго Судопроизводства (ст. 816—826) и Уложеніи о Наказаніяхъ (Прил. V) (Положеніе объ инородцахъ изд. 1892 г. ст. 195).

¹⁾ Акты историческіе, V, 194.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Въ правѣ первобытныхъ народовъ судопроизводство уголовное не отличается отъ судопроизводства гражданскаго. То же самое мы видимъ и въ судопроизводствѣ якутовъ.

Всякое дѣло начинается въ судѣ частной жалобой. Якутское обычное право еще не требуетъ, чтобы родовая или союзная власть взяла на себя инициативу преслѣдованія преступленія. Обвинитель обязанъ указать опредѣленное лицо, котораго онъ подозрѣваетъ въ преступленіи или гражданскомъ правонарушеніи. Только съ этого момента начинается судебное преслѣдованіе виновнаго. Нужно замѣтить, что въ якутскомъ судопроизводствѣ истецъ и отвѣтчикъ различаются, они носятъ различныя названія. Истецъ называется *уңсулхъ кісі*, хотя иногда эти слова обозначаютъ вообще человѣка судящагося, будетъ ли это истецъ или отвѣтчикъ, совершенно безразлично. Слѣдовательно, было время, когда они не различались между собой. Отвѣтчикъ называется *хоруйдаччы*; это слово происходитъ отъ слова *хоруй*—судебный отвѣтъ. Судъ, выслушавъ жалобу истца, посылаетъ особаго человѣка (его якуты называютъ *дѣңсік*) къ отвѣтчику звать его на судъ. Посланецъ суда—*дѣңсік*—получаетъ за свой трудъ опредѣленную властями плату съ виновнаго. Если отвѣтчикъ не является въ судъ по первому зву, посылается *дѣңсік* второй и третій разъ. За второе и третье хожденіе посланца обязанъ уплатить упорствующій. Послѣ третьяго зва отвѣтчика могутъ привести силой. Таковъ порядокъ замѣчается по отношенію лицъ, допустившихъ гражданское правонарушеніе. Въ уголовныхъ дѣлахъ, когда преступленіе очевидно, послѣ перваго зва преступникъ приводился силой. Такъ, когда *Ар Соготох* на зовъ суда отвѣтилъ: „не пойду добровольно, а посмотрю, какъ заставятъ меня идти къ нему насильно; тогда съ неба спустился длинный арканъ, имъ поймали *Ар Сого-*

тох'а за шею и потащили на небо“ ¹⁾). Въ сказкѣ Хан Царгыстай Арсын Далай просить Уолуйар Улү — Господина: „пусть поймаетъ и пошлетъ моего человѣка по имени Ытык Кыйбардын'а; на него жалуются“ ²⁾). Когда отвѣтчикъ приведенъ въ судъ, то начинается судебное разбирательство. Обвинитель обязанъ доказать свое обвиненіе, обвиняемый приводитъ въ свою защиту извѣстныя доказательства. Замѣчательно, что у якутовъ существовало нѣчто вродѣ адвокатуры, адвокатовъ. По крайней мѣрѣ теперь встрѣчаются якуты, которымъ даютъ названіе куолусут, что въ переводѣ значитъ знатокъ права. Такія лица берутъ на себя обязательство вести чьи либо дѣла во всѣхъ инстанціяхъ. Въ послѣднее время встрѣчаются даже письменныя обязательства такого рода. За свой трудъ такія лица получаютъ извѣстное вознагражденіе. Въ родовыхъ судахъ такихъ адвокатовъ не бываетъ, они являются въ общихъ русскихъ судахъ. На этой почвѣ развивается ябедничество.

Судъ требуетъ доказательствъ и стороны обязаны ихъ представить. Якутская судебная практика знаетъ слѣдующія судебныя доказательства.

Судебный поединокъ. Въ сказкѣ Ар Соготохъ описывается, какъ Тимір Ытылла укралъ сестру Ээнтэй Батур'а. По обыкновенію, для рѣшенія спора Тимір Ытылла и Ээнтэй Батур вступаютъ въ битву, „но ни одинъ изъ нихъ не могъ одолѣть другого; тогда для рѣшенія спора они полетѣли на небо; тамъ, разсудивши, указано имъ драться на той каменной полянѣ, гдѣ обыкновенно состязаются на смерть“ ³⁾). Тимір Ытылла былъ убитъ.

Ордалии или судебныя испытанія. Нужно

¹⁾ Приклонскій, Ж. С. 1891 г., III, 170.

²⁾ Верх. Сб., 218.

³⁾ Приклонскій, Ж. С. 1891 г., III, 171.

вообще замѣтить, что ни одно судебное разбирательство не обходилось безъ испытаній. Даже судъ посредниковъ былъ не чуждъ испытаній. Якутская судебная практика знаетъ три рода испытанія: 1) испытаніе огнемъ, 2) испытаніе каленымъ желѣзомъ и 3) испытаніе ѣздой на дикой лошади. 1) Испытаніе желѣзомъ. Когда Хѣн Царгыстай и Оксбѣу обратились къ кузнецамъ за разрѣшеніемъ ихъ спора, то они, „захвативши ихъ клещами, стали раздувать на двѣ стороны мѣхами. Дули ихъ три дня и три ночи, но ни отъ котораго не отлетѣла ни одна искра, (хоть бы) какъ отъ огнива“¹⁾. Изъ этихъ словъ трудно вывести, въ чемъ именно состояло испытаніе желѣзомъ. 2) Испытаніе огнемъ. Когда тѣ же богатыри обратились къ грому, то онъ „прогремѣлъ и три дня и три ночи жегъ ихъ большою молніей, поражалъ камнемъ величиной въ бычью голову“²⁾. Здѣсь очевидно рѣчь идетъ объ испытаніи огнемъ, но въ чемъ оно состояло, сказать тоже трудно. 3) Испытаніе ѣздой на дикой лошади. Когда посредники со своими испытаніями не могли рѣшить ихъ спора, они согласились подвергнуть себя испытанію верховой ѣздой на дикой лошади. Очевидно, они обратились здѣсь къ этому испытанію потому, что оно, видимо, употреблялось при судебныхъ разбирательствахъ. Испытаніе состояло въ томъ, чтобы усидѣть на лошади въ то время, когда „неутомимый, всегда сытый жеребецъ, съ крутогорбатымъ хребтомъ, съ неухватимой спиной, съ крѣпкими губами, съ непотыкающимися суставами (ногами) будетъ биться“. Божій человекъ сѣлъ на лошадь и она билась подъ нимъ три раза, но онъ ни разу не подвинулся со своего сидѣнія. Дьяволъ, вздрагивая, вскочилъ на лошадь. На третьемъ прыжкѣ лошадь перекинула его черезъ голову, пнула его посрединѣ, на двое перешибла поперекъ да и въ длину тоже на двое“³⁾.

¹⁾ Верх. Сбор., 228.

²⁾ Тамъ же, 102.

³⁾ Верх. Сб., 229—230.

Присяга. Въ сказкахъ мы находимъ слѣды употребленія клятвы, какъ подтвержденія даннаго слова. Нарушеніе клятвы считалось за преступленіе. Но присяги, какъ судебного доказательства, мы въ сказкахъ не встрѣчаемъ. Въ литературѣ мы находимъ указаніе на присягу только у Самоквасова и Щукина. Въ Сборникѣ Самоквасова сказано: „некрещенные приводятся къ присягѣ поклоненіемъ огню и заклянваніемъ себя, въ случаѣ несправедливаго показанія, лишиться милостей Божіихъ и проч.; свидѣтели крещенные спрашиваются подъ присягой, передъ образомъ Божіимъ, и по цѣлованіи онаго, съ изъясненіемъ въ короткихъ словахъ, что они, въ чемъ будутъ спрашивать ихъ, покажутъ сущую правду, а въ противномъ случаѣ подвергають себя гнѣву Божію и лишаютъ себя всѣхъ Его милостей, и прочее“. Щукинъ пишетъ: „Если якута въ чемъ нибудь уличаютъ, а свидѣтелей нѣтъ, въ такомъ случаѣ виноватаго призываютъ въ юрту къ князю, гдѣ на огнѣ стоитъ уже топленое масло, а подлѣ него медвѣжья голова. Обвиняемаго ставятъ противъ огня на колѣна и велятъ ему говорить: „если я свидѣтельству ложно, то пусть масло это пройдетъ во мнѣ насквозь, и не буду имѣть счастья въ скотѣ, а медвѣдь чтобы меня такъ изгрызъ, какъ я грызу его голову“. Самъ Щукинъ въ концѣ замѣчаетъ, что эта присяга „вывелась изъ употребленія; вѣроятно, испытали ничтожность такой клятвы“ ¹⁾. Съ принятіемъ христіанства якутская присяга уступаетъ свое мѣсто присягѣ, принимаемой въ христіанской формѣ. Христіанская присяга, однако, не заняла еще соотвѣтствующаго положенія и значеніе ея мало понятно якутамъ. Вотъ чѣмъ, вѣроятно, можно объяснить часто встрѣчающуюся среди якутовъ ложную присягу ²⁾.

Свидѣтели. Свидѣтельское показаніе имѣетъ громад-

¹⁾ Поѣздки въ Якутскъ. 2-е изд., 1844 г., 282.

²⁾ Сѣрошевскій, Якуты, 459—460.

ное значеніе въ судебномъ разбирательствѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтельское показаніе—все. Существуютъ два названія свидѣтеля—туосу, кѣрәсит. Какое между ними различіе, теперь рѣшить довольно трудно. Обратимся къ значенію, смыслу этихъ словъ. Слово туосу означаетъ, такъ сказать, свидѣтеля пассивнаго; его спрашиваютъ — онъ отвѣчаетъ, не спрашиваютъ — не отвѣчаетъ. Его обыкновенно призываютъ стороны. Не то съ кѣрәсит. Онъ, если можно такъ выразиться, активный свидѣтель, онъ не ждетъ вопроса сторонъ, а излагаетъ предъ судомъ суть дѣла по своей инициативѣ. Къ такому именно заключенію приводитъ меня анализъ значенія этихъ словъ. Если мое предположеніе вѣрно, то кѣрәсит въ старину имѣлъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ теперь. Кѣрәсит у якутовъ, быть можетъ, было то же самое, что публичный обвинитель у римлянъ или „комздогъ“ у осетинъ. М. Ковалевскій переводитъ слово „комздогъ“ словомъ доносчикъ и характеризуетъ его такъ: за известное вознагражденіе свидѣтель беретъ на себя доказать на судѣ совершеніе обвиняемымъ правонарушенія ¹⁾. Вѣроятно же всего, что кѣрәсит имѣлъ подобное же значеніе. Впослѣдствіи этотъ смыслъ видоизмѣнился и теперь кѣрәсит имѣетъ значеніе свидѣтеля, видѣвшаго правонарушеніе и сказавшаго объ этомъ хозяину вещи или властямъ. Дѣло этимъ кончается, онъ не поддерживаетъ обвиненія, онъ далѣе въ процессѣ играетъ роль свидѣтеля. Свидѣтельскія показанія провѣряются очной ставкой, перекрестными разспросами.

Письменные доказательства начинаютъ входить въ силу только въ послѣднее время, поэтому ихъ значеніе пока не велико.

Къ числу доказательствъ нужно отнести и то, что добыто предварительнымъ слѣдствіемъ. Здѣсь я скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ производится слѣдствіе. Когда обна-

¹⁾ Современный обычай и древній законъ. Право осетинъ, II, 347.

ружено преступленіе, потерпѣвшій самъ осматриваетъ слѣды преступленія. Если это убійство, то всегда при этомъ приглашаются сосѣди и родовыя власти. Потерпѣвшій или ближайшій его родственникъ снимаетъ на берестѣ слѣды человѣческихъ и лошадиныхъ ногъ со всѣми деталями. На берестѣ снимается форма подошвы, отпечатки заплатокъ, дыры и т. п. Все это должно быть изображено на берестѣ. Онъ осматриваетъ все внимательно, былъ ли одинъ или нѣсколько человѣкъ; онъ по слѣду узнаетъ, навьючена была лошадь или нѣтъ; маховикъ, рысакъ или просто обыкновенная лошадь; по слѣду онъ узнаетъ взялъ ли, напр., воръ какуюнибудь тяжесть или нѣтъ. Послѣ констатированія всего этого онъ отправляется по слѣдамъ, узнаетъ, куда направился преступникъ и гдѣ остановился. Все это производится главнымъ образомъ по случаю кражи, но этотъ же методъ практикуется и въ другихъ случаяхъ. Нужно только удивляться, какъ они все это детально и терпѣливо изучаютъ. Если первые розыски не привели къ желаннымъ результатамъ, къ опредѣленному выводу, то слѣдователь не бросаетъ дѣла, а начинаетъ исподволь слѣдить за подозрѣваемымъ, и рѣдкій случай, когда якутъ не добьется своего. Кажется, что подобные приемы остались у якутовъ, какъ слѣды времени напряженныхъ войнъ, когда такія качества требовались безусловно для охраны родовыхъ войскъ. Добытыя такимъ путемъ данныя фигурируютъ на судѣ въ качествѣ судебныхъ и вещественныхъ доказательствъ.

Послѣ того, какъ сторонами приведены всѣ доказательства и послѣ пренія сторонъ, постановляется судебное рѣшеніе. Изъ сказокъ мы видимъ, что судебное рѣшеніе приводится въ исполненіе властями неукоснительно. Если можно было отвѣтника привести силой, то вполне понятно, что рѣшеніе суда приводится также насильно. Въ сказкѣ Хѣн Царгыстай описывается, какъ послѣ осужденія Ытык Кыйбардын'а на сожженіе, „открыли каменную дверь изъ булыжника съ желѣзными винтами, и взвился оттуда огонь. „Ужо, стой, берсигсь! Вотъ

назначенные тебѣ!“ сказали и втокнули туда (Быты Кыйбардын'а). Голосъ его такъ и раздался крикомъ. Затѣмъ дверь захлопнули и завинтили вѣриво винтами“. Такое принудительное исполненіе приговора, конечно, относится къ тому времени, когда власть союзныхъ начальниковъ увеличилась, когда оказались средства и власть къ исполненію приговора, даже смертной казни. До этого времени, когда былъ судъ посредниковъ, исполненіе приговора зависѣло отъ согласія сторонъ. Такъ бываетъ съ приговорами суда посредниковъ у всѣхъ народовъ, такъ, можно думать, было и у якутовъ.

Бывала ли въ старину аппелляція на рѣшенія судовъ, трудно рѣшить, потому что въ сказкахъ объ этомъ ничего нѣтъ. Въ настоящее время аппелляціонная система хорошо извѣстна якутамъ. Дѣло отъ родового суда переходитъ къ наследному, отъ него къ улусному и т. д.

ВЛІЯНІЕ РУССКИХЪ НА ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ ЯКУТОВЪ. ВЛІЯНІЕ ИХЪ НА ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЯКУТОВЪ. ССЫЛКА.

Мы коснулись почти всѣхъ сторонъ юридическаго быта якутовъ, коснулись организаціи родового быта, гражданскаго и уголовного права. Обзоръ нашъ привелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Якуты находятся еще въ періодѣ родового быта, ихъ организація была и есть чисто родовая. Подъ вліяніемъ частыхъ войнъ съ тунгусами, ламутами и другими инородцами у нихъ образовались крупныя родовыя союзы, во главѣ которыхъ стояли начальники почти съ неограниченной властью, съ правомъ жизни и смерти надъ своими подчиненными. Ко времени появленія русскихъ такіе союзы были въ полномъ расцвѣтѣ. Появленіе русскихъ и ихъ побѣды вызываютъ даже мечту о единовластіи, отраженіемъ которой является преданіе

объ якутскомъ царѣ Тыгынѣ. Мечтѣ этой, однако, не было суждено осуществиться, такъ какъ чужое владычество не допускало этого. Мечта о самостоятельности не покидаетъ якутовъ и подъ чужимъ владычествомъ, они мечтаютъ о широкомъ самоуправленіи подъ начальствомъ одного выборнаго якута. Ихъ мечты частично выполнены было въ видѣ учрежденія Степной Думы изъ пяти подгородныхъ улусовъ, но она существовала недолго. Такъ и рушилась мечта якутовъ о самостоятельности. Въ настоящее время у якутовъ только жалкое подобіе самоуправленія, находящагося подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ мѣстной администраціи. Ихъ положеніе аналогично положенію крестьянъ; пожалуй, положеніе якутовъ даже болѣе зависимо, чѣмъ положеніе крестьянъ.

Гражданское и уголовное право находятся на первобытныхъ ступеняхъ развитія. Преступленіе отъ гражданского правонарушенія отличается весьма слабо. Какъ преступленіе, выдѣляется убійство и отчасти клятвопреступленіе. Завоеваніе русскихъ кладетъ свой отпечатокъ на развитіе гражданского и уголовного права. Развитіе уголовного права приостановлено, такъ какъ всѣ уголовныя преступленія съ момента покоренія русскими вѣдаются русскими судами. Гражданское же право продолжаетъ развиваться дальше подъ вліяніемъ русскихъ законовъ и возрѣній. Такъ вновь являются понятія о залогѣ, опека и попечительствѣ и т. д. Сильному вліянію русскихъ подпадаетъ брачное право. Бракъ изъ полигамическаго становится моногамическимъ, калымъ начинаетъ принимать другой характеръ, чѣмъ прежде, т. е. калымъ теперь не есть въ сущности цѣна невѣсты, а равноцѣнность приданнаго.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, вліяніе русскихъ на юридическій бытъ было не только положительное, но и отрицательное; такъ напр., естественное развитіе уголовного права приостановлено. Я останавлиюсь здѣсь только на двухъ явленіяхъ отрицательнаго характера, бывшихъ результатами русскаго вліянія. Объ одномъ изъ нихъ я уже говорилъ выше, именно о вліяніи русскихъ на развитіе сутяжничества. Якуты, и такъ

склонные ко всякаго рода сутяжничеству, получили поддержку въ самихъ русскихъ, въ ихъ административной и судебной системѣ. Безчисленность инстанцій, возможность подкуповъ и взятокъ чрезвычайно развили эту черту характера якутовъ. Новымъ судебнымъ установленіямъ придется считаться съ этимъ порокомъ.

Другое вредное вліяніе русскихъ на якутовъ—это ссылка. Съ первыхъ же дней завоеванія (1671 г.) Якутская область сдѣлалась мѣстомъ ссылки. Кого только туда не сослали! Были туда ссылаемы разные политическіе преступники, вродѣ племянника Мазепы и др. Долгое время находился въ Вилюйскомъ острогѣ Н. Чернышевскій, былъ въ Якутскѣ Подбѣльскій, оскорбившій дѣйствіемъ одного изъ Министровъ Народнаго Просвѣщенія. Но не объ нихъ въ сущности рѣчь, они для якутовъ прошли почти незамѣтно. Если и бываетъ у якутовъ столкновеніе съ ними, то только по вопросу объ участкахъ земли, которые они обязаны получить отъ якутовъ. Даже отдача этого малаго участка земли (до 15 д.) ложится бременемъ на якутовъ и вызываетъ раздраженіе. Эти обострившіяся отношенія между политическими ссыльными и якутами изъ-за участка земли прекрасно описаны г. В. Сѣрошевскимъ въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1896 г. въ рассказѣ „Въ сѣтяхъ“. Кромѣ участка земли, политическіе ссыльные ничѣмъ якутовъ не обременяютъ, скорѣе имъ помогаютъ, въ чемъ могутъ, обучаютъ дѣтей грамотѣ и т. д. И все таки для простой массы якутовъ они кажутся обременительными. Если они кажутся обременительными, то что сказать объ уголовно-ссыльныхъ! Уголовно-ссыльные—это настоящій бичъ населенія. Ежегодно въ Якутскую область прибываетъ масса ссыльныхъ. По подсчету Статистическаго Комитета въ 1895 г. ссыльныхъ было въ области 5542 ч. ¹⁾ Эта цифра, видимо, ниже дѣйствительности; такъ, въ той же Памятной Кн. есть извѣстіе, что толь-

¹⁾ Памят. кн. Як. об. за 1896 г.

ко въ продолженіе 1882 г. и 1883 г. прибыло ссыльныхъ въ Як. обл. 2317 ¹⁾). Если только въ два года прислано 2317, то съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что количество уголовно-ссыльныхъ значительно больше 5542. Каждому изъ нихъ якуты обязаны отвести 15 десятинаъ удобной земли, дать на первое обзаведеніе денегъ, скота и орудій, или же кормить ихъ, одѣвать и поить. Это ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе. Люди, незнакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Якутской области, вѣроятно, усумнятся въ правѣ ссыльно-поселенцевъ требовать себѣ пропитаніе отъ якутовъ и обязанности послѣднихъ кормить первыхъ. Скажутъ, что нѣтъ статьи въ законѣ, которая обязывала бы якутовъ содержать на свой счетъ уголовно-ссыльныхъ. Вѣрно, что подобной статьи нѣтъ въ законѣ, но на практикѣ обстоитъ иначе. Даже мѣстная высшая администрація признала эти взаимныя права и обязанности. Въ 1887 г. Якутскій губернаторъ, генералъ - маіоръ Свѣтлицкій, симпатичнѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ въ Якутскѣ губернаторовъ и самый популярный среди якутовъ, предложилъ официально въ видахъ *облегченія населенія* замѣнить обязанности якутовъ по отношенію къ уголовно-ссыльнымъ взносомъ въ казну по 60 р. для каждаго изъ нихъ ²⁾), чтобы на собранныя такимъ образомъ деньги можно было въ Якутскѣ содержать уголовно-ссыльныхъ. Замѣьте, что это предложеніе было сдѣлано въ видахъ *облегченія населенія*. Якуты, мотивируя тѣмъ, что одновременный взносъ 60 р. на каждаго ссыльнаго для нихъ обременителенъ, отказались отъ предложенія губернатора. Вычисляемъ, во сколько обходится населенію содержаніе уголовно-ссыльныхъ. Допустимъ, что уголовно-ссыльныхъ 5500 ч. и каждый изъ нихъ получаетъ въ годъ 60 р. При такомъ расчетѣ расходъ

¹⁾ Пам. кн. Як. об. за 1896 г., статья «Замѣтки о вліяніи ссыльныхъ на населеніе Як. об.», 57.

²⁾ Памят. кн. Як. об. за 1896 г., «Замѣтки о вліяніи ссыльныхъ на населеніе Як. об.», 57.

якутовъ на уголовно ссыльныхъ достигаетъ 330,000 р. въ годъ ($5500 \times 60 = 330000$). Допуская, что не всѣ ссыльные требуютъ подобной траты на каждаго, будемъ считать расходы на нихъ въ 300000, что составитъ налогу на каждаго якута въ годъ $1\frac{7}{23}$ руб. ($\frac{300000}{230000} = 1\frac{7}{23}$). По нашимъ основнымъ законамъ, налогъ долженъ быть установленъ только законодательнымъ порядкомъ, а оказывается, что въ Якутской области есть налогъ, не предусмотрѣнный и не санкціонированный законодательнымъ порядкомъ. Таковы послѣдствія ссылки съ законной и матеріальной точекъ зрѣнія. Правительство едва ли могло и предвидѣть ихъ, когда устанавливало ссылку въ Якутскую область и поэтому нравственно обязано прекратить эти послѣдствія, когда они обнаружилась. Прекратить ихъ можно только уничтоженіемъ ссылки. Прекращенія ссылки съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждетъ вся Якутская область. Отмена ссылки была бы только актомъ справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, почему населеніе Якутской области обязано нести лишнюю тяготу сравнительно съ другими частями имперіи, вѣдь и безъ того населеніе платитъ закономъ установленныя подати и повинности.

Нравственный вредъ отъ ссылки еще болѣе значителенъ, чѣмъ матеріальный. Этотъ вредъ нельзя исчислить наглядно цифрами, онъ можетъ быть видимъ и чувствуемъ только свидѣтелями этого вреда. Такимъ свидѣтелемъ и свидѣтелемъ безпристрастнымъ является г. Сѣрошевскій. Онъ въ своемъ „Хайлакѣ“ правдиво изобразилъ отношеніе уголовно-ссыльныхъ къ населенію. Изнасилованіе хозяйки, у которой хайлакъ (ссылк. поселен.) жилъ, потомъ ея убійство, это—факты, встрѣчающіеся на каждомъ шагѣ. Я могъ бы привести цѣлую вереницу подобныхъ фактовъ, одинъ омерзительнѣе другого. Кто не читалъ „Хайлака“, тотъ пусть его прочтетъ, если желаетъ имѣть представленіе объ отношеніяхъ уголовно-ссыльныхъ къ якутамъ. Въ скобкахъ замѣчу, что „Хайлакъ“ переведенъ на нѣмецкій языкъ, что онъ извѣстенъ и

на польскомъ языкѣ. Преступность якутовъ подѣ влияніемъ ссыльныхъ увеличивается. Мнѣ извѣстны также факты, что якуты воровали въ компаніи съ уголовно-ссыльными или же воровали сами, надѣясь свалить вину на нихъ. Сами же ссыльные безъ воровства и жить не могутъ. Особенной вороватостью отличаются ссыльные татары и башкиры. Число убійствъ, совершаемыхъ якутами, подѣ влияніемъ ссыльныхъ значительно увеличилось.

Сколько якутовъ пало отъ рукъ ссыльныхъ, неизвѣстно, потому что нѣтъ на этотъ счетъ статистики. Я только расскажу два-три случая, бывшихъ не вдалекѣ отъ меня. Разъ, ссыльно поселенецъ, разсердившись на кого то изъ членовъ семьи, гдѣ жилъ, бросилъ въ горящій каминъ ребенка. Другой ссыльный, повздоривъ съ якутами во время невольбы, убилъ трехъ якутовъ. Одинъ ссыльный лѣтомъ, воспользовавшись отсутствіемъ мужчинъ въ домѣ, хотѣлъ изнасиловать хозяйку дома, но, не достигши своихъ цѣлей, такъ какъ якутка отчаянно защищалась, началъ ей рѣзать горло тупымъ ножомъ. Израненная, больная, она пролежала цѣлый годъ, а потомъ какимъ то образомъ выздоровѣла. Этого ссыльнаго якуты прозвали Хабыргасыт, что въ переводѣ значитъ Горлохватъ. Я знаю массу такихъ фактовъ, но думаю, что для иллюстраціи достаточно и приведенныхъ.

Обязанность содержать ссыльныхъ, развратъ и насиліе, которыя они вводятъ среди населенія, и ихъ воровство ложатся страшнымъ бременемъ на якутовъ. Якуты старались сперва мирнымъ путемъ отдѣлываться отъ нихъ. Одно за другимъ полетѣли ходатайства, просили, умоляли начальство, чтобы уголовно-ссыльныхъ убрали, просили „объ избавленіи отъ назначенія на будущее время.... въ наследи поселенцевъ по неимѣнію у нихъ удобныхъ мѣстъ для жительства,.... избавить ихъ отъ затрудненія и предоставить имъ чрезъ то тишину и спокойствіе“¹⁾. Ходатайства ихъ не были, однако,

¹⁾ Пам. кн. Як. об. за 1896, «Замѣтки о вліяніи угол. ссыльныхъ на якутское населеніе», 56.

удовлетворены. Тогда началась глухая борьба между якутами и их врагами—ссылно-поселенцами. Сами ссыльные научили якутов жестокостямъ и их уроки имъ не прошли даромъ: ссыльные стали неизвестно куда исчезать... На некоторыхъ ссыльныхъ это навело паническій ужасъ; одни присмирѣли, другіе стали стремиться на золотые прииски, третьи еще болѣе ожесточились и начали страшную безпощадную войну съ якутами. Башкиры и татары, поселенные въ Сунтарскомъ улусѣ и почти разорившіе его, тоже заплатились за свое хищничество: часть ихъ была по одиночѣ перестрѣлана, а часть или убѣжала, или присмирѣла. Въ одномъ изъ ходатайствъ послѣдняго времени о прекращеніи ссылки (1886 г.) якуты мотивировали свою просьбу между прочимъ слѣдующимъ образомъ: „отношенія между поселенцами и инородцами обострились до такой степени, что ихъ можно считать двумя враждующими сторонами, между которыми идетъ пока глухая борьба, готовая рано или поздно разрѣшиться рядомъ кровавыхъ расправъ и признаки чего уже выразились въ столкновеніяхъ ссыльныхъ съ якутами, окончившихся смертельными случаями въ настоящемъ году“¹⁾.

Такимъ образомъ, ссылка приводитъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, какъ незаконное обложеніе населенія и кровавыя столкновенія между якутами и ссыльными. Нужно охранить интересы и тѣхъ и другихъ. Въ такого рода столкновеніяхъ и отношеніяхъ не виноваты ни якуты, ни ссыльные; обстоятельства поставили ихъ въ такія условія, что совѣстная жизнь безъ кровавой борьбы немыслима. Самое справедливое рѣшеніе этого вопроса—отмѣна ссылки въ Якутскую область.

¹⁾ Тамъ же, 57.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Введение	3—17
II. Географическій очеркъ Якутской области .	18—20
III. Происхождение якутовъ	21—29
IV. Вѣрованія	29—37
V. Родъ бѣс, родъ матери	37—47
VI. Родовая организація	47—57
VII. Раздробленіе родовъ и ихъ комбинаціи .	58—72
VIII. Международныя отношенія	72—79
IX. Самоуправленіе	79—89
X. Общественныя отношенія	89—92
XI. Имущественныя отношенія	92—96
XII. Обязательственное право	96—106
XIII. Землепользованіе	107—113
XIV. Семейное право. Семья и отношенія ея членовъ между собой	113—118
XV. Бракъ	119—128
XVI. Исторія якутскаго брака	129—132
XVII. Система родства	132—144
XVIII. Опека и попечительство	144—146
XIX. Наслѣдственное право	146—149
XX. Уголовное право. Преступленіе и нака- заніе	149—159
XXI. Судоустройство	159—163
XXII. Судопроизводство	164—170
XXIII. Вліяніе русскихъ на юридическій бытъ якутовъ. Вліяніе ихъ на гражданское и уголовное право. Ссылка	170—176